

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

На правах рукописи

Попов Дмитрий Владимирович

**УПРАВЛЕНИЕ ЖИЗНЬЮ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ, ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ БИОПОЛИТИКИ**

Специальность 5.7.8 – Философская антропология, философия культуры

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора философских наук

Омск 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Жизнь как объект управления	25
§ 1. Жизнь как предпосылка биополитики.....	25
§ 2. От эксплуатации природных возможностей к заботе о жизни.....	42
§ 3. Евгеника как проект улучшения жизни.....	57
§ 4. От улучшения к конструированию жизни.....	81
Выводы по первой главе	100
Глава 2. Биополитическое распоряжение жизнью	102
§ 1. Биополитика в исторической перспективе	102
§ 2. Сущность биовласти: параметры, инструменты, пределы.....	124
§ 3. Амбивалентность биополитики.....	148
Выводы по второй главе	167
Глава 3. Биовласть и население: противоречивое единство	170
§ 1. Антропологические основания биополитики.....	170
§ 2. Человек в биополитической логике включения/ исключения.....	195
§ 3. Торг и шантаж как практики отношения биовласти и населения.....	220
§ 4. Гражданская война в контексте отношения биовласти и населения.....	248
Выводы по третьей главе	271
Глава 4. Трансформантропная биополитика как будущее биовласти	274
§ 1. Знание-власть: идеалы, цели и средства.....	274
§ 2. Технобиовласть как агент трансформантропной биополитики.....	290
§ 3. Биовласть на пути к технобиовласти.....	310
§ 4. Технобиовласть и будущее человека.....	328
Выводы по четвертой главе	351
Заключение	356
Список литературы	361

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Человек в современном мире располагает достижениями науки, которые позволяют ему конструировать экономику и социально-политические отношения, оказывать влияние на мир культуры. Научный, технический и технологический арсенал допускает возможность преобразовывать окружающую среду. Современные проекты биотехнологического улучшения человека (англ. human bioenhancement) ведут в мир конструирования человека и ключевых параметров его жизни. Человек захватывает все новые плацдармы в управлении жизнью. Это – одна из важнейших сторон долгосрочного и широкомасштабного процесса, который М. Фуко обозначил термином биополитика. Биополитика предстает не столько как модель «управленчества» (фр. *gouvernementalite*), сколько как процесс встраивания человека в перманентно пересобираемый социальный проект в рамках стремительно меняющегося вторжения человека в природную среду.

Рациональное использование возможностей и ресурсов, осознанный выбор – инструментарий управления жизнью человека, широко распространенный в современном мире. Однако, все чаще люди изъявляют желание взять жизненный процесс под полный контроль. Теоретики иммортализма (например, Р. Курцвейл) наяву реализуют план увеличения продолжительности жизни, полагая достигнуть времени технологического триумфа над смертью. Биохакеры экспериментируют над собой, воздействуя на жизненные процессы в организме. Все мы, будучи в здравом уме, здоровом теле и благополучном окружении, стремимся продлить свою жизнь, инвестируя в этот важнейший ресурс. Спорадическое обращение к управлению жизнью стало системным, породив биовласть, целенаправленно обращенную к населению во всей полноте его жизненных проявлений.

Жизнь в биополитике – в первую очередь биологическая жизнь человека. Биологическая жизнь мыслится как резервуар энергии для социального конструирования в нужном направлении. В поле внимания биовласти попадает жизнь индивидуума и населения. Первая – медикализуется, нормализуется, дисциплинируется. Вторая – регулируется. Биовласть рассматривает биологическую жизнь как ценность и ресурс. Биовласть вмешивается в

регулирование семейных, сексуальных, трудовых отношений; инвестирует в здоровье, поощряет нормальное – выгодное биовласти – поведение; может прямо влиять на рождение, смерть, продолжительность и иные ключевые параметры биологической жизни. В определенном смысле биовласть выстраивает модель человека, искусственно «расщепляя» человека на духовные, рациональные компоненты, с одной стороны, и биологическую жизнь, с другой. Биовласть абстрагируется от целостности человека и рассматривает «голую жизнь» (Дж. Агамбен) как объект изучения, воздействия, управления. Агамбеновский *homo sacer* – версия человека, низведенного к голой жизни. Это приводит к реализации тотального контроля над жизнью в случае некровласти, но также подводит к осознанию необходимости реализации человекоутверждающей биополитики, обоюдовыгодной биовласти и населению.

Биополитическое управление жизнью изучено в достаточной мере в работах М. Фуко, Дж. Агамбена, Р. Эспозито, А. Негри, М. Хардта, А. Мбембе, однако в мире, где биовласть укоренена, актуальным является понять ее амбивалентную природу, пределы вмешательства в жизнь человека, возможные сценарии биополитики, потенциал конструктивного и деструктивного воздействия на жизнь человека, а также антропологические основания, породившие биовласть как форму управления жизнью человека. В связи с этим исследование обращается к проблеме сущности и форм проявления биополитики.

Степень научной разработанности проблемы

В проведенном диссертационном исследовании осуществлено комплексное изучение форм управления жизнью человека, среди которых особое внимание уделено биовласти как наиболее современному, склонному к тотализации и максимальной степени инвазивности способу обращения с жизнью. Если вопросами управления индивидуальной и общественной жизни задавались со времен Древнего Китая, Древней Индии и Древней Греции, то понятие «биополитика» впервые было введено в научный оборот в 20-е г. XX в. В ряде научных статей указанного периода в Германии обнаруживается нарастающий интерес к органическому истолкованию государства, что потребовало новую терминологию. Первое употребление данного термина совпадает по времени с

появлением термина геополитика. И то, и другое понятие можно встретить у пионера геополитики Р. Челлена. В дальнейшем вплоть до середины 70-х годов XX в. последовательно сменили друг друга три подхода к концептуализации биополитики: органический, антропологический и натуралистический, на что обращает внимание Р. Эспозито. Все три подхода так и не сформировали предметной области биополитики, представляя собой эклектичное нагромождение проблем, в рамках которых сопрягаются политическое, социальное и биологическое. Лишь с появлением серии исследований М. Фуко возникли предпосылки для того, чтобы предметная область биополитики приобрела четкие границы, а биополитический дискурс сформировался как оригинальный и обладающий значительным эвристическим потенциалом подход, который обращает внимание на теневые аспекты социальной жизни, составляющие слепое пятно для традиционного юридико-институционального, политико-философского и философско-антропологического рассмотрения жизни человека. Это позволило сформулировать представления о целях, принципах, моделях новой модели «управленчества», в рамках которой регуляция жизни населения на основе достижений науки (в частности медицины и «полицейской науки» – нем. *Polizeywissenschaft*), статистики и организованной бюрократии заложила основы биовласти. Анализ специфики биополитики и положения человека в целом ряде биополитических пространств – клинике, тюрьме, психиатрической лечебнице – позволили М. Фуко выделить специфические черты биовласти.

Исследования М. Оякангаса, П. Кластра, Дж. Скотта, Р. Эспозито, А.В. Яркоева преодолевают рамки предложенной модели М. Фуко, связывавшего рождение биополитики с эпохой Модерн, и намечают возможности для построения более широкого представления о биополитике как феномене, сопутствующем истории человечества с древних времен, попытка чего осуществлена в настоящей работе. С этой целью проанализирована антропологическая литература (Дж. Даймонд, М. Дуглас, Дж. Скотт, К. Леви-Стросс, Б. Малиновский, М. Мосс, М. Салинз, А.Р. Рэдклифф-Браун, Э. Эванс-Притчард), позволившая обнаружить древние биополитические практики.

Одной из важных задач исследования являлось построение теоретической модели форм отношения к жизни с целью определения места биополитики в их ряду. По вопросу определения границ жизни человека, в пределах которых уместно рассматривать биополитическое воздействие, были использованы труды Аристотеля, А. Бергсона, Ф. Гваттари, Г. Гегеля, Э. Гуссерля, Ж. Делеза, Г. Зиммеля, И. Канта, Ф. Ницше, Платона, Х. Плеснера, М. Шелера, А. Шопенгауэра. Эти исследования позволили выявить константы и вариативные элементы, позволившие различить формы эксплуатации природно-заданных свойств телесности, заботы о жизни и конструирования свойств телесности и основных параметров жизни человека.

Антропологические исследования древних и примитивных культур позволили выявить особенности стадии эксплуатации человеческой телесности. Для анализа стадии заботы о теле и жизни был использован широкий круг философских, культурологических и исторических источников, среди которых можно выделить работы Ф. Арьеса, П. Бурдьё, Ф. Броделя, М. ван Кревельда, Н. Кристи, Р. Семлера, М. де Серто, Л. Уорсли, Л. Февра, Г. Хаггарда. Для исследования особенностей евгеники, существенно повлиявшей на биополитические практики XX в., были использованы труды Х. Арндт, Ф. Гальтона, Дж. Голдберга, Г. Гюнтера, А.Л. Каплана, Ф. Кассаты, Д.М. Ковба, М. Оякангаса, М. Саркисянца, Л. Стоддарда, М. Штолльайса, Р. Эспозито. Перспективы конструирования человеческой телесности и изменения основных параметров жизни исследованы в трудах Ф. Ницше, В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова. Большое внимание этому аспекту уделяют теоретики технологической сингулярности, в частности В. Виндж, О. ди Грей, Р. Курцвейл. Особое значение имеет мировая и отечественная традиция биоэтики и, в частности, труды Р.Р. Билялетдинова, А. Бьюкенена, Г. Йонаса, Ф.Г. Майленовой, О.В. Поповой, П.Д. Тищенко, Дж. Харриса, Б.Г. Юдина, Н. Nowotny, G. Testa.

Исследование биополитического инструментария опирается на корпус сочинений, посвященных различным аспектам применения биополитических технологий воздействия на жизнь индивида и населения. Так, дисциплинаризация требует не только обращения к работам М. Фуко, но и к *Polizeywissenschaft*

(И.Ш. Пюттер, И.Г. Юсти, Т. Тюрке де Майерн) и переосмыслению этой традиции в трудах И.Г. Фихте и Г.В.Ф. Гегеля, а также к современным исследованиям по полицейстике (О.В. Кильдюшов, А.Ф. Филиппов, М. Штолльайс). Экспликация инструментария практической идеализации потребовало обращения к трудам Д.А. Давыдова, С.Ф. Денисова, И. Иллича, М.В. Колесника, Л. Мамфорда, В.В. Николина, К. Поланьи, Б.Ф. Скиннера. Инструментарий иммунизации выявлен на основании изучения работ Ж. Деррида, Дж. Комарофф, Ф. Ницше, С. Сонтаг, Р. Эспозито.

Особый вклад в развитие биополитики и биовласти внесли Дж. Агамбен, Р. Брайдотти, А. Мбембе. Дж. Агамбен не только сформулировал диспозитив *vita nuda* (голой жизни), сформировал представление о лагере как номосе современного мира, выявил биополитическое основание современной экономики (восходящей к ойкономии античного домашнего хозяйства), разъяснил практики использования тел, но и обратил внимание на политико-теологические импликации, проявляющие себя в формах взаимодействия биовласти и населения, в частности, в «стасисе» (в значении напряженного взаимодействия, латентной гражданской войны). Корпус сочинений Дж. Агамбена способствовал построению теоретической модели форм взаимодействия биовласти и населения, а также теоретической модели биополитического пространства и его специфических особенностей.

А. Мбембе ввел в оборот понятие некровласти и некрополитики. Р. Брайдотти, развивая идеи Мбембе в приложении не к постколониальному, а к технократическому обществу, позволяет эксплицировать тенденции, ведущие к трансформации биополитики в некрополитику. Тематику некрополитики развивает R. Guy Emerson, а также P.T. Clough, V. Massumi, E. Thacker, E. Weizman. Данные исследования позволяют создать разветвленную модель биополитических стратегий управления жизнью. Образ глобальной биополитики представлен в исследованиях С. Жижека, А. Негри, М. Хардта.

Биополитическое пространство и способа его организации в различных аспектах исследован Дж. Агамбеном, А. Мбембе, М. Фуко. Необходимым элементом для реконструкции некровласти и способа ее осуществления являются труды Х. Акиямы, Ж. Амери, Х. Арендт, Б. Биттельгейма, П. Леви, С. Моримур, С. Моримур,

В.А. Подороги, Т. Снайдера, В. Франкла, В.Т. Шаламова. Важнейший вклад в развитие биополитического дискурса внесли М. Хайдеггер и Х. Арендт, корпус сочинений которых позволяет понять предпосылки возникновения биовласти в Новое время, а также специфические черты биополитики в развитом технократическом обществе, создающем условия для трансформации человека в рамках господства по-става, превращающего человека в придаток техники, в *animal laborans*.

Антропологические основания биополитики невозможно выявить без анализа форм межличностного взаимодействия, инкультурации, социализации, нормообразования, трансформации ценностей. Процессы включения и исключения человека на уровне социальных институтов исследованы Д. Аджемоглу и Дж. Робинсоном. Глубинный уровень организации человеческих сообществ на основе включения/ исключения позволяют понять труды антропологов Р Бенедикт, М. Дуглас, а также школа антипсихиатрии и, в частности, исследования Ф. Базальи, Г. Бейтсона, И. Гофмана, Д. Купера, Р. Лэйнга, Т. Саса, Т. Шеффа, А. Эстерсона.

Изучение взаимодействия биовласти и населения опирается на исследования Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка, Н. Макиавелли, концепта «заботы о себе» М. Фуко и «работы на себя» М. де Серто, теории фреймов Г. Бейтсона и И. Гофмана, теории габитусов П. Бурдьё, актор-сетевой теории Б. Латура, теории власти и массмедиа Н. Лумана. Исследование становления технобиовласти и трансформантропной биополитики потребовало изучения работ Дж. Баррата, Н. Бострома, М. Деланды, Ш. Зубофф, Н. Карра, Р. Курцвейла, К. Малабу, М. Форда, С. Фуллера, Э. Юдковски. Развитие идей возможных сценариев трансформации человека под воздействием биовласти базируется на воззрениях Ж. Батая, Р. Брайдотти, Ж. Бодрийяра, А.А. Зиновьева, А. Кожева, Ф. Фукуямы, Д. Харавей, Ю.Н. Харари, М. Эпштейна.

Концептуальное единство при рассмотрении биополитики как способа функционирования биовласти стало возможно благодаря исследованиям Дж. Агамбена, И. Канта, А. Мбембе, Ф. Ницше, М. Фуко, Р. Эспозито, А.В. Яркоева. Благодаря обращению к разнообразным течениям в философии

(онтологии, философской антропологии, политической философии), а также к работам в области биологии (Э. Уилсон), нейронаук (М. Газзанига, А. Дамасио, Н. Дойдж) стало возможным построить теоретическую модель биовласти, способов ее функционирования и воздействия на жизнь человека и населения.

Объект исследования

Объектом исследования является человек и его жизнь в поле властного управленческого воздействия.

Предмет исследования

Предметом исследования являются антропологические, культурные и социальные проблемы биополитического конструирования человека, отражающие телеологические, ценностные, научно-технические и организационно-бюрократические формы управления жизнью человека, характерные для биовласти.

Цель исследования

Целью исследования является осмысление с точки зрения философской антропологии практик биополитического конструирования человека как в направлении усиления его жизнеспособности, так и в направлении снижения его жизненного потенциала.

Задачи исследования

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

– выявить исторически сложившиеся формы отношения человека к жизни; определить предпосылки конструирования человеком параметров собственной жизни; выявить условия для появления биополитики; исследовать историко-философское содержание понятия биополитики; обосновать представление об античной биополитике; продемонстрировать связь между политическими, социальными и культурными условиями Модерна и экспансией биополитики;

– выявить биополитический инструментарий воздействия на жизнь человека; рассмотреть стратегии биополитического регулирования жизни индивида и совокупного населения; систематически описать содержание, действительные и возможные последствия реализации биополитических

сценариев управления жизнью; сформировать представление о потенциале биополитики;

– выявить философско-антропологические основания биополитики; продемонстрировать, каким образом диалектика включения/исключения, масштабируясь, способствует формированию различных биополитических стратегий управления жизнью населения; определить пределы конструктивного воздействия биовласти на жизнь человека; выявить антропологические основания деструктивного воздействия биовласти на человека;

– исследовать действительные и возможные отношения между биовластью и населением; продемонстрировать модели взаимодействия биовласти и населения; выявить условия и последствия современного биополитического кризиса, а также возможности биополитической революции; продемонстрировать инвариантность напряжения в отношениях биовласти и населения как фундаментальное основание биополитики;

– исследовать влияние диспозитива знания-власти на биополитику; продемонстрировать экспансию биовласти на основе статистики, развития средств паноптизма; продемонстрировать конструктивный и деструктивный потенциал реализации идеи паноптизма как констелляции знаний о человеке;

– представить модели трансформации человека и основных параметров его жизни в процессе биополитического управления; проанализировать футурологические представления о трансформации человека, выявить инварианты, к которым может свести развитие человека биовласть; оценить потенциал биовласти в отношении раскрытия человечности/бесчеловечного в жизни людей.

Теоретико-методологическая основа исследования

В философском исследовании использовался комплексный подход, сочетающий элементы дискурс-анализа, археологии знаний, методологии конструктивизма (в частности, акторно-сетевой теории Б. Латура, теории развития аутопоэтических систем У. Матурана и Ф. Варела), а также диалектику в ее традиционном виде и в качестве «диалектики на месте» в интерпретации Дж. Агамбена. Существенные аспекты работы восходят к проблематике

классической метафизики: диалектике субъекта и объекта; пределов познания; влияния праксиса на познание, ценности, идеалы и нормы. Сквозной нитью через исследование проходит диалектика противоречия, в рамках которой осмысливается амбивалентность жизни и смерти, нормального и ненормального, установленного и чрезвычайного.

Поскольку диссертационное исследование носит комплексный характер, охватывая ряд разноуровневых проблем, связанных с управлением жизнью индивида со стороны биовласти, постольку возникла необходимость в комбинированном применении взаимодополняющих методов исследования. Изучение процесса возникновения биополитики потребовало обращения к сравнительно-исторической методологии, что позволило сформировать историко-хронологическую модель развития биополитики. Формирование теоретической модели форм отношения человека к собственной жизни потребовало обращения к различным дискурсам (антропологические исследования примитивных обществ, исследования в области военной теории, развития медицинских технологий и культуры повседневности).

Диссертационное исследование потребовало обращения к современным исследованиям в области футурологии, философской антропологии и политической философии. Обращение к археологии знаний М. Фуко связано со стремлением использовать потенциал фуколдианского подхода к реконструкции интеллектуального содержания различных срезов представлений (дискурсов) в отношении одного и того же объекта исследования. Следуя М. Фуко, археологическое описание представляет собой систематический отказ от истории идей ради экспликации скрытого пласта закономерностей, позволяющих выявить структуры, определяющие отношения между исследуемыми объектами. Археологический анализ способствует извлечению из разрозненных кластеров-архивов представлений человека знание, позволяющее продуктивнее рассмотреть заявленную проблему. Археология знаний определяет дискурсы в их специфичности, что позволяет обнаруживать неочевидные модальности уже известных теоретических положений. Археолог знаний стремится к опознанию подлинного состояния обнаруженной вещи и сохранению этой данности в фокусе

внимания, даже если это состояние могло бы быть реставрировано до концептуальной, но воображаемой цельности. Именно археология знаний позволила расширить представление о времени возникновения биополитических практик, отнеся его к античности. Кроме того, дискурс-анализ в сочетании с археологией знаний позволил обнаружить вариабельность инклюзивного/ эксклюзивного отношения к человеку при рассмотрении оснований различных биополитических стратегий. Обнаруженное в исследованиях антипсихиатров представление о балансе отнесенности/ отделенности личности для того, чтобы она была целостной, живой, реальной и непрерывной, оказалось коррелятивно обнаруженной в социологии Н. Лумана и экономической аналитике Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона логике инклюзии/ эксклюзии в динамике функционирования социальных институтов. Как результат, возникла философско-антропологическая модель, связывающая между собою межличностные отношения, процессы социализации и инкультурации, с одной стороны, и формы биополитического вмешательства в жизнь индивидов и социальных общностей.

С целью анализа инструментов биовласти в постоянно изменяющейся социальной среде были применены понятийный аппарат (актор-сеть, социальная плазма, проводник, посредник) и выявленные закономерности акторно-сетевой теории Б. Латура, дополненные диспозитивами «заботы о себе» М. Фуко и «работы на себя» М. де Серто. При рассмотрении проблематики взаимодействия биовласти и населения были использованы средства «диалектики на месте» Дж. Агамбена, позволяющие интерпретировать отношения биовласти и населения как непрекращающуюся перманентную борьбу, напряжение, позиционную гражданскую войны (гр. *stasis*) без возможности перехода на уровень снятия этого противостояния в каком-либо ином состоянии, что предполагает традиционная диалектика. При рассмотрении биополитических пространств плантации, тюрьмы, казармы, тоталитарного и рыночного общества помимо ситуативной методологии широко использовались диспозитивы «голой жизни» и лагерного способа организации социального пространства Дж. Агамбена. Основанием для построения теоретической модели технобиовласти и трансформантропной биополитики стали диспозитивы «знания–власти» и «панграфического

паноптизма», позволившие в разнородных практиках полицейского государства, тейлоризма, аналитики «больших данных», развития средств автоматизации и технологий искусственного интеллекта обнаружить общее основание и специфическую логику «машинного филума» (Ж. Делез, Ф. Гваттари), коррелятивную идеалу Паноптикона как прозрачного и совершенно управляемого общества, направляемого биовластью. Опыт построения отрицательной антропологии В.А. Подороги в сочетании с моделью некровласти А. Мбембе позволил осуществить репрезентацию некрополитики как деструктивной биополитической стратегии.

Следует также отметить, что одной из особенностей диссертационного исследования стало обращение к жанрам художественной и визионерской литературы, что позволило сформировать прогностическую модель возможных сценариев трансформации человека под воздействием биовласти в будущем.

Сочетание элементов различных методологий, объединяющим началом которых выступала проблемоцентристская установка, единая цель и задачи исследования, позволили сформировать общую философско-антропологическую модель, в которой сопряжены человек, биовласть и технологическое развитие. Применение комплексного подхода подготовило почву для обоснования положения, согласно которому биополитика вносит свой вклад в углубление знаний о человеке.

Научная новизна

Научная новизна диссертации определяется исследуемой проблематикой и поставленными задачами. В диссертационной работе биовласть осмыслена как способ управления жизнью. В рамках сложившейся после исследований М. Фуко научной традиции рассмотрения биополитики определено содержание биополитического способа управления жизнью и специфика биополитического регулирования.

В результате проведенного исследования:

1. Показано, что, несмотря на преобладающий взгляд на биополитику как явление Нового времени, биополитические регуляторы и диспозитивы можно обнаружить в эпохе Возрождения, Средневековья и античности. Биополитика Нового времени, опирающаяся на развитие науки, технологии и организованной

бюрократии, позволила уже апробированным инструментам, известным со времен возникновения «зернового государства» (Дж. Скотт), стать повсеместными. Особое значение в исследовании отведено евгенике как фактору, определившему переход от развитого общества заботы о жизни к обществу конструирования телесности и основных параметров жизни индивидов. Именно евгенические воззрения и практические импликации из нее предопределили биополитические практики XX в.

2. Эксплицирован инструментарий биополитического воздействия на жизнь населения. Среди биополитических инструментов выделены и систематически рассмотрены дисциплинаризация, регуляция, медиализация, нормализация, индоктринация, практическая идеализация и иммунизация.

3. Определены различные биополитические стратегии, основанные на широко понимаемых основаниях инклюзии и эксклюзии человека с учетом либо без учета его человеческого потенциала, когда индивид понимается исключительно или по преимуществу как ресурс для реализации телеологии биовласти.

4. Показано, что целостное философское понимание биовласти возможно лишь при условии воссоздания философско-антропологической модели с учетом ценности человека в обществе и основных параметров отношений между людьми. Продемонстрировано, что в рамках человекоутверждающей биополитики человек рассматривается не только как ресурс биовласти, но и как целостная личность, что обусловлено расчетом биовласти на значительно большую отдачу от населения при условии заботы о нем и инвестировании в него. Напротив, человекоотрицающая биополитика нивелирует ценность личности и в своей предельной форме некрополитики низводит человека к «голой жизни» (Дж. Агамбен), воспринимаемой исключительно как ресурс.

5. В исследовании смоделировано взаимодействие биовласти и населения, формами которого являются торг, шантаж и гражданская война, выражающие различные степени напряженного взаимодействия контрагентов в процессе непрекращающегося давления друг на друга.

6. Исходя из диспозитива знания–власти, продемонстрировано усиление биовласти в процессе развития науки, техники и технологии. Современный мир приближается к идеалу всеобщего Паноптикона (И. Бентам), в рамках которого

управление и контроль за населением со стороны биовласти становятся все более всепроникающим, манипулятивным и скрытым, а трансформация человека все более значительной.

7. Показано, что новой форме биовласти – технобиовласти – соответствует трансформантропная биополитика, логика развития которой соответствует машинному филуму (Ж. Делез, Ф. Гваттари). Явление технобиовласти представляет собой вызов для человечества, поскольку наряду с возможностью реализации сценария превращения человека в *homo deus*, существуют ряд контрпродуктивных сценариев трансформации человека.

Таким образом, в ходе проведенного исследования, сформулирован оригинальный философско-антропологический подход, предоставляющий возможность содержательно истолковать ряд аспектов биополитического управления жизнью человека, а именно:

- инструментарий биополитики;
- способ функционирования и структура биополитических пространств;
- основные стратегии биополитики и их антропологическое основание;
- место биополитического регулирования в процессе перехода человечества от заботы о жизни к конструированию ее основных параметров;
- способы взаимодействия биовласти и населения;
- особенности современной биополитики.

Диссертационное исследование дополняет развивающееся поле исследования феномена биополитики, представляя комплексный анализ философско-антропологических, политико-философских и онтологических проблем, парадоксов и следствий экспансии биовласти и характерных для нее форм отношения к человеку и совокупному населению. Новизна диссертационного исследования заключается также в акцентуации именно философско-антропологических оснований биополитического управления. Диссертационное исследование нацелено на учет долгосрочных и перспективных следствий развития биовласти, а также предотвращение возможных необратимых негативных

воздействий на человека биовласти, если она сосредоточится на человекоотрицающих сценариях в своем отношении к населению.

Основные положения, выносимые на защиту

1. В ходе истории друг друга сменяют три формы отношения человека к собственной жизни: биохрися, основанная на эксплуатации естественных (при-родных) возможностей телесности; биоанисихия, представляющая социально-обусловленную совокупность средств заботы о человеческом теле и жизни; биоургия, в рамках которой посредством достижений науки, техники и технологии осуществляется конструирование основных параметров жизни. Биополитика возникает как политико-правовое расширение биоанисихии, эксплуатируя заложенное еще в античности представление о «заботе о себе», спроецированное на отношение биовласти к населению. На этапе биоургии, начало которого следует связать с распространением евгенических теорий XIX в. и соответствующих им практик, биополитика становится проводником идей конструирования человека и закрепляет их в области социальных отношений. Биовласть на этапе биоургии становится агентом трансформации человека.

2. Несмотря на то, что понятие «биополитика» впервые появляется во второй декаде XX в., биополитика как явление встречается уже в античности. Теоретические разработки Платона и Аристотеля, а также широкая практика управления жизнью населения полиса, свидетельствуют о биополитическом регулировании в античной Греции. Приостановленные в раннехристианских общинах, биополитические формы регулирования жизни восстанавливаются в эпоху Ренессанса. Новое время интенсифицирует применение биополитических регуляторов, что связано как с политическими преобразованиями, так и с развитием науки, техники, бюрократии и статистики. Биовласть становится сетью биополитического контроля за жизнью населения. Теоретический дискурс и практики биополитики регулируют различные стороны управления социальной и культурной жизнью населения, содействуя укреплению власти посредством инструментария: медикализации, дисциплинаризации, нормализации и нормирования, регуляции, стимулирования, практической идеализации, индоктринации и иммунизации. Выполняя функции формирования привычек;

стандартизации; вовлечения и исключения из культурного поля и социальной коммуникации; формирования жизненных ориентиров; отбраковки и искоренения невыгодных для власти паттернов поведения, биополитический инструментарий способствует целенаправленному управленческому воздействию на жизнь населения, формируя культурные, социальные и политические тренды, соответствующие телеологии биовласти.

3. Биополитика амбивалентна с позиций стратегии управления и дихотомична с позиций антропологии личности. Обратной стороной биополитики как управления жизнью населения выступает основанная на отбраковке и исключении танатополитика, которую следует рассматривать как управление посредством насилия и смерти. Основными стратегиями биополитики являются конфирмантропная биополитика, в которой раскрытие потенциала жизни максимализируется, а применение насилия минимизируется, и негантропная биополитика, в рамках которой допускается исключение части (большинства) населения из поля заботы биовласти. Крайней формой негантропной биополитики становится некрополитика, культивирующая насилие вплоть до крайних форм истребления одной части населения во имя интересов другой его части.

4. Антропологическим основанием биополитики является модификация форм инклюзии/ эксклюзии индивида, коррелятивная мере отнесенности/ отделенности человека по отношению к Другому. Соблюдение меры отнесенности/ отделенности позволяет вовлекать индивида в социальное пространство, сохраняя творческий потенциал живой, автономной, инициативной личности. Несоблюдение меры отнесенности/ отделенности в сторону полюса слияния либо полюса изоляции индивида способствует исключению личности и постепенному превращению индивида в «голую жизнь» (Дж. Агамбен). Антропологической дихотомии включения/ исключения соответствует биополитическая логика конфирмантропной/ негантропной стратегий. Топосы биополитики (тюрьма, казарма, психиатрическая лечебница и т.д.) имеют инвариант и формируют целостное биополитическое пространство, возникающее не в результате инклюзии индивидов, а в результате исключения *homo sacer* (Дж. Агамбен).

Тотальность биополитического пространства, сформированная вокруг фигуры исключенного, позволяет масштабировать его, достигая предела в тоталитарном или консьюмеристском обществе. Основой инклюзивного сообщества в рамках стратегии конфирмантропной биополитикой является *homo comes* (попутчик, компаньон).

5. Между биовластью и населением существует перманентное отношение напряжения, взаимного давления, борьбы. С одной стороны, биовласть, стремясь реализовать собственную телеологию, нуждается в населении. С другой стороны, биовласть не стремится инвестировать в население впустую, перекладывая издержки на него. В этом выражается «хитрость» биовласти, манипулирующей населением и его интересами. Население, участвуя в проектах биовласти, приходит к пониманию того, что биовласть нуждается в нем. Неразрывная связь биовласти и населения влечет усиление требований со стороны населения и уступки со стороны биовласти. Торг и шантаж как практики отношения биовласти и населения являются реальными формами выражения взаимного давления контрагентов. Апофеозом этого встречного давления является *stasis* – гражданская война, в которой объединяются как страх от разрушительных последствий непримиримой борьбы, так и созидательное начало компромисса, временно уравнивающего требования сторон вплоть до следующего витка эскалации напряжения.

6. Диспозитив знания-власти, тяготеющий к идеалу «панграфического паноптизма» (М. Фуко), формирует тренд трансформации возможностей и средств учета, контроля и управления населением, характерный для Нового времени и особенно для современной цивилизации. Формирование статистики, полицейского государства как государства заботы биовласти о населении ради достижения собственных целей, введение системы тейлоризма как научного менеджмента труда являются этапами на пути к полномасштабному и эффективному биополитическому управлению населением со стороны биовласти. Технологии автоматизации, аналитики «больших данных», искусственного интеллекта формируют особую форму биополитики – трансформантропную биополитику. Технобиовласть как агент трансформантропной биополитики, соответствуя логике развития машинного филума (Ж. Делез, Ф. Гваттари), оптимизирует управление жизнью населения, устремляясь к идеалу Паноптикона

как модели совершенно контролируемого, управляемого общества, состоящего из сконструированных по его лекалам индивидов.

7. Бювласть на пути к технобювласти переживает бюполитический кризис, связанный с достижением, с одной стороны, пределов уступок, на которые может пойти бювласть ради достижения собственных целей, с другой стороны, пределов требований, которые население способно предъявить бювласти. Невозможность возрастающих требований со стороны населения в отношении бювласти порождает ряд негативных сценариев, на которые в таких условиях способна пойти бювласть. В первую очередь, это сценарии негантропной бюполитики, в рамках которой осуществляется откат к различным констелляциям эксплуатации, дифференциации, дискриминации, отбраковки тех или иных категорий населения. Во-вторых, эта тенденция может быть усилена возрастающей технологической оснащенностью бювласти. Технобювласть может прийти к технологическим решениям, в рамках которой забота о населении перестанет быть целью технобювласти ввиду наличия технических средств достижения поставленных целей без широкомасштабного участия населения. В таком случае бюполитическая революция, выражающаяся в возрастающем давлении населения на бювласть с целью удовлетворения все возрастающих требований населения, может завершиться контрреволюцией и лишением населения тех достигнутых привилегий и уровня жизни, которые сложились как компромисс между интересами бювласти и населения.

8. Развитие различных сценариев бюполитики влечет ряд возможных сценариев трансформации человека и его жизни. Во-первых, возможно осуществление сценария *homo deus*, в рамках которого трансформантропная бюполитика преобразует телесность и жизнь человека таким образом, что он, опираясь на технобювласть, более не испытывает ограничений, тяготивших человечество (например, голод, болезни, война, нужда). Обратной стороной является осуществление сценария *homo daemon*, в рамках которого технобювласть реализует свой потенциал либо контрпродуктивно для всего человечества, либо во благо одних за счет других. Такой сценарий соответствует устойчивой негантропной бюполитики исключения. Еще двумя сценариями могут стать трансформация

человека в *homo formica* либо *homo animalis*. В рамках первого сценария человек как личность и индивидуальность растворяется в новейшем суперорганизме. Во втором случае человек утрачивает человечность, обретая животность на путях наслаждения, праздности и отсутствия целеустремленности. Амбивалентность биополитики в отношении будущего человека проявляется в наивысшей степени, заключая в себе возможности противоположных сценариев, как способствующих, так и препятствующих раскрытию человеческого потенциала.

9. Биополитика является расширением поля антропологических исследований человека. Биополитика исторически предстает как форма испытания населения, раскрытия его потенциала. Бювласть в своих практиках опирается на апробированные способы обращения с населением, за которыми скрывается знание о природе человека, раскрывающее его потенциал социально-приемлемым образом. Биополитика моделирует образцы, стандарты, эталоны, ориентируясь на которые индивидуум обретает практический ответ на вопрос о возможном и должном поведении. Биополитика предстает в качестве континуума инструментов, институтов и фреймов, направленных на формирование габитусов, удобных как для бювласти в рамках ее телеологии, так и для человека, инкорпорирующегося в социальную среду.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Диссертационное исследование, опираясь на комплексный подход, дополняет уже сложившиеся теоретические представления о возможных способах управления жизнью исследованием специфического инструментария биополитики, разворачивающегося как констелляция средств заботы о жизни населения со стороны власти, но имеющая потенциал принуждения, дифференциации, дискриминации и даже отбраковки неудобных категорий людей. Диссертационное исследование разрабатывает новый теоретико-концептуальный подход к анализу актуальных философско-антропологических, этико-философских и социальных проблем отношений власти и населения, понимаемых в перспективе отношений бювласти к человеку, основным параметрам его жизни, природе человека. Диссертационное исследование вводит ряд понятий (биохрися, биоанисихия, биоургия; конфирмантропная

биополитика, негантропная биополитика), позволяющих уточнить и раскрыть способ и механизм воздействия биовласти на жизнь индивида и целокупного населения. Рассмотрение антропологических оснований биополитики проливает свет на оценку возможных последствий того или иного сценария биополитического воздействия на индивида и население, что позволяет выявить на ранних стадиях тенденции, свидетельствующие о формировании долгосрочного негативного сценария, создающего угрозу для жизни человека.

Диссертационное исследование представляет особую ценность для научного сообщества, философов, антропологов, правоведов, политиков, управленцев и других заинтересованных лиц, оказывающих влияние на принятие решений относительно выбора методов, инструментов и средств воздействия на человека с целью модификации его социального поведения в направлении, желательном с точки зрения общества и государства. Понимание того, что амбивалентное воздействие биополитического инструментария способно привести как к конструктивным, так и к необратимо-деструктивным последствиям, позволяет говорить о важной этической и гуманистической миссии настоящего исследования.

Практическая значимость исследования заключается в разработке теоретико-концептуальных подходов, направленных на уяснение связи между антропологическими характеристиками биополитики, потенциалом современных технологий и предпочтительными сценариями биополитического управления жизнью с целью снижения рисков гуманитарных катастроф.

Результаты исследования могут быть использованы:

- 1) в разработке инновационных программ, направленных на вовлечение населения в социальные процессы, способствующие увеличению благосостояния и раскрытию человеческого потенциала;
- 2) в образовательной деятельности при создании учебных курсов в системе высшего образования.

Апробация результатов исследования

Основные идеи исследования представлены в монографии автора: «Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и

перспективы биополитики» (Попов Д.В. Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики. – Омск: Омская академия МВД России, 2021. 144 с.).

Результаты диссертационного исследования обсуждались на международных и всероссийских конференциях, были опубликованы более чем в тридцати пяти научных публикациях в научных журналах, из которых 33 статьи опубликованы в российских научных изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов изданий ВАК (в том числе три, включенные в международные базы цитирования Web of Science и Scopus).

Результаты диссертационного исследования, в частности, обсуждались на международных и всероссийских конференциях, теоретических семинарах, симпозиумах и круглых столах:

– презентации тематического номера журнала «Человек» «Этика, антропология риска, медицина катастроф» (23.12.2020 г., Институт философии РАН, журнал «Человек»);

– теоретическом семинаре сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН «Философские основания биоэтики» (28.01.2021), где диссертант выступил с докладом на тему «Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики»;

– презентации специального номера журнала «Человек» «Редактируя человека» (28.12.2021, Институт философии РАН, журнал «Человек»);

– на XXVII международном симпозиуме «Пути России. Биополитика и солидарность» (МВШСЭН совместно с ЦФС ВШЭ; 24.09-25.09.2021), где диссертант выступил с очным докладом на секции «Этика солидарности и биополитика карантина: теоретические проблемы культурно-политических трансформаций в эпоху пандемий» по теме «Vita COVIDa как биополитическая модальность жизни в пандемию»;

– на междисциплинарной научной конференции «Политическая теология советского модерна: от революционных доктрин посюстороннего спасения к культурным практикам социалистического строительства» (18–19.03.2022, Центр фундаментальной социологии НИУ ВШЭ, кафедра современных проблем

философии ФФ РГГУ, Центр социальной теории и политической антропологии им. Н.Н. Козловой);

– международной научной конференции «Философские контексты современности: принцип ratio и его пределы (Ижевск, Удмуртский государственный университет, Удмуртский филиал УрО РАН, 28.02–29.02.2020);

– всероссийской научной конференции с международным участием ФИКОС-2022 «Философские контексты современности: искусственный интеллект и интеллектуальная интуиция» (25–26 февраля 2022 г., Ижевск, Удмуртский государственный университет, Удмуртский филиал УрО РАН);

– Пятых Лемовских чтениях (международная научная конференции памяти Станислава Лема; Самара, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, 5.11–7.11.2020 г.);

– Шестых Лемовских чтениях (международная научная конференции памяти Станислава Лема; Самара, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, 29.03–31.03.2022 г.).

– Девятой международной научной конференции «Онтология и аксиология права» (Омск, Омская академия МВД России, 2019 г.);

– Десятой международной научной конференции «Онтология и аксиология права» (Омск, Омская академия МВД России, 24.10–25.10.2021 г.);

– II Всероссийской междисциплинарной научной конференции «Познание и деятельность: от прошлого к настоящему» (Омск, ОмГПУ, 3.12.2020);

– III Всероссийской научной конференции «Познание и деятельность: от прошлого к настоящему» (Омск, ОмГПУ, 11.11.2021);

– Седьмой всероссийской научно-практической конференции «Религиозная ситуация в российских регионах» (Омск, ОМА МВД России, 8–9.10.2020);

– Восьмой всероссийской научно-практической конференции «Религиозная ситуация в российских регионах» (Омск, ОМА МВД России, 19–20 октября 2022 г.);

– круглом столе кафедры философии и гуманитарных дисциплин УдГУ совместно с Удмуртским филиалом Института философии и права УрО РАН «Хронополитика как политическая онтология времени (биополитический аспект)» (12.12.2020);

– X международном интердисциплинарном научно-практическом симпозиуме «Медицинская антропология современности: специфика, цели, возможности» (Москва, 27–30 октября 2022 г.).

Структура работы

Структура диссертации определена объектом, предметом, целью и задачами исследования, а также логикой изложения материала. Она включает введение, основную часть, состоящую из четырех глав, объединяющих пятнадцать параграфов, заключение, список использованных источников и три приложения. Работа выполнена в объеме, предусмотренном Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Общий объем текста диссертации составляет 388 страниц. Список использованных источников включает 293 позиции.

ГЛАВА 1. ЖИЗНЬ КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ

§ 1. Жизнь как предпосылка биополитики

В рамках данного исследования мы исследуем жизнь в определенных границах, которые будут обозначены в данном параграфе и главе в целом. Поскольку всестороннее осмысление жизни в философии далеко не завершено, было бы безрассудно посягать полноту решения столь сложной проблемы. В рамках исследования понятие жизни будет ограничено жизнью человека. В расчет будут приняты как сознательная (разумная) и бессознательная (психическая *не-разумная*), так и биологическая (телесная, органическая) жизнь человека. Последняя составляет крайний регистр жизни человека, подчиняясь уже не разуму человека, а законам природы (эволюции), на которые мы не можем оказать прямого и непосредственного воздействия.

Жизнь человека простирается в широком диапазоне от квинтэссенции органических проявлений, мыслимых как «жизненный порыв» (фр. *elan vital*) до полета творческой мысли человека, максимально далекого от биологических процессов, хотя для А. Бергсона жизнь в собственном смысле этого слова и есть органическое творчество, порождающее творческую эволюцию¹. В первую очередь обратим внимание на исключительно биологические процессы, обуславливающие само существование человека, но редко связываемые с человечностью как таковой. Наиболее удобным инструментом анализа этого исключительно природного яруса жизни человека является категория «тела без органов», разработанная Ж. Делезом и Ф. Гваттари. «ТБО [т.е. «тело без органов» – Д.П.] – это яйцо... Яйцо – это среда чистой интенсивности... яйцо всегда обозначает... интенсивную реальность, не только недифференцированную, но и ту, где вещи, органы различаются только благодаря градиентам, миграциям, зонам близости. Яйцо – это ТБО»². Ж. Делез и Ф. Гваттари обнаруживают в теле без органов исключительную потенциальность, способную развернуться в

¹ См.: Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Академический проект, 2020. С. 23.

² Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 272.

многообразии стратифицированных структур. «ТБО – это блок детства, становление... ТБО – это как раз такая интенсивная зародышевая плазма, где нет и не может быть ни родителей, ни детей»³. Тело без органов – аппроксимация, предел состояний еще-не-жизни и уже-не-жизни. Как еще не развившееся существо, зародыш может быть рассмотрен как яйцо, содержащее в себе необходимый материал и план формирования многоуровневой стратифицированной формы. Это тело без органов в мгновение начала трансформации в определенную форму, рождение жизненной формы из «плана консистенции» (в терминологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари). Исторически подобное воззрение зафиксировано в преформизме (от лат. «заранее образуя»). Анималькулисты буквально считали, что человек в сложившемся виде, но в миниатюре, содержится в сперматозоидах, овисты полагали, что прообраз гомункула (человечка) находится в яйцеклетках. Преформизм совмещает идею предустановленности законченной жизненной формы в момент зачатия и идею истока жизни во времени. Подобное воззрение упрощает взгляд на эволюцию плода и потенциал «зародышевой плазмы». Понятийный аппарат У. Матураны и Ф. Варелы позволяет посмотреть на процесс формирования плода в материнской утробе как непрерывный «структурный дрейф» в условиях «структурного сопряжения» со средой. Под таким углом зрения в прямой перспективе мы видим процесс непрерывного уникального образования страт, структур, органов и режимов их координации, а в обратной перспективе – убывание неопределенности в контингентном режиме оформления в уникальный организм, потенциально присутствовавший в «зародышевой плазме» тела без органов. Итак, тело без органов – модель истока жизни. Но точно также тело без органов является и моделью умирания как рождения наоборот. Яйцо-зародыш меняется на яйцо-кадавр (труп) – тело без органов, в котором «цветущая сложность» (К.Н. Леонтьев) организма живого человека упрощается вплоть до окончательного распада органов, структурных связей, страт и дифференциаций. В прямой перспективе – это возврат к изначальному синкретическому единству организма и среды, исчезновение внутреннего мира, вхождение в мир как чего-то

³ Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. С. 273.

исключительно внешнего, пригодного для жизненных циклов других организмов, специализирующихся на утилизации трупов (а равно людей, специализирующихся на формировании исторической памяти о человеке как носителе особого прижизненного мировоззрения – своеобразной формы «утилизации» личности). В обратной перспективе – это непрерывная дестратификация (плато дестратификации) и расчеловечивания (особенно если принять во внимание деменции старческого возраста). Тело без органов как предел в ситуациях рождения и смерти – нулевая локализация и нулевая темпоральность жизни. Тело без органов исчезает в момент зачатия и появляется в момент окончательной смерти человека (в отношении личности – это вполне определенная точка смерти ствола головного мозга). Следует отметить, что переходу от тела без органов к биологической жизни необходима помощь внешней среды. Зародышу требуется отлаженная работа материнского организма (или, в перспективе развития биотехнологий – технически исправное функционирование искусственной матки). Умирание, если речь не идет о внезапной смерти в результате несчастного случая, вступающего в конфликт с «цветущей сложностью» живого и нормально функционирующего организма, также протекает в современном мире в палате медицинского учреждения, функционально имитирующую утробу. Рождение сопровождается непрерывной помощью среды, вырывающей индивидуальную жизнь из недр тела без органов, умирание сопряжено с сопротивлением среды нарастающей силе притяжения тела без органов. В любом случае, начало и конец биологической жизни связаны с системой подпорок, присутствующих в собственном организме и окружающей среде, и позволяющих таинству жизни длиться себя в процессе бытия-к-смерти.

Тело без органов может быть рассмотрено не только как нижний предел биологической жизни (нулевая точка жизни), но и как тень жизни, незримое присутствие которой имманентно и постоянно человеческому существу. Чистую потенциальность тела без органов следует отделять «от его двойников – пустых стекловидных тел, злокачественных тел»⁴, прорывающихся и в порядке пролиферации злокачественных образований осуществляющих дестратификацию

⁴ Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. С. 274.

организма (дез-орган-изацию), приводя к смерти. «*Два тела* тела без органов» – конструктивная потенциальность и разрушительная злокачественность обнаруживаются не только в индивидуальной, но и в коллективной жизни людей. «Даже если мы рассматриваем те или иные общественные формации или какой-то аппарат страты внутри некой формации, то мы говорим, что каждый и все они имеют свое ТбО, готовое подтачивать, размножаться, покрывать и захватывать все социальное поле целиком, вступая в отношения насилия и соперничества, а также альянса и соучастия»⁵. Итак, тело без органов – прообраз, нулевой режим, план рождения и смерти биологической жизни человека. В формах яйца, тени, потенциальности и злокачественности тело без органов составляет фон жизни человека, держа человека на расстоянии вытянутой руки от небытия.

Наконец, существует еще одна ипостась тела без органов, выступающего непосредственным *пред-шествованием* жизни человека. С точки зрения Н. Бострома существует вероятность того, что человечество находится в симуляции. Причем само мироздание является последовательностью вложенных друг в друга симуляций. Более того, находясь в симуляции, практически невозможно этого понять. Основанием подобного положения вещей является обоснованное предположение, что в какой-то момент времени у технически успешно развивающейся цивилизации появляется возможность создания цифровых симуляций. Затем такая цивилизация становится способной на активацию полномасштабной симуляции целой вселенной (заметим, что IT-гиганты современной человеческой цивилизации уже предлагают индивидуальные виртуальные вселенные). Как только появляется возможность запуска симуляций целых миров, цивилизация, которой стало это под силу, может усомниться в собственной реальности, поскольку и она могла быть симулирована другой более развитой технически цивилизацией. Возникает конструкция, напоминающая матрешку, в рамках которой лишь та цивилизация, которая первой пришла к таким техническим решениям, может быть уверена в своей реальности. «Может быть доказано, что гипотезе, будто мы живем в компьютерной симуляции, следует приписать значительную вероятность... При нескольких не

⁵ Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. С. 271.

слишком невероятных предположениях результат может быть тот, что большинство разумов, подобных нашим, являются симулированными разумами, и потому мы должны приписать значительную вероятность тому, что мы являемся такими симулированными разумами»⁶. Н. Бостром не исключает возможности, что цивилизации человеческого уровня могут стать постчеловеческими. Постчеловеческие цивилизации будут способны запустить симуляции прошлого. Это подводит Бострома к утверждению, что люди практически наверняка находятся в мире, который является компьютерной симуляцией⁷. В подобной ситуации тело без органов является симулякрот телесного человека и носит не потенциальный, а буквальный характер, выступая аватаром для сущности человека, отличной от какого-либо материального, вещественного явления. Подобная «берклианская» модальность тела без органов завершает обзор нулевого яруса жизни.

Биологическая жизнь человека связана с телесностью. При этом следует вслед за Э Гуссерлем и Г. Плеснером различать тело-корпус и тело-плоть. «В плане восприятия тело-корпус (Körper) и тело-плоть (Leib) сущностно различны; тело-плоть... единственно действительно соразмерное восприятию тело, мое тело»⁸. Тело-корпус противопоставляется телу-плоти как абстрактное – конкретному, возможность – действительности, видовое – индивидуальному. Быть телесным и обладать собственным телом, в котором протекают органические процессы – в этом отличие тела-корпуса от тела-плоти. В теле-плоти «может быть воспринято лишь только мое тело, но никогда – чужое тело (Leib) в его телесности (Leiblichkeit), последнее может быть воспринято только как тело-корпус

⁶ Бостром Н. Угрозы существованию: Анализ сценариев человеческого вымирания и других подобных опасностей. URL: // <https://www.proza.ru/2007/04/04-210> (дата обращения: 20.11.2021).

⁷ Бостром Н. А не живем ли мы в «Матрице»? Доказательство методом моделирования // Проблемы предотвращения глобальных рисков, угрожающих существованию человеческой цивилизации. Сборник статей. М., 2010. URL: // <https://refdb.ru/look/1999356.html> (дата обращения: 20.11.2021). Логика доказательства Бострома основана на предположении, что постлюди, достигшие уровня, когда они могут запускать многочисленные симуляции прошлого, активируют огромное количество смоделированных личностей. Для этих симулированных индивидуумов мир будет казаться реальностью. Но тогда можно предположить, что и те, кто запускает симуляции, сами являются симулированными личностями и запускают симуляцию внутри симуляции. Таким образом, возможно существование многоуровневой симуляции.

⁸ Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 449.

(Körper)». «"Быть телесной плотью" (leiblich) означает, очевидно, не просто «быть телесным» (körperlich), но первое указывает на кинестетическое и тем самым, собственно, на Я-функционирование»⁹. Тело-плоть является средоточием протекания жизни в ее органической – биологической – ипостаси, а также в ее сознательной – собственно человеческой – модальности. В этом отношении тело-плоть является предпосылкой для более высокого уровня бытия телесного человека, обладающего сознанием и личностью, что превышает лишь телесное бытие. Для человека, таким образом, тело-плоть становится тем объектом, посредством которого человек-личность связан с окружающей средой.

Модальности тела-корпуса и тела-плоти имеют важное значение для социальной и культурной жизни человека. Наличие тела-корпуса является основанием для организации социального, правового порядка. «Моя свобода размахивать руками заканчивается там, где начинается нос моего соседа» (англ. The right to swing my fist ends where the other man's nose begins) – одна из важнейших аксиом «геометрии свободы» (В.С. Нерсисянц). Habeas corpus («Ты должен иметь тело») в значении «Необходимо представить арестованного лично в суд» – основополагающая формула для системы независимого и беспристрастного судопроизводства. Название Habeas corpus Act восходит к латинской формуле Habeas Corpus ad subjiciendum – начальной строки приказа о доставке арестованного в зал суда, что выражает важнейшую для социальной жизни и правосудия мысль о невозможности без решения суда подвергнуть кого-либо задержанию или аресту.

А. Вээли (A.G. Weheliye) идет дальше, используя формулу Habeas Viscus («Ты должен иметь плоть»). Для него habeas viscus – основание насильственного политического господства, ставящего зверство в отношении плоти в качестве центрального элемента политики, исходящей из различных традиций угнетения¹⁰. «Иметь плоть» – одновременно означает быть низведенным к последней ступени признания живым и крайним формам эксплуатации, а также осознать в себе последнее основание собственного бытия, превозмочь в себе «фигуру тени»

⁹ Гуссерль Э. Избранные работы. С. 449.

¹⁰ Weheliye A.G. Habeas viscus. Racializing Assemblages, Biopolitics, and Black Feminist Theories of the Human
Duke University Press Durham and London 2014. С. 2.

(А. Мбембе) и сделать внутренний выбор, после которого даже радикальное подавление уже никогда не сможет уничтожить «мечту о свободе» и «возможность других миров» (А. Вээли).

Итак, тело-корпус задает аксиоматику социальной жизни, основанной на признании отдельности человеческих тел и, как отдаленное следствие, автономности личности. Тело-плоть задает аксиоматику индивидуальной внутренней жизни в режимах органического биологического потока жизни, а также уникальной психической и сознательной жизни. Интересно, что различие тела-корпуса и тела-плоти приводят в том числе к различным моделям отношения к пациенту в медицинской практике. Так, П.Д. Тищенко различает медицинскую модель, в основе которой лежит хирургическое вмешательство для лечения острых заболеваний, и социальную модель, в рамках которой врач имеет дело с хроническим заболеванием, от которого пациент уже никогда не избавится. В первом случае врач, как хирург, оперирует тело-корпус – однотипное у всех. Во втором случае врач, дабы решить общую задачу для себя и пациента – облегчить участь больного и максимально адаптировать его к условиям жизни в условиях наличия недостатка – вникает в уникальные особенности пациента (прислушивается к его плоти) и разрабатывает уникальную стратегию лечения.

Обитание в собственном теле-плоти является основанием для более высоких над-органических ступеней человеческой жизни. Организм следует рассматривать не только как совокупность органов и механизм их взаимодействия, но и как организацию (от греч. ὄργανον – инструмент) – объединение средств и ресурсов для достижения определенных целей. В случае человека инструментальное значение организма служит для формирования психической инстанции, реализующей себя в потоке сознательной жизни, для которой органическая жизнь выступает внешним фоном существования. Человеку присуще одновременно быть существом телесным и в разворачивании сознательной активности выходить за границы собственного тела. Для Г. Зиммеля «сущностная структура жизни предстает как постоянный выход за пределы самого себя как настоящего»; «жизнь протекает в форме, обозначенной... как

выхождение за собственные пределы»¹¹. Вслед за Й. Кенигом Г. Плеснер назвал это *эксцентричностью* человека. «Если жизнь животного центрична, то жизнь человека эксцентрична, он не может порвать центрирования, но одновременно выходит из него вовне»¹². В то время как животное отделено и одновременно соотнесено с окружающей средой, будучи потоком телесного опыта, но не имея опыта центра средоточия собственного существования, «человек как живая вещь, поставленная в середину своего существования, знает эту середину, переживает ее и потому преступает ее»¹³. При этом человек одновременно противопоставлен и окружающему миру, и собственному телу, к которому способен относиться как к «своему иному».

Для человека характерно, что он «обладает своей средой (Medium) как окружающей средой (Umfeld)»¹⁴. Имея возможность в своем сознании отделять себя от собственной плоти, человек расширяет свою собственную жизнь до потока психических переживаний, интеллектуальной рефлексии, особых форм сосредоточенной умственной деятельности (интуиция, медитативная отстраненность от телесности, мистический опыт, даже патологическое состояние онейроида), в которых надорганическая сознательная жизнь «сгущается» до предельных форм свободного полета мысли. Жизнь человека включает внешний и внутренний мир. Последний и становится подлинной стихией жизни человека. Человек, обладая телом-плотью, живет «во плоти», но при этом противопоставлен ей как внутренний мир, в котором обретаются подлинные смыслы человеческого существования. «Окружающему миру в качестве противоположного ему значения соответствует внутренний мир, мир «в» живой плоти («im» Leib), то, что есть

¹¹ Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. М.: Центр гуманитарных инициатив; СПб.: Университетская книга, 2014. С. 13.

Определяя положение человека в мире, Г. Зиммель обнаруживает антиномию ограниченности и безграничности жизни, в рамках которой человек, с одной стороны, является только частью потока жизни, а с другой стороны, как нечто определенное, законченное, очерченное и оформленное не допускает стирания своих границ. Г. Зиммель обозначает эту двойственность как предельную метафизическую проблему жизни. Человек предстает и как безграничная непрерывность, и в качестве определенного и ограниченного Я (с. 13-14).

¹² Проблема человека в западной философии: Переводы. М.: Прогресс, 1988. С. 126.

¹³ Проблема человека в западной философии: Переводы. С. 126.

¹⁴ Проблема человека в западной философии: Переводы. С. 121.

само живое существо»¹⁵. Будучи эксцентричен себе во плоти, человек обладает непосредственным опытом «середины своего существования», которая воспринимается человеком как его «самость» («самость есть некоторая величина, превосходящая сознательное Я. Она охватывает не только сознание, но и бессознательное психическое и поэтому является, так сказать, личностью, которую мы представляем»¹⁶) – подлинное «Я», живущее благодаря исправно функционирующему в режиме бессознательной организации телу-плоти. И хотя современная нейронаука ставит под сомнение наличие такого единого самотождественного управляющего центра психической активности (до существенного прогресса, достигнутого нейробиологией, мысль о множественности «Я» высказывал Ф. Ницше), опыт самоидентификации человека как определенного, живого, целостного, континуального во времени «Я» редко подвергается сомнению.

В задачи исследования не входит подробно описывать, классифицировать и детализировать бессознательные и сознательные процессы, связанные с эмоциональными переживаниями, воображением, художественным восприятием, моральной оценкой и волевым напряжением. Нам достаточно сформировать представление о жизни человека как двуедином процессе биологической органической активности и одновременно потоке переживаний и сознания, достигающем значительной степени автономии по отношению к собственному телу-плоти. Нередко эти процессы вступают в конфликт между собой. Так, в течение пандемии коронавирусной инфекции SARS-CoV-2 зафиксированы многочисленные примеры недооценки угрозы собственному организму. Человек на уровне сознания убежден, что состояние его организма не вызывает опасения, а сам он испытывает лишь легкое недомогание, в то время как медицинские показания говорят о критической органической недостаточности и высокой вероятности смерти. В ряде случаев – и данное инфекционное заболевание является одним из кейсов – различия биологического и психического потоков жизни в целокупном человеческом существе имеют трагические последствия.

¹⁵ Проблема человека в западной философии: Переводы. С. 128.

¹⁶ Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: Когито-Центр, 2010. С. 274.

Отдельно следует остановиться на модальности сознания в жизни человека. Картезианская традиция в философии радикально отказывается от отождествления подлинного человека с его телом: «Я представлю себе, что не являюсь тем сопряжением членов, имя которому “человеческое тело”»¹⁷. Декарт с полной ясностью выразил мысль о тождественности человека и мышления – потока рефлектирующего самосознания. «Я есмь, я существую – это очевидно. Но сколь долго я существую? Столько, сколько я мыслю. Весьма возможно, если у меня прекратится всякая мысль, я сию же минуту полностью уйду в небытие... Итак, я вещь истинная и поистине сущая; но какова эта вещь? Я уже сказал: я – вещь мыслящая»¹⁸. Мыслящая вещь Картезия – целостная психическая жизнь. Вещь мыслящая – это сомневающийся, понимающий, желающий, воображающий, чувствующий человек. Мышление, заключенное в оболочку, уподобляемую машине, био-автомату – образ человека рационалистической философии. Жизнь человека – это поток самосознания в контуре поддерживаемого биологической энергией аппарата, предназначенного для жизнеобеспечения Я–мышления, находящегося во внешней для него среде материального – протяженного – мира. Тело – скафандр, средство перемещения и органон исследования, в зависимости от философских систем – естественно-техническое, божественно-техническое, автоматическое устройство. «И вот... когда Бог соединит Разумную Душу с этой машиной... он даст ей основное местопребывание в мозгу, и устроит это таким образом, что – согласно разнообразным способам, какими входы в поры, находящиеся на внутренней поверхности этого мозга, открываются через посредство нервов, – Разумная Душа получит разнообразные чувства»¹⁹. Не солидаризуясь со столь приземленной и примитивной трактовкой телесности человека, тем не менее попытаемся проследить автономию сознания до ее пределов. Эксцентричность человека простирается до своеобразного каркаса сознательной активности – до интенциональности. «Все, что доступно нам благодаря рефлексии, имеет одно замечательно общее всем свойство – быть сознанием о чем-то, осознанием чего-либо, или, коррелятивно, быть осознанным

¹⁷ Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 23.

¹⁸ Декарт Р. Сочинения. С. 23.

¹⁹ Декарт Р. Человек. М.: Праксис, 2012. С. 34.

– мы говорим об интенциональности. Это сущностная характеристика психической жизни в точном смысле слова... неотделима от нее»²⁰. В своем пределе сознание – «чистое», бесплотное, лишенное даже примеси органического течения жизни, самосозерцание – некое Solo Ipse, знающее о существовании точно таких же автономных центров собственного Solo Ipse. Подобное существование чистого беспримесного самосозерцания, судя по имеющимся данным медицины, иллюзорно. Однако, естественный для человека способ увлечения содержанием собственного сознания вплоть до временного забвения собственной телесности (кто не знает, насколько можно не обращать внимания на движения собственного тела во время прогулки, бега, заплыва, если обстановка штатная, а мыслительная деятельность захватывает?) следует принимать в расчет при описании жизни человека.

Итак, жизнь человека, границы которой мы определяем для проведения дальнейшего исследования, простирается от нулевой до конечной точки тела без органов и разворачивается в модальностях органической и психической активности, в своем пределе доходящей до сознания без тела. Вот этот диапазон – от тела без органов до сознания без тела и есть пространство человеческой жизни.

Для дальнейшего исследования представляется необходимым обратить внимание на вариативность жизни человека. Для этого рассмотрим одно из важнейших свойств биологической жизни – пластичность. Пластичность является предпосылкой для формирования различных стратегий отношения к жизни вообще и биополитики в частности. «Пластичность означает работу времени, охватывающую систему, способ, которым система может трансформировать себя изнутри не рассыпаясь. Это – имманентная трансформируемость замкнутой тотальности»²¹. К. Малабу отмечает, что «пластичность прямо противоположна ригидности. Она – антипод последней. Термин «”пластичность”» обычно обозначает как раз податливость, приспособляемость, умение перестраиваться»²².

²⁰ Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 303-304.

²¹ URL: <http://s357a.blogspot.com/2017/08/blog-post.html> (дата обращения: 27.02.2021).

²² URL: <https://syg.ma/@sygma/katrin-malabu-plastichnost-i-ghibkost-za-soznaniie-mozgha> (дата обращения: 27.02.2021).

Именно благодаря пластичности возможна изменчивость систем. В биологии основание пластичности заключено в экспрессии генов. Э. Уилсон исследует яркое проявление экспрессии генов – фенотипическую пластичность – на примере муравьев. В частности, он отмечает, что эволюция адаптивной пластичности проявляется у муравьев (а также, например, у термитов) в том, что рабочие особи муравейников (термитников) имеют значительные внешние отличия, заставляющие полагать, что эти муравьи являются представителями различных видов²³. Вместе с тем, муравьи из одной колонии являются потомками одной царицы и одного самца и практически идентичны с генетической точки зрения. Различия обусловлены вариациями в рационе и режиме питания на ранних этапах развития, а также влиянием феромонов, воздействие которых определяет направление развития нового поколения муравьев и их окончательный размер. Различные касты муравьев, функционально предназначенные для различных видов активности в муравейнике, конструируются из генетически пластичного исходного материала, что служит одним из проявлений процесса «адаптивной демографии», как его обозначает Э. Уилсон²⁴. Сложные механизмы фенотипической пластичности, опирающиеся на предельные значения экспрессии генов, позволяют эусоциальным сообществам муравьев достигать колоссального популяционного успеха. «Развитие социального поведения до уровня эусоциальности, как оказалось, обеспечило своим обладателям серьезный экологический успех»²⁵. Муравьи и термиты – доминирующие среди беспозвоночных виды на всей земной суше. На их долю приходится более половины биомассы всех насекомых. Фенотипическая пластичность – отточенный природой адаптивный механизм, опирающийся на инстинкт.

Более сложные формы пластичности связаны с развитием нервной системы и головного мозга. Млекопитающие обходятся без развитого полиморфизма в пределах собственных сообществ. Вместе с тем в стаях волков и крыс, у высших приматов, дельфинов и косаток существует распределение ролей, лидерство,

²³См.: Уилсон Э. Хозяева Земли. Социальное завоевание планеты человечеством. СПб.: Питер, 2014. С. 277.

²⁴См.: Уилсон Э. Хозяева Земли. С. 277.

²⁵Уилсон Э. Смысл существования человека. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. С. 18.

планирование совместных действий, кооперация и конкуренция. Самки косаток после наступления менопаузы, что уникально для животных, становятся «бабушками» и ухаживают за молодым²⁶. Социальным млекопитающим свойственна социальная пластичность.

Наиболее сложные формы социальной пластичности присущи человеку вида *homo sapiens sapiens* и связаны с явлением нейропластичности, присущим головному мозгу человека. «Пластичность – это главное свойство мозга, которое получило развитие в ходе эволюции, чтобы дать людям конкурентное преимущество»²⁷. Именно необычайное развитие головного мозга обусловило доминирование существа с наилучшими параметрами центральной нервной системы и головного мозга на планете Земля. Нейропластичность как свойство головного мозга создает условия для повышенной гибкости и адаптивности отдельно взятого индивидуума. Нейропластичность – биологическое основание социальной пластичности – обусловила превосходящий возможности эусоциальных насекомых и социальных млекопитающих потенциал человека. Отметим несколько значимых свойств нейропластичности. Во-первых, человек обладает мозгом, который непрерывно изменяет себя в постоянно меняющемся мире. Мозг пластичен в течение всей жизни человека. Функционально распределенные зоны неокортекса – карты мозга – носят динамический характер. Выделяют четыре типа пластичности: «расширение карты», «сенсорное перераспределение», «компенсаторная замена», «захват зеркальной области». Изменение карт мозга постоянно, это помогает людям перепрограммировать свой мозг. В каждом случае происходит перераспределение зон неокортекса, что приводит к изменению поведения, привычек и образа жизни человека. Можно сказать, что «внутри нашего мозга идет бесконечная война нервов»²⁸. Во-вторых, незримые внутренние трансформации в неокортексе «нейронного человека»

²⁶См.: Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М.: Научный мир, 2004. Лоренц К. Агрессия, или Так называемое зло. М.: АСТ, 2017. Моррис Д. Голая обезьяна. М.: Эксмо, 2009. Даймонд Дж. Третий шимпанзе. М.: АСТ, 2013.

²⁷Дойдж Н. Пластичность мозга. Потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга. М.: Эксмо, 2012. С. 46.

²⁸ Дойдж Н. Пластичность мозга. С. 48.

(neuronal man²⁹) ведут к видимым изменениям в жизни человека. Поэтому, нет ничего удивительного в том, что биологические параметры мозга и социальные характеристики человека взаимозависимы. Отношение мозга и культуры «похоже на улицу с двусторонним движением: мозг причастен к созданию культуры, но и культура оказывает формирующее влияние на мозг»³⁰. В-третьих, пластичность амбивалентна. Она дает преимущества, но может и привести к деградации. Нейропластичность приводит как к более гибкому, так и к ригидному поведению – это «пластический парадокс», определяющий как ограниченность, так и неограниченность природы человека. Нейропластичность ответственна и за гибкость, и за ригидность человека в зависимости от направления развития.

Итак, нейропластичность – обыкновенное чудо и, одновременно, крайне сложный инструмент, требующий умелого владения. Нейропластичность заставляет переосмыслить представления о человеческом сознании. М. Газзанига моделирует сознание как системообразующий элемент множественной динамичной психической системы человека. Головной мозг человека представляет собою ряд локальных систем, сумма которых и является привычным нам сознанием³¹. Динамическое сознание функционирует на основе того, что «в нашем мозгу идет жесткая конкуренция между разными системами, которые соревнуются за право выйти на поверхность, чтобы завоевать приз – стать осознаваемой»³². Подобная сложная картина внутреннего мира «нейронного человека» радикально усложняет социальную пластичность человека. Одной из ярких особенностей человеческого общества является его связь со способом закрепления индивидуальных и коллективных представлений людей. М. Газзанига среди многочисленных систем головного мозга выделяется модуль левого полушария, отвечающий за связность обрабатываемой информации – «интерпретатор». Этот «модуль» осуществляет синтез имеющейся информации и формирует правдоподобные гипотезы, дающие объяснение событий, часто не

²⁹ Malabou C. What Should We Do with Our Brain? New York: Fordham University Press, 2008.

³⁰ Дойдж Н. Пластичность мозга. С. 193.

³¹ См.: Газзанига М. Кто за главного? Свобода воли с точки зрения нейробиологии. М.: Corpus, 2017. С. 78, 82.

³² Газзанига М. Кто за главного? С. 82.

критично принимаемых на веру. Контролирует интерпретатора другой модуль – «детектор аномалий», сигнализирующий о рассогласовании гипотез и проверенных фактов. Д. Канеман обнаружил в сознании человека два разных «Я»: «Переживающее “я” – это наше сиюминутное сознание... Собрание воспоминаний, рассказывание историй, принятие важных решений являются прерогативой другой нашей внутренней сущности – комментирующего “я”... Оно неустанно слагает байки о прошлом и строит планы на будущее»³³. Отметим, как важное обстоятельство, что «наша сознательная жизнь – не что иное, как произвольная рационализация поступков, которые мы совершаем по другим причинам»³⁴. Все это создает уникальные условия для социальной пластичности человека. Люди формируют «интерсубъективную» реальность. Именно благодаря тому, что люди способны создавать интерсубъективную смысловую реальность, существующую в их воображении, они правят миром³⁵. Интерсубъективная реальность людей, основанная на разделяемых людьми коллективных представлениях и опирающаяся на особые биологические механизмы, протекающие в головном мозге, – биологическое основание социальной пластичности человека.

Подчеркнем, что биологическая жизнь податлива до определенной степени, она не может произвольно модифицироваться каким угодно образом. Есть серьезные генетические ограничения. «Гены, отвечающие за развитие дактилоскопического узора на пальцах, характеризуются очень пластичной экспрессией, и число вариантов огромно.... Напротив, гены, отвечающие за число пальцев на одной руке, экспрессируются очень жестко»³⁶. Социальная пластичность также конечна, как и фенотипическая, но имеет существенно большую вариабельность за счет участия разума человека. Но и здесь есть предел. «Существуют биологические ограничения, определяющие зоны маловероятного или запретного развития...», безусловно, «гены держат культуру на поводке. Поводок

³³ Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018. С. 344-345.

³⁴ Рамачандран В.С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. М.: Олимп-Бизнес, 2006. С. 9.

³⁵ См.: Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. С. 178.

³⁶ Уилсон Э. Хозяева Земли. С. 275.

этот очень длинный, но все же ценности будут ограничиваться в той степени, в какой они влияют на генный пул человечества»³⁷.

Значение пластичности трудно переоценить. В обществе она проявляется в сложной динамике нормы и ее нарушения. Выделяя паттерны «жесткого» и «мягкого» альтруизма, Уилсон подчеркивает, что «жесткому» альтруизму соответствует трайбализм, в то время как «мягкий» альтруизм позволяет индивиду перестраивать свое поведение и видоизменять идентичность, а обществу в целом – эффективно и относительно безболезненно трансформироваться. «Гениальность человеческой социальности заключается в той легкости, с какой союзы создаются, разрушаются и воссоздаются вновь»³⁸. Социальная пластичность – важная адаптивная характеристика. Человек не в состоянии изменить свои гены, но он в состоянии изменить свое поведение. Даже если поведение социально предписано, пластичность позволяет адаптироваться ценой нарушения императива. Конечно, такое изменение может быть воспринято с моральной точки зрения неодобрительно, но именно на этом пути происходят многочисленные жизнеспасающие перемены. «Людам свойственно брать на себя духовные обязательства, которые считаются абсолютными – до того момента, когда их нарушают. Люди тратят массу сил на создание союзов, сохраняя при этом для себя все пути к отступлению»³⁹.

Наконец, необходимо отметить, что социальная пластичность в условиях развитой технократии дополняется технологической пластичностью. Вслед за Ф. Дессауэром следует «констатировать, что человек с первого появления на планете сквозь все тысячелетия своего развития вплоть до настоящего момента был творцом-преобразователем, что он с самого начала медленно, затем во всё более ускоряющемся движении вперёд открывал, изобретал и изготавливал, что он в этом смысле всегда был “техником”»⁴⁰. Долгое время техника и технология оказывали незначительное влияние на человека. В современном мире человек стал частью

³⁷ Уилсон Э.О. О природе человека. М.: Кучково поле, 2015: С. 133, 244.

³⁸ Уилсон Э.О. О природе человека. С. 238.

³⁹ Уилсон Э.О. О природе человека. С. 239.

⁴⁰ Дессауэр Ф. Спор о технике: монография. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017.С. 84.

техносферы, он зависит от техники и технологий. Эта зависимость – как в модальности расширения, так и в модальности ограничения возможностей человека – ведет, как будет показано в дальнейшем, в область «технобиополитики»⁴¹. Потенциал технологической пластичности значителен. Технологическая пластичность ведет к трансформантропной биополитике, осуществляющей преобразование телесности и основных параметров жизни человека.

Итак, жизнь человека вмонтирована в биологический фрейм. Биополитика как важная, а во многом – определяющая, сторона современной жизни, основывается, зависит и, по крайней мере на данном этапе развития технологий, не может выйти за пределы этого естественного ограничения, а, может быть, и вовсе не способна избавиться от биологического предопределения. Механизм гибкого реагирования организма на возмущения, происходящие в окружающей среде, концептуально описан У. Матураной и Варелой. С их точки зрения у среды есть собственная структурная динамика, операционально отличающаяся от динамических характеристик живого существа. Различая живую систему и внешнюю по отношению к ней среду следует понимать, что во «во взаимодействиях между живым существом и окружающей средой в рамках этой структурной конгруэнтности возмущения окружающей среды не определяют происходящего с живым существом – изменения, происходящие в живом существе, определяет его структура»⁴². С одной стороны, возмущения, происходящие в окружающей среде, не однозначно детерминируют живую систему, с другой стороны, живое существо не управляет директивно окружающей его средой. Живое существо включено в «гераклитов ток бытия» (Л. Шестов) самым непосредственным образом. Под напором внешних возмущений среды «непрерывное структурное изменение живых существ с сохранением их аутопоэза происходит в каждый момент времени, постоянно, многими способами одновременно. В нем – биение самой жизни»⁴³. Онтогенез живых существ следует

⁴¹ Malabou C. *Morphing Intelligence from IQ Measurement to Artificial Brains*. New York: Columbia University Press, 2019. С. 81.

⁴² Матурана У., Варела Ф. *Древо познания: Биологические корни человеческого понимания*. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2019. С. 112-113.

⁴³ Матурана У., Варела Ф. *Древо познания*. С. 118.

понимать как непрерывный структурный дрейф. «Сохранение аутопоэза и сохранение адаптации – необходимые условия существования живых существ; онтогенетическое структурное изменение живого существа в окружающей среде всегда происходит как структурный дрейф, конгруэнтный структурному дрейфу окружающей среды»⁴⁴. Таким образом, гибкость является обязательным качеством живого; отсутствие, запоздалость, неадекватность структурного дрейфа демонстрирует дефицит гибкости и ведет к деструктивным последствиям. Живое существо встает на путь ригидности, ведущий к потерям и даже гибели.

Итак, в число необходимых характеристик жизни человека, важных для полноценного рассмотрения таких явлений как управление жизнью, биовласть и биополитика, мы включаем: а) ограниченность жизни двумя состояниями тела без органов – тела-яйца и тела-кадавра; б) ограниченность жизни пределами тела-корпуса и сознания-без-тела; в) двойственностью тела-корпуса и тела-плоти как начал присущей всякому человеку и индивидуальной жизни; г) эксцентричность как способность выходить за границы собственного тела и собственной индивидуальности; д) пластичность как основание потока изменчивых состояний, что закладывает возможность широкого поля вариабельности в жизни человека.

§ 2. От эксплуатации природных возможностей к заботе о жизни⁴⁵

Человек – существо разумное. Он создает орудия труда (*toolmaking animal* – Б. Франклин) и символы (*animal symbolicum* – Э. Кассирер), является тружеником и демиургом (*animal laborans* и *homo faber*), борется (*homo viator* – Г. Марсель), проигрывает и побеждает. За то, что он бывает слаб духом, его волю считают «полубольной» (Августин Аврелий), а разум не совершенным. За то, что он не вполне животное, занимающее свою нишу, адаптированное к ней и нацеленное исключительно на выживание и продолжение рода, человека считают «больным животным» (Ф. Ницше), исключительно благодаря «культурной компенсации» (М. Шелер, Х. Плеснер, А. Гален) сумевшего достичь тех успехов, которые нам

⁴⁴ Матурана У., Варела Ф. Древо познания. С. 122.

⁴⁵ Материалы параграфа частично опубликованы в статье: Попов Д.В. Рождение биополитики: от муштры тела к заботе о жизни // Евразийский юридический журнал. 2020. № 3. С. 423–429.

всем известны. Человек – парадоксальное существо. Он не от мира сего, но и не от мира горнего. Он одной ногой на земле, а другой – в ином измерении. У человека две природы, две родины, два начала. Его разум противоречит самой жизни. «То, что делает человека человеком, есть принцип, противоположный всей жизни вообще <...> Уже греки отстаивали такой принцип и называли его “разумом”»⁴⁶. Именно поэтому человек способен восставать против сложившихся обстоятельств вопреки логике выживания. «Человек есть то животное, которое может... относиться принципиально аскетически к своей жизни, вселяющей в него ужас. По сравнению с животным, которое всегда говорит “да” действительному бытию, даже если пугается и бежит, человек – это “тот, кто может сказать нет”, “аскет жизни”, вечный протестант против всякой действительности»⁴⁷. Но, тем не менее, этот *bestia cupidissima rerum novarum* (лат. зверь, алчущий нового) привязан к жизни и своему телу, цепляется за жизнь и даже даст сто очков вперед животному в искусстве выживать. Известный актер Г.С. Жженов, опираясь на личный опыт, эмоционально заключает: «Самое выносливое существо на свете – человек!»⁴⁸ Человеку дано преодолеть голод, холод, болезни, одиночество, выжить там, где гибнет зверь.

Итак, человек, будучи живым существом, разумен и телесен, «эксцентричен» (воспринимает себя как внеположенный телу центр, как наблюдатель со стороны, как полагали Х. Плеснер, М. Шелер и другие исследователи в рамках сложившейся в XX в. школы философской антропологии) своему телу и слит с ним – «обладает телом» и «является телом»⁴⁹.

Тело и жизнь связаны между собой. Тело – сосуд жизни, ее оболочка. Тело без жизни – труп, жизнь вне тела – дух, опытное знание о котором либо фиктивно, либо мистифицировано, либо относится к предельным основаниям разумной деятельности человека. Жизнь едина во множестве тел, качество жизни зависит от

⁴⁶ Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии: Переводы. М.: Прогресс, 1988. С. 53.

⁴⁷ Шелер М. Положение человека в Космосе. С. 65.

⁴⁸ Жженов Г.С. Саночки. URL.: <https://shalamov.ru/context/5/> (дата обращения: 03.03.2021)

⁴⁹ См.: Попова О.В. Тело как территория технологий: от социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования: монография. М.: Канон +; Реабилитация, 2020.

свойств тела. Исторически тело предстает как тело природное, тело облагороженное и тело искусственное. Тело природное выживает в горниле естественного отбора и полагается на ресурсы, заложенные генетически. Резервуар выживания такого тела – силы, данные от рождения, при-родно. Тело облагороженное предстает как тело социальное. Уход за таким телом – дело индивидуальное и одновременно общественное. Индивидуальное – как потребность и практика заботы, занимающая важное место как осознанная необходимость аккумуляции витальных сил ради выживания и достижения целей, выходящих за рамки выживания. Общественное – в силу неизбежной вовлеченности в индустрию обслуживания тела, складывающуюся в обществе над-выживания. Таким образом, общество – резервуар продления и качественного наполнения, экстенсификации и интенсификации – жизни тела в обществе ухода за ним. Наконец, тело искусственное, перспектива формирования которого лишь наметилась в современном мире, располагает резервуаром технологии в качестве инструментария собственного апгрейда. Пройдя период примитивного протезирования, человечество вступает в фазу аугментаций, чтобы, возможно, пройдя полноту внешних трансформаций, решиться и осуществить радикальное – внутреннее и сущностное – преобразование телесности и жизни человека. Тело искусственное конструируется во время повторного – искусственного – рождения, обусловленного технологией. Если началом тела естественного была природа, то начало тела искусственного – технология – может стать причиной трансформаций самой природы. Движению от эксплуатации природой данных ресурсов через накопление, усиление и культивирование возможностей тела к сознательному конструированию свойств тела соответствует переход от мускулов через протезы и аугментации к радикальному апгрейду, трансформирующему телесность. В ходе такого преобразования общество традиционное предстает как общество тела природного (естественного), общество современное формирует культуру ухода за телом и становится переходным для общества пост-современного как общества телесного эксперимента. Последний шаг может быть

рассмотрен лишь гипотетически и, не исключено, не возможен, но усилия в этом направлении предпринимаются.

Телу естественному соответствует режим *биохриси* (жизне-пользование – от гр. βίος – жизнь и χρῆσι – использование). Это стадия безыскусной телесности, несущей в себе все необходимое для своего существования. Биохриси – этап природного эксперимента над телом. Совершенствование тела осуществляется под руководством «слепого часовщика» (Р. Докинз) природы в ходе мутагенеза и естественного (индивидуального и группового) отбора. Человек не планирует и не руководит модификациями своего тела, но это не означает отсутствие трансформации телесности. Природа – экспериментатор не менее страстный, чем ученый, – обладает запасом времени, энергии и материала для того, чтобы добиться результатов, не уступающих достижениям пытливого разума. В режиме биохриси человек находился настолько долго, насколько обладал разумом инертным, незрелым, ведомым.

Переход от биохриси к биоанисихии (заботе о жизни, от гр. βίος – жизнь и гр. ανησυχία – забота, беспокойство, уход) ознаменовался формированием культуры (материальной и духовной) и, впоследствии, появлением науки (прикладной и теоретической). Процесс перехода носил длительный характер и выглядел как медленное изъятие человека из естественной среды обитания и постепенное включение человека в искусственный мир, созданный творческим мышлением. Биохриси и биоанисихия комплементарны друг другу. Человек до сих пор предпочитает жить одновременно в двух мирах – естественном и искусственном. Полного перехода в мир рукотворный нет. Тяга к естественной среде обитания не угасла и у жителя современного мегаполиса. Однако, выбравшийся на природу горожанин сильно отличается от древнего охотника-собирателя. Экипировка современного человека свидетельствует о неизгладимой печати второй природы, наложенной на человека. Мы наслаждаемся дикой природой, не будучи дикарями. Покоряя первозданный мир, мы пребываем в зоне комфорта. Редкие случаи внезапного и неподготовленного погружения человека в дикую природу часто ведут к трагическим последствиям. Сам факт преподнесения случаев выживания человека в дикой природе как сенсации

свидетельствует о необратимом переходе человека в мир, преодолевший естественность.

Возникновение научной медицины сделало распространенными явлениями вакцинацию, антисептику, анестезию, эффективную хирургию и родовспоможение, фармакологию и терапию. Черода открытий создала набор биотехнологий. Современное положение позволяет говорить о непрерывном движении от биохрисиис естественного человека через биоанисихию ухоженного человека Модерна к биоургии (жизне-творению, от гр. ἔργον – действие, работа) возможного искусственного постчеловека будущего. Если для биохрисиис характерен режим эксплуатации жизненных сил организма и муштра тела, то, по мере совершенствования биотехнологий, человечество вступило в фазу модификации телесности (в диапазоне от ухода, заботы и поддержания до стимулирования, протезирования, «прокачки»), находится на пороге эры аугментаций, а в дальнейшем может прийти и к апгрейду жизни на еще неизвестных основаниях.

Обратимся к биохрисиис. Образец жизнепользования – общество охотников и собирателей. Это общество не знало ни науки, ни развитой медицины; обуславливало жизнь человека судьбой, было религиозно, поклонялось духам и полагалось на прирожденные силы организма, усиленные помощью семьи, рода и племени. Следует отметить, что эксплуатация тела носила не экстремальный, щадящий режим. Например, «мужчины проводили большую часть времени, проводя его в буквальном смысле: оно уходило на отдых и сон»⁵⁰. Охота и собирательство – отличительные особенности древнего общества – важная сторона уклада жизни, которые, однако, не следует представлять как тяжкую каторжную работу. «Женщина за один день собирает достаточно еды, чтобы кормить свою семью три дня, и остальное время проводит, отдыхая... Этот ритм размеренного труда и размеренного досуга поддерживается в течение всего года... Нередко мужчина со страстью охотится всю неделю, а потом не ходит на охоту в течение двух или трех недель...»⁵¹. Труд слабо организован, ситуативен,

⁵⁰ Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. С. 35.

⁵¹ Салинз М. Экономика каменного века. С. 38.

не ориентирован на необходимость бесконечного накопления запасов впрок, подчинен природной цикличности. Экономика общества охотников и собирателей опирается на натуральный обмен, ее основу составляет семейная экономика, дополненная реципрокными взаимодействиями с соплеменниками и элементами редиистрибуции. Такую экономику вряд ли можно считать образцом эффективности: случается и голод, и нужда, но выживание в таких условиях вполне достижимо. Более того, перед нами «общество первоначального изобилия». Его основа не неограниченное производство благ, а умеренные потребности. Общество жизнепользования находится на уровне выживания.

Рождение в обществе охотников и собирателей естественное, но ценность жизни младенца не абсолютна. Случается инфантицид – умышленное и сознательное убийство младенцев. Во многих традиционных сообществах детоубийство допускается. Одно из распространенных обстоятельств, приводящее к детоубийству – короткий интервал между родами, приводящий к невозможности полноценной заботы о ребенке. В конце жизни человека может ожидать геронтоцид. «Как изгоняют стариков, ставших обузой?... Самый пассивный метод – просто пренебрегать стариком, пока он не умрет: не обращать на него внимания, давать ему минимум еды, не искать его, если он уйдет, и в конце концов позволить ему умереть... Следующий способ... бросить старого или больного человека, когда вся группа меняет стоянку»⁵². Таким образом, начало и конец жизни человека предопределяются решением соплеменников – в этом отношении мы сталкиваемся как с прообразами более поздних явлений – аборта и эвтаназии, так и с прототипом биополитического контроля за численностью населения.

Отношение к тому, что мы бы назвали преступлением, носит двойкий характер: или примирение, или возмездие – око за око. «Традиционное новогвинейское правосудие осуществляется по принципу “сделай сам”... и реализуется самими противниками и их сторонниками. Процесс компенсации является одним зубцом – мирным – двузубой системы традиционного разрешения конфликта. Другой зубец... заключается в поиске личного воздаяния с помощью

⁵² Даймонд Дж. Мир позавчера. Чему нас могут научить люди, до сих пор живущие в каменном веке. М.: АСТ, 2016. С. 291.

насилия, имеющего тенденцию к эскалации: расходящиеся круги ответного возмездия в конце концов приводят к войне»⁵³. Войны охотников и собирателей носят характер стычек, не профессиональны, но достигают степени террора, поскольку перманентная вражда делает жизнь негарантированной.

Вместе с тем, первобытное племя не сообщество эгоистов, а жизнепользование не обеспечивается исключительно собственными усилиями. В первобытной экономике дара есть место щедрости, помощи и даже кредиту в случае нужды. Брак выстраивается как экономический и юридический договор на основе взаимных даров: «разного рода услуги, оказываемые жене мужем, рассматриваются как зарплата – дар за услугу, оказываемую женой»⁵⁴. Такой дар обязывает, принять его – означает взять на себя обязательства. Дар и щедрость становятся краеугольным камнем реципрокных связей, закладывая одновременно основы экономических, моральных и правовых отношений. Дар – начало цепочки трансакций: «всякий дар должен возмещаться с избытком». Вещи формируют социальные связи. «Вещи обладают еще чувственной ценностью помимо продажной... Невозмещенный дар также принижает того, кто его принял, особенно если он заведомо принят с умыслом не возмещать... Благодаря переданной вещи... договаривающиеся стороны находятся в постоянной зависимости... принять подарок опасно»⁵⁵.

Жизнепользование человека естественного обеспечивает его выживание за счет эксплуатации возможностей тела по преимуществу в не-экстремальном, экономном режиме, дополненное широкой сетью сконструированных и сознательно воспроизводимых социальных связей, восполняющих ограниченные возможности индивида. Биохрисия предстает как устойчивая модель отношения к телу и жизни, долговременно обеспечившая существование человека на Земле. Аграрная революция, развитие ремесла, создание городов, завоевания и расселения существенно изменили образ жизни человека, сохранив режим умеренной эксплуатации тела в условиях отсутствия научных знаний и технико-технологических средств воздействия на тело и жизнь. Представляется, что

⁵³ Даймонд Дж. Мир позавчера. С. 123.

⁵⁴ Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011. С. 185.

⁵⁵ Мосс М. Общества. Обмен. Личность. С. 195, 210, 262.

режим биохрсии соответствовал большей части истории человечества вплоть до появления и стремительного становления современной науки в эпоху Нового Времени, когда биохрсия трансформировалась в биоанисихию. Итак, значительную часть истории человечество эксплуатировала возможности собственной телесности. Процесс перехода к парадигме ухода за телом, отмеченного бережливостью, экономией и заботой, – явление недавнего времени.

Даже чистота тела – внешний, поверхностный уход – еще в XIX в. только закреплялась как норма. Например, в Англии – промышленном и деловом лидере XIX в. – долгое время бытовало мнения, что принимать ванны вредно для здоровья. Еще «в 1857 году к горячей ванне по-прежнему относились как к чему-то сомнительному и опасному»⁵⁶. Столь незаменимая часть дома – ванная комната – получила распространение лишь в 20-е г. Л. Уорсли отмечает, что спальня с ванной комнатой появилась в американских гостиницах в 1920-х.

Нечистоты непосредственно связаны с болезнями. Загрязненная вода провоцирует заболевание, а после того, как возбудитель холеры достиг Европы и Нового Света из Индии – смертоносную эпидемию. Однако, люди долгое время игнорировали связь между чистотой и болезнью, не обращая внимание на грязь. Так, в Лондоне во избежание повтора эпидемий заболеваний, связанных с загрязненной водой, лишь «к 1875 году новая канализация была построена... Темза избавилась от канализационных стоков, и холера в городе больше не появлялась. Между тем идею, что холера передается через зараженную отходами жизнедеятельности воду, официальная медицина продолжала отвергать»⁵⁷.

Способность не замечать грязь, привычка жить естественно, в природном состоянии, показательна в отношении родильной горячки, уносившей множество жизней в уже созданных родильных домах в крупных европейских городах. И.Ф. Земмельвейс – дипломированный врач, выпускник Венского университета – работал в венском родильном доме в 1846-1850 гг. Он обнаружил, что нередко врачи и студенты-практиканты приходят в родильное отделение прямоком из прозекторской, даже не помыв руки. Проведя нехитрый эксперимент, связанный с

⁵⁶ Уорсли Л. Английский дом. Интимная история. М.: Синдбад, 2016. С. 148, 166, 173.

⁵⁷ Шах С. Пандемия: Всемирная история смертельных вирусов. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. С. 121.

осуществлением элементарных гигиенических процедур, И. Земмельвейс радикально снизил смертность рожениц, тем самым совершив эпохальное открытие. «Величие Земмельвейса... незримо присутствует в каждом младенце, в каждой матери, родившей на свет детей в цивилизованном мире»⁵⁸. И величие врача в первую очередь связано с инвестицией в новую парадигму телесности, медленно теснившую телесность природную – спутницу человека с древности.

Итак, биохрисия – эпоха «естественного» жизнепользования – длительный и еще совершенно не забытый этап отношения человека к собственной жизни, постепенно трансформировавшийся в биоанисихию. Биоанисихия затронула все стороны жизни человека и развивалась в направлении от ухода к облагораживанию тела. Биоанисихия переформатировала жизнь человека. Именно в рамках биоанисихии сформировалась устойчивая прямая и обратная связь между жизнью человека, биологией в широком смысле слова как знаниями о жизни и биотехнологиями как прикладными следствиями этих знаний.

Становление науки и плоды ее воздействия на жизнь обусловили рождение биополитики, которая со временем стала все настойчивее обращаться к доступным биотехнологиям и выступать драйвером по созданию и внедрению новейших средств воздействия на жизнь. В сравнении с гомеостазом естественного человека со средой обитания биоанисихия на зрелой стадии своего развития осуществляет конструирование всех форм социальных отношений, связанных с биологической жизнью человека. Причиной биополитического воздействия на биологическую жизнь человека выступают государственные интересы, явившиеся следствием «Вестфальского мира». Могущество, состоятельность, престиж, возможность членства во влиятельных коалициях заставили обратить взоры европейских правителей на собственное население – основной резервуар энергии для амбициозных проектов. Отныне внешняя политика лентой Мёбиуса переходит во внутреннюю. Биополитика, направленная на население, – геополитическая проекция государственных интересов за пределами собственных границ вовнутрь территории государства. Изменению подверглись брак и секс; труд; рождение и смерть; здоровье и болезнь; война;

⁵⁸ Хаггард Г. От знахаря до врача. История науки врачевания. М.: Центрполиграф, 2012. С. 72.

преступление и наказание. Вторжение биополитики отличалось различной степенью интенсивности. При всем несходстве биополитических проектов общим местом явилась трансформация жизни.

Например, в области брака и секса происходит постепенное частичное замещение диспозитива супружества диспозитивом сексуальности. Супружество – краеугольный камень традиционного общества – подвергается эрозии как следствие целого ряда факторов: изменения образа жизни в обществе рынка и потребления, повышения уровня благосостояния, изменения форм занятости, уменьшения детской смертности, эмансипации женщины и др. – факторов, выступающих следствиями реализации иных сторон биополитического управления населением. «Диспозитив супружества крепко сочленен с экономикой в силу той роли, которую он может играть в передаче или в обращении богатств... отсюда – его привилегированная связь с правом; отсюда также тот факт, что его кульминацией является «воспроизводство». Право же на существование диспозитива сексуальности состоит не в том, чтобы воспроизводиться, а в том, чтобы размножаться, обновлять, захватывать, изобретать...»⁵⁹. Наследование дополняется предпринимательством и привлекательной для тяготеющего к автономии индивида стратегией self-made-man, экономика предоставляет досуг и индивидуальные траектории развития в расширяющейся вне-семейной среде гражданского мира, биотехнологии и бережливость уменьшают детскую смертность и многодетность. В итоге «XIX век и наш собственный были... эпохой умножения: дисперсии сексуальности, усиления ее разнородных форм... Наша эпоха была инициатором сексуальной гетерогенности»⁶⁰.

Власть, исторически нуждаясь в первую очередь в воспроизводстве населения, неожиданно обнаружила в сексуальности и иные средства извлечения выгоды. Сексуальность предстала как драйвер экономического развития (активное участие женщин в экономике, мотивация мужского населения, массовая культура как индустрия досуга, моды, престижного потребления и т.д.), инструмент влияния и манипуляции. «В отношениях власти сексуальность»

⁵⁹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 139.

⁶⁰ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. С. 89.

является «элементом, который может быть использован для наибольшего числа маневров, который может служить точкой опоры, шарниром для самых разнообразных стратегий»⁶¹. Движение от диспозитива супружества к диспозитиву сексуальности, возможно, лишь эпизод в истории отношения полов. В современном мире появились стратегии асексуалов, чайлдфри (англ. *childfree* – свободный от детей), чайлдхейт (англ. *childhate* – детоненавистники), синглтон (англ. *singleton* – одиночка). Этому в том числе способствуют биотехнологии. Например П.Д. Тищенко отмечает, что последовательное распространение в обществе таких имеющих медицинское основание явлений, как аборт, контрацепция, новые репродуктивные технологии (например ЭКО), а также транссексуальность, клонирование и даже гипотетически возможные «искусственная матка» и «пилюля счастья», выступающая психофармакологическим протезом эмоциональной жизни человека, способны вытеснить диспозитив супружества и трансформировать диспозитив сексуальности, поскольку забота о потомстве и биологически обусловленная необходимость поиска партнера практически устраняются из числа факторов, фундирующих социальную жизнь человека⁶². Возможно, в будущем формируемый в настоящее время диспозитив пост-сексуальности заместит сложившийся в настоящий момент баланс, что у многих современников вызывает обоснованную тревогу.

Рождение человека в рамках биоанисихии все настойчивее включает в себя искусственные компоненты. Уже в 1588 г. семья Чемберленов, занявшись повивальным делом, изобрела акушерские щипцы⁶³. Чемберлены в точном соответствии с духом биоанисихии того времени – безыскусного жизнепользования естественного человека – хранило тайну акушерских щипцов, извлекая выгоду из своего изобретения. Но постепенно по мере становления медицины отношение к биотехнологиям резко изменилось. Тайное знание Чемберленов стало явным. Целительство из запрещенной деятельности превращается в уважаемое

⁶¹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. С. 136, 96.

⁶² Тищенко П.Д. На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. СПб.: Мир, 2011. С. 31-38.

⁶³ Хаггард Г. От знахаря до врача. История науки врачевания. М.: Центрполиграф, 2012. С. 31-34.

врачебное искусство. Биополитика заботы о здоровье населения ради государственных интересов поощряет внедрение биотехнологий. Биоэтика склоняется в пользу биотехнологий, если обоснована их польза. Здоровое население, выгодное государству, теперь более эффективно растрчивает здоровье на заводах, фабриках и полях сражений.

Режим биоанисихии в стадии биополитической интервенции в жизнь населения трансформирует труд. «В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Бытие, 3, 19) приобретает новые очертания. Биополитика, извлекающая из населения выгоду, создает модели в диапазоне от человека-предприятия до предельных степеней экстрактивных экономических институтов, обращающих жизнь человека в максимальную прибыль. При всем различии систем, общим местом для социализма и капитализма в организации труда явился тейлоризм. Ф.У. Тейлор предложил систему научной организации труда, направленную одновременно на процветание страны, предприятий и рабочих. В центре внимания было предприятие и отношения между администрацией и наемными работниками. Ф.У. Тейлор призывал к изменению сложившейся неэффективной системы взаимодействия между администрацией и рабочим. Он считал, что возможна система отношений, при которой выгоду получают все. «Главнейшей задачей управления предприятием должно быть обеспечение максимальной прибыли для предпринимателя, в соединении с максимальным благосостоянием для каждого занятого в предприятии работника... В прежнее время самое главное была – личность; в будущем самым главным будет – система»⁶⁴. Ф.У. Тейлор предложил оптимизацию физического труда ради увеличения его эффективности. Он стремился учитывать возможности работника. По сути, Тейлор призвал к революции в сфере отношения к труду. Произошла повсеместная оптимизация ручного труда. Примером использования системы Тейлора стала компания Г. Форда – эталон промышленного гиганта машинного капитализма. Технологи «Форда», «используя методы, разработанные Тейлором и Джилбертами, провели тщательный анализ работы сборочной линии «модели Т»... Тремя основными...

⁶⁴ Тейлор Ф.У. Принципы научного менеджмента. URL: <http://elib.spbstu.ru/dl/quality/management/PrNauchnMen/prnauchnmen.html> (дата обращения: 26.01.2021).

принципами были «тщательность (включавшая стандартизацию и взаимозаменяемость частей), непрерывность (движущаяся производственная или сборочная линия, с которой были связаны линии узлов и деталей) и скорость (тщательно выверенное время производства, перемещения и сборки)»⁶⁵.

Но и тейлоризм не является окончательным решением вопроса организации эффективного труда. Р. Семлер – руководитель успешной бразильской компании Semco, реализовавший на своем предприятии невиданный проект самоуправления, в рамках которого на определенном этапе его осуществления работники даже стали сами себе устанавливать заработную плату, пишет: «Тейлор этого бы не одобрил, а ведь без него, возможно, не было бы и Генри Форда. А ведь именно Тейлор задолго до Форда выдвинул идею производства, где тысячи безымянных, безликих рабочих пчел выполняют неимоверно монотонные операции под постоянным неусыпным контролем. Тейлор верил, что максимальная эффективность труда достигается, когда обязанности рабочих представляют собой небольшое количество четких действий, которые тщательно отрететированы в соответствии с особенностями их анатомии. Тейлор разбил сложный производственный процесс на многочисленные задачи, каждая из которых передавалась определенной группе рабочих. Сегментация и разделение труда, тщательно систематизированные посредством четких должностных инструкций, по мнению Тейлора, были важнейшим средством достижения максимальной производительности»⁶⁶. С точки зрения Р. Семлера тейлоризм изжил себя по причине неспособности вовлекать работников в процесс осуществления деятельности компании. Создав систему контроля качества производственного процесса самими работниками, сократив до минимума количество инстанций принятия решений, поощряя профсоюзную деятельность, мотивируя работников на создание предприятий-спутников, установив гибкий режим работы, поощряя формы самоуправления, создав специальные инновационные подразделения, Р. Семлер довел эффективность труда до уровня, превышающего эффективность системы Тейлора, не превратив свое предприятие

⁶⁵ Шелдрейк Дж. Теория менеджмента: от тейлоризма до японизации. СПб.: Питер, 2001. С. 148-149.

⁶⁶ Семлер Р. Маверик. М.: Хорошая книга, 2007. С. 156.

в людоедскую разновидность «потогонного производства». Биополитические эксперименты с трудом в 19-20 вв. носили разнообразный и даже экстремальный характер. Эксперименты с организацией труда далеко не закончены. Напротив, пилотные проекты введения безусловного базового дохода, описанные и теоретически осмысленные, например, Р. Брегманом, Ю. Харари, Н. Срничеком, А. Уильямсом создают комфортные условия труда (и даже его отсутствия), приближающие эру «первобытного человека будущего» (Дж. Зерзан), в которой оплаченная бездеятельность уподобляется праздности охотников и собирателей. Труд подвержен интенсификации за счет внешних рычагов воздействия и внутренней мотивации, вводящей в состояние трудоголизма. Труд в эпоху биополитики – искусственно направляемая человеческая энергия, связанная с целерациональными настройками биополитического проекта. Период биоанисихии модернизировал труд, период биоургии, возможно, избавит человека от труда.

Биополитика Модерна, соответствующая периоду биоанисихии, трансформирует преступление и наказание. Многочисленные проекты реформы пенитенциарной системы, описанные М. Фуко в «Надзирать и наказывать», сформировали тренд обусловленности преступления и наказания биополитическим бэкграундом. Так, поиск оптимума в соотношении выгод и затрат привел к соблазну получения экономической выгоды от самой преступности. Преступление конструируемо. «Преступность не имеет естественных природных границ. Преступность – продукт культурных, социальных и ментальных процессов. А отсюда, казалось бы, парадоксальный вывод: “Преступности не существует”»⁶⁷. Конструирование преступности – процесс разнонаправленный. Так, М. Фуко отмечал, что государству выгодно иметь подконтрольную среду делинквентов, а тюрьмы в такой ситуации становятся фабриками по производству агентуры государства в склонных к криминальному поведению общественных классах. «Тюрьма вполне преуспела в производстве делинквентности особого типа, политически и экономически менее опасной – а иногда и полезной – формы противозаконности; в производстве

⁶⁷ Исмайллов Р.Н. Криминология в обществе постмодерна. СПб.: Алеф-Пресс, 2018. С. 50.

делинквентов»⁶⁸. Прирученная преступность – зло неизбежное, но сидящее на цепи. Логика конструирования преступности может завести еще дальше. Преступность может приносить экономическую выгоду. В ходе развития пенитенциарной системы США в послевоенное время «количество заключенных определялось не уровнем преступности, не потребностями общественного контроля или эффективностью полицейских функций, но желанием сделать преступность источником дохода для правительства и для сотрудников частных фирм»⁶⁹. В такой ситуации «современные институты борьбы с преступностью содержат определенные потенции их перерастания в Гулаг западного образца», ориентированного на экономическую целесообразность. Сознательный выбор в пользу получения прибыли от тюрьмы прямым ведет к сомнительным, но соблазнительным манипуляциям с законом. Тогда «в современном обществе главная опасность преступности состоит не в преступлениях, а в том, что борьба с преступностью может столкнуть общество на тоталитарный путь развития»⁷⁰.

Трансформируется война. Рыцарское «Иду на Вы!» обрело очертания классической тринитарной войны, «основанной на идее государства и различении правительства, армии и народа»⁷¹. Напряженная гонка вооружений ведущих держав Европы XIX в. (У. Мак-Нил) разразилась двумя невиданными по своему размаху войнами, не мыслимыми вне биополитического бэкграунда. Мировые войны – тотальные войны истребления и выживания – войны, в которых население задействовано целиком. Уже в ходе Первой мировой войны у Людендорфа возникла мысль, что мирное время – это стадия войны, заключающаяся в подготовке к войне. Новый тип войны – характерный для этапа биоанисихии биополитический проект. Хочешь мира – готовься к войне, желаешь позаботиться о жизни собственного населения, приготовься к истреблению населения другой страны. «Война этого типа не является продолжением политики другими средствами. Вместо этого было бы более правильным сказать, вспомнив

⁶⁸ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 406-407.

⁶⁹ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001. С. 110.

⁷⁰ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. С. 13-14.

⁷¹ Кревельд М. ван Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 98.

сочинение Людендорфа о тотальной войне, что война как таковая сливается с политикой, становится политикой, сама и есть политика»⁷². Шок от итогов мировых войн, создание наднациональных институтов, призванных предотвращать войну, создание ядерного оружия и осознание того, что ограниченная ядерная война невозможна, привели к дальнейшей трансформации войны. Классические войны заменяют «мятежевойны» (Е. Месснер), конфликты низкой интенсивности (М. ван Кревельд). Война конструируема. Современный мир научился воевать чужими руками. Особые технологии, в которых перемешаны государственные и коммерческие интересы (Н. Кляйн) – форма современного состояния ни войны, ни мира.

Итак, биохрися предстает как длительный период жизнепользования, в ходе которого человек осуществляет эксплуатацию данных от рождения ресурсов. Биоанисихия как период заботы, ухода за телом и жизнью формирует тренд, направленный на конструирование всех элементов жизни человека. Пересобираются брак и секс; труд; рождение и смерть; здоровье и болезнь; война; преступление и наказание – жизнь в ее тотальности. Драйвером пересборки социального выступает биополитика. Именно переход от биохрисии к биоанисихии становится областью рождения биополитики. Распространение стратегий заботы о теле привело к появлению более смелых проектов. От заботы о теле и жизни до их модификации расстояние не такое большое, как может показаться. Одним из шагов стала евгеника.

§ 3. Евгеника как проект улучшения жизни

К революционной стратегии облагораживания тела, характерной для биоанисихии, следует отнести евгенику (от др.-греч. εὐγενής – благородный, хорошего рода). Евгеника сформировалась как учение об улучшении наследственности человека путем селекции (изначально – средствами преднамеренного отбора, закрепленного жизненным опытом, что нашло свое применение в отношении брака). Однако со временем методы отбора приобрели более изощренный вид. Именно радикальность предлагаемых поборниками

⁷² Кревельд М. ван Трансформация войны. С. 179, с. 215-216.

евгеники средств придала данной практике одиозность. Оформление евгеники как околонучной практики началось с проблемы Nature versus (or) nurture – что определяет человека: среда или наследственность? Евгеника встала под знамена наследственности. Ф Гальтон полагал, что евгеника – это наука, которая занимается всевозможными влияниями, улучшающими врожденные качества человеческого рода, и, в первую очередь, такими факторами, которые развивают человеческую природу с максимальной пользой. Он считал, что основания евгеники могут быть легко определены исходя из того, что все существа согласились бы, что лучше быть здоровым, чем больным; сильным, чем слабым; хорошо приспособленным, чем плохо приспособленным для своей жизни. Именно так обстоит и с людьми. Поэтому цель евгеники состоит в том, чтобы обеспечить каждый класс или социальную группу лучшими представителями («образцами»), а сделав это, предоставить им самим создавать свою общую цивилизацию⁷³. Воодушевленный учением Ч. Дарвина, Ф. Гальтон радикализировал положение о естественном отборе, сделав ставку на преднамеренную систематическую селекцию. «Гальтон выступал за государственную поддержку умных, здоровых и успешных пар. По утверждению исследователей, дух его евгеники был “глубоко гуманистичным и научным”»⁷⁴. На основе идей Ф. Гальтона впоследствии была разработана положительная (позитивная) евгеника, которую сторонники улучшения природы человека позиционировали как совокупность практик, поощряющих воспроизводство людей, обладающих высоким интеллектом, прекрасным здоровьем и другими значимыми для общества и государства качествами. В такой перспективе с учетом того, что «социальная эволюция человека движется по двойному наследственному пути – культурному и биологическому», и в этих границах «культурная эволюция – это стремительная эволюция по Ламарку, биологическая – это очень медленная эволюция по Дарвину»⁷⁵, евгеника сформировалась как тренд придания эволюции по Дарвину характеристик эволюции по Ламарку в

⁷³ Sir Galton F. *Essays in Eugenics*. London: The Eugenics Education Society, 1909. P. 36-37.

⁷⁴ Ковба Д.М. Евгеника как направление научной мысли и практика селекции человека в конце XIX – начале XXI вв. // Социум и власть. 2020. № 4. С. 6.

⁷⁵ Уилсон Э.О. *О природе человека*. М.: Кучково поле, 2015. С. 65.

отношении биологической природы человека. Природа неуклонна, но медлительна. Ее цели, если они вообще есть, не очевидны. Направленная и целесообразная селекция – то, что можно применить к человеку точно так, как люди применяют селекцию в земледелии и животноводстве.

Евгеника исходит из парадигмы восприятия власти в традиционном обществе как власти аристократии (от гр. ἀριστέυς – лучший), заключающей в себе древнегреческий идеал калокагатии (от др.-греч. καλὸς καὶ ἀγαθός – красивый и добрый). Рожденная на Британских островах, евгеника закономерно восприняла характерный для Британской империи дух аристократизма, в рамках которого «понятие “наследие” было воспринято почти в неизменном виде и распространено на весь британский “люди”. Последствием этой ассимиляции дворянских норм было то, что английский вариант расового образа мысли отличался почти одержимостью в том, что касалось теорий наследственности и их современного эквивалента – евгеники»⁷⁶.

Всякая идея – а революционная в особенности – стремится предложить обоснование своего символа веры. Евгеника углубилась в религию, метафизику, культуру, историю, даже экономику. Например, американец Л. Стоддарт, проводя сравнительный анализ аристократического рода Адамса и рода бродяги Джуки, указывает на колоссальные экономические издержки содержания рода, на протяжении поколений поставляющего иждивенцев. Для рыночного общества, сизмальства ценящего труд и бережливость, подобные аргументы оказались убедительными. Следует согласиться, что «евгеника с самого начала была замешена на зверстве»⁷⁷. И именно в США (Коннектикут, Индиана, Северная Каролина) возникла практика стерилизации неимущих, слабоумных, людей с сексуальными перверсиями, алкоголиков ради сокращения трат общества на иждивенцев. Сходные программы в 30-е годы XX в. применялись в Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии, Швейцарии и, в наибольшей степени, в Германии. «Помимо нацистской Германии, евгеническая практика по принудительной стерилизации умственно отсталых мужчин путем перерезания у

⁷⁶ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. С. 251.

⁷⁷ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. С. 254.

них семенных канатиков процветала в 20-30-е гг. XX в. в США. К 1935 г. в одном штате Индиана таких операций по судебным решениям было проделано более 20 тыс.»⁷⁸. Как справедливо отмечает Д.М. Ковба, «популярные в обществе идеи евгеники, их разработка и развитие силами ученых подготовили почву для их практического применения. В результате теории, основанные на достижениях науки своего времени, получив воплощение на практике, привели к серьезным последствиям для общества»⁷⁹. Так, впервые закон, направленный на воспрепятствование передачи дефектных генов по наследству, официально был издан в США (штат Коннектикут) в 1886 г. В соответствии с этим законом мужчине и женщине, если один из них был слабоумным, эпилептиком или был определен как безумец, не позволялось вступать брак или сожительствовать. Нарушение закона влекло лишение свободы. Запрет распространился в другие штаты. Обязательная стерилизация была введена в Индиане в 1907 г. и распространилась в других штатах. В результате подобной стерилизации подверглось около 60 000 человек.

Собранная в рамках евгенических исследований статистика имела тенденциозный характер и привела к лавинообразному интересу к рецептам спасения рода человеческого. Евгенический проект распался на конкурирующие течения. И если Л. Стоддарт в революционных течениях эпохи усматривал бунт «недочеловеков» (underman) против цивилизации, то в рамках революционных движений ситуация рассматривалась противоположным образом. Следует отметить, что евгеника олицетворяет собою фигуру перехода от сдержанного характера биоанисихии к активной и радикальной динамике биоургии. Поначалу евгеника осознавалась как явление долговременное и стихийное, однако вскоре наступил пароксизм доселе невиданной экспериментальной деятельности. Так, Г. Гюнтер, рассуждая в духе Ф. Гальтона, полагал, что евгеника носит характер селективного отбора в процессе воспитания и формирования ценностей: «С точки зрения евгеники желательно, чтобы молодые люди обоих полов еще в возрасте неопределенных мечтаний выработали идеал для брачного выбора... Взгляд

⁷⁸ Овчинский В.С. Криминология и биотехнологии. М.: Норма, 2005. С. 36.

⁷⁹ Ковба Д. М. Евгеника как направление научной мысли и практика селекции человека в конце XIX – начале XXI вв. С. 10.

должен быть обращен только на людей здоровых и как индивидуальности, и как носители наследственности...»⁸⁰. Евгеника в таком виде – синтез духовной и физической культуры в приложении к институту брака.

Но уже Л. Стоддард гораздо радикальнее. Он убежден, что евгеника – вершина биологии, прекрасный плод науки, откровение научного прогресса, способное изменить судьбу человечества. «Задача евгеники сделать такие правовые, социальные и экономические преобразования, чтобы 1) большая доля лучших лиц имела бы детей...; 2) чтобы в среднем число потомков каждого лучшего человека было бы больше, чем в настоящее время; 3) чтобы худшие люди не имели бы детей; 4) чтобы некоторые худшие люди имели бы меньше детей, чем сейчас»⁸¹. Евгеника, в представлении Л. Стоддарда, сформирует неоаристократию – авангард крестового похода против вырождения и за возрождение человечества. Евгеника позволит выделять по генетическим задаткам потенциальных аристократов – капитанов промышленности, политических лидеров, гениальных ученых. Евгеника обещала «предсказать, кто окажется наиболее приспособленным, и выработать у нации средства обеспечения вечной приспособленности... Следовало только превратить процесс отбора из естественной необходимости... в «искусственный», сознательно применяемый биологический инструмент»⁸². Следствием подобных увлечений стала радикализация биополитики, в рамках которой стали изобретаться практические инструменты воздействия на население средствами отрицательной и положительной евгеники.

Пронизанная ощущением наступления последних времен (закат Европы, бунт против цивилизации, восстание масс) интеллектуальная атмосфера нашла сочувствие у заинтересованной публики: «Евгеника идеально вписывалась в рамки этого нового мировоззрения. Если народы подобны организмам, то их проблемы в некотором смысле сродни болезням, вследствие чего политика, по сути, становится отраслью медицины, наукой о сохранении социального

⁸⁰ Гюнтер Г.Ф.К. Родоведение. Наука о семье. М.: Белые альвы, 2011. С. 266.

⁸¹ Стоддард Л. Бунт против цивилизации. М.: Белые альвы, 2016. С. 215-216.

⁸² Арндт Х. Истоки тоталитаризма. С. 254.

здоровья...»⁸³. В этой перспективе проблемы общества (например, увеличение рождаемости среди бедных, перенаселенность, деградация культуры), понятые как болезнь, стали восприниматься как подлежащие лечению на основе обнаруженных биологических законов. В течение довольно короткого времени с момента зарождения евгеники появились «способные» ученики. Так, представители американского прогрессивизма рассматривали евгенику как важный инструмент социального контроля. Между сторонниками евгеники, «расологами», представителями учения о «расовой гигиене» был установлен контакт. Научный (точнее, квазинаучный) обмен идеями в области регулирования рождаемости, например, между Германией и США стал обычным делом. «Гитлер «изучал» американскую евгенику, находясь в тюрьме... Немецкая расовая наука основывалась на достижениях американцев»⁸⁴. Гитлер изучал не только американцев. Так, одним из источников вдохновения для Гитлера явился британский дух построения империи, над которой не заходит солнце, замешанный на «аристократии крови». Именно поэтому «Гитлер, поклонник Англии, обязывал свои войска СС учиться именно у британских «властителей» тому, как должен себя вести представитель расы господ, чтобы ограниченными силами держать в страхе целый континент»⁸⁵. Крайности британской политики в колониях стали нормой нацистской экспансии в борьбе за *Lebensraum im Osten*. «Именно на Британию ориентировались нацисты, продумывая собственную модель для управления Россией»⁸⁶. Тщательно изучаемый опыт империалистической Британии послужил прообразом для организации социального пространства на восточном направлении.

В результате из сочетания расовых доктрин и изучения империалистического опыта покорения туземных народов родились изуверские практики, в рамках которых те, кого нацисты сочли недостойными жизни, использовались исключительно как ресурс ради жизни тех, кто позиционировался

⁸³ Голдберг Дж. Либеральный фашизм. М.: Рид Групп, 2012. С. 257-258.

⁸⁴ Голдберг Дж. Либеральный фашизм. С. 259-260.

⁸⁵ Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма / От британской к австро-баварской «расе господ». СПб.: Академический проект, 2003. С. 43.

⁸⁶ Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма. С. 307.

как предназначенный для властвования. Как отмечает Т. Снайдер, в рамках решений еврейского вопроса, предшествовавших «окончательному решению», нацисты планировали не уничтожать евреев, но стерилизовать и эксплуатировать их на принудительных работах на износ вплоть до физической смерти. В рамках «Генерального плана “Ост”» предусматривалась депопуляция Белоруссии. Белорусов также собирались использовать как рабочую силу, хотя и не всегда до степени смерти от истощения. Во время войны немцы намеренно морили голодом советских военнопленных и жителей осажденных городов. В рамках «“План голода”... во время войны с СССР и после нее немцы намеревались кормить немецких солдат и немецкое (а также западноевропейское) гражданское население, обрекая на голодную смерть советских граждан, которых они завоюют»⁸⁷.

Исходя из этих «непреднамеренных последствий» евгеники, можно резюмировать, что евгеника – эта фигура перехода от биоанисихии к биоургии – силами своих адептов и прагматиков от политики стала угрожающе быстро распространяться, вмешиваясь в жизнь человечества.

Особой вехой на пути евгеники стали 30–40-е г.г. XX в. В частности, то, что Р. Эспозито называет нацистской биократией (*nazi biocracy*⁸⁸), стало явлением, скомпрометировавшим довоенную евгенику; маркером, показавшим моральную, правовую и научную несостоятельность евгенических проектов начала XX в.; биополитической стратегией, не заслуживающей права на существование. Проблемой, которая в итоге привела к моральной катастрофе чрезвычайного масштаба, стала выведенная на новый уровень теоретического обсуждения Ф. Гальтоном уже упомянутая проблема влияния на человека наследственности и среды (отметим, что проблематика *nature vs nurture* сформировала дискуссию, все более комплексное решение которой формулируется по сей день). У этой проблемы имелись различные гипотетические решения, в рамках которых обращалось внимание как на положительное, так и негативное влияние наследственности на потомков. Б.-О. Морель, считавший, что наследственность

⁸⁷ Снайдер Т. Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным. К.: Дуліби, 2015. С. 288, 330, 218, 10.

⁸⁸ Esposito R. Bios: Biopolitics and Philosophy. Transl. and with an Introduction by Timothy Campbell. University of Minnesota Press. Minneapolis. London, 2008. С. 19.

оказывает существенное влияние на человека, сосредоточил свое внимание на таких формах негативного влияния наследственности, которые можно выразить как «упадок», «деградацию» и «ухудшение». Новым было то, что если у Буффона наследственность связывалась с последствиями приспособления организма к изменению окружающей среды, что выражалось, например, в особенностях расы, а Ламарк связывал наследственность с успешной адаптацией, признаки которой передавались потомкам, то Б.-О. Морель в своем трактате «Признаки вырождения» (*Traite des degenerescences*) решительно смещает акценты в рассмотрении наследственности в психопатологическом направлении⁸⁹.

Человек наследует приобретенные родителями признаки (это положение идет вразрез с учением Ч. Дарвина), что означает, что порочные привычки родителей и их органические последствия унаследуются потомками. Б.-О. Морель, руководствуясь наблюдениями за психически больными, вывел четырехтактное течение процесса вырождения: от неуравновешенности и нервозности в первом поколении через тяжелые неврозы и психозы во втором и третьем поколении к уродствам, умственному недоразвитию с сопутствующей бездетностью либо смертностью или калечением ребенка при родах в четвертом поколении. Как показали дальнейшие исследования, проведенные на основании более точных сведений о геноме человека, данная последовательность изменений в рамках прогрессирующего «вырождения» является ошибочной, однако, гипотеза, будучи высказанной, обратила на себя внимание и нашла продолжателей. В частности, последовали сенсационные работы Ч. Ломброзо о «прирожденных преступниках» с явными признаками вырождения, по наличию которых в детском возрасте можно прогнозировать неизбежную преступную карьеру в зрелом возрасте (Ломброзо, в частности писал о природенных убийцах и женщинах-проститутках, которым свойственна моральная идиотия). И вновь гипотезы не нашли подтверждения.

М.В. Бавсун отмечает следующую хронологию событий. На конгрессе по уголовному праву в Риме в 1885 г. адепты антропологического направления торжествовали, однако в Париже на аналогичном конгрессе в 1889 г.

⁸⁹ См.: Esposito R. *Bios: Biopolitics and Philosophy*. С. 118.

антропологическая школа была решительно критикована видными представителями медицины того времени, среди которых можно выделить П. Бруарделя. Характер возражений выглядел, как откровенный протест. Даже Ч. Ломброзо был вынужден признать, что триумф антропологической школы, как минимум, откладывается⁹⁰. В 1892-1896 г.г. популярность ламброзианства заметно убывала, а идея прирожденного преступника была подвергнута основательной критике. Тем не менее, сформулированная Б.-О. Морелем гипотеза оказалась жизнестойкой. Она удачно наложилась на целый ряд исследований в зарождавшейся криминологии. Независимо от Ч. Ломброзо с идеями о существовании особого типа преступника выступали Дж. Причард («Трактат о помешательстве»); Г. Модсли («Физиология и патология души»; «Ответственность при душевных болезнях»); Б. Томсон («Психология преступников», «Наследственная природа преступления»); Д. Уилсон («Моральное слабоумие привычных преступников по данным измерения черепов»); И. К. Лафатер («Физиогномика»); Ф.Й. Галль (создатель френологии) и др. В то же время проблематику уголовной антропологии разрабатывают Г.Д. Гарден, Д. Никольсон, В. Кларк, В.Д. Моррисон. В их трудах поведение преступников обусловлено патологией, часто связываемой с наследственностью⁹¹.

Медикализация преступления, совмещение и даже инверсия преступления и безумия, на что большое внимание обращал М. Фуко, формирует биополитическое определение ненормальности, ведущее как к дальнейшим научным разработкам проблемы, так и к практическим действиям, направленным на открытие сети специализированных психиатрических лечебниц, а также к изменениям в законодательстве, юридифицирующим безумие, фактически мало отличая его от преступления, если судить по принудительности мер и продолжительности (зачастую бессрочности и необратимости), например, изоляции. О.А. Власова, рассматривая идеи Р. Кастеля, отмечает: «Вокруг потребности управления безумием и безумцами структурируются сферы интернирования: система государственных указов и делегированное государством

⁹⁰ См.: Бавсун М.В. Антропологические предпосылки формирования современной уголовной биополитики // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1. С. 42.

⁹¹ См.: Бавсун М.В. Антропологические предпосылки формирования современной уголовной биополитики. С. 42-43.

местным властям и семье право управления безумцами. Репрессия при этом носит как общественный, так и частный (в случае семьи) характер»⁹². В этой системе «двойного делегирования» тщательно разрабатываются законы и соответствующие им процедуры, направленные на контроль за безумцами. С этой целью на институциональной основе создаются специализированные учреждения: тюрьмы, больницы, исправительно-трудовые лагеря и психиатрические лечебницы. Семья получает полномочия требовать от административной или судебной власти признания члена семьи безумцем с последующим перепоручением государству заботы о нем с одновременным поражением в правах (например, лишением права наследования или имущества; расторжением брака, лишением родительских прав и т.д.). Политический, экономический и юридический аспекты проблемы безумия сходятся в рамках биополитического проекта контроля над ненормальностью.

Сфера ненормального при этом пересматривается в логике Б.-О. Мореля в сторону расширения. Именно по этому пути идет М. Нордау, утверждающий, что в условиях чрезвычайной интенсификации социальной жизни под влиянием открытий и изобретений в начале XX в., ярко проявляет себя усталость вплоть до истощения, в особенности у лиц с плохой наследственностью. Анализируя целую галерею писателей и литераторов, философов, поэтов и художников, М. Нордау формулирует печально известную идею «дегенеративного искусства», якобы манифестирующую вырождение лиц, за ним стоящих. В частности, он развивает идеи Б.-О. Мореля, полагая, что «дегенеративным» личностям от искусства присущ признак легкой возбуждаемости – главный признак вырождения. Таланты, присущие, с точки зрения М. Нордау, художественным натурам, являются признаками патологии. «Они гордятся тем, что у них такая впечатлительная к музыке натура, и хвастаются, что все их существо потрясено... они воображают, что у них особое чутье... Несчастные не подозревают, что они гордятся болезнью и хвастаются помешательством»⁹³. Для М. Нордау подобное искусство и подобная тенденция влекут дальнейшую деградацию общества вплоть до масштабирования

⁹² Власова О. А. Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. М.: Высшая школа экономики, 2014. С. 361-362.

⁹³ Нордау М. Вырождение. Современные французы. М.: Республика, 1995. С. 34-35.

и банализации самых низменных пороков и страстей, что угрожает самому существованию человечества. М. Нордау радикализирует воззрения Б.-О. Мореля и Ч. Ломброзо, провозглашая наступление «эпидемии безумия». Одновременно М. Нордау предполагает, что «вырожденцы» обречены на вымирание в силу их неспособности к стремительным изменениям, в то время как будущее уготовано людям с крепкими мозгом и нервами, здоровыми генами и способностью к адаптации. Из подобных воззрений вытекает как настороженное отношение ко многим процессам, происходящим в обществе и культуре, так и потребность в заботе об общественном здоровье и определении критериев нормального в отношении поведения, деятельности и самовыражения индивида. При этом тень подозрения бросается на целые группы людей по признаку принадлежности к профессии, по увлечению, склонности или особенностям, выражающимся в эмоциональной реакции или даже манере одеваться. Это подозрение, опирающееся на мистифицированное представление о масштабах вырождения, со временем превращается и в фобию, и в манию – в страх перед грядущей катастрофой и жажду действий по ее предотвращению.

Все это приводит к развитию многочисленных евгенических программ. Заметим, что в их основе по-прежнему находятся научно не обоснованные, мистифицированные идеи, восходящие к гипотезе Мореля. Л. Стоддард – влиятельный представитель евгеники начала XX в. – сформулировал экономическое обоснование целесообразности отрицательной евгеники, т.е. фактически отбраковки лиц, в отношении которых может быть предъявлено обоснование, согласно которому они ввиду собственной экономической несостоятельности находятся на иждивении общества. Л. Стоддард, опираясь на идеи Ф. Гальтона, изложенные в «Наследственном гении» отмечает, что «Гальтон обнаружил, что в английской истории успех в жизни был поразительно «семейным делом»... выдающийся отец наиболее вероятно будет иметь выдающегося сына, чем если бы его отец был никем»⁹⁴. Исходя из предложенной гипотезы, Л. Стоддард осуществляет сравнительный анализ влиятельного аристократического рода Адамса (а также рода А. Линкольна и др.) и рода

⁹⁴ Стоддард Л. Бунт против цивилизации. М.: Белые альвы, 2016. С. 58.

бродяги Джуки⁹⁵. Анализ показывает, что в каждом поколении рода Адамса присутствуют выдающиеся граждане, вклад которых в жизнь общества очевиден, в то время как в каждом поколении бродяги Джуки Л. Стоддард находит алкоголиков, психически больных и женщин с крайне сомнительной репутацией. Эта и подобные выкладки влекут вывод о том, что в ряде случаев общество несет огромные траты в отношении целых наследственных линий на протяжении ряда поколений. Л. Стоддард радикализирует данную проблематику. «"Атавистическое восстание"» – такое определение вводит автор в манере постулатов теории Ч. Дарвина. Люди, являющиеся носителями животных атавизмов, соприкасаясь друг с другом, консолидируются и деформируют всю социальную структуру, в которой выросли как популяция паразитов». В своем «Бунте против цивилизации», написанном в 1922 г., «Стоддард обосновывает ключевое понятие своей биофилософии «недочеловек» (underman). Недочеловек... это существо, не соответствующее интеллектуальной и моральной планкам общества, в котором он обитает»⁹⁶. В ходе «антиотбора» «недочеловеки» становятся революционной силой, руководствуясь «ложной» идеей равенства, и восстают против основ самой человеческой цивилизации. Помимо отрицательной евгеники, Л. Стоддард культивирует и положительную евгенику, связывая ее с достижениями науки вообще и биологии, в частности. Именно новое биологическое знание, генетика, евгеника поможет вырастить новых лидеров цивилизации. Можно утверждать, что Л. Стоддард закладывает основы будущей нацистской биократии – из трудов Л. Стоддарда в Германию проникает понятие «унтерменш» (untermensch), являющееся дословным переводом underman.

Работы Л. Стоддарда и ряда других радикальных евгенистов способствовали запуску реальных программ отрицательной евгеники, направленных на одновременную «борьбу с вырождением» и экономию общественных затрат на тех, от кого общество не получит отдачи. «Евгенический дискурс и законодательная практика вокруг вопроса об обязательной стерилизации "асоциальных" и "умственно неполноценных" явно стояли на

⁹⁵ Стоддард Л. Бунт против цивилизации. С. 93-95.

⁹⁶ Стоддард Л. Бунт против цивилизации. С. 8.

повестке дня западных промышленно развитых стран в начале этого столетия...»⁹⁷. Так, в рамках юридической практики в США «евгеника» и «расовая гигиена» рассматривались как приемлемая основа для нормативно-правовых актов и осуществления правовых мер воздействия. Л. Люстгартен (L. Lustgarten) отмечает, что только на английском языке существует не менее дюжины книг, затрагивающих проблематику принудительной стерилизации “неисправимых”, “слабоумных” и некоторых “низших” народов. Все эти работы предшествуют уничтожению евреев и других народов, начатому во время войны. Л. Люстгартен отмечает, что наряду с англичанами и американцами примерно дюжина наций приняла законы об обязательной стерилизации, стремясь к биологическому улучшению нации варварскими средствами⁹⁸.

Практика принудительной и даже оплачиваемой стерилизации получила широкое распространение. Подобный ход мысли, направленный на применение доступных эпохе радикальных медицинских решений, оптимизирующих, по замыслу адептов, население, можно считать следствием рационализма Модерна, экономического прагматизма капитализма, отголоском протестантской бережливости или утилитаристской морали. Как бы то ни было, эти биополитические практики в начале века еще только получали распространение и были далеки от своего апогея. На момент прихода Гитлера к власти евгенические исследования в США и Великобритании опережали немецкие, так же как практика применения средств отрицательной евгеники. Но именно Германии суждено было достигнуть пределов возможностей (а именно мрачных глубин) евгеники образца начала XX в. Именно в Германии отрицательная евгеника приняла форму «расовой гигиены», вобрав в себя идеи Мореля, Ломброзо, Чемберлена, Гобино, Стоддарда и многих других «расологов», евгенистов, криминологов, психиатров и юристов. Благодатной почвой для нацистской биократии – подлинного средоточия национал-социализма – стало возникшее в Германии государство нового типа, в котором вождизм, корпоративизм, милитаризм, популизм и опора на насилие шли рука об руку с верой в

⁹⁷ Darker Legacies of Law in Europe. The Shadow of National Socialism and Fascism over Europe and its Legal Traditions. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing 2003. С. 109-110.

⁹⁸ См.: Darker Legacies of Law in Europe. С. 125-127.

мистифицированные результаты исследований, превратившиеся в особый культ «расы», ведущей в духе социал-дарвинизма непрерывную борьбу за выживание против внешнего врага и врага внутреннего – биологического вырождения.

В. Клемперер обнаруживает корни немецкого нацизма в романтизме. Он считает, что «расовое учение, из которого произвольно вывели привилегию германства и его монополию на принадлежность к человечеству, учение, в своих крайних выводах ставшее лицензией на жесточайшие преступления в отношении человечества, коренилось в немецком романтизме»⁹⁹. Именно восприятие и интерпретация романтических взглядов на народ, его ценности и традиции, славное прошлое и величие, переработанные в духе идеологии «крови и почвы» рядом авторов, среди которых особо В. Клемперер выделяет Ж.А. Гобино, становятся основой нацистской биократии. «Если проследить ее теоретическое выражение в истории, то получается прямая линия, ведущая... от Розенберга через... Х.С. Чемберлена к французу Гобино. Трактат последнего «*Essai sur l'inégalité des races humaines*»... впервые учит о превосходстве арийской расы, о высшем и единственно заслуживающем звания человеческого чистопородном германстве и об угрожающей ему опасности со стороны семитской крови... Здесь содержится все необходимое для Третьего рейха философское обоснование...»¹⁰⁰. В конце XIX в. появляются теоретические конструкции и практические инструменты, формирующие нацистскую биократию как доктрину и практику. Еще в 1896 г. А. Плоц ввел понятие “расовой гигиены” в немецкую медицину. Впоследствии именно расовая гигиена выполняла функцию отрицательной евгеники в биополитической модели нацистской биократии. Идеи о расовой неполноценности некоторых народов, необоснованности помощи неизлечимым психическим больным высказываются в немецкой медицинской литературе начала XX в. В 1918 г. Г. Сименс в брошюре «Что такое расовая гигиена?» высказывает в духе Стоддарда об упадке человечества, если генетически непригодным будет позволено размножаться больше, чем следует. В 1920 г. А. Хох и Р. Биндинг формируют понятие «*Lebensunwerten Lebens*» (жизни, не

⁹⁹ Клемперер В. ЛТІ. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 178.

¹⁰⁰ Клемперер В. ЛТІ. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога. С. 175-176.

стоящие того, чтобы жить). Для них «пустые человеческие оболочки» в психиатрических больницах должны быть уничтожены в качестве гуманного акта.

М. Оякангас отмечает, что внимание многих исследователей в Германии обращается к наследию Платона и, в частности, античной биополитике. М. Оякангас особо выделяет эссе А. Ропера «Древняя евгеника» (1913). Ропер считает, что общества всегда практиковали евгенику, однако древние греки, и в первую очередь – Платон в теории, а спартанцы на практике – подняли евгенику на новый, государственный уровень. Платон систематизировал евгенику и сделал ее обязательной для государственной власти. Помимо Ропера, целый ряд нацистских философов выразили энтузиазм по поводу творчества Платона как собственного идеологического предшественника, полагая, что Платон построил свой идеальный город на основе расовой гигиены и расового отбора¹⁰¹. Гитлер испытывает влияние евгенических идей – идей как отрицательной, так и положительной евгеники. Впоследствии это приведет к широкому использованию биополитического инструментария медекализации как в форме расовой гигиены, апофеозом чему станут концентрационные лагеря и лагеря смерти, так и в форме программ здравоохранения, направленных на поощрение (даже принуждение) рождаемости и пропаганду здорового образа жизни. Р. Эспозито отмечает, что в Германии проводились передовые исследования и осуществлялась самая мощная кампания того периода против рака, ограничения использования асбеста, табака, пестицидов и красителей, поощрение распространения натуральных продуктов и вегетарианской кухни, а также оповещение всех о потенциально канцерогенном воздействии рентгеновских лучей¹⁰². Безусловно, это противоречивое единство политики жизни и работы смерти следует рассматривать через призму центральной моральной оппозиции – как только утверждение о том, что существуют некоторые «жизни, недостойные жизни» приобрело значение «истины», суждение «ни одной “жизни, недостойной жизни” не существует» приобрело значение «ложь». Эта антикантианская мораль позволяла обеспечивать заботу об одних и одновременное уничтожение других. Поданная под соусом

¹⁰¹ См.: Ojakangas M. On the Greek Origins of Biopolitics: A Reinterpretation of the History of Biopower. New York: Routledge. 2016. С. 13.

¹⁰² Esposito R. Bios: Biopolitics and Philosophy. С. 114-115.

борьбы народов за выживание против внешних угроз и внутреннего вырождения, подобная биополитическая программа позволяла отбирать и перераспределять собственность, уничтожать, превращать в рабов и т.п.

Ф. Ленц называет национал-социализм “прикладной биологией”, что выражает сущность сложившейся в Германии формы государственности предельно точно без обращения к, в данном случае, скрывающим смысл политологическим формулировкам. Следует отметить, что данное определение национал-социализма подтверждается широким вовлечением медицинских работников в национал-социалистическое движение. Медики, состоящие в рядах нацистского движения, составляли сравнительно большую долю относительно тех, кто в движении не состоит, нежели, например, юристы или представители иных профессий. Медики играли важную роль как в разработке теории вырождения и общественного здоровья, так и в практиках «утилизации» неугодных, представая в качестве ангелов смерти и технического персонала, берущего на себя функции палача. Именно медицинским работникам была отведена роль введения смертельной инъекции и подачи газа в газовую камеру. Медикам национал-социализм присвоил роль жрецов биократии. Р. Эспозито отмечал, что Г. Вагнер – «фюрер немецких врачей до Леонардо Конти», заявлял, что врач «должен вернуться к своим истокам, он должен снова стать священником, он должен стать священником и врачом в одном». В этой логике «решение о том, кого следует оставить в живых, а кого приговорить к смерти, принадлежит врачу и только врачу... именно он и только он обладает знанием того, что квалифицируется как действительная жизнь, наделенная ценностью, и, следовательно, способен установить пределы, за которыми жизнь может быть законно прекращена»¹⁰³. Глава отдела распространения Циклона-Б в Освенциме И. Мруговский говорил о «божественной миссии врача» и «священнике священного пламени жизни». Он же [к слову, И. Мруговский был приговорен к повешению в Нюрнберге за участие в распространении Циклона Б – Д.П.]

¹⁰³ Esposito R. Bios: Biopolitics and Philosophy. С. 114.

«написал введение к книге XIX в. по медицинской этике, которую нацисты перепечатали, чтобы оправдать свое дело»¹⁰⁴.

А.Л. Каплан также склонен считать, что нацистская биократия явилась смесью науки, политической идеологии и квази-религии, которая завершилась проектом окончательного решения еврейского вопроса, или Холокоста. «Нацисты пытались создать последовательное мировоззрение или религию для надлежащего использования результатов человеческой генетики. Эта точка зрения была достаточно последовательной, чтобы ее можно было назвать религией. У нее был свой собственный священный язык. Верующие не говорили о генах; они молились крови. Слово «ген» было наречием, которое использовали ученые, слово «кровь» было священным словом для верующих. Только сумасшедший нацист-фундаменталист... верил буквально в наследство по крови. Те, кто правильно различал науку и религию, но принял нацистскую религию, были настоящими архитекторами нацистской Германии»¹⁰⁵.

Симбиоз идеологии, организованного бюрократического управления нацистского государства и медицины привел к осуществлению широкомасштабных программ, суть которых вслед за Х. Арендт можно охарактеризовать как «перманентную селекцию» – «селекцию, которая никогда не должна останавливаться»¹⁰⁶. Программы «расовой гигиены» на научной (а по сути наука стала вывеской для идеологии) основе (например, в 1927 г. был создан Институт антропологии, наследственности человека и евгеники в Берлине) последовательно охватывали все разрастающийся круг населения. Начавшись с психически больных, медико-идеологические программы постепенно распространились на людей, имеющих увечья и хронические заболевания, нетрудоспособных, и, наконец, на людей, принадлежащих к определенным этническим группам (цыгане, евреи, славяне). Х. Арендт справедливо отмечала, что перманентная селекция в конечном итоге обратилась в отношении немецкого

¹⁰⁴ When Medicine Went Mad. Bioethics and the Holocaust. Edited by Arthur L. Caplan. Center for Biomedical Ethics, University of Minnesota, Minneapolis, Minnesota. Springer Science+Business Media, LLC. 1992. С. 148.

¹⁰⁵ When Medicine Went Mad. С. 43, 46-47.

¹⁰⁶ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. С. 511.

народа с намерением фильтрации на основе многочисленных критериев всех без исключения граждан Третьего Рейха с целью выявления жизней, не достойных жизни. «Категория объективного врага сохраняется после уничтожения первого идеологически определенного врага... нацисты, предвидя завершение уничтожения евреев, уже предпринимали необходимые предварительные шаги для ликвидации польского народа, тогда как Гитлер планировал даже казнь некоторых категорий немцев...»¹⁰⁷.

В 1931 г. Г. Гиммлер приказывает, чтобы члены СС получали разрешение на основании наследственного и расового здоровья на вступление в брак. В 1932 г. Государственный совет здравоохранения Пруссии рекомендует принять закон, разрешающий «добровольную» стерилизацию шизофреников, маниакально-депрессивных больных, врожденных эпилептиков и лиц с другими врожденными психическими дефектами. Создано более двадцати институтов расовой науки и расовой гигиены. Не менее десяти журналов публикуют исследования на тему расовой гигиены. К 1933 г. около 2800 врачей (6% представителей медицинской профессии) вступили в нацистскую лигу врачей. Это в три раза превышает показатель для населения в целом. В 1933 г. был принят закон, требующий увольнения евреев с государственной службы, а также принят закон, отменяющий право на практику в системе социальной медицины, если врач не имеет арийского происхождения или был членом коммунистической/ социалистической партии. 14 июля 1933 г. был принят Закон о предотвращении генетически больного потомства. Закон разрешает стерилизацию всех, кто страдает «генетически обусловленными» заболеваниями, включая слабоумие, глухоту, слепоту, тяжелый алкоголизм, болезнь Хантингтона, шизофрению, тяжелые пороки развития и безумие. В июле 1933 г. созданы концентрационные лагеря для «врагов государства» в Берлине и Дахау. В 1934 г. созданы суды по делам о генетическом здоровье и для применения Закона о предотвращении генетически больного потомства. Врачей обязали регистрировать все генетические дефекты и проходить обучение по генетической патологии. В 1935 г. были приняты так называемые Нюрнбергские законы, исключаящие евреев из гражданства и запрещающие брак

¹⁰⁷ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. С. 551.

или половые сношения между евреями и гражданами немецкой или родственной крови. Все потенциальные партнеры по браку должны быть осмотрены врачом, чтобы предотвратить «расовое загрязнение». В 1936 г. Р. Риттер начинает исследование по выявлению и отслеживанию перемещений цыган в Германии. В 1937 г. была проведена стерилизация потомков смешанной расы, появившейся в результате оккупации Рейнской области после Первой мировой войны французскими колониальными войсками из Африки. К осени 1939 г. было выполнено 350–400 тысяч операций по принудительной стерилизации, при этом 2000 человек умерли в результате послеоперационных осложнений. В октябре 1939 г. Гитлер издает приказ, разрешающий немецким врачам совершать принудительные убийства из «милосердия» (gnadentod) пациентов, признанных неизлечимо больными. Начинается программа эвтаназии для психически больных взрослых. Экспертные группы были сформированы для вынесения суждений об эвтаназии для новорожденных с тяжелыми нарушениями. К концу войны погибло около 5000 детей. В январе 1940 г. врачами проведены эксперименты в Бранденбургской больнице, чтобы найти оптимальный газ для массового убийства. В июле 1941 г. начинаются массовые расстрелы евреев, цыган и психически больных. К августу 1941 г. было убито 70 тыс. психически больных. Еще 70 тыс. пациентов умирают в течение следующих четырех лет. В сентябре 1941 г. проведены первые эксперименты под контролем врачей по использованию «Циклона Б» для убийства русских военнопленных в Освенциме. В октябре 1941 г. начинается планирование создания лагеря смерти в Белжеце (Польша). В Риге, Минске и Киеве осуществляются убийства с помощью огнестрельного оружия или смертельной инъекции психически больных. 20 января 1942 г. состоялась Ванзейская конференция по окончательному решению еврейского вопроса. Гиммлер объявляет политику «уничтожения через работу». В марте 1942 г. в Белжеце и Маутхаузене начинаются массовые отравления газом. В апреле 1942 г. В. Абель провозглашает, что существует только два возможных ответа на расовую угрозу, исходящую от Советского Союза: либо уничтожение русского

народа, либо германизация его северных элементов. В конечном итоге было убито около 3 млн. русских военнопленных¹⁰⁸.

Предел этого процесса перманентной селекции можно увидеть в «Телеграмме № 71» из бункера Гитлера в осажденном Берлине, в которой он предписывал уничтожить немецкий народ в силу того, что он оказался слаб и, значит, неся в себе признаки вырождения, не достоин жизни. Это означает, что «трансцендентальным нацизма была в большей степени жизнь, нежели смерть, даже если, как это ни парадоксально, смерть считалась единственным лекарством, способным сохранить жизнь. В телеграмме № 71... предельная суть нацистской антиномии внезапно становится ясной: жизнь некоторых и, наконец, жизнь одного санкционируется только смертью каждого»¹⁰⁹. Это окончательное решение в отношении нацистской биократии – идеократически усиленного биополитического проекта, в котором переплелись психиатрические гипотезы и евгеника, ресентимент и реваншизм, расизм и антисемитизм, рационализм и мистицизм. Нацистская биократия легла тенью на евгенику и на определенное время приостановила исследования в области «улучшения» человека.

В рамках «Суда над врачами», ставшего частью Нюрнбергских военных трибуналов, был сформулирован «Нюрнбергский кодекс – это список из десяти этических принципов проведения медицинских экспериментов с привлечением человека (добровольное согласие испытуемого, недостижимые другими методами положительные результаты, согласованность степени риска с гуманитарной важностью проблемы и т. д.)»¹¹⁰. Эксперименты и широкомасштабные программы расовой гигиены нацистов (что можно отнести как к Германии, так и к Японии) стали шоком для человечества. Именно поэтому о «Суде над врачами» говорилось как о прецеденте мирового значения, носящим бессрочный характер. «Настоящее дело по существу является обвинением, которое народы мира предъявляют этим

¹⁰⁸ Составлено на основании *When Medicine Went Mad. Bioethics and the Holocaust* под редакцией А.Л. Каплана (с. 80-92). Список преступных деяний по осуществлению расовой гигиены не является исчерпывающим.

¹⁰⁹ Esposito R. *Bios: Biopolitics and Philosophy*. С. 116.

¹¹⁰ Синченко Г.Ч. «Суд над врачами» и Нюрнбергский кодекс 1947 г.: часы или облако? // *Онтология и аксиология права: тезисы докладов и сообщений науч. конф.* Омск: Омская академия МВД России, 2021. С. 45.

людям, совершившим преступные акты против общества, которое мы знаем как весь мир... истинное значение данного процесса выходит далеко за пределы установления виновности или невиновности данных подсудимых... Настоящий процесс взывает к нормам морали, существующим в мире...»¹¹¹.

Однако, прошло время, и прогресс науки (вообще) и медицинских технологий (в частности) вновь вывели на сцену многочисленные проекты, направленные на преобразование человека. Безусловно, связь евгеники с нацизмом и расизмом дискредитировали ее. Со временем были осознаны не только аморальные, но и антинаучные основания евгеники. «На смену государственной биополитике приходит биополитика рынка репродуктивных и геномных услуг. Формируется концепция «либеральной евгеники», ориентирующейся на безусловное признание прав граждан самим решать репродуктивные проблемы, в том числе, если они того пожелают, улучшать качество генома своих потомков»¹¹². Добровольное информированное согласие, желание клиента, стремление людей к более продолжительной, активной, счастливой жизни стали драйвером для развития биотехнологий, намеренно воздействующих на организм человека в желательном для него направлении. Болезненный пароксизм нацистской биократии, нацеленной на благополучие одной отдельно взятой нации за счет прочих, ранжированных «высшей» расой, был преодолен. Были определены строгие границы, за которые ученый, политик и доктор не вправе выходить. Но добровольность, приватность, естественное стремление к лучшему и прогресс науки, техники и технологии проложили путь современному преемнику евгеники – биоургии, в рамках которой возникли новые программы исследований и были сформулированы заманчивые цели, среди которых самой вожаделенной стало физическое бессмертие человека.

Выделим еще один важный аспект проблемы. Первую половину XX в. можно рассмотреть под углом борьбы евгенических проектов. По сути, каждая из конкурирующих идеологий, заявивших о себе на международной арене в начале XX в., предлагала свой проект «нового человека». Типологизируем эти проекты.

¹¹¹ Нюрнбергский процесс. Суд над нацистскими судьями: Сб. материалов. М.: Юридическая литература, 1970. С. 112–113.

¹¹² Тищенко П.Д. Биовласть в эпоху биотехнологий. М.: Институт философии РАН, 2001. С. 10.

Тогда в качестве противоборствующих сторон можно рассматривать: аристократический евгенический проект, пролетарский (советский) евгенический проект, нацистский евгенический проект и рыночный евгенический проект. Аристократический проект исходил из многовековой практики аристократического правления и делал ставку на традиционные привилегии и способы формирования аристократии. «Голубая кровь» – краеугольный камень этой доктрины. Поскольку аристократическая евгеника предусматривает сознательный отбор к власти по признаку происхождения, постольку данный проект можно рассматривать как проявление стихийной евгеники. Антипод аристократа-патриция в рамках этого проекта – простолюдин-плебей. Монархическая государственность начала XX в. поддерживала данную традиционную систему взглядов. Однако события первой мировой войны неожиданно вывели на авансцену истории иные идейные течения, в которых отчетливо прослеживается евгенический бэкграунд. Пролетарский евгенический проект сделал ставку на пролетария – того, чей вклад в общественную жизнь в Древнем Риме ограничивался исключительно детьми. «Пролетарий – не имя социологически идентифицируемой общественной группы. Это имя того, кто не учтен, *outcast*'а. По-латыни *proletarii* означает попросту: те, кто воспроизводят себя; те, кто просто живут и воспроизводят себя, не обладая именем и не передавая его; не учитываемые в качестве стороны в субъективном формировании города»¹¹³. Однако угнетенный класс в марксизме рассматривался как *tabula rasa* – «раса» нереализованного потенциала, а потому созидательная, гибкая – люди, которым можно придать форму, невиданную ранее. В пролетарии советская власть видела огромный потенциал, требующий реализации. Предоставление пролетариату власти на всех уровнях, как ожидалось, способно произвести грандиозные изменения. Приобщенный к образованию и науке, культуре и искусству, пролетарий, не имея пороков аристократа и буржуа, способен на невиданные свершения. Аристократический и пролетарский евгенические проекты – антагонисты. Аристократ не видит в пролетарии творческой потенции. Пролетарий не усматривает в аристократии творца своего счастья. Пролетарская

¹¹³ Рансьер Ж. На краю политического. М.: Праксис, 2006. С. 103.

евгеника видела врага в аристократе, она – ниспровергатель традиций. Движение, активность – подлинная стихия пролетарской евгенического проекта.

Точно так же, как и нацистского евгенического проекта, сделавшего ставку на сверхчеловека, раса которого будет создана на основании «перманентной селекции» генетически неповрежденного материала «истинных арийцев». Унтерменши-вырожденцы – подлинный враг нацистской евгеники. Нацистский проект пытался создать неоаристократию на основании радикальной ксенофобии и шовинизма. В отличие от аристократической евгеники, придававшей существенное значение происхождению, а, значит, наследственности, нацистский проект наследственность фетишизировал, сделав ее ядром идеологии. Нацистский проект радикализировал средства отрицательной евгеники и экспериментальным путем вырабатывал технологии евгеники положительной, заручившись средствами науки своего времени.

Наконец, рыночный евгенический проект сделал ставку на «булочника» А. Смита, который, достойно справляясь с конкуренцией, служит себе и обществу. Рыночное общество, в котором «каждый должен быть для самого себя и для своей семьи, так сказать, предприятием»¹¹⁴, оформляется по модели конкурентоспособного предприятия, осуществляя отбор успешного «человека-предприятия», предоставляя ему преимущества. Антипод булочника А. Смита – именно римский пролетарий: иждивенец, тунеядец, лентяй и лодырь – loser. Буржуазное общество уделяло внимание наследственности. Буржуазные семейные ценности, трудовая этика, в которой прослеживается протестантский бэкграунд успеха как манифестации богоизбранности человека – все это предполагает набор человеческих качеств, которым в рыночном евгеническом проекте отдается предпочтение. Наличие подобных качеств определяет выбор супруга, карьерный рост. Принадлежность к трудолюбивому, бережливому, предприимчивому семейству рассматривается аналогично знатности происхождения. Те же качества – трудолюбие, бережливость и предприимчивость – отмечали как преимущественные у буржуа столь разные авторы, как М. Вебер и В. Зомбарт. Рыночный евгенический проект сделал ставку на nurture –

¹¹⁴ Фуко М. Рождение биополитики. СПб.: Наука, 2010. С. 262.

формирование общественной среды по законам рынка – что противопоставляет данный проект конкурентам. Среда принималась в расчет и остальными проектами, но в разной мере. Пожалуй, среде большое внимание уделял пролетарский евгенический проект, однако, практика молодого советского государства показала, что вопрос происхождения был одним из важнейших для СССР. Физическое истребление лиц непролетарского происхождения – отрицательная евгеника по-советски – исторический факт. Человек, понимаемый в марксизме как ансамбль общественных отношений, – парадигма и возможности перековки «социально близких» с точки зрения революционного правосознания, и необходимости отбраковки лиц с неблагонадежным классовым прошлым с позиций революционной целесообразности.

Мир сотрясся от титанической борьбы контрпроектов. Первая мировая война продемонстрировала уязвимость аристократического евгенического проекта. Пали монархические режимы в Российской, Австро-Венгерской, Германской и Османской империях. Межвоенное перемирие продемонстрировало взлет новых идейных течений – мир захватила мода на социальный эксперимент, корпоративизм, коллективизм и радикальные формы мировоззрения. Параноидальная перманентная селекция, замешанная на конфронтации, крайней подозрительности и безудержном милитаризме, привела к краху нацистский евгенический проект. СССР, Союзники нашли силы одолеть страны «Оси». Ужасы концентрационных лагерей, явленные миру, положили конец радикальным евгеническим экспериментам. Советский Союз, вяло продолжавший «перманентную революцию», поддерживая национально-освободительные движения и поощряя коммунистические подполья по всей планете, надорвался в этой гонке и распался. Разошедшаяся по всему миру правда о ГУЛАГе, экономические трудности, геронтократия и застой сказались на репутации СССР, homo soveticus утратил черты нового человека будущего.

§ 4. От улучшения к конструированию жизни¹¹⁵

Главным бенефициаром противоборства евгенических проектов оказался умеренный рыночный евгенический проект. Провозглашенный Ф. Фукуямой «конец истории», ознаменованный триумфом рынка и либеральной демократии, венчает окончание холодной войны. Но, представляется, что история далеко не закончена. Эпоха селекции, в конечном итоге приведшая к торжеству идеи отбора на основании личных достижений в условиях среды, предоставляющей широкие возможности для самореализации, плавно переходит в эпоху апгрейда. Евгеника постепенно вновь вышла из тени. «Только в конце 80-х годов под влиянием успехов геномных исследований евгеника, преодолевая серьезнейшее сопротивление в научных кругах и в среде общественности, вновь становится предметом обсуждений»¹¹⁶. Сторонники концепции технологической сингулярности полагают, что грядет эра нового евгенического проекта. Он радикальнее всех предыдущих. Его основание не селекция и наследственность, а тотальное вмешательство в геном, тело и жизнь человека. Трансформация техносферы ведет к появлению многочисленных аугментаций – устройств, дополняющих и преобразующих телесность человека. Р. Курцвейл рассуждает о возможности того, что с определенного момента человек будет способен придавать такой вид своему телу, который он сочтет нужным. При этом прогресс НБИК-технологий способен породить и мир людей-трансформеров в духе мрачного трансгуманизма П. Бачигалупи; и виртуальный псевдо-Эдем под патронажем дружественного искусственного суперинтеллекта; и мир без людей, подчиненный целям недружественного искусственного суперинтеллекта – «последнего изобретения человечества», исключившего существование человека как такового (Дж. Баррат, Н. Бостром).

¹¹⁵ В тексте параграфа использованы фрагменты статей автора: Попов Д.В. Биополитика и технология: формы и инструменты негантропной и конфирмантропной стратегии // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. № 1. С. 38–41. Попов Д.В. Рождение биополитики: от муштры тела к заботе о жизни // Евразийский юридический журнал. 2020. № 3. С. 423–429. Бавсун М.В., Попов Д.В. Биополитический бэкграунд уголовной политики // Философия права. 2019. № 4. С. 75–84.

¹¹⁶ Тищенко П.Д. Биовласть в эпоху биотехнологий. С. 10.

Биоургия – гипотетический переход к неизвестному. До сих пор не ясно, возможна ли биоургия как реальная стадия развития человечества. «Очень сомнительно, что пророчества Курцвейла и ди Грея сбудутся к 2050-му или хотя бы к 2100 году. По моему мнению, надежды на вечную юность пока преждевременны... По правде говоря, современная медицина пока что не продлила отмеренную нам природой жизнь ни на один год. Чего она действительно достигла – это избавила нас от безвременной смерти и подарила нам полноценное существование»¹¹⁷. Скепсис оправдан, но во времена Ж. Верна описанные в его романах изобретения также воспринимались как невероятные. Если наука и биотехнологии сумеют отодвинуть границу смерти и расширить возможности человеческой телесности в рамках длительной и полной здоровьем жизни, то существует ли предел у биоургии? Возможно, «существует твердая, непреодолимая, упрямая сущность биологической неотложности, биологической необходимости и биологического здравого смысла»¹¹⁸. Только пределы биологической природы человека могут прервать шествие апгрейда жизни.

Биоургия следует за той стадией биоанисихии, которая представлена современным хронотопом. Биоургия, возможно, означает окончание привычных нам форм жизнепрживания. На этой стадии биополитика трансформируется в технобиополитику, коррелятивную новому состоянию жизни. Мы уже живем в эпоху кризиса биополитики, поскольку все привычные биополитические ценности ныне подвержены инфляции. Рост населения, потребления и продолжительности жизни рассматриваются амбивалентно. Сам вектор к аугментациям телесности и апгрейду жизни сформирован настойчивым желанием разрубить гордиев узел проблем жизни с использованием достижений научного прогресса. В целом, историю человечества можно интерпретировать как историю форм управления жизнью, форм «жизнеотношения». Человечество прошло значительный путь от эксплуатации возможностей собственной телесности на этапе биохрисиисы через систематическое и целенаправленное создание искусственной среды, обслуживающей тело и жизнь человека к первым попыткам

¹¹⁷ Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. С. 37-38.

¹¹⁸ Уилсон Э.О. О природе человека. М.: Кучково поле, 2015. С. 131.

конструирования тела и апгрейда самой жизни, что, возможно, станет повесткой биоургии – наиболее амбициозного этапа развития человеческой технократической цивилизации. Пользование данными при рождении свойствами и забота о теле и жизни, характерные для биохрсии и биоанисихии находят свое продолжение в конструировании тела и основных параметров жизни, характерных для биоургии. Конструирование – это забота о жизни в проекции создания новых возможностей ради пользования ими. Конструирование предстает как синтез пользования и заботы: забота ради пользования и пользование как забота. Именно биополитика как квинтэссенция заботы о теле и жизни подготовила возможный переход к биоургии. Именно биополитика настойчиво помещала тело и биологическую жизнь в поле пристального внимания власти и знания. Изучая и контролируя человека в погоне за созданием послушного тела, биополитика определила развитие биологии, медицины, психологии, психиатрии, прикладных вычислительных методов, в том числе с использованием компьютерной техники, что подготовило биоургическую революцию.

Забота о жизни закономерно ведет к размышлениям о границах жизни. Эта проблема для человека является одной из наиболее волнующих и интригующих. Примирение со смертью традиционно достигалось человеком через удвоение мира, предлагаемое религией. Жизнь земная предстает лишь как звено потенциально вечной жизни, достижимой при выполнении определенных условий. Следует отметить, что религиозная картина мира весьма лояльна к человеку, даже несмотря на угрозы наказания в случае невыполнения договора, вытекающего в той или иной конфессии из положений вероучения. Последовательный атеизм не удваивает мир и не предлагает человеку ни второго шанса, ни альтернативного земной жизни измерения. Однако, по мере научно-технического прогресса люди стали задумываться о возможности продления земной жизни вплоть до обретения физического бессмертия. Подобная мечта – «синица в руках», если сравнивать с «журавлем в небе» вечной потусторонней жизни, несомненность которой дает вера и перед которой склоняется разум как перед тем, что не разумно отвергать (вспомним о «религии в пределах только разума» И. Канта или о «пари Паскаля»). Мечта о долголетию не на основе

религии или магии (в духе эликсира жизни и т.п.), а на основе рациональных достижений в пределах только науки, техники и технологии с течением времени формирует тенденцию к трансформации биоанисихии в биоургию.

Так, М.Ж.А.Н. Кондорсе в своем «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума», изданном в 1794 г., полагает, что человечество способно создать рай на земле благодаря своему разуму. С точки зрения Кондорсе, ценность жизни сопряжена с индивидуальным существованием, безопасностью и наибольшей продолжительностью посюсторонней жизни. Будучи философом и математиком, Кондорсе «считает проблему бессмертия математической проблемой исчисления бесконечно малых и полагает, что в условиях бесконечных временных периодов кончина от старческой немощи будет постепенно отодвигаться все дальше, и благодаря этому такая глупость, как смерть, в конце концов, исчезнет, так что каждый станет своего рода Мафусаилом и тем самым достигнет своеобразного посюстороннего бессмертия, вечно длежащегося индивидуального земного бытия»¹¹⁹. Кондорсе полагает, что по мере развития современного государства на началах разума, научного знания, просвещения и рационального управления полиция обеспечит общественный порядок и безопасность, дипломатия – мир, воспитание – взаимное уважение и доброту людей, рационально организованная экономика – процветание. В рамках улучшающихся условий жизни долголетие выступает необходимым следствием. Эта модель рассуждений лежит в основе многих последующих, гораздо более развернутых и дополненных систем взглядов. Ю.Н. Харари полагает, что современные индустриальные общества за несколько последних веков практически одолели голод, мор и войну. Победа над голодом, болезнями и войной, справедливости ради, в период пандемии и обострения международных отношений не выглядящая очевидной, формирует новую теологию для «разумного» и «объединенного» человечества: бессмертие, блаженство, божественность. «Предсказать, что человечество постарается достичь бессмертия,

¹¹⁹ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: Владимир Даль, 2006. С. 154-155.

блаженства и божественности, – все равно как предсказать, что человек, строящий дом, захочет перед дверью устроить газон. Вероятность велика»¹²⁰.

Для понимания положительного образа физического бессмертия важным является представление, которое было сформулировано основателем течения «русского космизма» Н.Ф. Федоровым, с точки зрения которого в Троице человеку явлен образец безусловной любви Сына и Духа к Отцу, что делает смерть невозможной, а жизнь – бессмертной. В мире, не обратившемся к безграничной любви, господствует рождение и смерть. Но это лишь временное состояние мира, вызывающее к любви к ближнему и, как следствие, к долгу воскрешения предков. «Когда в мир рожденные... объединятся в любви к отцам, рождение обратится в воссозидание, а смерть в оживление. Мир, или все миры небесные, будут управляемы разумом, т.е. всеми возвращенными к жизни поколениями, в чем и состоит долг...»¹²¹. Н.Ф. Федоров предложил моральное оправдание стремлению к физическому бессмертию. Моральное оправдание легитимирует процесс научных изысканий в области иммортологии. Х.Л. Кордейро и Д. Вуд, демонстрируя достижения современной науки на пути к бессмертию в книге с говорящим названием «Смерть должна умереть: Наука в борьбе за наше бессмертие», совершенно в духе Н.Ф. Федорова определяют смерть как болезнь и укор человеческому разуму за неспособность найти от нее лекарство. Авторы убеждены, что люди несут нравственную ответственность за существование смерти – главной причины человеческих страданий. Они считают, что впервые в истории появилась возможность одолеть смерть. Отмечая тяжесть и мучительность возрастных заболеваний, переживаемых человеком как высшую несправедливость, а также детскую смертность, Х. Кордейро и Д. Вуд обосновывают точку зрения, что борьба со смертью – и дело, и долг каждого. Люди должны избежать этой участи всеми силами¹²².

Итак, технологические возможности и моральное оправдание позволяют человеку надеяться, а человечеству стремиться к физическому бессмертию. Эта

¹²⁰ Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. С. 211, 81.

¹²¹ Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Том III. М.: Традиция, 1997. С. 258.

¹²² Кордейро Х.Л., Вуд Д. Смерть должна умереть: Наука в борьбе за наше бессмертие. М.: Альпина Паблицер, 2021. С. 27-28.

наиболее сложная и, значит, удаленная цель включает в себя целый ряд промежуточных. Победа в войне со смертью складывается из многочисленных сражений. Биоургия как конструирование и даже апгрейд человеческой телесности и жизни встраивается в контекст войны со смертью в логике оптимизации, рационализации и human enhancement (улучшения человеческого потенциала). Трансгуманистическая логика трансформации человека в постчеловека в чем-то похожа на логику Р. Декарта, рассуждавшего об исторически сложившемся обществе как нагромождении случайных решений, закрепленных людьми в традиции, что может и должно быть пересмотрено с позиций пронизательного разума. И если ряд исследователей буквально призывают скорейшую и радикальную трансформацию человеческой телесности и самого способа существования человека, то многие, отдавая себе отчет в наступлении возможных необратимых последствий, выражают обоснованное сомнение. Например, О. ди Грей, занимающийся проблемой борьбы со старением как важной стороной борьбы со смертью, замечает, что когда всерьез высказывается мысль о том, чтобы победить старение, исключив его из причин смерти, наиболее распространенной реакцией «становится расписывание негативных последствий – неуправляемого перенаселения, бессмертных тиранов, элитарного использования средств против старения и прочих “ужасов”»¹²³.

О последствиях умеренной и радикальной биоургии, трансформирующей телесность и жизнь человека, размышляют фантасты и философы. Обратимся к фантастике. П. Бачигалупи – представитель алармистской версии биопанка. В рассказе «Поп-отряд» (Pop Squad, 2006) медицинские технологии позволяют человеку продлевать жизнь неограниченно долго. Для этого лишь требуется периодически проходить комплексные процедуры омоложения. Человек может продуктивно трудиться и получать удовольствие от жизни как никогда раньше. Однако, обратная сторона медали – перенаселенность планеты. В мире, где

¹²³ De Grey A. with Rae M. Ending Aging: The Rejuvenation Breakthroughs That Could Reverse Human Aging in Our Lifetime. St. New York, Martin's Press, 2007. Цитата дана по неофициальному российскому переводу, распространенному в русскоязычном интернете: Ди Грей О., Рэй М. Отменить старение. М.: Институт Биологии Старения, 2011. С. 9. URL: <https://studfile.net/preview/1779703/> (дата обращения: 23.01.2022).

смерть стала исключением из правил, жизнь новорожденного исключается. Главный герой рассказа входит в состав спецподразделения, целью которого является обнаружение матерей (чаще всего одиночек, сознательно ограничивших контакт с миром), решившихся на нелегальную беременность и роды. Найденные женщины и дети уничтожаются. Подобная работа законна, более того, моральна с точки зрения нового мира. Все, что связано с рождением и воспитанием ребенка, новые земляне воспринимают с плохо скрываемым отвращением. Тот же образ «популяционной полиции», занимающейся розыском новорожденных с целью предложения матери выбора, в рамках которого в живых должна остаться либо мать, либо ребенок, можно обнаружить в романе «Будущее» (2013 г.) Дм. Глуховского.

В рассказе «Люди песка и шлака» (The People of Sand and Slag, 2004) П. Бачигалупи военизированная охрана на отдаленном горно-обогатительном комбинате обнаруживает вторжение. Молниеносный десант с мини-геликоптеров без парашютов обнаруживает злоумышленника – собаку. В процессе десантирования бойцы получают различной степени травмы, но биотехнологически развитые способности организма к регенерации таковы, что повреждения молниеносно нейтрализуются, а функции организма восстанавливаются. Способность организма человека к регенерации такова, что даже потерянная конечность будет воссоздана силами организма. Колонии бактерий, населяющие желудок и кишечник новых земель, могут извлекать питательные вещества из песка и шлака. Живая собака, впервые в жизни увиденная взрослыми людьми, не способна питаться едой людей и вскоре от истощения и случайной травмы умирает. Люди, недоумевая от неприспособленности к жизни пса, не испытывают особых страданий, из любопытства изготавливают из собаки барбекю и лакомятся им.

Человеку – существу смертному – безусловно, импонирует идея бессмертия. Именно это разгоняет современные исследования в области иммортализма. Однако, как отмечает Ю.Н. Харари, есть и обратная сторона проблемы: «Как бы вы себя чувствовали... если бы вашему боссу перевалило за сто лет, он мыслил бы категориями эпохи королевы Виктории, а вам предстояло бы подчиняться ему еще пару десятилетий? <...> Если бы люди жили до 150, то в 2016 году Сталин

еще правил бы в Москве, бравый в свои 138, Председатель Мао в свои 123 был бы крепким мужчиной среднего возраста, а принцесса Елизавета сидела бы сложа руки в ожидании трона, еще занятого 121-летним Георгом VI»¹²⁴.

В трилогии Р. Моргана «Видоизмененный углерод» физическое бессмертие достигнуто, он описывает способ существования человека (довольно неприглядный с нравственной точки зрения), недоступный для современной биотехнологии. Во вселенной Моргана мир людей расколот, успешное меньшинство и неудачливое большинство живут, по сути, в разных реальностях, интересы привилегированных групп существенно отличаются от интересов основной массы населения. Шокирующей истиной трилогии является то, что цивилизация, замахнувшаяся на бессмертие, может обрести уже при своей жизни подлинную смерть, скатившись в мрачное *inferno* совершенной технократии.

Но это художественный образ будущего. Биопанк и киберпанк – фантастика. Предвидеть негативные сценарии развития человечества важно, но насколько они фатальны? Возможен ли счастливый для человека исход технологического прогресса? Наука допускает подобную возможность. Так, влиятельный представитель распространенного в научном мире учения о технологической сингулярности Р. Курцвейл утверждает, что потенциальная возможность бессмертия человека, который модернизирует свою телесную оболочку, появится уже к середине XXI в. Он полагает, что в это время дополнение с целью улучшения человеческих тел и мозга небиологическими системами станет нормой, никак не влияя на целостность личности. Практика использования, замены, апгрейда аугментаций будет рассматриваться так же, как естественное обновление клеток организма. Курцвейл полагает, что мы уже движемся по этому пути, в значительной степени передав нашу память гаджетам и облачным хранилищам. Расширение возможностей и удобство – главные причины, которые неминуемо подтолкнут человека к использованию аугментаций¹²⁵. Это – заявление ученого, что не отменяет вероятную ошибочность прогноза. Подобная постановка вопроса звучит все чаще.

¹²⁴ Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. С. 37-38.

¹²⁵ См.: Курцвейл Р. Эволюция разума. М.: Эксмо, 2015. С. 282-283.

Работают лаборатории, фонды, институты. О. Ди Грей, геронтолог и идейный лидер Фонда Мафусаила (Methuselah Foundation), считает своей задачей приближение времени, когда человек победит старость, воспринимаемую как болезнь, и будет наслаждаться вечной юностью: «Люди веками не понимали, что требуется для полета, но, решив эту задачку, двинулись вперед семимильными шагами. Аналогичным образом, мы с незапамятных времен считали старость непобедимой, однако уже в ближайшем будущем наверняка с нею справимся. После этого все станет намного проще, как и с усовершенствованием первых поднявшихся в воздух самолетов: быстро появятся методы все более масштабного и глубокого омоложения»¹²⁶. Обри ди Грей предлагает рационально сформулированную и градуированную программу развития омолаживающих методов, вводя в оборот понятие «скорость убегания от старости» (СУС). О. ди Грей предлагает тем, кто всерьез участвует в гонке за бессмертием, уже сейчас проходить программы омоложения, находящиеся на переднем крае науки, для того, чтобы добиваться продления собственной жизни на определенный срок в расчете на то, чтобы ко времени проведения следующего существенного усовершенствования продолжать жить. Каждое же последующее усовершенствование воздействует на организм комплексно и замедляет старение в большей степени, отодвигая фатальную черту смерти. Программа, основанная на принципе «скоростного убегания от старости», позволяет постепенно накапливать фору, в результате чего процесс ускользания от возрастной дегенерации продлевается настолько долго, насколько исследователям-геронтологам потребуется времени для создания новых противовозрастных методов, одно из поколений которых, может быть, станет заключительным, гарантируя окончательную победу над старением¹²⁷.

Именно в этой парадигме смертельной гонки со смертью в расчете на окончательный отрыв от нее рассуждает и живет Р. Курцвейл. В «Transcend. Девять шагов на пути к вечной жизни» он популяризирует идею технологического достижения физического бессмертия уже в ближайшее время,

¹²⁶ Ди Грей О., Рэй М. Отменить старение. С. 332.

¹²⁷ См.: Ди Грей О., Рэй М. Отменить старение. С. 333.

поскольку человечество уже сейчас стоит на пороге взрывного роста биотехнологий, которыми будет ознаменовано достижение точки технологической сингулярности. «То есть если я просто сделаю все девять шагов, из которых состоит ваша программа «Преодоление», я правда смогу жить вечно?... Единственная загвоздка состоит в том, что... какое-то время стоит поддерживать свое здоровье старомодными способами... А из-за взрывной природы экспоненциального роста «еще какое-то время» окажется намного более коротким периодом, чем предполагает большинство людей»¹²⁸.

Безусловно, медицинские технологии развиваются. Ожидаемая продолжительность жизни неуклонно возрастает. Так, если в 1000 г. н. э. она составляла в среднем в мире 24 года, в 1820 г. – 26 лет, в 1950 г. – 49 лет, то в 2003 г. этот показатель составил уже 64 года, а в 2030 г. может составить 70,2¹²⁹. Современные тенденции позволяют утверждать, что человечество медленно, но верно движется в сторону появления возможностей радикального апгрейда жизни. Важным событием на пути к биоургии явился эксперимент по применению технологии CRISPR/Cas9 по отношению к человеку, осуществленный Хэ Цзянькуем (He Jiankui). «Основываясь на уверенности в безопасности использования для отключения гена методики группа Хэ генетически отредактировала оплодотворенные человеческие яйцеклетки. Отредактированные эмбрионы были успешно имплантированы, а последующая беременность привела к рождению девочек-близнецов с условными именами

¹²⁸ Курцвейл Р., Гроссман Т. Transcend. Девять шагов на пути к вечной жизни. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. С. 378-379.

¹²⁹ Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Институт Гайдара, 2012. С. 115, 509.

Следует отметить, что демографическая статистика напрямую связана с центральной ролью, которую и статистике, и заботе о жизни населения стала отводить биовласть. Рост продолжительности жизни – прямое следствие медиализации жизни и инвестиций в население. Забота о населении требует статистических сведений о нем, из этого рождается демография. Инвестиции в население способствуют как увеличению продолжительности жизни, так и увеличению численности населения. За последние два с небольшим столетия произошел стремительный рост населения на планете. В 1820 г. на Земле проживало 1,042 млрд. человек. В 2003 г. население планеты составило 6,279 млрд. человек. (Указ. соч. С. 113). С начала новой эры до 1820 г. население выросло почти пятикратно. За последующие 180 лет произошло шестикратное увеличение численности населения. В 2030 г. ожидается, что на Земле будет около 8,2 млрд. человек.

Нана и Лулу»¹³⁰. Дело Хэ, воспринятое единодушно как нарушение норм биоэтики, тем не менее явилось вызовом юриспруденции, неоднозначно оценившей эксперимент Хэ с позиций права. Например, профессор Пэн Синьлинь утверждает, «что проведенное Хэ Цзянькуем генетическое редактирование является научным исследованием. Хотя содеянное им и является нарушением норм медицинской этики, неочевидно, что оно должно оцениваться как преступление»¹³¹. Представляется, что подобные эксперименты фактически открывают шлюз, возможно, ведущий в мир «Гаттаки» (Gattaca, Э. Никкол). Valid (годные) и In-Valid (не-годные, «божьи дети») «Гаттаки» – возможный сценарий применения технологий генетического редактирования.

При этом масштаб и последствия технологии генетического редактирования трудно переоценить. Н. Бостром отмечает, что уже сегодня процедура экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) предваряется генетической диагностикой, позволяющей выявить предрасположенность к ряду заболеваний, грозящих человеку в зрелые годы. Генетическая диагностика позволяет сконструировать пол будущего ребенка, заложить возможность донорства стволовых клеток еще не рожденного ребенка. В ближайшие десятилетия спектр моделируемых параметров возрастет, а затраты на генотипирование и секвенирование генома уменьшатся. В обозримой перспективе появится реальная возможность конструирования тела и даже личностных качеств ребенка. Роль будет возрастать по мере понимания преимуществ процедуры. Драйвером распространения ЭКО станет осознание того, что технология дает перспективу одаренности и отсутствия генетической предрасположенности к болезням у ребенка. Сравнительно незначительные затраты на проведение процедуры, ставшей рутинной, и расчет на ожидаемые в будущем высокие доходы талантливого ребенка составляют экономическое обоснование для распространения технологии. «По мере того как процедура начнет пользоваться все большей популярностью, особенно среди элитарных слоев общества, может произойти культурный сдвиг в нормах воспитания – в результате выбор в пользу ЭКО станет свидетельством

¹³⁰ Генетические исследования: законодательство и уголовная политика. Екатеринбург: Лаборатория SAPIENTIA, 2019. С. 234-235.

¹³¹ Генетические исследования: законодательство и уголовная политика. С. 254.

ответственного отношения людей к своим родительским обязанностям. В конечном счете даже скептики поддадутся моде, чтобы их дети не оказались в проигрышном положении по сравнению с улучшенными чадами их друзей и коллег»¹³². Прогноз Н. Бострома свидетельствует о возможных формах евгеники ближайшего будущего. Следует признать, что евгеника – заманчивый, но потенциально крайне опасный, как уже отмечалось в предыдущем параграфе, путь трансформации человека. Исторически так уж «сложилась судьба евгеники, что при упоминании о ней, по образному выражению лауреата Нобелевской премии по физиологии и медицине П. Медавара, всегда будет стоять “нестерпимый запах газовой камеры”»¹³³. По мнению В.С. Овчинского, современные эксперименты с геномом могут привести к созданию «геноломброзианства» – новейшей версии учения Ч. Ломброзо о наследственных дефектах, определяющих судьбу человека.

Человек уже сейчас идет по пути собственной трансформации. М. Каку считает, что для человека киборгизация – превращение в живое существо, слитное с техническими устройствами и дополненное технологиями – неизбежно и происходит уже прямо сейчас. «Это слияние произойдет по нашей воле, – ведь лишь после него мы сможем покорять Вселенную... А однажды мы встретим инопланетян и будем очень удивлены: они тоже окажутся частично роботизированными и частично органическими, потому что это самый эффективный способ существования. Не стоит бояться слияния с технологиями, этот процесс уже давно запущен. Люди тысячелетиями совершенствуют себя технологическим путём...»¹³⁴.

Еще совсем недавно утверждения Д. Харауэй из «Манифеста киборгов» звучали эпатажно, но уже сегодня они не кажутся чрезмерными. «Конец XX в., наше время – это мифическое время, мы все – химеры, выдуманные и вымышленные гибриды машины и организма; короче, мы – киборги. Киборг –

¹³² Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. С. 50-52.

¹³³ Овчинский В.С. Криминология и биотехнологии. М.: Норма, 2005. С. 35.

¹³⁴ URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/03/vsenauka-v-novoi-stanut-li-liudi-kiborgami> (дата обращения: 01.02.2022).

наша онтология»¹³⁵, – отчеканила Д. Харауэй. Полагая, что «киборг – это кибернетический организм, помесь машины и организма, создание социальной реальности и вместе с тем порождение вымысла», Д. Харауэй описала картину мира, где «люди не боятся своего двойного родства с животными и машинами»¹³⁶. Но этот мир, действительно, уже окружает человека. Киборг в качестве живого организма, обладающего новыми способностями (или возвращающего себе потерянные способности) благодаря вживленной электронике и/или механике, будучи гибридом природно-биологической телесности и искусственно-технологических дополнений (имплантов, бионических протезов, аугментаций), существует. Более того, становится привычной картиной повседневности. Делегирование «кремниевому экзокортексу» смартфона, мобильного и стационарного компьютера части функций собственного мозга привычно для современного человека и уже сейчас вызывает серьезную обеспокоенность у тех, кто считает такое приобретение «троянским конем». М. Шпитцер, Н. Карр, А. Курпатов предостерегают от чрезмерной гаджетизации, которую, например, Шпитцер уподобляет использованию костылей здоровым человеком, что влечет негативные последствия атрофии интеллекта, подобной атрофии мышц в первом случае. Люди пользуются кардиостимуляторами, все более совершенными слуховыми аппаратами, бионическими протезами, совершенство которых стремительно возрастает. Прорывом стало использование нейроинтерфейсов, что позволяет соединять периферийные устройства непосредственно с мозгом. Н. Дойдж описывает возможности обращения слепых в зрячих с использованием свойства нейропластичности мозга, когда для восстановления зрения при помощи нейроинтерфейса приспособляется та часть непораженного неокортекса, которая отвечала за другие функции. Современные импланты позволяют людям управлять бионическими протезами буквально силой мысли. Все более

¹³⁵ Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. С. 324.

¹³⁶ Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. С. 323, 331.

совершенные камеры позволяют посылать сигналы с искусственной сетчатки через зрительные нервы в зрительные зоны неокортекса.

Пройдет время, искусственное зрение и искусственный слух могут стать совершеннее врожденных. Более того, необычные периферийные устройства могут симулировать такого рода органы чувств, которыми человек никогда не обладал (эхолокация; чувство магнитного поля, как у птиц; симулированная боковая линия, как у рыб). Это симулякры – копии без оригинала – и в этом отношении они являются чистым расширением возможностей человека – не восполнением, но дополнением и расширением, доказывая выгоды киборгизации. М. Каку в «Будущем разума»¹³⁷ размышляет о телепатии, телекинезе, брейн-нете, экзоскелетах и экзотелах-аватарах, слиянии разумов и бесконечной жизни, сопряженной с едва ли не божественным могуществом в постоянно совершенствуемой технико-технологической среде, как о реальной перспективе человеческого разума и человечества.

Складывается впечатление, что повествование Б. Стерлинга из «Схизматрицы», где противоборствуя друг другу, «шейперы» и «механисты» постепенно совершенствуют «среду» и «наследственность» человека, претворяется в реальную жизнь. Однако, если подобное положение и выглядит по-прежнему фантастическим, определенный путь в этом направлении уже прослеживается. И речь не обязательно идет об имплантах или аугментациях с функциями нейроинтерфейса. «Человек подключенный»¹³⁸ активно пользуется возможностями предиктивной медицины искусственного интеллекта и нейросетей, осуществляя мобильный мониторинг и тем самым повышая дисциплину здоровья. За счет сращивания с технологиями происходит технологический тюнинг человека, предвещая формирование новых свойств организма. Р. Брайдотти, размышляя о клонированной овечке Долли, обнаруживает в ней символ нашего киборганического настоящего. «Когда мы думаем о Долли, мы размываем мыслительные категории, унаследованные нами из прошлого... это существо – больше не животное, все еще не вполне машина –

¹³⁷ См.: Каку М. Будущее разума. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.

¹³⁸ URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/03/vsenauka-v-novoi-stanut-li-liudi-kiborgami> (дата обращения: 01.02.2022).

является символом постчеловеческого состояния»¹³⁹. Еще один киборганический синтетический образ научно-лабораторной среды и измененной искусственной наследственности – «первое запатентованное животное на свете, трансгенный организм, созданный ради научных исследований, онкомышь – постчеловеческая тварь во всех возможных смыслах слова»¹⁴⁰. Сконструированная ради научных исследований онкомышь является зримым образом взаимодействия науки, технологии, рынка, биополитики и морали, если принять в расчет цели борьбы со смертоносной болезнью.

О.В. Попова приводит целый ряд примеров, отсылающих к воплощению идей киборгизации, трансгуманизма и иммортализма, относящихся к настоящему времени и отнюдь не связанных с фантастикой. Так, «Генриетта Лакс, страдающая тяжелой формой рака шейки матки, внесла огромный вклад в развитие клеточных технологий... именно Генриетте суждено было стать донором клеточной линии HeLa, первой линии человеческих клеток, культивируемой в лаборатории. Линии бессмертных клеток»¹⁴¹. Клеточная линия HeLa, полученная на основе клеток организма Г. Лакс, является продуктом биотехнологий, необходимым для разработки лекарств, которые станут необходимым дополнением в организмах других людей, продлевая им жизнь. Этот синтез природного и искусственного, природного и научного – своеобразная киборганическая среда существования людей, которые пытаются в своем сознании осмыслить этот феномен в категориях традиционной культуры. «В обсуждении проблемы бессмертия клеток HeLa проникли коннотации о бессмертии души... Особенности поведения клеток HeLa... предоставили повод близким Генриетты Лакс усмотреть в ее клетках ангелоподобную природу, и соотнести бессмертие клеток с ее воскрешением. Клетки – это и есть Генриетта. И она бессмертна...»¹⁴². В этом случае бессмертие в форме технико-технологического продления жизни и в религиозной интерпретации сходятся в

¹³⁹ Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Институт Гайдара, 2021. С. 143-144.

¹⁴⁰ Брайдотти Р. Постчеловек. С. 144.

¹⁴¹ Попова О.В. Тело как территория технологий. С. 195.

¹⁴² Попова О.В. Тело как территория технологий. С. 198.

одной точке, наделяя клеточную линию HeLa свойствами самостоятельно существующего киборга.

Пример Джахи МакМат¹⁴³, в результате трагически сложившихся обстоятельств пережившей смерть мозга, но, в силу наличия сердцебиения, попавшей (в силу конфликта юридических и медицинских интерпретаций жизни и смерти Джахи МакМат приобрела неопределенный статус) в пограничное состояние между жизнью и смертью на протяжении 2013–2018 г.г., олицетворяет киборганическое единство клиники, организма человека и системы правосудия. Перед нами поистине биополитическая ситуация властного распоряжения жизнью в условиях неопределенности политико-правового решения.

Противоположный пример стремительно принимаемого юридического решения о смерти при наличии зафиксированной смерти ствола головного мозга, но еще продолжающихся органических процессах в органах тела, демонстрирует Дж. Агамбен, рассматривая «неоморта» как часть биополитической индустрии трансплантологии. В кейсе Анахиты Мешкин, отец которой отказался отключать от аппаратов жизнеобеспечения дочь, у которой была констатирована смерть мозга, но у которой впоследствии были зафиксированы реакции на шипки поверхности тела, что привело к отзыву диагноза и продолжению лечения, можно наблюдать конфликт в пределах новой киборганической реальности человеческого организма, дополненного возможностями клинической среды. Без этой среды организм бы умер; с ней он – ни жив, ни мертв; и длительность такого киборганического состояния зависит от юридической казуистики. «Их работа – очистка кроватей, а наша задача – отбиваться»¹⁴⁴. Такая формулировка заостряет проблему конфликта новейших технологий реанимации, ясных медицинских критериев границ жизни и их юридической интерпретации.

Наконец, следует отметить, что путь от человека к человеку-киборгу определяется, как и следует из Нюрнбергского кодекса, не принудительностью, а добровольностью и в значительной степени приоритетом частной инициативы над государственными программами. Одним из важных звеньев в этом процессе

¹⁴³ Попова О.В. Тело как территория технологий. С. 178-182.

¹⁴⁴ Попова О.В. Тело как территория технологий. С. 182.

является биохакинг, который, оказывается в эпицентре процессов демократизации науки и перераспределения знания и власти¹⁴⁵. Именно биохакинг (от био- и англ. hacker, от to hack – обтёсывать, делать зарубку; хакер – кто-либо, делающий мебель при помощи топора) является расширяющимся течением, в котором энтузиасты любительских исследований в области биологии (в том числе в молекулярной биологии) добровольно и частным порядком (буквально в режиме DIY – do it yourself) осуществляют эксперименты над собою (от диет и регламентации образа жизни до рискованных процедур с использованием различных лечебных средств, технических устройств и физических явлений) с целью добиться положительного эффекта, сказывающегося на здоровье, трудоспособности, долголетию. В общем-то, и геронтологические программы О. ди Грея или Р. Курцвейла можно отнести до известной степени к биохакингу. В биохакинге сочетаются телеология биоургии, академическая и «гаражная» наука, лаборатория и дом, высокие стандарты медицинского знания и неожиданный рискованный маневр, обусловленный возможностью экспериментатора принять решение относительно себя самого, полагаясь исключительно на личную ответственность перед собой (что, надо сказать, в медицине исторически встречалось неоднократно – достаточно вспомнить Г. Минха, Л. Пастера, М. Петенкофера, А. Бира, Д. Ласара, Г. Хэда, Н. Миновици, В. Форсмана, Ф. Талызина, Б. Маршала и др.); само-принуждение (побуждение) и добровольность. От «хакеров» биохакеры взяли кустарность домашнего производства, любопытство, пытливость и изобретательность. «Био-» задает для биохакинга стремление к модификации собственного тела и жизни в желательном направлении, что делает биохакинг массовым течением биоургии в настоящее время.

Видя в биохакинге отражение противостояния «львов» академической науки и «лис» «гаражной» DIY-индустрии здоровья, С.Ю. Шевченко, К.А. Петров, А.А. Филатова полагают, что биохакинг является иллюстрацией процесса кастомизации науки, описанного С. Фуллером. «Кастомизация науки стала возможной так же, как и ее универсализация, а именно за счет передачи научного

¹⁴⁵ Шевченко С.Ю., Петров К.А., Филатова А.А. Биохакинг: изменяя себя, переформатировать науку // Человек. 2021. Т. 32, № 6. С. 58-73.

авторитета определенного корпуса людей, выполнявших роль гильдии, абстрактному методу, который, в принципе, мог использовать кто угодно и с какой угодно целью»¹⁴⁶. Биохакеры, опираясь на доступный корпус сочинений в области биологии и медицины, технические возможности современного общества, снабженческие возможности экономики и коммуникативный потенциал всемирной сети, в рамках самоорганизации по интересам, движимые стремлением к совершенствованию себя и своих жизненных возможностей, реализуют исследовательские программы, успешные результаты некоторых из которых становятся, словно программы «с открытым кодом», достоянием общества. Безусловно, это рискованные практики, требующие перепроверки и контроля, но сама эта деятельность оказывается, в интересующей нас плоскости расширения биоургии, субверсивной в отношении монополии экспертного сообщества, незыблемости академической науки, строгости демаркации между официальной наукой и неофициальной творческой экспериментальной деятельностью. «Результатом становится то, что я назвал «протнаукой» [т.е. протестантская наука], поскольку теперь люди понимают науку по-своему, примерно в том же смысле, в каком в период протестантской Реформации они стали понимать по-своему Библию»¹⁴⁷.

В биохакинге находит свое яркое выражение то, что Дж. Аномалия назвал «либеральной евгеникой». «Новой» евгенике, оформившейся на рубеже XX–XXI вв. свойственны демократичность, индивидуальный характер (микроевгеника), свобода и условная непринудительность, самостоятельное принятие решения взрослым / родителем, осознанный в т.ч. репродуктивный выбор, нацеленность на будущие и текущие поколения, генетический детерминизм и редукционизм, наличие позитивного и негативного компонентов, построение на научной основе своего времени¹⁴⁸. Большинство из этих свойств присущи и биохакингу. Представляется, что биохакинг в режиме активной заботы

¹⁴⁶ Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть. М.: Высшая школа экономики, 2021. С. 228.

¹⁴⁷ Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть. С. 23.

¹⁴⁸ Ковба Д.М. Евгеника как направление научной мысли и практика селекции человека в конце XIX – начале XXI вв. С. 15-16.

о собственном теле, здоровье, жизни является одним из драйверов (наряду с более общими основаниями проблематизации здоровья в условиях ухудшения окружающей среды, а также прогресса технологий *per se*) как «новой» евгеники, так и биоургии как особого типа отношения к жизни, все более настойчиво претендующего на статус парадигмы современности.

Наконец, еще одной тенденцией, соответствующей биоургии, является прогресс в области компьютерных технологий и виртуальной реальности. Мало того, что без компьютерных технологий немислим прогресс биотехнологий, сами по себе цифровые технологии предлагают заманчивые перспективы трансформации человеческой телесности и жизни. Н. Бостром, Э. Юдковски, Дж. Баррат, М. Тегмарк делают зримыми перспективы благотворного влияния «дружественного» искусственного интеллекта на жизнь человека вплоть до возможности частичного или полного пребывания в виртуальной реальности во время жизни или после смерти в качестве загрузки сознания в специально организованной техногенной среде. Безусловно, такая перспектива превосходит возможности современной технологии, но мечта о бессмертии способствует проведению соответствующих исследований. Наряду с уже существующими индустрией трансплантологии, возможностями 3D-печати органов, имплантатами, аугментациями, применением стволовых клеток, биоактивных веществ, практик омолаживания организма и иных биотехнологий, мы можем констатировать, что биоанисихия, основанная на инфраструктуре заботы о жизни, постепенно качественно трансформируется в биоургию, целенаправленно превращающую конструирование и даже апгрейд тела и жизни в господствующую тенденцию.

Конечно, сама по себе трансформация не избавляет от вопросов, которые Ф. Фукуяма суммировал следующим образом: «Наиболее серьезная угроза, создаваемая современной биотехнологией, – это возможность изменения природы человека и в силу того – перехода к “постчеловеческой” фазе истории»¹⁴⁹. В биополитическом измерении, о котором речь пойдет дальше, одной из граней биоургии становится проблема возможной дифференциации между успешным

¹⁴⁹ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ ; ЛЮКС, 2004. С. 18.

меньшинством, с выгодой для себя трансформировавшим свою телесность, и большинства, не имеющего доступа к подобным технологиям: «И окончательный вопрос, который поднимает биотехнология, таков: что случится с политическими правами, если мы действительно сможем вывести две породы людей: одну – с седлами на спинах, а другую – со шпорами на сапогах?»¹⁵⁰. Печальный опыт нацистской биократии вызывает к осторожности в оценке перспектив биоургии.

Выводы по первой главе

1. В первой главе проведено исследование форм отношения человека к жизни, которая в рамках исследования ограничена рамками в диапазоне от нулевой до конечной точки тела без органов и разворачивается в модальностях органической, психической и сознательной активности. Именно телесно-представленная жизнь человека-индивидуума, сопряженная как с биологическими инстинктами и потребностями, так и с психической и сознательной активностью человека-личности, является предметом управления со стороны власти.

2. В ряду форм отношения человека к жизни выделены биохрися, основывающаяся на эксплуатации природных свойств тела и психики; биоанисихия, в рамках которой развивается социальная сеть инструментов заботы о жизни; биоургия, обращенная к конструированию тела и радикальному видоизменению основных параметров жизни. Формы отношения предстают как усложняющийся ряд от эксплуатации природных возможностей к конструированию жизни.

3. Рассмотрены особенности индивидуальной и социальной жизни человека в рамках биохриси и биоанисихии. Продемонстрирован преобразовательный потенциал заботы о жизни, характерный для биоанисихии. Выявлены предпосылки трансформации биоанисихии в биоургию, обусловленные как новой экономией жизненных ресурсов, так и формированием научно-технических, рационально-бюрократических и социально-экономических практик управления обществом и населением.

¹⁵⁰ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. С. 22.

4. В качестве переходной от биоанисихии к биоургии рассмотрена евгеника, основной интенцией которой стало улучшение природы человека. На примере нацистской биократии показан амбивалентный потенциал намеренного биоургического вмешательства в преобразование человека. Катастрофа, связанная с применением отрицательной евгеники нацистами, интерпретирована как вызов биоургии, требующий внимательного отношения к рискам конструирования человеческой телесности и жизни.

5. В рамках возрождения в послевоенном мире евгеники, основанной на принципах добровольного информированного согласия и индивидуального интереса, рассмотрены перспективы современных биотехнологий, развитие которых постепенно формирует тенденцию киборгизации человека, становящегося не только оператором технических систем в техногенной среде, но и непосредственной неотделимой ее частью. Жизнь человека сейчас находится в непосредственной связи и зависимости от созданных человеком техногенных систем. Конструирование тела и жизни, масштабированное массовыми практиками биохакинга, приобретает характер тренда современности.

Глава 2. Биополитическое распоряжение жизнью

§ 1. Биополитика в исторической перспективе¹⁵¹

Рождение биополитики М. Фуко связывает с XVIII в. – временем формирования нового типа государства, нацеленного на рациональное сочетание правовой регламентации, по преимуществу ординарных политических решений, а также регуляций на основании эмпирически обнаруженной и статистически задокументированной «естественности общества», понимаемой «как специфическая естественность совместного существования людей»¹⁵². В новом типе государства можно усмотреть влияние механической картины мира. Государство мыслится как мегамашина, состоящая из деталей, точно подогнанных друг к другу. Биополитика вносит свои коррективы в представление о государственной мегамашине, рассматривая ее по аналогии с организмом со свойственной ему пластичностью. Если механизм управляется извне, то организм самоуправляется и даже самонастраивается, поэтому новшеством в биополитической парадигме управления становится такое представление об элементах государства (индивидах, населении, организациях, институтах), в рамках которого у них обнаруживают и культивируют свойства, присущие организму. От модели дисциплинарной власти, в которой доминируют методы дисциплинаризации, восходящие к дрессировке (муштра, зубрежка и т.д.), новый тип государства обращается к регуляциям, в которых явное и скрытое принуждение сочетаются с самоорганизацией и автономией.

Новая парадигма управления государством, складывавшаяся в процессе перехода от суверенной власти к биовласти, выражала тенденцию, которую М. Фуко обозначил как «обуправливание государства»¹⁵³. Обуправливание государства – заложенная в XVIII в. тенденция научного, рационально-

¹⁵¹ В тексте параграфа использованы фрагменты статьи автора: Попов Д.В. К вопросу о рождении биополитики: загадка, которую не замечают // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. № 1. С. 82–93.

¹⁵² Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. С. 451.

¹⁵³ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 164.

технического и бюрократического управления биологической жизнью людей. Для такого рода «управленчества» (фр. *gouvernementalite*) характерно «доминирование того типа властных отношений, который можно назвать „правлением“ над суверенитетом и дисциплиной, и вызывающую развитие, с одной стороны, целого ряда специфических учреждений управления, а с другой – целой категории особых знаний»¹⁵⁴. «Оправительствление» государственности, следуя мысли М. Фуко, является переходом от государства юстиции и административного государства XV–XVI вв. к новому типу государства, в котором под эгидой правительства учреждается единая система институтов, способных непрерывно и всеохватно воздействовать на жизнь населения в желательном для правительства направлении. Новая парадигма «управленчества» проникает во все сферы жизни общества, регулирует, поддерживает, нормирует, стимулирует самые разнообразные начинания индивидов. Бювласть конструирует население, опираясь на статистику и статистически выявляемую норму, делая ставку на всесторонность и вездесущность воздействия на население (т.н. микрофизику власти), позволяющую в том числе видоизменять норму поведения в рамках телеологии власти. Предметом воздействия бювласти становится не столько индивид, сколько население: «Конечная цель – нечто иное, как население. В качестве значимой цели выступает как раз оно, а индивиды, серии индивидов, группы индивидов, множество индивидов этим статусом не обладают»¹⁵⁵. Именно население как прежде не известная юридическому и политическому мышлению общность «обнаруживает себя и в качестве объекта, то есть того, в отношении чего... добываясь от него определенной реакции, используют механизмы воздействия, и в качестве субъекта, поскольку требуется, чтобы оно вело себя тем или иным образом»¹⁵⁶. Население как сконструированный бювластью субъект-объект не тождественно ни народу, ни нации, ни этносу. Важнейшей стороной населения с точки зрения биополитики становится его изменчивость под влиянием воздействий извне и импульсов изнутри, что в сумме позитивно сказывается на развитии национального государства (*nation-state*, от лат. *natio* – рождение). М. Фуко

¹⁵⁴ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 163.

¹⁵⁵ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 69.

¹⁵⁶ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 69.

пишет о том, что новый тип государства озаботился «работой желания»¹⁵⁷. Именно желание становится драйвером в развитии оправительственного государства. Как следствие, управляющее воздействие на население трансформируются в заботу о населении, актуализируются представления о счастье и благополучии, «добром правлении». Биополитика делает ставку на игре с ненулевой суммой, в рамках которой выгоды от заботы обо всех сторонах жизни населения получают и власть, и население. Население увеличивает свое благосостояние, биовласть пожинает экономические, военно-политические и прочие плоды возрастающей отдачи от населения.

Вследствие центрального для биовласти узла приложения усилий, выражающегося в жизнедеятельности населения, под биополитикой М. Фуко понимал «то, как начиная с XVIII в. пытались рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присущими всем живущим, составляющим население: здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, потомство»¹⁵⁸. Однако М. Фуко оговаривается, что, во-первых, биовласть отнюдь не является радикальным преодолением суверенной власти и типа управления, который ему свойствен, во-вторых, биополитический компонент можно обнаружить в практиках власти и до XVIII в. Возникает закономерный вопрос о датировке времени рождения биополитики. Является ли биополитика феноменом эпохи Модерн или подобный тип управления можно обнаружить в предшествующие эпохи? Существует консенсус, в рамках которого биополитику связывают с Модерном. Вместе с тем, биополитика Модерна не родилась на пустом месте, в ее основе лежат древние практики управления, на которые в дальнейшем и будет обращено внимание.

Действительно, М. Оякангас, соглашаясь с тем, что биополитика получает широкое распространение с XVIII в., тем не менее совершенно обоснованно демонстрирует, что как в теории (в трудах Платона и Аристотеля), так и на практике античный город-государство следует считать тем пространством, в котором биополитика широко применялась в области социального управления.

¹⁵⁷ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 110-113.

¹⁵⁸ Фуко М. Рождение биополитики. С. 405.

Как убедительно показал М. Оякангас, знаменитые труды Платона («Государство», «Законы», «Политик») и Аристотеля («Политика») имеют отчетливо выраженную биополитическую составляющую. Классики моделировали «самое счастливое из возможных государств»¹⁵⁹. В государстве, целью которого становится благая жизнь всех и индивидуальное счастье каждого, вместе с тем, предпринимаются целенаправленные усилия по контролю над процессами, связанными с жизнью каждого гражданина. Платон и Аристотель не просто касаются важнейших тем биополитики, а именно половых отношений и брака, деторождения и ухода за детьми, здравоохранения, образования, рождаемости, миграционных процессов, экономики и т.д., но делают эту проблематику центральной для политики и искусства управления¹⁶⁰.

И для Платона, и для Аристотеля население было объектом управления, оба считали, что конечными целями политики являются безопасность и благополучие полиса, которые зависят от количества и качества его населения. Отметим, ставя во главу угла безопасность и благополучие, биополитика Платона и Аристотеля совершенно соответствует современной биополитике. Платон подчеркивает, что, создавая государство, правители не стремятся сделать «особенно счастливым один из слоев его населения, но, наоборот... все государство в целом»¹⁶¹.

Аристотель вторит ему, утверждая, что «государство не может считаться счастливым, если принимается во внимание лишь какая-либо часть, а не вся совокупность граждан»¹⁶². Следуя Аристотелю, государство создается «преимущественно для того, чтобы жить счастливо», целью государства «является благая жизнь», государство существует «ради достижения совершенного самодовлеющего существования, которое... состоит в счастливой и прекрасной жизни»¹⁶³. Аристотель выступает за жесткое регулирование численности населения. В государстве Аристотеля регулирование рождаемости

¹⁵⁹ Ojakangas M. On the Greek Origins of Biopolitics: A Reinterpretation of the History of Biopower. New York: Routledge, 2016. С. 12.

¹⁶⁰ См.: Ojakangas M. On the Greek Origins of Biopolitics. С. 6.

¹⁶¹ Платон. Государство. М.: Академический проект, 2015. С. 138.

¹⁶² Аристотель. Политика. М.: РИПОЛ классик, 2010. С. 489.

¹⁶³ Аристотель. Политика. С. 193, 197.

является важнейшей из задач магистратов. Если рождаемость не регулировать, то это влечет бедность, мятеж и преступления.

Аристотель определяет лучший возраст для вступления в брак для женщин и для мужчин, ограничивает репродуктивный возраст, полагая, что лишь в самые лучшие годы жизни каждая пара может служить государству в деле рождения детей, оговаривает, что максимальное количество потомства должно быть установлено государством¹⁶⁴. «Если же у состоящих в супружеском сожитии должен родиться ребенок сверх этого положенного числа, то следует прибегнуть к аборту, прежде чем у зародыша появится чувствительность и жизнь»¹⁶⁵. Половые отношения для людей старше предельного возраста деторождения разрешены исключительно ради здоровья. Согласно Аристотелю, в государстве также должно быть правило, согласно которому ни один ребенок с обнаруженными дефектами не должен воспитываться. Итак, «на биополитический характер воззрений Аристотеля указывают по меньшей мере три обстоятельства. Во-первых, конечной целью политики Стагирит считает процветание полиса и его обитателей; во-вторых, видит путь к достижению этой цели в регулировании качества и количества населения; в-третьих... полагает, что государственная политика должна соответствовать имманентным природным процессам»¹⁶⁶.

В рамках биополитических (более того, евгенических) идей Платона «лучшие мужчины должны большей частью соединяться с лучшими женщинами, а худшие, напротив, с самыми худшими и что потомство лучших мужчин и женщин следует воспитывать, а потомство худших – нет, раз наше стадо должно быть самым отборным»¹⁶⁷. Правители должны целенаправленно сводить вместе невест и женихов. Впоследствии уходом за рожденным потомством занимаются специально обученные должностные лица. Они же в отношении нежелательных новорожденных от худших родителей применяют норму «оставления детей», обрекая их на смерть¹⁶⁸.

¹⁶⁴ Ojakangas M. On the Greek Origins of Biopolitics. С. 39-40.

¹⁶⁵ Аристотель. Политика. С. 527.

¹⁶⁶ Яркеев А. В. Древнегреческие истоки современной биополитики // Полития. 2020. № 2. С. 10.

¹⁶⁷ Платон. Государство. С. 180.

¹⁶⁸ См.: Платон. Государство. С. 180-182.

Платон использует метафоры пастуха и ткача при рассмотрении управленческой деятельности. Правитель, следуя Платону, подобен пастуху, который заботится о благополучии своих овец. При этом пастух является и «пастырем» своего стада, и «пастухом-заводчиком», который для блага стада очищает его, устраняя слабые и болезненные элементы¹⁶⁹. «Всякий пастух... и другие такие же люди не раньше берутся за дело, чем очистят с помощью соответствующего подбора стада, отделив здоровых животных от нездоровых, породистых от непородистых... Но люди заслуживают величайшей заботливости»¹⁷⁰. Для Платона искусство управления – это «искусство пасти людей». Как отмечает М. Оякангас, государственный деятель – это даже не пастух, а управляющий пастухами, владелец ранчо, который заботится обо всем сообществе, управляя пастухами, которые, в свою очередь, заботятся о его отдельных членах. Платон уподобляет политика ткачу. Искусство государственного управления заключается в отдаче приказов и осуществлении надзора, как искусство ткачества заключается в командовании и контроле чесальщиков и иных подмастерьев, готовящих материалы и производящих ткань¹⁷¹. Правитель-ткач создает социальную ткань с использованием инструментов-помощников и нитей-населения.

Биополитика Платона и Аристотеля предельно прагматична. Регулирование жизненных процессов доходит до отбраковки тех, кто, по мнению правителей, портит общественное «стадо». «Представление о жизни, недостойной быть прожитой, не имеющей никакой ценности, – «непристойная изнанка» политики, содержащей в себе биополитику в качестве перверсивного ядра и никогда не исчезающей возможности. Этот соблазн политики перейти на уровень решения вопроса о жизни и смерти наиболее отчетливо проступает в текстах Платона, особенно в «Законах» и «Государстве»¹⁷².

Итак, античные теоретики мыслили полис биополитически, уделяя самое пристальное внимание населению, его количеству и качеству, т.е. благополучию,

¹⁶⁹ Ojakangas M. On the Greek Origins of Biopolitics. С. 80.

¹⁷⁰ Платон. Законы. Послезаконие. Письма. СПб.: Наука, 2014. С. 181-182.

¹⁷¹ Ojakangas M. On the Greek Origins of Biopolitics. С. 81-82.

¹⁷² Яркеев А. В. Древнегреческие истоки современной биополитики. С. 12.

здоровью, труду, образованию, счастью. Модель идеального полиса включает всестороннее воздействие управленцев на население.

Реальный античный полис осуществлял практики, сходные с теоретическими разработками классиков. Например, в Афинах была учреждена астиномия – институт городского управления, непосредственно осуществляющий от лица полиса попечение о гражданах. Отметим, что Астиномами (др.-греч. ἀστυνόμοι) греки называли богов – хранителей городов, наделяя их свойством охранять безопасность города. Астиномы – должностные лица, исполняющие общественно-полезные обязанности для благой жизни в городе. «В системе афинской демократии было множество различных коллегий магистратов, основными функциями которых была организация управления внутри города Афин и порта Пирея, так сказать, городских магистратов»¹⁷³. Среди астиномов были те, кто следили за порядком и чистотой; агораномы, смотревшие за соблюдением правил рыночной торговли; метрономы, отвечавшие за правильность мер и весов; ситофилаки, являвшиеся прообразом зерновой полиции. Также коллегия астиномов выполняла полицейские функции. В общей сложности в различные коллегии в Афинах выбирали около 700 должностных лиц. Данью уважения к начинаниям древних афинян следует считать то, что в современной Греции слово ἀστυνομία (астиномия) обозначает полицию, а ἀστυνομικός (астиномикос) – полицейского. Еще более широкие полномочия и значение для жизни римлян обрели цензоры. «Цензор (от лат. *sensere* – оценивать) – в Древнем Риме государственная должность, утвержденная законом в V в. до н.э. В функции цензора входило в первую очередь проведение цензов, т.е. оценивание имущества граждан, что определяло уровень налогообложения и военные обязательства, финансовый контроль, надзор за общественным имуществом, а также контроль соблюдения нравов»¹⁷⁴. Цензор – хранитель статистических данных о жизни древнеримского государства, попечитель общественного благополучия и нравов, демограф (цензоры могли лишать наследства и налагать штрафы за бездетность, стимулируя рост населения),

¹⁷³ История Древней Греции: М.: Высшая школа, 1986. С. 169.

¹⁷⁴ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. III. М.: Высшая школа экономики, 2018. С. 243.

распределитель материальных благ (цензоры оказывали давление на зажиточных римлян с целью стимулирования благотворительности) – агент биополитического регулирования в рамках заботы о жизни населения. Цицерон в своем проекте общественного устройства наделяет цензоров весьма обширными полномочиями: «Цензоры да исчисляют народ по возрастам и составляют списки потомства, челяди и имущества; да ведают они городскими храмами, дорогами, водопроводами, эрарием, поступлением дани; да распределяют они народ по трибам, делят население по имуществу, возрастам и сословиям, назначают юношество в конницу и пехоту, запрещают оставаться безбрачными, надзирают за нравами народа, не оставляют в сенате опозорившихся людей»¹⁷⁵. Население, забота о населении, статистические сведения, нормы и управление как социально-политической (bios), так и биологической жизнью (zoe) – широко распространенная практика древнегреческих полисов и древнеримского государства, послужившая прообразом для биополитических практик, сложившихся значительно позже в позднем Средневековье, эпохе Возрождения и эпохе Модерн.

Но, возможно, биополитическая проблематика имеет еще более раннее происхождение. Дж. Скотт связывает с биополитикой само происхождение государства. Дж. Скотт демонстрирует, что рождение государства не является мгновенным и повсеместным событием. Он рассматривает формирование первых государств в контексте их непрерывного противостояния безгосударственным народам, обладавшим определенным сложившимся образом жизни охотников и собирателей, предоставляющим ряд выгод. Например, охотники и собиратели в сравнении с жителями государств, прошедшими через аграрную революцию и ставшими оседлыми земледельцами, имели более разнообразный рацион питания; их стоянки не были густонаселенными, не имели соседства с одомашненными животными, вследствие чего не было опустошительных эпидемий, явившихся следствием перехода патогенов от животных к человеку в условиях антисанитарии и скученности в зонах оседлости; наконец, охотники и собиратели были более мобильными, больше знали о флоре и фауне, были лучше интегрированы в природную среду обитания, легче адаптировались к изменениям.

¹⁷⁵ Цицерон Марк Туллий. О государстве. О законах. М.: Академический проект, 2020. С. 201.

Дж. Скотт считает, что «жителей гор следует воспринимать как сообщества беглецов и бродяг, сознательно выбравшие для жизни необитаемые территории и в течение двух тысячелетий спасавшиеся от угнетения, с которым было сопряжено государственное строительство на равнинах, – от рабства, воинской повинности, налогов, барщины, эпидемий и войн»¹⁷⁶.

П. Кластр прослеживает длительное противостояние общества и государства, утверждая, что «первобытные общества – это общества без государства»¹⁷⁷, в которых есть вожди, но нет королей, обладающих полнотой суверенной власти, как нет ни государственного аппарата, ни государственной бюрократии. Первобытные общества ведут «экономику выживания» (фр. «*économie de subsistance*»), «только если мы понимаем под этим не нужду, которая якобы происходит от нехватки... но напротив – отказ от ненужных излишков, намерение согласовывать продуктивную активность с удовлетворением потребностей»¹⁷⁸. Отказ от оседлости и централизации власти, эгалитаризм, семейная экономика, отсутствие монополии на принуждение, сконцентрированной в руках определенной группы лиц, автономия вплоть до добровольности в принадлежности группе – все эти черты М. Салинз, П. Кластр, Дж. Скотт обнаруживают у многочисленных безгосударственных народов, которые избегали огосударствления. «Как говорят, история народов, имеющих историю – это история борьбы классов. Можно сказать с не меньшей уверенностью, что история народов, не имеющих истории – это история их борьбы против государства»¹⁷⁹. Драматическая борьба между стратегией построения государства и отказом от такового длилась довольно долго, завершилась победой государственности, использовавшей ряд эффективных средств, по своему духу совершенно биополитических.

Дж. Скотт демонстрирует, что государство с момента своего возникновения включает в себя элементы биополитики. В возникшем государстве

¹⁷⁶ Скотт Дж.С. Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М.: Новое издательство, 2017. С. 30.

¹⁷⁷ Кластр П. Общество против государства // СТАДИС. 2019. 1. С. 38.

¹⁷⁸ Кластр П. Общество против государства. С. 47-48, 38, 41-42.

¹⁷⁹ Кластр П. Общество против государства. С. 54.

«одомашнивание зерновых – главное условие постоянной оседлости»¹⁸⁰. Аграрная революция сделала ставку на зерновые. Зерно создавало запасы пищи, являлось мерой обмена и налогообложения (посевы видны; сбор урожая происходит в определенный срок; зерно можно перемещать и хранить без ущерба для него; люди нуждаются в зерне для выживания), привязывало земледельцев к плодородным территориям, делало зависимыми людей от техник земледелия и власти, обеспечивавшей безопасность на сельскохозяйственных угодьях. Зерновые, будучи одомашненными культурами, позволили государству одомашнить человека. «Мы склонны позиционировать свой биологический вид как «агента» одомашнивания: «мы» одомашнили пшеницу, рис, овцу, свинью и козу. Но если мы посмотрим на ситуацию под несколько иным углом, то окажется, что это мы были одомашнены»¹⁸¹. Дж. Скотт полагает, что вслед за domestикацией растений и животных последовали практики одомашнивания человека вообще и женщин, в частности, направленные на регуляцию численности населения, властную организацию труда, расселения, миграции, механизмов безопасности.

Суверенная власть, возникшая в Древнем мире со времен Месопотамии, не только обращается к регламентации закона, но и к регуляциям, основанным на жизненных процессах, в круг которых включен человек как биологическое существо. Более того, особая роль статистики, благодаря которой, следуя Фуко, возникает само понятия «населения», имеет древние корни, поскольку учет населения и сбор налогов являются ключевыми элементами в ходе образования государств. Дж. Скотт отмечает, «полезно вспомнить, что рабочее определение подданного королевства фиксировало не столько этнический, сколько гражданский статус – как человека, который должен платить налоги и отрабатывать барщину»¹⁸². Государства Древнего мира осознанно и целенаправленно применяли в отношении населения те же способы, что и биовласть XVIII в.: подданного конструировали с использованием экономических, военно-политических, идеологических и культурных инструментов. Предлагаемая сделка, в ходе которой безопасность обменивалась

¹⁸⁰ Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств. М.: Дело, 2020. С. 65.

¹⁸¹ Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств. С. 108.

¹⁸² Скотт Дж.С. Искусство быть неподвластным. С. 236.

на лояльность и уплату налогов, подразумевала идеологическую обработку и инклюзию в тот порядок жизни, который устанавливало и поддерживало государство. «Граница, показывающая, где начинается варварство, одновременно отмечает, где заканчиваются налоги и зерновые. Китайцы использовали определения «сырой» и «приготовленный», чтобы различать варваров»¹⁸³. Тесная связь между гражданством, учетом населения и налогообложением для Древнего Китая означала, что инкорпорирование в государственное пространство равносильно оплате налогов и звучало как «попасть на карту». Зависимость богатства государства от численности и лояльности населения заставляли власть заниматься «разведением» населения: удерживать подданных гарантиями безопасности, вести набеги с целью захвата рабочей силы, заниматься индокринацией населения на основе создаваемого государством «космологического бахвальства», которое было призвано маскировать политическую и военную несостоятельность.

М. Дуглас убедительно показывает, что своими корнями индокринация уходит в далекое племенное прошлое человечества. Так, племена формировали свои космологии, в которых противопоставлялись порядок и беспорядок, рассматриваемый как угроза, опасность, нечистота и загрязнение. «Как мы знаем, грязь – это по сути беспорядок... Грязь восстает против порядка. Устранение ее – это не негативное действие, а позитивное стремление организовать окружающий мир»¹⁸⁴. Древние общества формировали системы взглядов и ритуалов, направленные на противоборство опасностям и возможности загрязнения. В рамках выстроенной системы упорядоченных отношений осуществляется борьба с тем, что противостоит этому порядку. «Там, где есть грязь, есть и система. Грязь – это побочный продукт систематического упорядочивания и классификации материи, – в той мере, в какой это упорядочивание включает отвержение неподходящих элементов»¹⁸⁵. В рамках космологий древних всякий носитель воззрений и образа жизни, не вмещающийся в предлагаемую систему взглядов, наделяется признаками опасности, беспорядка и нечистоты. Воспринимаемый как

¹⁸³ Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств. С. 52.

¹⁸⁴ Дуглас М. Чистота и опасность. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 23.

¹⁸⁵ Дуглас М. Чистота и опасность. С. 65.

угроза миропорядку, такой человек или группа подвергаются навешиванию ярлыков (клеймению), стигматизации и преследованию. Именно так первые государства относились к безгосударственным народам. Лояльный государству (а, главное, платящий налоги и несущий воинскую повинность) становился добропорядочным гражданином, а нелояльный безгосударственный сосед опознавался как носитель признаков зла, нечистоты и хаоса. Один и тот же человек, в зависимости от его положения относительно инклюзии/ эксклюзии в государство, мог наделяться/ не наделяться определенным набором качеств, и, соответственно, быть преследователем или преследуемым. В этом способе идентификации усматривается биополитическое использование расизма в той расширительной трактовке, которую ему придал М. Фуко¹⁸⁶.

Кроме того, М. Фуко рассматривает «пастырскую власть», выражающую непрерывный, последовательный и всесторонний контроль над духовной жизнью человека с позиций господствующей религиозной и одновременно социально-политической системы взглядов, в качестве одной из ближайших предпосылок зарождения биовласти. Одновременно М. Фуко считает, что дисциплинарное общество с его арсеналом средств формирования привычек и навыков индивида выступает фундаментом биополитики, сочетающей элементы самоуправления в пределах статистически обнаруживаемой нормы, что и составляет саморегулируемую «естественную социальность», и прямого властного распоряжения жизнью людей в рамках системы учреждений, формирующих человека в соответствии с телеологией биовласти. Биовласть – широкомасштабная и систематическая технология властной организации жизни, однако, «космологическое бахвальство», методы устрашения и практики наказания, унификация налогообложения и социально-культурной жизни подданных, а также формируемые механизмы безопасности в обмен на труд, налоги, воинскую повинность и воспроизводство населения можно считать опробованными уже в Древнем мире.

¹⁸⁶ Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука. 2005. С. 268.

В таком случае вопрос о рождении биополитики отодвигается ко времени зарождения государств. Интересным свидетельством является и Библия. Во-первых, заповедь «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт. 1: 28) может рассматриваться как основание демографической, экологической и, как следствие, биополитической и геополитической систем координат в развитии человечества. Во-вторых, библейская история об убийстве Каином Авеля и дальнейшего распространения в качестве приоритетного направления развития не модели кочевого скотоводства и обособленной семейной ойкономии, с которой можно ассоциировать Авеля, а модели зернового земледелия, градостроительства и государственного строительства, с которой Библия связывает именно Каина, позволяет обнаружить неожиданное религиозно-мифологическое подтверждение аргументации Скотта. В-третьих, Ветхий завет изобилует эпизодами, которые можно отнести к области биополитики в ее крайних выражениях, в той модальности биополитики, когда она становится танатополитикой. Так, в Ветхом завете присутствует инфантицид, геноцид, истребление с целью освобождения «жизненного пространства». Эта «политика жизни» средствами «работы смерти» как будто сошла со страниц работ Р. Эспозито, А. Мбембе или Р. Брайдотти, посвященных некрополитике и танатополитике. Но тогда рождение биополитики следует отнести ко временам библейским, то есть древним, как сам мир.

Наконец, обращает на себя внимание исключение из правил, которое, как это часто и бывает, правило подтверждает. Речь идет о том вычете в области биополитического управления, который представляет собой эпоха раннего христианства. М. Оякангас замечает, что христиане отказались от обычных для античной Греции и Древнего Рима практик оставления детей, у которых по определенным правилам, соответствующим медицинским знаниям эпохи, определялись дефекты новорожденных, препятствовавшие, с точки зрения накопленного опыта античных лекарей, нормальной жизни человека в обществе в будущем. Кроме того, христиане запрещали аборты, контрацепцию, любые практики вмешательства в процесс (таинство) появления на свет новой жизни. Безусловно, с появлением христианства «жизнь ребенка, даже жизнь плода в

утробе матери, стала неприкосновенной и, следовательно, недоступной для биополитических манипуляций»¹⁸⁷. Христианство радикально меняет отношение к регулированию численности населения, так что при переходе от языческого к Христианскому Риму разрыв с античной традицией биополитики становится явным¹⁸⁸. Как отмечает М. Оякангас, распространение христианства привело к уменьшению интереса к мирским делам, в т.ч. к экономике и политике; девственность и безбрачие стали считаться более священными состояниями, чем брак и семейная жизнь; закон обрел статус божественного повеления, перестав считаться гибким набором правил для обеспечения безопасности и счастья государства и его жителей; телесная сила стала восприниматься как признак тщеславия и гордости. Умиравший аскет заменил мускулистого атлета в качестве образца для подражания. Можно констатировать, что вмешательство в жизненные процессы стало проблематичным и даже запретным.

Принципиальный отказ от подобных практик был связан с парадигмальным смещением в понимании, во-первых, роли Бога и человека в регуляции жизненных процессов (Бог, а не человек, дарует жизнь; Богу, а не человеку, дано распоряжаться жизнью людей; Бог, а не человек, определяет, жить ли человеку или нет, даже несмотря на то, что человек обладает особенностями, которые люди считают несовместимыми с жизнью), во-вторых, с изменением представлений о целях жизни – так, спасение и праведная жизнь замещают счастье и благоую жизнь в числе приоритетов земного существования человека. Забота о телесном здоровье, воплощенная в образе атлета, вытесняется пренебрежением к потребностям тела в аскезе, а непочетное для античного грека и римлянина безбрачие и девственность получили преимущество перед браком и рождением потомства. Собственно, и государство как политический союз во имя благой жизни уступил место религиозной общине, которая воспринимала государство именно как наследие братоубийцы Каина, как «великую разбойничью организацию» (Августин Аврелий).

¹⁸⁷ Ojakangas M. On the Greek Origins of Biopolitics. С. 123.

¹⁸⁸ См.: Ojakangas M. On the Greek Origins of Biopolitics. С. 120-121.

Парадоксальная логика отрицания государства выразилась, например, у францисканцев в полном отказе от собственности и подчинения закону. Ведущие «евангельскую жизнь», францисканцы стремились уподобиться Христу, принять его «форму жизни». Монахи сознательно включали свою жизнь в режим чрезвычайного положения нахождения в состоянии крайней необходимости ко всему, что составляло жизнь обывателя – пище, жилищу, предметам быта, сексу¹⁸⁹.

Безусловно, вышесказанное не означает, что практики контрацепции, аборта, знахарства исчезают, однако, они становятся маргинальными, преследуемыми, общественно порицаемыми. Происходит инверсия сложившихся практик регламентации и регуляции жизни в обществе на основании идеалов евангельской жизни. Отказ от биополитических инструментов регуляции численности населения, здоровья, труда, общежития получил одобрение Церкви и заложил основы принципиально иного способа организации общественной жизни. В центре этого миропорядка – вечность. Ранние христианские общины «обживают» вечность. В контексте вечности телесность – приходяща, жизнь человека – контингентна, недостатки – поправимы, продолжение рода – сомнительно (ввиду грехопадения человека и, как следствие, порчи земного мира). Приостановку биополитики по греко-римскому образцу тогда можно объяснить переосмыслением предназначения жизни человека. В рамках этого процесса начинает проявляться новая форма биополитики, ориентированная на то, что М. Фуко обозначает как «пастырство», которое представляет собой окормление, дознание (в крайней форме, инквизицию (от лат. *inquisitio* – «разыскание, изыскание, исследование»)), контроль над душами прихожан со стороны пастырей-священнослужителей, а равно взаимный контроль прихожан друг за другом. Обязательность исповеди, наложение епитимий становятся проявлениями заботы о душе, пришедшей на смену заботе о теле. На место дефекта тела приходит ересь (от др.-греч. *αἵρεσις* – выбор, направление, школа, учение), рассматриваемая как дефект (грех) души. Пастухи-заводчики отбраковывали непородистых и нежизнеспособных особей в стаде животных,

¹⁸⁹ См.: Агамбен Дж. Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни. М.: Институт Гайдара; СПб.: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2020.

платоновские мудрецы и стражи не поощряли браки и потомство «непородистых» людей, а из биополитики, вытекающей из «колонизации вечности», следует борьба с ересями. По мере становления Церкви на место конкретного порядка жизни полиса приходит догматически определенный порядок жизни, ориентированный на спасение души. Появляются иерархии, каноническое право, привилегии, наказания, приоритеты, биополитическая стратегия, отбор и отбраковка. Обжитое пространство вечности, приобретая характер доктрины вероучения, осуществило «реколонизацию» земного пространства государств и городов Средневековья, переопределив жизненные практики подданных королей и прихожан Церкви на основании канона, в котором определено приоритетное место спасению души и задано отношение к телу и процессам, связанным с биологической жизнью (пост, воздержание, «труд в поте лица своего»). Так или иначе, в режиме нового типа дозволений или запретов, биополитика возвращается в сферу регулирования социальных процессов. Намечается путь, в рамках которого формируется современная биополитика как единство стратегий греков-римлян и христиан – контроль над телом, душой и духом.

В эпоху Возрождения христианские идеалы и античная традиция переосмысливаются в рамках утопических построений. В утопиях возрождается идея сопряжения индивидуального счастья и общественного благополучия. Настойчиво воспроизводится идея рационального управления общественными процессами, включая те, что непосредственно связаны с жизнью человека: деторождение, брак, труд и обеспечение потребностей, отдых, здоровье, предотвращение болезней и эпидемий, долголетие, счастье.

Следует отметить, что сквозь утопические идеалы просматривается образ Сада, в котором орудуют трудолюбивые садовники. Возможно, на архетипическом уровне идея благополучно устроенного общества в иудео-христианской культуре ассоциируется с Эдемом. Наверняка, идея возделывания (следует напомнить, что и понятие культура происходит от возделывания), вложенного труда, приложения усилий ассоциируется с результативностью, а, значит, успехом, достатком и благополучием. Наконец, сам по себе уход за Садам можно связать с надеждой на плоды, а, значит, гарантией если не изобилия, то

выживания, т.е. онтологической защищенностью. Напротив, образ пустыни, пустоши как будто напоминает «Оставь надежду, всяк входящий» из «Божественной комедии» Данте. Возможно, именно противоположности Сада и Пустыни соответствует противопоставление «экологии разума» и «экологии сорняков», которое можно обнаружить у Г. Бейтсона.

Итак, стихийное регулирование, упование исключительно на Бога уступает религиозно-философским констелляциям, в которых изобретательно описываются многочисленные инструменты управления для различных сторон жизни. Однако, тон произведений, воспроизводящий платоновский философско-мифологический стиль описания жизни атлантов в «Тимее» и «Критии», остается не критично-повествовательным, передавая восторженно-одобрительное отношение выдуманных путешественников, случайно ставших свидетелями величия, благополучия и могущества вымышленных утопий, т.е. «нигдеи» (лат. *Nusquam*) – мест, которых нет. Общими местами становятся регулирование брака в духе стихийной евгеники родом из античной биополитики, регламентация собственности и труда, перераспределение материальных благ, воспитание и поощрение тяги к знаниям, что во многих случаях становится критерием для отбора управленцев. В целом, мотивы античной биополитики старательно воспроизводятся, но, безусловно, смягчаются христианскими ценностями любви к ближнему, милосердием и равенством в духовном отношении.

Например, Т. Мор воспроизводит «смешной обряд» утопийцев, в ходе которого при выборе себе супружеской пары потенциальные жених и невеста под контролем «уважаемой матроны» и «почтенного мужа» предстают друг перед другом голыми. Проводится прямая аналогия с покупкой домашнего животного. Жителям Утопии не понятно, как можно заключать долгосрочный союз, «окутав все тело одеждами...на основании пространства величиною чуть не в ладонь...»¹⁹⁰. Отмечая важность не только характера, но и физических преимуществ, Т. Мор отдает должное античной биополитике в целом и платоновской евгенике в частности. Более того, утопийцы Т. Мора стремятся к счастью в земной жизни, а Утопия преследует цели благой жизни на земле, что

¹⁹⁰ Мор Т. Кампанелла Т. Утопия. Город Солнца. М.: Алгоритм, 2014. С. 136.

соответствует аристотелевской модели биополитики. Т. Мор допускает разводы и повторные браки «если характеры мужа и жены недостаточно подходят друг к другу, а обе стороны находят других, с которыми надеются прожить приятнее»¹⁹¹. Ф. Бэкон, всячески восхваляя целомудрие бенсалемцев, придерживается позиции Т. Мора. Жители Бенсалема при вступлении в брак также буквально приглядываются к будущим супругам, однако для этого применяют более «учтивый способ». Они пользуются двумя водоемами, «называемых водоемами Адама и Евы, где одному из друзей жениха, а также одному из друзей невесты дозволено видеть их, порознь, нагими во время купанья»¹⁹². Наиболее последователен в восстановлении античной биополитики Т. Кампанелла. В его Городе Солнца выстроена всесторонняя система управления, своей всеохватностью превосходящая платоновское идеальное государство. Кампанелла вполне разделяет платоновскую евгенику, дополняя ее стихийные и традиционные способы специальными познаниями экспертов из области астрологии и естественной магии. «Евгенической политикой в городе Солнца руководит, говоря на языке соляриев... Любовь, один из трех соправителей при верховном правителе Солнце... Руководители... на местах определяют подходящих для улучшения породы брачных партнеров и организуют их брачное соитие...»¹⁹³. Налицо оригинальное сочетание античных биополитических практик и христианской ценности любви. «Ведению Любви подлежит, во-первых, деторождение и наблюдение за тем, чтобы сочетание мужчин и женщин давало наилучшее потомство... В ведении того же правителя находится воспитание новорожденных, врачевание, изготовление лекарств, посевы, жатва и сбор плодов, земледелие, скотоводство, стол... все, относящееся к пище, одежде и половым сношениям»¹⁹⁴. В трудах Т. Кампанеллы пастырь-духовник и пастух-заводчик становятся одним и тем же лицом, ответственным за «человеческую породу».

Общими местами для утопистов становятся ограничение права собственности как источника конфликтов и вражды, что соответствует

¹⁹¹ Мор Т. Кампанелла Т. Утопия. Город Солнца. М.: Алгоритм, 2014. С. 136.

¹⁹² Бэкон Ф. Новая Атлантида. М.: Алгоритм, 2014. С. 30.

¹⁹³ Мор Т. Кампанелла Т. Утопия. Город Солнца. С. 29-30.

¹⁹⁴ Мор Т. Кампанелла Т. Утопия. Город Солнца. С. 185-186.

воззрениям Платона, всестороннее использование в управлении государством научных знаний во благо населению, регулирование труда, поощрение творческой деятельности, организация коллективного самоуправления, несущего выгоду всем. Утописты Возрождения создают благодушный образ общественного управления исходя из высоких идеалов, разделяемых населением. Начиная с «Монархии» Данте Алигьери идея согласования идеалов спасения души и благополучия в земной жизни в рамках разумно организованного государства становится все более привлекательной. Для Данте существует возможность вернуться в Эдем ветхого Адама. Данте полагал, что для человечества существует возможность достижения земного рая рациональными средствами – не «по благодати», а при помощи разума, морали и права. «Согласно Данте, в собственных силах человека было вновь обрести чистоту первочеловека, снова войти в Эдемский сад, в конце концов вернуться к Древу познания и уничтожить воздействие его плодов, обратившее Адама из господина в раба»¹⁹⁵. Авторы многочисленных утопий как раз и воспроизводят системы управления обществом, напоминающие земной рай. Более реалистичные воззрения, например, в духе Н. Макиавелли, оценивают природу человека гораздо критичнее, тем не менее, также настаивая на необходимости формирования целенаправленной и рациональной системы управленческой деятельности, единственно способной если не создать рай на земле, то, по крайней мере, удержать человека от отворения врат ада, что впоследствии будет неоднократно оформлено в соответствующей афористической форме. Эта «линия Макиавелли», выражающаяся в том, «чтобы знать, как управлять»¹⁹⁶, постепенно приводит к тому, что биополитика в качестве властного распоряжения жизнью из области теоретических рассуждений переходит в область практики.

Управленчество, в котором можно усмотреть черты биополитики, обнаруживает себя, например, во многих итальянских городских коммунах эпохи Возрождения. Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон анализируют управление в процветающей в Возрождение Сиене. В этот период «общее благо

¹⁹⁵ Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Институт Гайдара, 2015. С. 616.

¹⁹⁶ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 340.

отождествляется с коммуной. Политическая форма коммуны служит общему благу, потому что правитель связан Правосудием, и именно граждане соединяют Правосудие с правителем»¹⁹⁷. В Сиене власть осуществляет подеста (от лат. *potestas* – власть). Должность подесты занимает чужеземец, не зависящий от местных семейств, чтобы быть независимым от внутригородских интриг. Подеста управляет с помощью собственной «команды», приведенной с собой и призванной обеспечивать исполнение законов, разрешать конфликты, предоставлять различные услуги. Аджемоглу и Робинсон, анализируя записи общественных расходов, отмечают, что в 1257 г. в Сиене существовало около 860 государственных должностей. Среди них ночные стражники, наблюдатели за оплатой таможенных пошлин, защитники в суде, налоговые чиновники, надзиратели мер и весов, зерновые инспекторы, тюремные надзиратели, палачи, глашатаи, каменщики, «чистильщики путей» и «судьи над дорогами»¹⁹⁸. Все эти должностные лица воспроизводят функции астиномов и цензоров. Следует отметить, что городские коммуны как синтез античного полиса и средневековой христианской культуры получили широкое распространение и стремительное развитие. Флоренция, будучи одной из них, с 15 тыс. чел. в 1050 г. к 1200 г. увеличилась до 60 тыс. (а это рост населения в 400 %). Городские коммуны процветали в Болонье, Кремоне, Ферраре, Генуе, Павии и Венеции. В 1330 году треть из тридцати крупнейших городов Европы были итальянскими коммунами, в частности самым крупным городом была Венеция (110 тыс. чел.), а также Генуя и Милан (100 тыс. чел.). Большим населением, чем Венеция, Генуя и Милан, могли похвастаться только Париж и Гренада¹⁹⁹.

Итальянские коммуны с их порядком управления нашли отклик на европейском континенте. Например, забота о населении стала центральным элементом для «полицейского государства», теория которого разрабатывалась в «полицейской науке» (нем. *Polizeywissenschaft*) на немецкой почве. «В немецкоязычном пространстве слово *Policey/ Polizey/ Policzey* использовалось с конца Средневековья (XV век) в широком значении благого управления...

¹⁹⁷ Аджемоглу Д. Узкий коридор. М.: Издательство АСТ, 2021. С. 197.

¹⁹⁸ См.: Аджемоглу Д. Узкий коридор. С. 198-199.

¹⁹⁹ См.: Аджемоглу Д. Узкий коридор. С. 206.

Именно в этом смысле в позднесредневековом и ранненововековом языке немецкого права выражение «gute Policey» используется для характеристики хорошего управления как такового»²⁰⁰. В свою очередь «полицейское государство» как государство заботы о населении ради интересов граждан и самого государства стало прообразом для «социального государства» (Sozialstaat), идея которого также впервые была высказана в Германии Л. фон Штейном в 1850 г., а первые попытки осуществления относятся ко времени О. фон Бисмарка и Вильгельма II, когда в период 1871–1883 гг. были введены социальное страхование от несчастного случая, государственное финансирование медицинской помощи, пособие по болезни для рабочих. Идея социального государства сейчас является частью конституционного строя многочисленных государств. Социальное государство в США превратилось в «государство всеобщего благосостояния» (Welfare State), возведение которого началось уже во время Второй мировой войны. Но уже в классическом полицейском государстве, идеи которого получили распространение в Европе (в первую очередь в Германии и Франции, но и в Российской империи, начиная с Петра I) ставка на благополучие была важнейшим элементом. «В этом смысле классическое полицейское государство (Polizeistaat) одновременно является государством всеобщего благоденствия (Wohlfahrtsstaat), т.е. социальным государством, в котором «полиция» означает прежде всего попечение об общем благе (Wohlfahrtspflege). Апофеоз этих представлений – понятийная конструкция «Wohlfahrtspolizei»: полиция как забота об общем благе подданных»²⁰¹. Таким образом, возрождение биополитики как практики инвестиций в население и организующем вмешательстве в жизненные процессы уже в позднем Средневековье формирует долгосрочный тренд, в рамках которого стало развиваться европейское и, в конечном итоге, мировое сообщество.

Обратим лишь внимание на то, что медленно и неуклонно, но инструментарий властного распоряжения жизнью, характерный для биополитики, стал возвращаться в область государственного управления. Во-первых, само по

²⁰⁰ Кильдюшов О.В. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 3. С. 16.

²⁰¹ Кильдюшов О.В. Полиция как наука и политика. С. 21.

себе эклектическое и рыхлое пространство средневековой Европы со временем обрело более ясные очертания. Этому способствовал Вестфальский мир, заложивший принципы международных отношений, дипломатии и переговоров в XVII в. Во-вторых, постепенно сформировалось представление о разграничении полномочий королевской и церковной власти. В этом сложном процессе постепенно Корона отвоевала собственное пространство юрисдикции. В-третьих, постепенно суверенная власть начинает обращать внимание на рост населения и условия, этому способствующие. Власть обращает внимание на нужды населения, экономические процессы, бытовые условия жизни, здоровье, образование, инфраструктуру, санитарную и эпидемиологическую обстановку. Все выглядит так, как будто многие регуляторы, которые применялись в античности, вновь активизируются – происходит не рождение, а возрождение биополитики. То же полицейское государство как воплощение «доброе правление», ориентированного на заботу о населении, воспроизводит магистраты древнегреческих городов-государств и институций Древнего Рима (астиномы, цензоры). Наконец, в XVIII в. Фуко обнаруживает общеевропейскую тенденцию к установлению биополитического управленчества. Счастье населения вновь воспринимается как важная цель, которой, не без выгоды для себя, государство начинает содействовать. «Доброе правление» совершенно в духе «благой жизни» обретает земные очертания комфорта, довольства, экономически обусловленных процветания и изобилия. Государство осознает прямую связь между достижением собственных целей и целей индивидов, составляющих население. Древние воззрения о договоре, в рамках которого государство предоставляет блага (преимущества, гарантии, возможности, инвестиции, субсидии) в обмен на лояльность, воинскую повинность и налоги, вновь приобретает зримые очертания в дифференцированной, многомерной и скрытой в идеологической упаковке форме национального государства. Долговременный период, в рамках которого биополитическая регуляция была отодвинута на периферию и маргинализирована, таким образом, был завершён в ходе стремительного восстановления в своих правах инструментария биополитики, но уже в больших масштабах. Если биополитика в греческих городах-государствах носила

локальный характер, в Древнем Риме – региональный характер, то, в XVIII в., следуя Фуко, биополитика носит уже континентальный размах. А. Мбембе рассматривает практики колониализма в контексте распространения биополитического инструментария за пределы Европы и это означает, что биополитика принимает трансконтинентальный характер. Наконец, М. Хардт и А. Негри заявляют о становлении планетарной биовласти и планетарного биокапитализма в XX в. Эта биовласть принимает форму планетарной Империи. «Империя, в конечном счете, определяется здесь как «а-локальность» жизни... Империя, таким образом, является высшей формой биовласти в том смысле, что она представляет собой абсолютную противоположность силы жизни»²⁰². Для М. Хардта и А. Негри планетарная биовласть проявляется через биокапитализм, вовлекающий в свою орбиту производства/ потребления все население планеты. «Биовласть – это другое имя реального подчинения общества капиталу, а также синоним глобализированного порядка производства»²⁰³. Биополитический инструментарий, превращая людей в *animal laborans*, как это и утверждала Х. Арндт, вовлекает население планеты в круговорот природных процессов, окончательно соединяя биологическое и политическое. Таким образом, биополитика, зародившись в Древнем мире как явление локальное, пройдя через череду расширений, обрела планетарный характер. По-видимому, в той или иной мере, подобная система регулятивов, технологий и практик распоряжения жизнью, входит в арсенал управления человеческим обществом в том виде, который нам известен в мировой истории, на всем протяжении существования человеческой цивилизации. Биополитика – вечная спутница человечества.

§ 2. Сущность биовласти: параметры, инструменты, пределы

Основоположником рассмотрения биополитики как особого синтеза политики, прикладной и фундаментальной науки, экономики, администрации и права стал М. Фуко. Его исследования привлекли внимание к микроуровню («микрופизике») власти, пронизывающей общество словно электрическое или

²⁰² Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 321.

²⁰³ Хардт М., Негри А. Империя. С. 339.

магнитное поле. И поскольку человек – живое существо, постольку именно биологическая жизнь человека стала точкой приложения в силовом поле биополитики. Биологическая жизнь человека явилась предметом изучения и воздействия возникшей биовласти. В предыдущем параграфе уже отмечалось, что М. Фуко под биополитикой понимал возникшие в XVIII в. способы и методы рационализации проблем, связанных с явлениями, связанными с биологической жизнью (здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, потомство) и требующими управленческого воздействия со стороны правительства государства. Особая форма «управленчества», основанная на использовании инструментов, институтов, процедур, тактик, нацеленных на совокупное население²⁰⁴, отличается от своих предшественников – государства юстиции и административного государства – именно повышенным вниманием к населению.

Дисциплинирование индивида – предмет заботы дисциплинарной власти – дополняется регуляцией населения. Формируется национальное государство, в котором гражданство определяется по факту рождения. «Эта голая жизнь (человеческое создание), которая при Ancien Régime принадлежала Богу, а в античном мире чётко отличалась (в качестве *zoé*) от политической жизни (*bios*), теперь выходит на первый план в делах государства и становится, так сказать, его земным основанием. Таково значение государства-нации: это государство, превратившее рождаемость, рождение (то есть голую человеческую жизнь) в основание для собственного суверенитета»²⁰⁵. Дж. Агамбен отмечает, что сама этимология слова «нация» восходит к первоначальному значению «рождение» (*natio*). Уже в первых статьях Декларации 1789 г. рождение вписано (ст. 1 и 2) в сердце политического союза, а суверенитет твёрдо привязан к нации (ст. 3). Массы доселе разрозненных индивидов объективируются в «население», которое подпадает под пристальное внимание «оправительственного» государства. Работные дома, клиники, школы, казармы, тюрьмы, фабрики и полицейские участки – возникшие в XVIII в. элементы биополитического конструктора власти, обучающейся извлекать могущество, богатство и престиж из технологий

²⁰⁴См.: Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. С. 161-162.

²⁰⁵Агамбен Дж. Средства без цели. Заметки о политике. М.: Гилея, 2015. С. 29.

организации жизни. Правительство нового типа учится руководит процессом, в рамках которого подданные трансформируются в население, рассматриваемое как естественное общество. Новый тип управленчества манипулирует, управляется (в значении «справляться», изыскивать средства для решения проблемы), стимулирует, а не только регламентирует, опираясь на законы и предписания. «Такое управление будет иметь целью... делать так, чтобы действовали необходимые естественные регуляции, или также практиковать регулирование, которое допускает естественные регуляции»²⁰⁶.

Биополитика, таким образом, будучи феноменом властной организации жизни населения, предстает «как научное, рационально-техническое и бюрократическое управление биологической жизнью людей, объективированных в качестве «населения»²⁰⁷. Этот новый тип управления сгруппированным в единое целое населением может привести к тотальному переформатированию жизни человека во имя чуждых ему целей. Таким образом, явление биополитики связано с практической потребностью осмыслить, рационализировать, оптимизировать процессы, связанные с жизнедеятельностью населения. Широкий спектр возможностей, заложенный в системе управленчества, ориентированной на население, порождает набор биополитических стратегий, обладающих собственным содержанием.

Следует отметить, что биополитика органично встраивается в ряд связанных между собой форм рефлексии и праксиса в отношении жизни. Мы можем сформулировать трехуровневую модель рационализации жизни, в которую включена биополитика. На *первом* – теоретическом и фундаментальном – уровне рефлексия по поводу жизни связана со знаниями о живом – *биологии* в предельно широком смысле слова (включая антропологический и даже метафизический аспекты) как о познавательной основе осмысления жизни человека. Знания о жизни предваряют и определяют содержание биополитики. *Второй* – практический и прикладной – уровень связан с созданными на основе знаний о жизни *биотехнологиями* как средствами воздействия на биологическую жизнь.

²⁰⁶ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 455.

²⁰⁷ Яркеев А. В. Онтологические основания зла в современном обществе: философско-герменевтический аспект. Екатеринбург, Ижевск, 2018. С. 271.

Появление биотехнологий (в первую очередь в медицине) неизбежно порождает этические проблемы, впоследствии принимающие форму *биоэтики*. Как правило, расширение возможностей воздействия на жизнь посредством биотехнологий влечет постановку и решение проблем биоэтики. Наконец, власть, из имеющегося набора знаний, возможностей, дозволений, запретов и собственных желаний, сформулировав цели, взвесив наличные средства, оценив возможности их использования в контексте господствующей идеократии, формирует биополитическую стратегию. *Биополитика* во всем спектре прямых и косвенных социальных последствий – *третий* уровень рационализации жизни. Биополитика – основанная на знании область праксиса, нацеленная на последовательное, целеустремленное и целесообразное изменение жизни населения в рамках телеологии власти. Биополитическое воздействие на биологическую жизнь населения в конечном итоге пересобирает социум, что отражается на его структуре. Интеллектуальные, технологические, этические и политические возможности составляют арсенал средств модификации биологической жизни, концентрированным выражением чего и является биополитика.

Следует задаться вопросом о том, что же представляет собою биовласть.

М. Фуко сформировал дискурс осмысления власти, в рамках которого традиционные способы, предлагаемые теорией государства и опирающиеся на анализ государственных институтов и учреждений, не дают исчерпывающего представления о структуре и способах осуществления власти. Следуя Фуко, «перед нами великое неизвестное: кто осуществляет власть?»²⁰⁸ Итак, власть – великое неизвестное. Это отрицательное определение позволит нам осуществить небольшое исследование, которое должно нас вывести на след биовласти.

О присутствии власти сигнализирует сам факт ее осуществления. Осуществление власти обнаруживается практически повсеместно. Биовласть реальна и, несмотря на то, что «никто не является её обладателем, но тем не менее она осуществляется всегда в определённом направлении, когда одни находятся по одну сторону, а другие – по другую, и мы не знаем, у кого она есть, но мы знаем,

²⁰⁸ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 75.

у кого ее нет»²⁰⁹. В первую очередь следует отметить, что биовласть материальна, телесна, контактна. В отношении биовласти верно, что «нет ничего более материального, физического и телесного, чем осуществление власти»²¹⁰. Власть, а биовласть в особенности – процесс воздействия на человека, обладающего телом и оставляющего следы в материальном мире. У эусоциальных насекомых всякий контакт между особями опосредован трофаллаксом²¹¹ – материальным обменом пахучим питательным веществом, передающимся по цепочке от матки к каждому члену муравейника. Это вещество – материальный аналог идентичности муравья – герб, флаг и гимн муравейника. Человек как *animal symbolicum* осуществляет лингваллакис (лингвистический трофаллакис)²¹², в новом цифровом мире стремительно превращающийся в нумероллакис – непрерывный обмен сигналами в форме цифрового кода. Даже включенный в символический обмен, человек контактирует с другими людьми на основании материальных артефактов и оставляя материальные следы. Биовласть, нацеленная на формирование послушных тел, активно вмешивается в материальную среду с целью ее изменения исходя из собственной телеологии.

Во-вторых, биовласть обладает свойствами всеобщности, анонимности, децентрированности и капиллярности (всепроникновения). «Власть не располагается в государственном аппарате»²¹³. Биовласть сконцентрирована, но не располагается исключительно в государственном аппарате. Биовласть шире и масштабнее государственного аппарата – она везде и нигде. Биовласть представляет собой «множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации»²¹⁴. Власть на макроуровне продолжает себя в формах микровласти. Биовласть обладает природой поля, она имеет сетевую и капиллярную структуру, пронизывая собою общество от центра к многочисленным узловым точкам и,

²⁰⁹ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 76.

²¹⁰ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 164.

²¹¹ Матурана У., Варела Ф. Древо познания. С. 224.

²¹² Матурана У., Варела Ф. Древо познания. С. 264.

²¹³ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 167.

²¹⁴ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 192.

используя их широкое посредничество, к отдаленной периферии. Биовласть вездесуща «потому, что она производит себя в каждое мгновение в любой точке или, скорее, – в любом отношении от одной точки к другой... она отовсюду исходит»²¹⁵. Биовласть, реализуя себя в рамках многочисленных социальных систем, создает механизмы, действующие «за пределами государственных аппаратов, под ними, рядом с ними, на намного более низком уровне, на уровне обыденном»²¹⁶. Именно такие всепроникающие «щупальца» конституируют биовласть, охватывающую жизненное пространство человека. Биовласть как выражение стратегии обволакивания всей жизни населения в пределе совпадает с жизнью общества.

В-третьих, биовласть гибка, изменчива, динамична. Биовласть использует возможности маневра, она вбирает в себя пластичность, присущую природе и самому человеку. И если в период с XVIII века и до начала XX века власть по преимуществу опиралась на прямолинейные стратегии дисциплинарных режимов, отголоски которых до сих пор можно встретить в школах, больницах, цехах, казармах и даже в семьях, то со второй половины XX в. биовласть видоизменила стратегию, чтобы стать «намного менее плотной властью над телом»²¹⁷. Биовласть руководствуется эпикурейским принципом «Живи, скрываясь». Она носит скрытный и манипулятивный характер. Со временем биовласть в промышленно развитых странах становилась все меньше системой подавления, сторонясь преимущественно репрессивных способов воздействия. Будучи долговременной формой общественного управления, биовласть стала культивировать жизнеутверждающие практики. Для того, чтобы не быть хрупкой, отныне биовласть «производит позитивные воздействия на уровне желания... а также на уровне знания»²¹⁸. Не отказываясь от средств насилия и подавления, но держа их про запас, биовласть использует в рамках своей «большой игры» всевозможные тактики, обволакивающие население. Таким образом, биовласть прагматична, она мотивирует, стимулирует, вовлекает. Биовласть приспособливается и приспособливает. В-четвертых, биовласть опирается на знание – «она его

²¹⁵ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. С. 193.

²¹⁶ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 167-168.

²¹⁷ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 164-165.

²¹⁸ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 166.

производит»²¹⁹ и делится знанием с населением. Биовласть отнюдь не консервативна, основу ее динамики составляет развитие науки, техники и технологии. Величайшие достижения биовласти основаны на смелом использовании знаний для управления общественными процессами.

Подведем промежуточный итог. Именно телесный человек находится в фокусе биовласти. Не столько сам человек, сколько жизнь, протекающая в нем. Биовласть воздействует на жизнь в ее важнейших проявлениях (рождение, продолжительность, сексуальность, смерть) и тем самым воздействует на человека, вовлекая его в собственную целесообразность. Именно не прямое, а манипулятивное – опосредованное давлением на биологические характеристики – воздействие составляет особенное биовласти. «Жизнь изымается биовластью из рамок человеческого существования и учреждается в качестве объекта технологического, медицинского, экономического и пр. контроля и управления»²²⁰. Однако, биовласть представляет цель в себе и для себя, рассматривая население в качестве средства. «При таком подходе к отношениям между индивидом и государством индивид интересуется государством лишь в той мере, в какой он хоть что-то может сделать ради его могущества...»²²¹ Манипулятивная природа биовласти, периодически приводящая к крайне циничному отношению как к населению, так и к индивидууму, составляет существенную сторону биовласти и соответствует ее амбивалентности.

Радикально новым в применении властных мер воздействия по отношению к человеку стало омассовление объекта воздействия власти. Биовласть обращена не к отдельному индивиду, а к населению. Дисциплинарная власть трансформируется в биополитическую, сохраняя и развивая техники дисциплинаризации индивида, которой коррелирует регуляция – расширенное

²¹⁹ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 166.

²²⁰ Яркеев А.В. Онтологические основания зла в современном обществе: философско-герменевтический аспект. Екатеринбург, Ижевск: ИФиП УрО РАН, 2018. С. 172.

²²¹ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 369. В рамках такой логики «с точки зрения государства индивид существует лишь постольку, поскольку он способен внести некое изменение, пускай ничтожное, в мощь государства, будь то в положительном или отрицательном направлении. И, следовательно, государство должно заботиться об индивиде только в той мере, в какой последний может внести такое изменение. И государство то требует от него жить, работать, производить или потреблять, а то требует и умереть» (Там же).

воздействие дисциплинарной власти, масштабированной и спроецированной на население. Одновременно биополитическая власть задействует механизмы стимулирования. Привлечение населения на сторону власти для решения внешнеполитических задач, связанных с необходимостью увеличения военной мощи, экономического преуспевания, престижа на международной арене – войны и конкуренцию никто не отменил! – потребовали внутренней политики, направленной на интенсификацию жизнедеятельности населения. Но исключительно принудительные меры дисциплинарной власти оказались не достаточными. Дисциплинаризация была дополнена стимулированием, породившим вектор инклюзии населения в экономическую, социальную и политическую жизнь. Смещение государственных и личных интересов до степени взаимной обусловленности стало тем механизмом, который способствовал развитию биополитической стратегии. В рамках биополитики власть инвестировала в население, чтобы получить необходимую отдачу для решения широкого круга задач. Власть отныне сосредоточена не на экзогенных, а на эндогенных факторах развития государства, при этом власть желает получать от населения, если воспользоваться термином из области экономической теории, возрастающую, а не убывающую отдачу²²².

Используем продуктивный понятийный ряд, предложенный М. Деландой для анализа военного дела, в рамках эволюции которого он усматривает трансформацию армии как переход от армии-часов через армию-мотор к армии-сети. Армия-часы основывалась на муштре и железной дисциплине. Муштра и насаждаемая железная дисциплина сплавляли наемников в единое целое, но не прививали лояльность²²³. Деланда отмечает, что армия Наполеона могла бы «рассматриваться как «мотор», питаемый из резервуара народов и

²²² См.: Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 138.

²²³ Деланда М. Война в эпоху разумных машин Екатеринбург: Кабинетный ученый; М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014. С. 104. Деланда отмечает: «Чтобы поддерживать слаженную работу часового механизма, людей, его составляющих, следовало научить бояться своих офицеров больше, чем врага. Это, естественно, отражалось на развитии тактической доктрины. Например... техники преследования с целью уничтожения оставались слаборазвитыми из-за опасения дезертирства среди войск, которое могло бы случиться... Большинство командиров не желало рисковать своими драгоценными часовыми армиями в том или ином генеральном сражении» (Там же, с. 104).

националистических чувств – французская армия первая в Европе ««моторизировалась», подключившись к надежным резервуарам собственного населения»²²⁴. В отличие от часового механизма, в котором всякое движение происходит по строго заданной траектории, мотор способен производить новое движение. Работа часов основана на внешнем источнике движения, а мотора – на извлечении энергии из имеющегося «резервуара» топлива в соответствии с «диаграммой цикла» работы мотора. Моторизованная армия сама себе является источником информации, энергии, действия, будучи подключенной к резервуару лояльного населения. Теперь «внешняя механическая связь между правителем и подчиненными, типичная для старых армий, была замещена внутренним соединением, связывающим население в целом с нацией»²²⁵. Но и к становлению национальных государств, приведшему к трансформации армий, можно, обобщая, применить принцип, описанный выше. Биополитическое государство – государство-мотор, топливным резервуаром которого становится заинтересованное, лояльное население. Складывается вектор заботы о населении. Конечно, государство не превращается в альтруиста. Напротив, государство действует крайне прагматично, эксплуатируя новый открытый источник энергии, способствующий достижению целей – заинтересованность, лояльность собственных граждан. Получая свою долю от проводимой политики, граждане оплачивают ее собственной жизненной энергией, приложенной в определенной сфере деятельности. Вовлекающий вектор биополитики порождает циклическое – «моторное» – взаимодействие власти и населения.

Биополитика не является всего лишь механическим приложением дисциплинарной власти, уже отработанной в отношении к индивиду, в масштабах всего населения. Биополитический инструментарий значительно шире. Выделим наиболее важные *инструменты* биополитики, составляющие арсенал ее воздействия на население. Во-первых, центрированная на жизни биовласть сделала ставку на *медиализацию* населения. «Основополагающую роль сыграла медицина, послужив общим знаменателем... Ибо как раз во имя медицины стали наблюдать, как обустроены жилища, а также от ее имени классифицировали

²²⁴ Деланда М. Война в эпоху разумных машин. С. 9, 106.

²²⁵ Деланда М. Война в эпоху разумных машин. С. 108.

безумного, преступника, больного и отводили каждому его место...»²²⁶. Во-вторых, медицина позволила ввести *стандартизацию*, основой которой стало определение *нормы* и сравнение с ней. Биополитика активно применяет *нормирование* и *нормализацию*; биополитика создает, видоизменяет и дифференцированно использует нормы в отношении деятельности и поведения индивидов. Фактически, задействуются позитивная и негативная энергия нормирования, в том или ином отношении сортирующая людей. В-третьих, *стимулирование* населения активно использует механизмы нормирования и поощряет население в стремлении соответствовать заданным параметрам нормальности, отвечающим стратегии государства. В-четвертых, нормирование и стимулирование создают механизм *практической идеализации*, способствующий формированию самостоятельного и целенаправленного поведения индивида в поле целей и задач, преследуемых властью. Формируются модели габитусов²²⁷ жизнедеятельности как систем диспозиций, порождающих и структурирующих поведение индивида, коррелятами которого являются личные и государственные интересы. Наконец, в-пятых, выстраивается система социального порядка, в которой власть и население сближаются как за счет расширения политических прав и экономических возможностей граждан, так и за счет формирования общего идеократического смыслового поля, в котором политические и жизненные личные интересы людей обнаруживаются как нерасторжимые. *Индоктринация* – один из важнейших инструментов биополитики.

Био- и политика сопрягаются таким образом, что голую жизнь (Дж. Агамбен) индивида одевают в предоставленную властью политическую тогу, правда, далеко не всегда сшитую по мерке ее обладателя. В худшем случае роль тоги исполняет тюремная роба. Однако, и это следует подчеркнуть, государству как кутюрье-монополисту по пошиву политических тог со временем приходится считаться с интересами заказчика, становящимися все более прихотливыми. В биополитике нормирование, стимулирование и целеполагание работают в обе стороны: от власти к населению и от населения к власти.

²²⁶ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 170.

²²⁷ Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. С. 32.

Властная организация жизни индивида явно просматривается в сопряжении дисциплинаризации и нормирования, обнаруживаемых, например, в педагогике, психиатрии и психологии. М. Фуко обнаруживает психиатрическую власть в лечебнице как расширенном теле врача в качестве дисциплинарной власти, призванной в ходе «морального лечения», лишь поверхностно соответствующего критериям медикализации, нормализовать пациента. В свою очередь пациенты – исключенные из общества (временно или окончательно, если лечение не достигнет необходимого результата) индивиды, для реабилитации которых создан соответствующий социальный институт (психиатрическая помощь в рамках здравоохранения) и учреждение (лечебница), позволяющие вернуть безумцев к нормальной жизни, – объекты приложения сконцентрированной в лечебнице дисциплинарной власти. Инструмент нормализации – дисциплинаризация, в ходе которой прививаются навыки поведения, обычные (т.е. нормальные) для повседневной жизни гражданина. Психиатрическая власть – частный случай дисциплинарной власти, а «дисциплинарная власть обладает двойной особенностью: она и аномизирует, всегда отстраняет ряд индивидов... и вместе с тем всегда нормализует, изобретает все новые исправительные системы, раз за разом восстанавливает правило. Дисциплинарные системы характеризуются непрерывной работой нормы в рамках аномии»²²⁸.

Знание–власть здесь в первую очередь ориентировано на стандартную модель социальных отношений, моделированием которой и занят персонал лечебницы. Одним из элементов нормализации становится трудовая деятельность и инклюзия в общепринятую систему оплаты труда и расчета потребностей и доходов, балансу которых соответствует обычная практика жизнедеятельности гражданина. Вылечить – значит вернуть к обычной жизни самостоятельного и трудоспособного индивида. Одновременно, сама лечебница существует как место включенного в жизнь общества пространства исключения, где находятся те, кто не позволяет прямо своим родственникам и косвенно всему обществу функционировать в штатном – нормальном – режиме. Пока безумца нормализуют,

²²⁸ Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973-1974 учебном году. СПб.: Наука, 2007. С. 73.

члены его семьи работают, а уход за ним оптимизируется с точки зрения социальных издержек. Временное исключение вполне может завершиться включением индивида в экономическую и социальную жизнь. Личные интересы безумца, его родных и государства сливаются. В пространстве лечебницы дисциплинарная власть, действуя всепроникающим капиллярным образом, осуществляет «производство покорных тел»²²⁹, энергия которых необходима государству.

Похожий механизм обнаруживается в школе. Эксклюзия слабоумных, неуспевающих и недисциплинированных, разнонаправленно выводящая их из школы в систему соответствующих дисциплинарных институтов, позволяет, с одной стороны, школе исправно функционировать, а, с другой стороны, под пристальным оком более жестко организованной дисциплинарной власти в ходе процесса дисциплинаризации добиваться либо нормализации исключенного из стандартного пространства школы, либо находить занятие, посильное для исключенного и, одновременно, насколько возможно, социально полезное и приемлемое. Оптимизация расходования жизненной энергии общества на воспитание, содержание и нормализацию исключенных в этой рекурсивно выстроенной системе пространств исключения, где только крайние пункты отделений для неизлечимых больных и камер смертников отмечены печатью «Оставь надежду, всяк входящий», демонстрирует масштаб и рациональный замысел биополитической регуляции населения.

Похожим образом нормированию подвергается сексуальная жизнь. Переход от диспозитива семьи к диспозитиву сексуальности порождает сложную игру норм и девиаций, задающих границы дозволенного и маркирующих определенные сексуальные предпочтения как табуированные. Нормы и девиации становятся подвижными, инклюзивные процессы и здесь подтачивают сложившиеся критерии эксклюзии. Ментальное и физическое здоровье, законопослушное поведение, способности, сексуальное поведение, навыки социальной адаптации – все каталогизируется, становится предметом изучения и контроля знания–власти, вооруженной наукой, статистикой и сетью учреждений с целью дисциплинаризации и нормализации индивидов в перспективе эффективного

²²⁹ Фуко М. Психиатрическая власть. С. 74.

использования человеческого капитала. Психиатрическая власть как удобное медикализованное приложение дисциплинарной власти обнаруживается тогда, когда «в школе, на фабрике, в тюрьме, в армии и т.д. появляются психологи, и они вмешиваются... когда каждому из этих институтов приходится применить реальность как власть или представить осуществляемую ею власть как реальность»²³⁰. Нормирование осуществляет функции отбора и отбраковки на каждом уровне социальной организации. Отобрать тех, кто по своим способностям максимально эффективно осуществит ту или иную функцию, – значит найти оптимум отбора/ отбраковки.

Подобное ранжирование с использованием бесконечных шкал нормирования было бы невозможно только на основе дисциплинаризации. Стремление к тому, чтобы предъявлять усложняющиеся требования к себе, опираются на механизмы стимулирования. Жизненным коррелятом подобных стимулов становятся комфорт, процветание, престиж, счастье. Биополитическая власть эксплуатирует жизненные стремления человека не только к благой и моральной жизни, что характерно для представлений о политике, обнаруживаемых еще у Аристотеля, но и инстинктивные, гедонистические мотивы, скорее обнаруживаемые у Эпикура, его последователей и эпигонов. Одним из важнейших механизмов становится практическая идеализация – создание системы образов осуществленной мечты, достигнутой цели в том или ином жизненном начинании индивида. Практическая идеализация запускает механизм согласования внешних требований по нормированию жизнедеятельности индивида и внутренних мотивов самой личности, желающей достичь визуально и когнитивно представленного идеала. Дисциплинаризация, нормирование, стимулирование и внутренняя мотивация сходятся в рамках биополитической стратегии, опирающейся на смешанное рационально-иррациональное основание.

В поле воздействия власти рождаются подвергающиеся непрерывной трансформации габитусы, поддерживаемые господствующей идеократией. Аутопозис системы достигается через согласование стратегий жизнепрживания индивидов с воспроизводимыми в социальных институтах и поддерживаемыми в

²³⁰ Фуко М. Психиатрическая власть. С. 220.

ходе дисциплинаризации и нормирования моделями поведения (габитусами), успешное присвоение которых может привести к достижению целей, соответствующих образам, идеократически навязываемым механизмами практической идеализации.

Следует отметить, что «большая биополитическая игра», в которую власть вовлекает население, не может основываться исключительно на симулякрах. Если власть не подкрепляет свое вмешательство в жизнь населения реальными вознаграждениями, население не откликнется заинтересованностью и лояльностью. Человек-предприятие функционирует только в реальной рыночной экономике, вознаграждающей за усердие. Солдат, мечтающий стать генералом, несет тяготы службы, если видит, что кто-то, подобный ему, становится генералом. Ученик учится, если общество демонстрирует важность знаний. В этой точке можно обнаружить пределы биополитики. Необходимость подкреплять стимулы вознаграждениями – достоинство и изъясн биополитики.

К числу инструментов биополитики следует отнести также *иммунизацию*. Р. Эспозито²³¹ рассматривает иммунизацию как один из важнейших инструментов как конструирования общества вообще, так и биополитики в частности. Как известно, в ходе иммунизации у человека формируется иммунитет. Иммунитет в медицинском значении представляет собой устойчивость, защищенность организма от вторжения извне чужеродных и вредоносных агентов (бактерия, вирус, яд, канцероген и т.д.). Также существует юридическое значения данного понятия, в рамках которого иммунитет возникает в результате наделения законом определенного лица статусом, который позволяет осуществлять деятельность, которая регулируется особым образом и этот порядок может отличаться от того, которому подлежат лица, не наделенные иммунитетом. Иммунитету в юридическом значении соответствует рассмотренное Г.Ч. Синченко правовое явление положительной юридической экспортации²³², связанное с дополнительным делегированием полномочий определенному лицу и

²³¹ Esposito R. Bios: Biopolitics and Philosophy. University of Minnesota Press. Minneapolis. London, 2008.

²³² См.: Синченко Г.Ч. Парадокс правоблюстителя. Философско-правовые эссе. Омск: ОМА МВД России, 2010.

предоставление гарантий использования этих полномочий. К современным примерам иммунитета в юридическом смысле слова можно отнести различные законодательно предоставленные неприкосновенности (например, депутатская неприкосновенность), гарантии (невозможность уголовного преследования по истечению исполнения обязанностей Президента России), наделение статусом лица, не отвечающего за свои действия (недееспособность, невменяемость). Исторически юридический иммунитет восходит к особому религиозному статусу лица либо к наделению лица правами диктатора (по закону, как, например, в Древнем Риме).

С точки зрения Р. Эспозито иммунизация в широком смысле слова представляет собой формируемые в обществе гарантии и механизмы безопасности на основании делегирования каждому члену общества определенных прав, свобод, полномочий, но также обязанностей и обязательств. Вакцинация как частный случай иммунизации способствует формированию в организме человека антител, противостоящих определенным антигенам, что защищает организм от определенной опасности, путем поставления человека в опасную ситуацию контролируемого заражения тем патогеном, иммунитет против которого формируется. Иммунизация в широком смысле слова прививает человеку ценности, идеалы, модели поведения, которые формируют устойчивость к социальным явлениям, опирающим данные основания. Р. Эспозито обосновывает положение, согласно которому общество эпохи Модерн последовательно пережило иммунизацию суверенитетом, правом собственности и свободой²³³. Так, в гоббсовской модели суверенной власти общественный договор, заключенный между властью и населением, делегирует монопольное право на принуждение и принятие политических решений лицу, наделенному верховным статусом, и лицам, наделенным соответствующими полномочиями в рамках формируемого законодательства. Иммунизация суверенной властью закладывает основы суверенной личности, законно пользующейся гарантированными правами, тем самым распространяя начало суверенитета в масштабах общества. Точно также право собственности, поддерживаемое суверенной властью и определенное, например в локковском смысле, как право на то, что является результатом

²³³ Esposito R. Bios: Biopolitics and Philosophy. С. 57–77.

физического и интеллектуального труда человека, если права на результаты такого труда не отчуждаются кому-либо по условиям составленного договора, основанного на законе, в режиме всеобщего гарантированного права создает условия для взаимного признания собственности и распоряжения ею, что формирует благоприятную среду для развития экономики и закладывает основы обмена, торговли, производства, научной и творческой деятельности, связанной с авторским правом. Наконец, иммунизация свободой формирует устойчивость к широкому кругу угроз, связанных с неконтролируемым применением насилия одних лиц в отношении других на основании субъективного предпочтения собственного статуса, ценностей и идеалов в отношении обобщенного Другого. Безусловно, как вакцинация требует ревакцинации, так и иммунизация определенными ценностями, которая, не являясь прививкой в буквальном смысле слова, требует непрерывного возобновления. Законодательная определенность разграничения прав и обязанностей, действенность законов, подтверждение и защита прав собственников, реальные гарантии свободы – все это составляет предмет непрерывной заботы общества и государства в условиях, когда посягновения на нарушение прав будут всегда. В этом отношении метафора иммунизации ценностями напоминает о сходстве с приобретением иммунитета организмом. Антигены (например, вирусы и бактерии) как контрагенты антител не только перманентно активны, но и мутируют, обходя защитные барьеры иммунитета; точно также человек, наделенный свободной волей, изобретателен в создании конкурентных преимуществ для себя, в том числе нарушая закон и общепринятые нормы, включая нормы морали. Как иммунитет отражает угрозу, но испытывает постоянное давление и должен постоянно поддерживаться, так общество и государство должны постоянно поддерживать механизмы безопасности и подтверждать основополагающие ценности ввиду непрекращающихся попыток пренебрежения ими.

В модели иммунизации Р. Эспозито иммунитет и сообщество (*immunity/community*) находятся в отношении взаимопологания, иммунитет выступает формообразующим началом сообщества, а сообщество стремится к поддержанию иммунитета. Особым случаем является аутоиммунная агрессия. В ходе

аутоиммунной агрессии в человеческом организме антитела воспринимают определенные частицы (в целом, не способные нанести вред организму) как реальную угрозу. В результате защитные механизмы организма активируются и начинают усиленную борьбу с агентом, воспринимаемым как антиген. В результате бурной реакции могут наступить печальные последствия для организма вплоть до гибели. Ж. Деррида расширил представление об аутоиммунной агрессии, распространив ее действие на социальные явления. В частности, он рассматривал события 11 сентября 2001 г. в рамках аутоиммунной реакции государства на угрозу терроризма²³⁴. Так, PATRIOT Act в качестве набора чрезвычайных правовых регуляторов, приостанавливающих либо ограничивающих действие ряда прав и свобод личности, Ж. Деррида склонен рассматривать как пример активизации механизмов безопасности общества в режиме аутоиммунной реакции, в поле действия которой попадают многочисленные объекты (а именно люди), деятельность которых, по существу, не является общественно опасной и не несет угрозы. В качестве наиболее яркого примера аутоиммунной реакции Р. Эспозито рассматривает нацизм. Именно нацистская бюрократия раскрывает смысл аутоиммунной реакции в масштабах общества. Аутоиммунная реакция, одновременно предельно интенсифицирующая действие механизмов безопасности и максимализирующая масштаб, степень и распространение угрозы, ведет к постепенной аутофагии общества, являясь примером самоуничтожения, суицида, маскируемого борьбой с угрозой.

Таким образом, иммунизация как инструмент биополитического регулирования предстает в качестве намеренного и целенаправленного распространения (привития) определенных ценностей, идеалов, принципов и начал поведения и деятельности в масштабах общества в процессе воспитания, образования, формирования общественного мнения. Иммунизация закладывает основы действия механизмов безопасности общества в сознании и моделях поведения индивидов. Биополитика, крайне чувствительная к механизмам безопасности и самоорганизации общественных процессов, в иммунизации находит удобный инструмент, благодаря которому усиливает способность

²³⁴ Esposito R. Bios: Biopolitics and Philosophy. С. XVII.

индивидов к самоорганизации и одновременно обеспечивает необходимый уровень общественной безопасности. Однако, возможное преувеличение уровня угрозы способно стремительно переключить биополитическое регулирование в режим использования меча суверенной власти, что иногда приводит к устойчивому движению в направлении перерождения биополитики в некрополитику, в том числе с последующим коллапсом. Именно поэтому использование крайне чувствительного инструмента иммунизации в биополитическом регулировании требует повышенного внимания и осторожности.

Учитывая выявленные параметры и инструментарий биовласти, определим отношение биовласти, человека (индивидуума) и жизни. Административная власть, следуя известной схеме рассуждения М. Фуко²³⁵, опиралась на дисциплинарные методы воздействия и во многих отношениях преуспела. Дисциплинаризация – основной метод административного государства (дисциплинарной власти). Вымуштрованные солдаты герцога Нассау не позволили сильной Испании одолеть Республику Объединенных Провинций. Казнь Дамьена²³⁶ до поры до времени сдерживала потенциальных царубийц. Прямое и долговременное воздействие на человека со стороны власти приносило свои плоды. Зафиксируем форму отношения власти, человека и жизни в матрице административной власти (а также в случае государства юстиции – т.е., в государстве до-биополитическом):

Власть → Человек → Жизнь

Отметим, что власть, представленная в каждом акте лицом, действующим от ее имени, воспринимает подданного именно как человека, наделяя его разумом, волей, желаниями, обязанностями и (некоторыми) правами. Власть в случае наказания причиняет человеку боль и влияет на количественную сторону его жизни. Казнь жизнь (земную – точно!) аннулирует. Поощрение также обращено к человеку и призвано качественно обогатить жизнь подданного. Отношения власти и индивида нетрудно представить в виде системы метрик, каждая из которых опосредованно через человека оказывает воздействие на его

²³⁵ См.: Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб., 2011.

²³⁶ См.: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 1995.

жизнь: сокращает и удлиняет, делает скудной или богатой, голодной или сытой, мучительной или «сладкой». Человек воспринимается властью как субъект, предстоящий перед Богом, Королем и Коронай, как имеющий душу, социальное положение и право.

Все изменилось в ходе метаморфозы суверенной власти в биовласть. Изменился порядок связи власти и индивидуума. Отныне он приобрел следующий вид:

Биовласть → Жизнь → Человек

Биовласть перестала воздействовать на индивида, она стала искать способы влиять на *vita nuda* (Дж. Агамбен) – универсальный общий знаменатель, уравнивающий всех людей. Одно дело обращаться к каждому по отдельности – по имени, учитывая сословную и фамильную принадлежность, личные заслуги, вероисповедание и пожалованные права – и совершенно другое дело, когда оказывается прямое воздействие на биологическую жизнь. В первом случае подход индивидуален и юридичен, поскольку, в конечном итоге, требует суда, во втором случае – универсален и нуждается в технике и технологии. Наказывают *лицо* индивидуально, а *тело* кормят или травят однотипно. Отметим, что выход биологической жизни на авансцену властного воздействия позволил биовласти расширить дисциплинаризацию индивидов до регуляции населения. Был осуществлен разворот в сторону медикализации населения. Биовласть продемонстрировала сложный и разнообразный набор средств воздействия на жизнь. Характер этих воздействий ведет к различным результатам биополитического вторжения в жизнь населения.

Воспользуемся терминологией, предложенной Б. Латуром. В своей версии акторно-сетевой теории он различал понятия «проводник» и «посредник». В терминологии Латура «проводник» лишь переносит некое значение или силу, не преобразуя их. Напротив, посредник, обладая собственной спецификой, становится оператором, модифицирующим значение или силу в соответствии со своим набором инструментов воздействия и телеологией. Как итог, «посредники преобразуют, переводят, искажают и изменяют передаваемые ими значения»²³⁷.

²³⁷ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Высшая школа экономики, 2014. С. 58.

Биовласть в своих различных вариациях придавала жизни как значение проводника, так и значение посредника. Медиализацию в самых ее радикальных формах следует понимать как процедуру, в рамках которой осуществляется сортировка людей по заранее заданному критерию в отношении их биологической жизни («голой жизни»). «У истоков индустриальных обществ стал размещаться аппарат наказания, своего рода приспособление по сортировке нормальных и ненормальных»²³⁸. В сложившемся дискурсе антипсихиатрии (Р. Лэйнг, Г. Бейтсон, Т. Сас, М. Фуко) вопрос о необходимости психиатрической помощи скорее принято относить к области контингенции, нежели строгой необходимости. Границы вмешательства подвижны и подвергаются ревизии. Однако, в ходе становления психиатрической власти как одного из ярких образов самой биовласти норму определяли заранее. Тот носитель биологической жизни, кто демонстрирует опасные склонности, подлежит изъятию из общества, не взирая на лица. Вообще, процесс нормирования и дальнейшие процедуры нормализации, принимающие в расчет некий стандарт, – изначально безличны, как безлична и психиатрическая власть, воплощенная в расширенном теле врача – лечебнице с ее персоналом, процедурами, распорядком дня и интерьером. Биополитика, широко применяющая насилие в той или иной форме, тяготеет к идентификации жизни как проводника. Действительно, систематическое насилие над живым человеком – жизни в человеке – ведет к сходному результату. Систематическое насилие чаще всего травмирует человека, «ломает» его. Достаточно вспомнить «большие процессы» – спектакли «правосудия», в ходе которых люди брали на себя ответственность за немислимые преступления. Это казнь Дамьена наоборот. Если именем королевской власти казнили именно Дамьена как неудавшегося цареубийцу, покусившегося на Короля и Корону, – немислимое восстание части против целого! – за что и отнималась по крупицам жизнь, словно песок в часах скорби убывавшая до последней песчинки, то в рамках фейк-правосудия устами людей-автоматов говорила сломленная жизнь. Обращение жизни в проводника на путях биопоэзиса (от βία – насилие и ποιήσις – производство – особая форма аутопоэзиса, основой которой становится системное

²³⁸ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 169.

и систематическое насилие) достаточно хорошо опознано в дискурсе *homo sacer* (Дж. Агамбен), «травмы» (Э. Сантер), «жертвы» (К. Мейясу, Ф. Ларуэль), «плоти» (А. Вээли). Всякий раз, когда осуществляется развернутое организованное насилие, возникают мегамашинные социальные системы, предсказуемые в своей машинерии. Образ человека-автомата (доходяги, фитиля, хефтлинга, «нумера»), лишённого имени, прошлого и будущего, возникает всякий раз, когда объектом насильственного воздействия становится биологическая жизнь как таковая. Пытка ведет к предсказуемому результату. Подобная вивисекция создает сходные в своем уродстве челоуейники.

Крайней формой предсказуемого вмешательства в жизнь людей является геноцид. Люди истребляются без принятия в расчет каких-либо личностных характеристик, исключительно по биологическому признаку принадлежности к определенному этносу. В буквальном и переносном смысле в ходе геноцида расчищается пространство (например, *Lebensraum im Osten* – «жизненное пространства на Востоке») для того, чтобы оно было заполнено иными носителями жизни. Расширенный вариант такого радикального вмешательства в жизнь людей связан с приданием какой-либо иной характеристики значения маркера для сортировки людей. Удобные клише «врага народа» (СССР), «коммуниста» (США времен маккартизма), «таракана» (Руанда) позволяют пренебрегать личностью. Нечто подобное характерно для маньяков, закрывающих лица жертвам с целью их деперсонификации. В таком случае производится убийство скорее образа, а не конкретного человека. Исследование Н. Кристи²³⁹ о концентрационных лагерях в Норвегии убедительно показывает, что установление прямого межличностного контакта между заключенным и охранником даже в форме обмена репликами снижает вероятность спонтанных насильственных действий со стороны второго по отношению к первому.

Однако жизнь может быть опознана биовластью как посредник. Дело в том, что однозначный эффект грубого вмешательства в жизнь человека приводит к предсказуемому, но неудовлетворительному результату. Холокост истребляет,

²³⁹ См.: Кристи Н. Охранники концентрационных лагерей. Норвежские охранники «Сербских лагерей» в Северной Норвегии в 1942–1943 гг. Социологическое исследование. СПб.: Алетейя, 2017.

лагеря экономически не эффективны, затравленное население послушно, но лишено творческого начала, иногда – даже воли жить. Биовласть нередко допускает такое «подсоединение» (вновь термин Б. Латура), которое превращает жизнь в посредника, что означает непредсказуемый эффект. Это безусловный риск биовласти, но, пожалуй, в этом заключается историческая миссия и, возможно, моральное оправдание биовласти. Медикализация населения – не только отбраковка безумцев, инфицированных и инвалидов во имя повышения отдачи от «нормального» трудоспособного населения за счет изъятия «ненормальных» и эффективного их содержания немногочисленным обученным персоналом. Медикализация – это вакцинация, лечение в системе здравоохранения, диспансеризация, реабилитация, психологическая поддержка. Зачастую это безличные формы воздействия на жизнь (прививка, рецепт на антибиотик), но позитивно влияющие на человека: возвращающие к трудоспособности, устраняющие болезнь, придающие психологическую уверенность, увеличивающие продолжительность жизни. Рождение клиники, где всякий – пациент и одновременно в некотором роде объект научного исследования – запускает процесс анализа антропологических «больших данных», рента от которого в виде доступных схем лечения недугов достается всем. Биовласть рискнула вторгнуться на территорию развития личности. Школа – эта «психушка с домашкой» (именно так метафорически Т. Пинчон выразил идею М. Фуко о том, что «идиотия – это некоторая ступень детства»²⁴⁰) – продукт социального эксперимента биовласти с ускорением развития, социальной адаптации и подготовки будущих работников по всему спектру каталога спроса промышленного общества. Прямое влияние на темпы, ритм, циклы жизни дало неоднозначный, но необходимый для общества, намеренно выведенного из равновесия в ходе промышленной революции, эффект. Еще одной областью воздействия биовласти на жизнь стала сексуальность. Расширение рамок допустимого сексуального поведения, опирающегося на сексуальную пластичность *homo sapiens*, а также ограничение диспозитива супружества

²⁴⁰ Фуко М. Психиатрическая власть. С. 243-244.

привели как к созданию сексуальной индустрии, так и к проникновению сексуальности во все сферы жизни общества.

Биовласть прагматична и преследует собственные цели. Но биовласть пошла на риск вовлечения людей в экономические, социальные и, как следствие, управленческие процессы. Воспользуемся еще одним термином Б. Латура, чтобы понять результат этого процесса. Биовласть можно опознать в «актор-сети» Б. Латура. «Актор-сеть – это то, что приводится в действие большой звездообразной паутиной втекающих и вытекающих посредников. Она существует благодаря своим многочисленным связям: подсоединения первичны, акторы вторичны»²⁴¹. Биовласть формирует набор подсоединений к жизни, воспринимая ее как посредника в отношении населения, которое превращается в силу запускаемых процессов с неоднозначным эффектом в акторов и посредников в отношениях между собой и с биовластью. Анонимность и капиллярность, микрофизика власти – все это находит свое выражение в актор-сетевом измерении биовласти. Не всякий тип биовласти максимизирует подсоединения и передает функционал актора тем или иным группам населения, но ко всякой биовласти применимо «графическое представление о сетях как звездоподобных разветвлениях»²⁴². Биовласть, стремящаяся удерживать жизнь в качестве проводника в тисках биопоэзиса, разрывает сети связей и упрощает топографию взаимодействий между акторами. Структура такой биовласти – нити, при помощи которых осуществляются манипуляции марионетками. Метафорически можно уподобить воздействие биовласти, воспринимающей жизнь как проводника, интенсификации проверенных подсоединений, превращающих общество в социальном измерении в лагерь, а в производственном – в мастерскую, цех. Напротив, воздействие биовласти, относящейся к жизни как к посреднику, – экстенсификация подсоединений, ведущая в сад расходящихся тропок (Х.Л. Борхес). Конечный результат такой биовласти – Сад, она – садовник, в то время как биовласть первого типа – кузнец. Кузнец сжигает, плавит и кует, садовник прививает, обрезает, пропальывает, растит.

²⁴¹ Латур Б. Пересборка социального. С. 303.

²⁴² Латур Б. Пересборка социального. С. 302, 186.

Биовласть формирует сложившиеся дисциплинарные практики индивидуального подчинения и биополитические регуляторы населения, пронизывающие общество во всем поле социальных интеракций – от макроуровня политических институций до капиллярной микрофизики власти в любом людском сообществе. В конечном итоге сложившиеся диспозитивы подавления формируют поле всеобщего надзора. Однако по мере возникновения нетривиальной обратной связи от обращения жизни в посредника такой микрофизике власти противопоставляется сеть антиподчинения. Составляющие ее практики образуют разветвленную систему бриколажа – подгонки и возвращения подконтрольного биовласти социального пространства. Повсеместная капиллярная работа возврата пространства себе в ходе по преимуществу неполитического и ненасильственного действия пронизывает общество. Памятуя о том, что «нет права, которое не было бы записано на телах»²⁴³, население ведет тактическое сопротивление формам использования себя как средства в интересах биовласти. В конечном итоге биополитическая власть делает уступки, что ведет к бесконечной позиционной игре биовласти и населения в ходе большой биополитической игры. Биовласть посредничества жизни отчасти возвращает человеку его человеческий облик, провоцирует на сопротивление и неминуемо ограничивает себя паутиной обязательств. Если представить себе эту сеть взаимозависимостей биовласти и населения, то этот процесс «очень наглядно показывает... литография голландского художника М.К. Эшера “Рисующие руки”»: руки рисуют друг друга таким образом, что начало процесса остается неясным. Какая рука “настоящая”?»²⁴⁴. Кто кем манипулирует, кто дергает за нити, кто марионетка? Итак, биополитика как технология управления жизнью складывается на стыке рационально-научного осмысления живого, технико-технологического вмешательства в жизненные процессы, бюрократического регулирования населения на основе обнаруженных естественных регуляций и вовлечения населения в социальные процессы, конструируемые биовластью.

²⁴³ Серто М. де Изобретение повседневности. Кн. 1. Искусство делать. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013. С. 249.

²⁴⁴ Матурана У., Варела Ф. Древо познания. С. 25.

§ 3. Амбивалентность биополитики²⁴⁵

Биополитика, само рождение которой связано с необходимостью эффективного решения задач выживания и конкуренции государства на международной арене, носит подчеркнуто прагматичный характер. Она представляет ту самую политику очередных дел, которая, стремится «внести немного более справедливости в этот мир»²⁴⁶. Государственный разум, олицетворением которого стала биовласть, не склонен к переживаниям, не отличается впечатлительностью и произвольным широким жестам – это холодный разум. «Население всегда оказывается лишь тем, о чем государство печётся ради своего собственного блага, и потому, в случае нужды, разумеется, государство может его и истребить. Таким образом, изнанкой биополитики выступает танатополитика»²⁴⁷. Биополитика амбивалентна. Обратной стороной биополитики как регуляции жизни становится допущение, а порою и вовсе контролируемое производство смерти тогда, когда возникает необходимость стать танатополитикой. Таким образом, не стоит обольщаться «жизнеутверждающим» *био-*: биополитика – прежде всего *политика*. Объектами ее пристального внимания являются и жизнь, и смерть в равной мере. Биополитика не служит жизни, но и не служит смерти. Она находится на службе государства. Государству, безусловно, необходимы живое, энергичное, трудоспособное население. Однако, ситуация может неожиданно измениться. Биополитическое государство всегда готово пойти на жертву. «У нас у всех достаточно сил, чтобы перенести несчастье ближнего» – этот знаменитый афоризм Франсуа де Ларошфуко точно отражает холодную рациональность биополитического государства. В этом – амбивалентность биополитики.

²⁴⁵ В тексте параграфа использованы фрагменты статей автора: Попов, Д.В. Танатальное основание негантропной биополитики // Вопросы управления. 2018. № 4. С. 14–22. Попов Д.В. Кризис реципрокности: трансформация биополитики в некрополитику // Философия права. 2019. № 1. С. 91–100. Попов Д.В. «Чрезвычайное законодательство» и экология разума / Бавсун М.В., Попов Д.В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья II. Право на задворках духовности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 1. С. 53–62.

²⁴⁶ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 40, 41.

²⁴⁷ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 379.

Биополитическое государство возникает на фундаменте монархической государственности европейского средневековья. Средневековое государство создало, воплотило в жизнь и следовало доктрине «двух тел короля» (о чем писал Э. Канторович) – тела физического и тела власти, представленных в фигуре смертного короля. Король, будучи живым правом и воплощением государственного единства, выполнял функции репрезентации государства в пространстве и времени. Король, подобно легендарной птице Феникс, умирая в одном природном теле, возрождается в другом (теле наследника), не умирая никогда, что позволяло утверждать, что время не властно над Королем. Королевская династия – цепь природных тел и одно политическое тело – корпорация, состоящая из одного человека в отдельно взятом промежутке времени. Король и Корона – точки сборки социального пространства, определяющего ритм социального времени. «Король – смертный человек, и все же он бессмертен в своем Достоинстве и своем Политическом теле»²⁴⁸. Физическая и символическая – смертная и бессмертная – фигура Короля представляет форму властной организации социального пространства и контроля за течением социального времени. Корона Короля – символ социального пространственно-временного континуума. «Корона, благодаря своей вечности, стояла выше физического гех так же, как она была выше географического regnum»²⁴⁹.

Моделируя отношение к индивидууму со стороны суверенной власти, а власть Короля является ее образцом, М. Фуко отмечал, что вплоть до XIX в. действовало старинное право суверена на жизнь: «Право на жизнь и смерть реализуется только в неравновесии и всегда с перевесом смерти. Право суверенной власти на жизнь начинается с момента, когда у суверена появляется право убить... Это, по существу, право меча»²⁵⁰. Однако новая модель правительственного управления поставила во главу угла усиление мощи государства, невозможное без регулирования жизни населения. Но это потребовало радикального пересмотра отношения к населению. Отныне

²⁴⁸ Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Институт Гайдара, 2015. С. 629.

²⁴⁹ Канторович Э.Х. Два тела короля. С. 458.

²⁵⁰ Фуко М. Нужно защищать общество. С. 254.

государство заинтересовано в том, чтобы население процветало. Биовласть дополняет право меча «заставить умереть или позволить жить – другим, новым правом, которое не уничтожает первое, но проникает в него, пронизывает его, модифицирует и создает в точности противоположное право... право заставить жить и позволить умереть»²⁵¹. Право меча дополняют учреждения образования и здравоохранения, пенитенциарная система нового типа, ярмарки, цирки и, со временем, кинематограф, гипермаркеты и социальные сети. Биовласть сохранила за собой право суверена «заставить умереть или позволить жить», но стратегически предпочитает, применяя целый арсенал средств стимулирования, «заставлять» жить и «позволять» умереть в случае исчерпания интереса к индивидууму, отдача от которого для биовласти минимальна.

В крайней точке биовласть – сама Смерть с косой: «Окончательное выражение суверенитета состоит в значительной степени во власти и способности диктовать, кто может жить и кто должен умереть»²⁵². Этот образ биовласть тщательно скрывает. В точке сортировки на тех, кто «должен» жить или умереть, биовласть становится некровластью (necropower, А. Мбембе). Некровласть широко использует выживание как стимул для дисциплинаризации населения и собственного самосохранения. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что прагматизм биовласти никоим образом не сочетается с садистскими наклонностями *ut talis*. Маска смерти и коса припасены для чрезвычайных обстоятельств.

К. Шмитт утверждал, что «суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»²⁵³. В рамках предлагаемого Шмиттом децизионизма (от нем. *deziision* – решение) «исключительный случай выявляет сущность государственного суверенитета яснее всего»²⁵⁴. Шмитт отдает предпочтение исключительному случаю по причине того, что такой случай неминуемо возникает, а возникнув, требует безотлагательного решения. И именно необходимость оперативного реагирования в исключительных условиях приводит

²⁵¹ Фуко М. Нужно защищать общество. С. 254-255.

²⁵² Mbembe J.-A., Meintjes L. Necropolitics. URL: https://warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/pg/masters/modules/postcol_theory/mbembe_22necropolitics22.pdf (дата обращения: 27.11.2020).

²⁵³ Шмитт К. Политическая теология. Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц., 2000. С. 15.

²⁵⁴ Шмитт К. Политическая теология. С. 27.

к выводу о том, что в основе всякого права лежит ситуативное право, в рамках которого «авторитет доказывает, что ему, чтобы создать право, нет нужды в праве»²⁵⁵. Противопоставляя «решение» и «норму», К. Шмитт противопоставляет «порядок» и «правопорядок». Первый исходит из решений суверена, в основе второго – нормы. В обуздании хаоса норма бессильна. Правопорядок, основанный на норме, каждый раз в условиях чрезвычайной ситуации терпит крах (либо продолжает в трансформированной форме существовать, если включает в себя паллиатив чрезвычайной ситуации, ограничивающий действие ряда норм лицом, назначаемым «сувереном»), в то время как для юриспруденции решений, а не норм, исключительность является нормой, а не исключением. В результате подобная система права функционирует в штатном режиме в период чрезвычайности. Поскольку в рамках правового государства регламентация чрезвычайного положения все равно производится, и отличия от суверенной власти носят процедурный характер, постольку К. Шмитт настаивает на исконно суверенной природе власти, при которой «суверенитет есть высшая, независимая от закона [ни из чего] не выводимая власть»²⁵⁶. Можно утверждать, что для суверенной власти чрезвычайное положение – нормальное континуальное состояние общественной жизни постольку, поскольку любую законотворческую инициативу суверена предваряет оценка состояния тех или иных общественных отношений как чрезвычайных и требующих изменения. В логике rule of law действует иная парадигма – модификация континуумов нормальности, опосредованных нормой перехода. Суверенная власть, действующая в парадигме чрезвычайности, имеет особое – интимное – отношение к жизни человека. Подобно Мойрам, суверенная власть прядет нить жизни человека, определяет его судьбу и, при наступлении соответствующих обстоятельств, перерезает нить жизни.

USA PATRIOT Act (Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act, т.е. «Акт „О сплочении и укреплении Америки путём обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму“) –

²⁵⁵ Шмитт К. Политическая теология. С. 26-27.

²⁵⁶ Шмитт К. Политическая теология. С. 31.

вступивший в силу в 2001 г. нормативно-правовой акт, призванный сплотить, укрепить и наделить юридическими инструментами США перед лицом террористической угрозы. Документ, существенно расширивший полномочия специальных служб и ограничивший гражданские права и свободы. Последствия применения USA PATRIOT Act значительны. Скандал, вызванный деавуированием деятельности АНБ Э. Сноуденом, раскрыл масштабы проникновения государства в пространство частной жизни. Оказалось, человечество, само того не зная, почти живет в антиутопии Е. Замятина «Мы» – в домах с прозрачными стенами на виду у всех. Ключом от всех дверей оказалось чрезвычайное законодательство – система мер, прямо или косвенно одобренных обществом, направленная на пресечение угроз безопасности государства. С 2001 г. подобная практика чрезвычайного реагирования на актуальные и потенциальные угрозы нашла самое широкое распространение. Подобное положение не ново – двадцатое столетие прошло под знаком чрезвычайщины²⁵⁷. Новшеством является качественный прорыв в технологии. Современная технология позволяет хранить и обрабатывать огромные массивы информации. Потенциально весь мир может быть охвачен взглядом «Большого брата».

Чрезвычайное законодательство ограничивает и даже упраздняет юридическое. Тем самым нарушается привычный ход событий, происходит разбалансировка социальной системы. Среди регулятивов внезапно появляются факторы случайные, произвольные, выходящие за логику построения правовой системы, стремительно редуцирующие право к примитивным формам. При этом «чрезвычайное положение все более и более стремится стать доминирующей управленческой парадигмой современной политики»; абсолютная необходимость и временный характер – основание чрезвычайного законодательства – приводят к тому, что «чрезвычайное положение уже стало нормой... использование чрезвычайных... полномочий, вероятно, станет правилом, а не исключением»²⁵⁸.

²⁵⁷ С точки зрения Ш. Зубофф, XXI в. – эпоха надзорного капитализма – также протекает в режиме «надзорной чрезвычайщины» высокотехнологичного и потенциально тотального контроля со стороны государства и частных корпораций, преследующих взаимодополняющие цели. См.: Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. М.: Институт Гайдара, 2022. С. 150.

²⁵⁸ Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. С. 15, 22.

В такой ситуации власть намеренно пролонгирует чрезвычайное положение, превращая его в перманентное. При этом «чрезвычайные меры вмешательства государства, носящие произвольный, избыточный, исключительный и незаконный характер, предъявляются обществу под знаком заботы, которая обосновывается как готовность государства защищать население «любой ценой», т.е. всеми доступными средствами, включая игнорирование права»²⁵⁹. Однажды поддавшись соблазну использовать чрезвычайные средства, впредь чрезвычайно сложно избавиться от этой привычки, лишь бы эффективно достигались поставленные цели. В результате широко применения средств чрезвычайного реагирования происходит трансформация социального пространства. Открытое пространство, жизнедеятельность в котором регламентирована законодательством, замыкается и обретает конфигурацию лагеря. «Лагерь – это пространство, возникающее тогда, когда чрезвычайное положение превращается в правило. Так, чрезвычайное положение, бывшее, по сути, временным прекращением действия правовой системы по причине фактической ситуации опасности, отныне обретает постоянную пространственную локализацию...»²⁶⁰. Лагерь, как утверждает Дж. Агамбен, в качестве парадигмы современности, основанной на чрезвычайном положении, способен стать биополитической матрицей современного государства. Лагерь становится «новым биополитическим номосом планеты»²⁶¹. В XX в. человечество неоднократно приходило к подобному порядку.

Формой биополитики, соответствующей широкому применению инструментария суверенной власти, распространению режимов чрезвычайного положения и организации лагерного пространства управления (в широком диапазоне от минимума до масштабного применения), а также ведущей к редукции человека к «голой жизни» – пределу человеческого в человеке – является негантропная (человекоотрицающая) биополитика.

Негантропная (человекоотрицающая) биополитика – направление биополитики, основу которого составляет авторитарный тип управления,

²⁵⁹ Яркеев А.В. Чрезвычайное положение как предельное состояние социального бытия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 1. С. 59.

²⁶⁰ Агамбен Дж. *Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа, 2011. 214.

²⁶¹ См.: Агамбен Дж. *Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. С. 223.

экономическая эксплуатация населения в интересах государства, систематическая и целенаправленная индоктринация, широкомасштабное использование аппарата принуждения, пренебрежение человекоберегающими технологиями.

Негантропная биополитика может быть стабильной и долгосрочной, но только в том случае, если достигнута точка равновесия между хищническим использованием населения в качестве ресурса и предоставлением населению возможностей выживания и даже относительно комфортного существования. В случае неуклонного расширения практик эксплуатации населения негантропная биополитика имеет тенденцию перерождения в некрополитику, для которой ценность человеческой жизни минимальна, а стремление к получению односторонней выгоды от населения и территории – максимальна. Напротив, тенденция к компромиссу с населением ведет биовласть к изменению биополитической стратегии на конфирмантропную (человекоутверждающую).

Причины, толкающие биовласть на осуществление негантропной биополитики многообразны. Она может носить временный и вынужденный характер. Ее могут определять война. Так, например, теория «тотальной войны» Э. Людендорфа предполагает максимальную эксплуатацию людского потенциала до окончательной победы. «Современные условия требуют, чтобы политика была продолжением войны, понимаемой ныне как борьба нации за выживание, в которой нет запрещенных приемов... вся страна должна превратиться в подобие гигантской армии, в которой каждый мужчина, женщина и даже ребенок нес бы службу на своем посту»²⁶². Негантропная биополитика может стать инструментом на время войны, послевоенного восстановления или ликвидации последствий стихийного бедствия. В жизни государств и народов возможны разнообразные трагические обстоятельства. Маркером негантропной биополитики, отличающей ее от биополитики, проводимой в чрезвычайных обстоятельствах, является долговременное осознанное хладнокровно-потребительское отношение к человеку.

Рассмотрим экономические и политические институты, характерные для негантропной биополитики. Преобладающей стратегией негантропной биополитики является прагматичное, потребительское отношение к человеку, а

²⁶² Кревельд М. ван. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 82-83.

отнюдь не стремление к истреблению людей. Испанцы жаждали серебра, а не смерти индейцев, бельгийцы эксплуатировали конголезцев из алчности, а не ради чистого душегубства, английские сахарозаводчики ввозили рабов на плантации сахарного тростника для увеличения прибыли. «Рабство имело огромное экономическое значение... сырьем для сахарной промышленности служил не только тростник, но и люди»²⁶³. Плантатор с Барбадоса Э. Литтлтон советовал тем плантаторам, у которого есть сто рабов, ежегодно покупать еще десять для сохранения ресурса из-за быстрого расходования человеческого ресурса.

В негантропной биополитике обнаруживается собственная политическая экономия. Она основывается на циничном расчете, экстрактивной модели извлечения прибыли, укреплении экстрактивных социальных институтов, социальной дифференциации, усилении репрессивного аппарата, идеологическом прикрытии вмешательства в экономику и мифологизации. Негантропная биополитика – следствие неуклонно расширяющейся практики политического интервенционизма правительства. Существует модель целесообразного экономического, юридического и социального интервенционизма правительства, формирующая облик капитализма, обращенного к обществу. В рамках этой модели «государство, публичная власть всегда вмешивается в экономический порядок в форме закона, и внутри этого закона, если публичная власть эффективно ограничивается этими легальными вмешательствами, может возникнуть экономический порядок, который будет одновременно результатом и принципом своей собственной регуляции»²⁶⁴. Подобная политика в конечном итоге создает собственника, имеющего достаточный доход и умеющего экономически планировать жизнедеятельность – человека-предприятие, – что, в свою очередь, закладывает здоровую основу для инвестиций в человеческий капитал – а это и есть отправная точка человекоутверждающей (конфирмантропной) биополитики, основанием которой является homo

²⁶³ Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. М.: АСТ, Corpus, 2013. С. 125, 131-132.

²⁶⁴ Фуко М. Рождение биополитики. С. 223.

economicus, «антрепренер себе самому... который сам себе капитал, сам себе производитель, сам себе источник доходов»²⁶⁵.

Совершенно иначе выстроена политическая экономия негантропной биовласти. Основной проводник негантропной биополитики – экстрактивные экономические и политические институты. Экстрактивные экономические институты направлены «на то, чтобы выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части»²⁶⁶. Экстрактивные политические институты достигают существенной концентрации власти в руках элиты, которая пользуется властью бесконтрольно. Диалектика, «синергия между экстрактивными экономическими и экстрактивными политическими институтами способствует их взаимному укреплению...»²⁶⁷. Властная элита благодаря политическим институтам получает доступ к регулированию экономических институтов и добивается того, что действует в своих интересах, не допуская появления конкурентов. Взаимодействие экстрактивных политических и экономических институтов порождает «порочный круг: те, кто выигрывает от сохранения статус-кво, лучше организованы и располагают более значительными ресурсами, что позволяет им блокировать любые важные изменения, угрожающие их экономическим привилегиям и доступу к власти»²⁶⁸. В результате возникает практически неуязвимая система управления, крайне разрушительно воздействующая на общество, население и само государство. Формируется устойчивый вектор негантропной биополитики, благоприятный исключительно для незначительной части населения, интегрированной во власть. Институциональное закрепление основанной на экстрактивности негантропной биополитики довершается формированием пропагандистской машины, эксплуатирующей тематику внешнего врага, национального единства, народной природы власти, рывка в благополучное будущее и т.д. Наличие латентного конфликта между элитой и

²⁶⁵ Фуко М. Рождение биополитики. С. 285.

²⁶⁶ Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015. С. 89.

²⁶⁷ Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. С. 95.

²⁶⁸ Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. С. 123.

населением усугубляет формы негантропии, поскольку вынуждает власть пресекать все возможные попытки полноценно включиться в экономический и политический процесс. Нередко формируются условия – экономические проблемы, отчуждение, отпор элит, вопиющая несправедливость, неблагоприятная международная обстановка – при которых общество приходит в неравновесное состояние, что, при наличии любого неблагоприятного события, «может вызвать волну народных мятежей и привести к сопротивлению элит, – и тогда произойдет революция»²⁶⁹. Но даже демонтаж негантропной биовласти зачастую не прекращает негантропной биополитики. Одна форма негантропной биополитики способна успешно заменить другую. Экстрактивные политические и экономические институты известны испокон веков. Несколько последних столетий, тем не менее, привнесли нечто новое в сочетание указанных элементов. С одной стороны, возникли системы, в которых экстрактивность в политике и экономике достигли исторических максимумов. Это и плантаторское хозяйство, основанное на работорговле; и промышленный капитализм, первые шаги которого были весьма жестоки; нацизм; социалистические социальные эксперименты. С другой стороны, в современном мире выражено стремление к полной ликвидации экстрактивности и организации комфортного пространства жизни человека.

Негантропная биополитика основывается на исключении. Пространства исключения многообразны. Они – ячейки негантропного мира. Попробуем смоделировать развитие уже сложившегося вектора негантропной биополитики, завершающегося становлением некрополитики. На этом пути можно выделить несколько стадий:

1. Образование неформальной иерархической системы суверен–вассал, дополняющей (и даже подменяющей) официальные структуры власти.

2. Формирование систематической «вертикальной политики»²⁷⁰, основанной на систематическом разделении и исключении.

²⁶⁹ Голдстоун Дж.А. Революции. Очень краткое введение. М.: Институт Гайдара, 2015. С. 35.

²⁷⁰ Weizman E. Introduction to the politics of verticality. URL: https://www.opendemocracy.net/ecology-politicsverticality/article_801.jsp (дата обращения: 27.01.2021).

3. Постепенное углубление раскола в обществе до степени взаимной эксклюзивности власти и населения.

4. Перерождение глубинных процессов во власти и форм взаимной эксклюзивности в систему социальных экстрактивных институтов.

5. Максимизация экстрактивности и утверждение некровласти.

Процесс протекает в рамках диалектики включения и исключения. Для трансформации биовласти в некровласть «фундаментальной категориальной парой... является не оппозиция друг/ враг, а... исключение/ включение»²⁷¹. Исключение начинается с формирования «включающего исключения» привилегированной группы. Возникновение элит – известный процесс. Наличие элит – неизбежность. Конкуренция элит продуктивна. Однако нас интересует процесс контрпродуктивного для общества обращения элиты в закрытую неформальную структуру, организованную на началах личной преданности и строгого подчинения, которая рассматривает власть по преимуществу как средство достижения собственных целей. Власти, вставшей на путь обособления и служения себе, присущи собственные законы существования, отличные от декларированных намерений и информационного прикрытия. «Власть – это система, в которой не существует индивидуальных игроков, а есть только коллективные... движение к Власти нужно начинать с поиска «банды», команды, группы, которая играет во властных играх самостоятельную и значимую роль»²⁷².

«Банда» устроена соответствующе. «Любая властная группировка, независимо от того, в каком обществе... она существует, строится по одной из древнейших форм Власти – по феодальной»²⁷³. Внутри группировки отношения выстраиваются в соответствии с феодальной иерархией сюзерен–вассал. Конкурирующие между собой «дома» – властные группировки, дифференцированные на «ближний круг» и «шлейф», обособлены от обывателей, законспирированы, сплочены и ясно осознают, что находятся если не на фронте, то близко к нему. Сплоченность, преданность – цемент подобных нефеодалных

²⁷¹ Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. С. 15.

²⁷² Хазин М., Щеглов С. Лестница в небо. Диалоги о власти, карьере и мировой элите. М.: Рипол Классик, 2016. С. 18.

²⁷³ Хазин М., Щеглов С. Лестница в небо. С. 32.

структур. «Отношения вассал – сюзерен, в некотором смысле, сравнимы по прочности с супружескими и уж точно прочнее любовных... Отношения вассала и сюзерена – практически пожизненные, переход к другому сюзерену возможен лишь с согласия предыдущего, и то лишь в рамках одной “феодалной вертикали”»²⁷⁴. Как только в борьбе за власть начинают преуспевать властные группировки, организованные по образцу феодального дома, возникают условия для появления и иных форм, характерных для феодализма. Восприятие публичного пространства как вотчины приводит к диктату выделенных групп, обособляющихся от населения и рассматривающих его (или некоторые его части) как крепостных (чернь). Обособление проявляет себя в том числе в особом самопозиционировании, выражающемся в «непогрешимости» суждений и решений. Нередко властвующие элиты убеждены в собственной непогрешимости. Например, «в постколониальном мире командование стремится институционализировать себя, чтобы достичь легитимации и гегемонии... в форме фетиша. Знаки, лексика и нарратив, которые исходят от командования, не просто символы; они официально преисполнены избытком смысла, не подлежат обсуждению и официально запрещены для толкования или оспаривания»²⁷⁵.

Возникающая взаимная эксклюзивность власти и населения способна привести к широкомасштабной «вертикальной политике». Крайняя форма вертикальной политики – «вертикальный суверенитет», приводящий к «расщепленной оккупации». Описывая взаимодействие первого и третьего мира на примере Израиля и Палестины, территориально сопряженных, но разобщенных политически, экономически, культурно и даже инфраструктурно, Э. Вайцман отмечает: «Первый и третий миры рассредоточены в разрозненной мозаике – территориальной экосистеме внешне отчужденных, внутренне гомогенизированных анклавов, расположенных рядом, внутри, выше или ниже друг друга...»²⁷⁶. Итак, взаимная эксклюзивность в условиях вертикального

²⁷⁴ Хазин М., Щеглов С. Лестница в небо. С. 43.

²⁷⁵ Mbembe A. Provisional notes on the postcolony. URL: <https://studentportalen.uu.se/uuspfilereatool/download.action?nodeId=1427873&toolAttachmentId=288520> (дата обращения: 27.11.2020).

²⁷⁶ Weizman E. Introduction to the politics of verticality.

суверенитета выражается в сосуществовании в условиях организованного социального пространства пространств обособления. Выделение обособленных «экосистем власти», общего пространства и «гетто отверженных» нарушает жизненно важные формы социального баланса, связанные с интуитивными, законодательно и культурно-оформленными представлениями о справедливости. Имплотация конструктивных форм взаимодействия ведет к развитию системы социальных экстрактивных институтов. Экономические экстрактивные институты усиливают несправедливый обмен в обществе. Политические экстрактивные институты закрепляют статус-кво. Маховик экстрактивности раскручивается, взаимная эксклюзивность социальных групп – лидеров и аутсайдеров – достигает катастрофических масштабов – «исключение» становится правилом, инклюзия – исключением из правил.

Максимизация экстрактивности напрямую ведет к утверждению некровласти. Именно такие условия способствуют стремительному качественному изменению биополитики. Если в ней еще оставался конструктивный потенциал, то он сворачивается, если негантропная биополитика была умеренной, то инфляция взаимодействия власти и населения стремительно усиливает давление на стигматизированные группы и превращает их существование в невыносимое. Пределом негантропной биополитики становится некрополитика, проводимая некровластью (А. Мбембе: *necropower – the power of death*). Некровласть функционирует «в интересах максимального уничтожения людей и создания миров смерти – новых и уникальных форм общественного бытия, в которых массы населения помещаются в условия жизни, придающим им статус живых мертвецов»²⁷⁷.

Яркой иллюстрацией нисходящей спирали негантропной биополитики являются события 1994г. в Руанде. Руанда – занимающая скромную территорию чрезвычайно густонаселенная африканская страна. Благоприятный климат, плодородные почвы, низкий уровень тропических болезней создали условия для жизни в этом регионе. Обретя независимость, Руанда встала на путь экстенсивного развития сельского хозяйства. Бурный рост населения, с одной

²⁷⁷ Mbembe J.-A., Meintjes L. Necropolitics.

стороны, и малоэффективная аграрная экономика, с другой, стали причиной «наихудшего развития мальтузианского сценария»²⁷⁸. Видимой причиной широкомасштабного геноцида в Руанде стал нерешенный застарелый конфликт между племенами хуту и тутси. Скотоводы-тутси (15% населения) имели социальные преимущества по отношению к земледельцам-хуту (85%). В условиях кризиса, вызванного засухой, на фоне противоборства различных группировок в борьбе за власть, имея сформированные годами страхи и предрассудки в качестве бэкграунда, резня в Руанде вспыхнула мгновенно и унесла жизни около 1 млн. человек (в основном тутси). Однако более весомым элементом причинного основания геноцида является биополитический кризис, в котором переплетаются демографические, экологические, экономические и политические составляющие. Возрастающая перенаселенность Руанды привела к катастрофической нехватке земли, предельному сокращению земельных наделов, внутрисемейным и общинным конфликтам, судебным тяжбам, чрезвычайному росту социальной напряженности, существенному ухудшению экологической обстановки, обвальной деградации жизненных условий как для хуту, так и для тутси. Демографический взрыв подорвал экологические ресурсы Руанды. Экономика и политика довели ситуацию до социального коллапса. Руанда – страна, специализирующаяся на сельскохозяйственной продукции. А, значит, страна, зависящая от ухудшающейся конъюнктуры цен в силу значительной конкуренции на сельскохозяйственном рынке. «Страны, поставляющие сырье другим странам, рано или поздно окажутся в ситуации, когда отдача их деятельности станет убывающей... <...> страны, специализирующиеся на видах деятельности с убывающей отдачей, начинают “специализироваться” на бедности»²⁷⁹. Неспособность стимулировать развитие иных – не аграрных – секторов экономики, потворство развитию негативного экономического сценария в стране, эскалация межплеменного конфликта завели страну в тупик. В результате уже после резни 1994 г. «можно нередко услышать, как руандийцы утверждают, что

²⁷⁸ Даймонд Дж. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. С.452.

²⁷⁹ Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Высшая школа экономики, 2016. С. 138, 141.

война была необходима, чтобы уничтожить избыток населения и привести его численность в соответствие с имеющимися земельными ресурсами»²⁸⁰. Сам же биополитический кризис, в ходе которого хуту убивали как тутси, так и зажиточных по меркам Руанды хуту, а тутси убивали хуту, стал манифестом борьбы за выживание, в ходе которой «люди, чьи дети вынуждены были ходить в школу босиком, убивали тех, кто мог купить своим детям обувь»²⁸¹.

Африка дала миру целую галерею режимов, реализующих различные модификации негантропной биополитики. Достаточно вспомнить режимы Ж.-Б. Бокассы (ЦАР), М. Сесе Секо (Заир-ДРК), И. Амина (Уганда), Г. Эйадемы (Того), лидера социалистической Эфиопии М.Х. Мириама. В каждом случае с разной степенью интенсивности диктаторы разрушали экономику собственной страны и создавали невозможные условия жизни для населения. Современные ЦАР, ДРК, Эфиопия, Сьерра-Леоне, Либерия, а равно мезоамериканское Гаити (после режимов «Папы Дока» и «Бэби Дока» Дювалье) или азиатская Камбоджа (после режима Пола Пота) – беднейшие страны мира с незарубцевавшимися следами жестоких социальных экспериментов. Каждому режиму были свойственны авторитаризм, экономическая несостоятельность, волюнтаризм, кровожадность. В каждом случае политические администрации занимались «вивисекцией» социального организма собственного государства.

Общим для биовласти, проводящей негантропную биополитику, оказывается высокая норма экстрактивности, поддерживаемая высоким уровнем насилия со стороны государства. Это открывает путь к некрополитике. Некрополитику можно увидеть в концентрационных лагерях и лагерях смерти Германии, в советском ГУЛаге, в испанской Америке на серебряном руднике в Потоси, на плантациях хлопка в рабовладельческих южных штатах США, на сборе сахарного тростника на Эспаньоле, Ямайке или Кубе, в бельгийском Конго или германской Намибии, в английских концентрационных лагерях времен англо-бурской войны. Везде, где существовало узаконенное рабство, а равно любые замещающие его формы инструментализации человека, обнаруживаются предел

²⁸⁰ Даймонд Дж. Коллапс. С. 449.

²⁸¹ Даймонд Дж. Коллапс. С. 453.

экстрактивности – маркер некровласти. Человеческое сообщество, каким бы оно ни было, всегда остается человеческим. «Животное – не более чем раб, придавленный к земле... А человек – первый вольноотпущенник творения; он ходит выпрямившись. В нем – весы, на них взвешивает он добро и зло, истину и ложь; он может искать, он может выбирать... человек – царь; таков он в своей вольности, таков и тогда, когда злоупотребляет своей свободой»²⁸².

В человеческом сообществе руководит мысль, какой бы извращенной она не была. Однако человеческая мысль, руководствующаяся бесстрастным отношением к ближнему, способна создавать «человеиники» (А.А. Зиновьев), подобные загонам для содержания домашних животных, и осуществлять режим управления, подобный обхождению со скотом. Худшие разновидности человеиников – лагеря смерти – конвейеры истребления людей, никогда не желавших там очутиться. Именно такие социальные пространства являются средоточиями некрополитики. Некрополитика носит комплексный характер. Она трансформирует человека – его облик, сознание, когнитивные привычки – и социальное пространство, в которое включен человек. Некрополитика превращает человека в парию, жертву, в пределе – труп. Она помещает человека в вакуум отсутствия информации, создает барьеры между ним и обществом, сжигает мосты ресоциализации, окружает изгой аурой порочности, ставит клеймо отверженности. Само социальное пространство «раба» искажено. Изгой не живет в обществе. Пространство изгойства можно назвать скоплением людей (номинальные общности П. Сорокина), но нельзя считать полноценным социумом. Изгойство сплетено особым жизненным укладом, языком, ритуалами. Социум «человья» (А.А. Зиновьев) носит искусственный характер, он смоделирован по лекалам, удобным для надзора, контроля, производства, но не для жизни. Искусственный человеиник антропо-не-соразмерен. Совершенно не случаен прототип лагерей будущего – Паноптикон И. Бентама. Паноптичность, прозрачность, обозримость пространства, предсказуемость событий, подконтрольность – характеристики идеальной точки для наблюдателя за скоплением «человьев». Искусственная, синтетическая среда – отнюдь не жилище

²⁸² Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. Ч. 1. М.: Наука, 1977. С. 102-103.

для человека, а транзитная зона – вечный временный порядок пребывания вне нормальной среды обитания. Этот транзитный терминал – точка для перемещения в зону трудовой деятельности (а иногда и вовсе в неизбежную смерть). Все подчинено карикатурно, гротескно преувеличенному принципу биополитики видеть в населении основной ресурс могущества социальной общности. Крайней формой некрополитики является планомерное истребление людей. Социальной формой организации подобного процесса стал концентрационный лагерь. Методом истребления являлся систематический гомицид. Крайней степенью деградации человека накануне смерти стало т.н. состояние *der Muselmann* (Дж. Агамбен). Это состояние характеризуется окончательным расчеловечиванием и редукцией к «голой жизни» – последнему биологическому пределу человека, в котором практически угасло сознание, но еще не прекратились инстинктивные реакции. «В так называемом *Muselmann* – на лагерном языке этим словом называли узника, оставившего всякую надежду и оставленного товарищами, – угасала та область сознания, в которой противостоят друг другу добро и зло, благородство и низость, духовность и бездуховное. Он превращался в ходячий труп, в средоточие физических функций агонизирующего тела»²⁸³. Расчеловеченное состояние *der Muselmann*, описанного П. Леви, а вслед за ним Дж. Агамбеном – кульминация некрополитики.

Противоположностью негантропной биополитики, ведущей в случае своей интенсификации к некрополитике, является конфирмантропная (человекоутверждающая) биополитика. Конфирмантропная биополитика – направление биополитики, для которого приоритетны человекосберегающие технологии. Человек в конфирмантропной биополитике понимается не просто как ресурс, но как ценный ресурс. Конфирмантропная биополитика инвестирует в население, играет в долгую и всерьез, рассчитывая на возрастающую отдачу. Она формирует человека-предприятие – драйвер экономического роста, предоставляет образование и медицинскую помощь как необходимые элементы жизни, обеспечивает труд и его защиту, безопасность и поощряет инициативу. Конфирмантропная биополитика ставит на инклюзивные социальные институты.

²⁸³ Агамбен Дж. *Homo sacer*. Что остается после Освенцима. М.: Европа, 2011. С. 43-44.

Инклюзивные социальные институты вовлекают население в политику и экономику и обеспечивают сравнительно равномерное распределение ресурсов.

«Мы будем называть инклюзивными политические институты, которые являются одновременно достаточно плюралистическими и централизованными»²⁸⁴. Сосредоточение государства на приоритетах увеличения продолжительности жизни, защите материнства и детства, качестве и доступности образования и медицинского обслуживания, поддержке здорового образа жизни, увеличении доходов населения демонстрирует положительный биополитический потенциал государства, делающего ставку на жизнеспособность и энергию населения. Такой биополитике соответствуют инклюзивные политические и экономические социальные институты. «Инклюзивные экономические институты появляются в результате работы инклюзивных политических институтов, которые распределяют власть среди широкого круга граждан и накладывают ограничения на ее произвольное применение. Они также затрудняют узурпацию власти какой-либо одной группой и препятствуют разрушению собственных основ...»²⁸⁵. Инклюзивные институты запускают циклический процесс усиления благотворной биополитики – «круг благоразумия» (*virtuous circle*), в рамках которого инклюзивные институты самовоспроизводятся и самоусиливаются. Инклюзивные социальные институты имеют неоспоримое преимущество, поскольку конструктивно используют человеческий потенциал для достижения общественных целей, соответствующих индивидуальным целям отдельных граждан. Создание институтов, рассчитанных на систематические инвестиции в население, формирует конфирмантропный вектор развития.

Биополитика разнообразна в своих проявлениях. «Индекс качества жизни», «индекс счастья» – тоже биополитика. Р. Брегман отмечает, что новые показатели, обсчитывающие самые разные стороны бытия человека, вытесняют односторонний ВВП. В настоящее время «настала пора для нового набора показателей. Так какие у нас есть альтернативы? Два претендента – индикатор подлинного прогресса (ИПП) и

²⁸⁴ Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. С. 95.

²⁸⁵ Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. С. 94-96.

индекс устойчивого экономического благосостояния (ИУЭБ), учитывающие загрязнение, преступность, неравенство и добровольную работу»²⁸⁶.

Стратегии, важные в эпоху войн и подготовки к ним, в мирное время уступают конструктивным программам взаимодействия. Ожесточенная конкуренция вытесняется моделями поиска взаимных выгод и компромисса. В основе долгосрочной биополитической стратегии лежит определенное отношение к человеку. Представляется, что это отношение включает в себя определенную экономию человеческих ресурсов, бережное отношение к человеку, жалость. Государство не просто не должно быть «великой разбойничьей организацией» (Августин Аврелий), оно должно приближаться к форме «собираательно-организованной жалости» (В.С. Соловьев). Ставка на «надрыв», «рекорд», перманентную эксплуатацию человека на пределе возможностей, если и дают рост, то платят за него чрезмерную цену.

Можно поставить во главу угла экономический рост любыми средствами. Но «если мы и дальше будем продолжать в том же духе, то пусть из экономики мы душу до конца и не вынем, но она может обрести свой собственный telos (смысл) и начнет функционировать по-своему, а не так, как нам хотелось бы. Нравственный вакуум заполнит иная (возможно, нечеловеческая) мораль»²⁸⁷. Т. Седлачек настаивает на том, что экономику определяет антропологическая модель, заложенная в ее основание. Важность экономической антропологии как составляющей метаэкономики задает форму экономической жизни. Систематическое пренебрежение человеком способно породить уродливые формы «организованной безжалостности». Негантропная биополитика прививает покорность, предрассудки, страхи, контрпродуктивные социальные практики. Однако, «духовные законы и запреты связуют всех людей, в том числе и тех, которые отвергают их или издеваются над ними. Человеку дана свобода отвергать их и попирать их; но никогда еще человек и народ, идущий по этому пути, не вел на земле достойной, творческой и прекрасной жизни; напротив, все они

²⁸⁶ Брегман Р. Утопия для реалистов: Как построить идеальный мир. М.: Альпина Паблишер, 2018. С. 45, С. 49.

²⁸⁷ Седлачек Т. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит. М.: Ад Маргинем, 2016. С. 499.

разлагались душевно, впадали в общественный беспорядок и смуту и исчезали в духовном небытии»²⁸⁸.

Итак, биополитика обладает амбивалентным потенциалом. Основываясь на прагматичном отношении к населению как к ресурсу достижения собственных целей, биовласть, тем не менее, демонстрирует существенные различия в степени и характере использования столь драгоценного ресурса. В случае конфирмантропной биополитики устанавливается взаимовыгодное сотрудничество между биовластью и населением. Вовлечение населения в экономические и политические процессы способствует достижению целей биовласти и, одновременно, приносит выгоду населению. Напротив, в рамках негантропной биополитики экстрактивные социальные институты исключают из социальных взаимодействий ту или иную часть населения, обращая ее в средство получения выгоды в условиях минимальной пользы для самих людей. Крайние формы негантропной биополитики приводят к некрополитике, для которой сознательное истребление людей становится нормой. Биополитика в этом пределе своей трансформации становится танатополитикой.

Выводы по второй главе

1. Биополитика, будучи властной формы организации жизни, начиная с XVIII в., приняла форму специализированного управления жизнью населения в современном оправительственном государстве. Вместе с тем, биополитика обнаруживает себя уже в античности. Характерные для биополитики способы и приемы регуляции рождаемости, смертности, здоровья и продолжительности жизни встречаются уже в Древней Греции и Древнем Риме. Отказ от вмешательства в жизнь человека, характерный для эпохи раннего христианства, сменяется возобновлением биополитических практик в позднем Средневековье и эпохе Возрождения. Наконец, научно-технический прогресс и возникновение новой пространственной конфигурации территориально обособленных

²⁸⁸ Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1996. С. 69.

суверенных европейских национальных государств влечет повсеместное распространение биополитики.

2. Биовласти присущи такие основные параметры как материальность, телесность, контактность. Во-вторых, биовласть обладает свойствами всеобщности, анонимности, децентрализованности и капиллярности. В-третьих, биовласть динамична, гибка и скрытна. Биовласть использует возможности маневра, она вбирает в себя пластичность, присущую природе и самому человеку. В-четвертых, биовласть прагматична, она мотивирует, стимулирует, вовлекает. В-пятых, биовласть опирается на знание, научно-технический и рационально-бюрократический потенциал управления.

3. Радикально новым для биовласти омассовление объекта воздействия. Биовласть обращена не к отдельному индивиду, а к населению. К основным инструментам биовласти следует отнести, во-первых, широкомасштабное использование дисциплинаризации; во-вторых, медиализацию; в-третьих, стандартизацию, основой которой стало определение нормы и сравнение с ней. Биополитика активно применяет нормирование и нормализацию; что позволяет осуществлять функции отбора и отбраковки. В-четвертых, нормирование и стимулирование создают механизм практической идеализации, задающей видимые образцы жизнедеятельности в поле целей и задач, преследуемых властью. В-пятых, индоктринация – один из важнейших инструментов биополитики. В-шестых, иммунизация как привитие определенной системы реакций на потенциально угрожающий фактор воздействия, составляет один из важнейших биополитических инструментов. Совокупный инструментарий биополитики, применяемый к населению, опосредованному статистическими данными о нем, является арсеналом средств конструирования населения вообще и индивидов в частности.

4. Биовласть производит инверсию в отношении к живому человеку. Если для административной власти характерно прямое воздействие власти на человека и опосредованное отношение власти к жизни индивидуума, обусловленное законом и административными мерами, то биовласть стремится в ходе реализации программ, охватывающих жизненный цикл человека, непосредственно

воздействовать на его жизнь и опосредованно на него самого. В такой ситуации широко применяются обезличенные стандарты, регламенты, инструкции, практики, находящие свое применение в сферах здравоохранения, образования, военного дела, санитарии, гигиены, охраны труда и т.д. Биовласть ищет способы влиять на *vita nuda* (Дж. Агамбен) – универсальный общий знаменатель, уравнивающий всех людей.

5. Биовласти присущ двойственный подход к населению. Исходя из утилитарного отношения к населению как ресурсу, объектами пристального внимания биовласти являются и жизнь, и смерть в равной мере. Биовласть находится на службе государства. Государство нуждается в многочисленном трудоспособном населении. Однако, если ситуация неожиданно меняется, биовласть способна ухудшить жизненное положение части и даже всего населения. Биополитика способна обратиться в танатополитику.

6. К основным биополитическим сценариям, реализуемым биовластью, следует отнести: негантропную биополитику, основу которой составляет пренебрежение человекосберегающими технологиями; некрополитику целенаправленно ухудшающую положение населения; конфирмантропную биополитику, для которой приоритетны человекосберегающие технологии, а человек рассматривается как ценный ресурс, требующий инвестиций. Биополитические сценарии связаны между собою фигурами перехода и не являются фатальными замкнутыми стратегиями. Взаимосвязь между биополитическими стратегиями носит законосообразный характер. В случае конфирмантропной биополитики устанавливается взаимовыгодное сотрудничество между биовластью и населением. В рамках негантропной биополитики экстрактивные социальные институты исключают из социальных взаимодействий ту или иную часть населения, обращая ее в средство одностороннего получения выгод, в пределе некрополитики приводящей к тому, что сознательное истребление людей становится закономерностью.

Глава 3. Биовласть и население: противоречивое единство

§ 1. Антропологические основания биополитики²⁸⁹

Биополитика, являясь приложением политических программ, инструментов и технологий к управлению жизнью человека, в течение последнего столетия превратилась во властную форму организации жизни людей. Биополитика в качестве научного, рационально-технического и бюрократического управления биологической жизнью людей стала способом контроля, модификации, производства человека. Реализуя императив усиления государства, биополитика в своих радикальных формах организует жизнь как конвейер, на котором собирается человек.

Биополитические стратегии отличаются во многих отношениях. Материальное благополучие, продолжительность жизни, мировоззрение, состояние правосознания – любая сторона жизни человека опосредуется биополитикой. Вместе с тем, радикальная несхожесть благополучных и неблагополучных обществ имеет фундаментальное различие. Представляется, что это различие можно понять, анализируя соотношение инклюзивных и эксклюзивных процессов, происходящих в обществе. Инклюзия/ эксклюзия выступает основанием дифференциации, ранжирования, гомогенизации, отбраковки индивидов и социальных групп; является теми «ножницами», при помощи которых «вырезается» социальная норма.

Эксклюзия и инклюзия комплементарны друг другу и формируют точки общественного разрыва, внося дискретность в социальный континуум. Социальная дифференциация и интеграция основываются на формах инклюзии/ эксклюзии. «Инклюзию следует понимать как форму, внутренняя... сторона которой характеризуется как шанс на социальное признание лиц»²⁹⁰. Инклюзия – механизм включения, встраивания человека в существующую мозаику социальных отношений. Инклюзивные «двери» и «лифты» – сеть входов в многомерное

²⁸⁹ В тексте параграфа использованы фрагменты статей автора: Попов Д.В. Биополитический эквивалент человека: от унтерменша до сверхчеловека, от хоббита до орка // Евразийский юридический журнал. 2019. № 9. С. 434–441. Попов Д.В. Кризис реципрокности: трансформация биополитики в некрополитику // Философия права. 2019. № 1. С. 91–100.

²⁹⁰ Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006. С. 35.

социальное пространство. Чем больше таких сложившихся точек доступа, тем легче человеку выбрать социальную траекторию на основании своих предпочтений.

Вместе с тем инклюзия эксклюзивна. Включение в любое отношение предполагает признание и наделение отличительными признаками, которыми не обладают исключенные. Однако сам характер требований, сопровождающих инклюзию, различен. Граница инклюзии/ эксклюзии может быть пропастью, непреодолимой стеной, а может являться преодолимым препятствием, допускающим трансгрессию. В этом конструктивном смысле общество создает социальные роли и пространства, в границах которых люди «могут уютно чувствовать себя в качестве индивидов»²⁹¹. Многочисленные положительно определенные – отобранные – сообщества дифференцируются эксклюзией – отрицательным отбором, отбраковкой. Существование отрицательно отобранных неинтегрируемых лиц или групп оформляет внутригрупповую социальную дифференциацию. Эксклюзия наделяет тех или иных лиц статусом отверженных и они, подобно тому, как «неприкасаемые образуют символический коррелят для построения порядка инклюзии через заповеди порядка и чистоты»²⁹², обозначают точки, порядок и критерии перехода границы инклюзии/ эксклюзии. Характерной особенностью различных биополитических стратегий является то, каким способом человек осуществляет инклюзию и каким образом он подвергается эксклюзии: временно или навсегда, обусловлено или безотносительно, здесь или повсеместно. Представляется, что формы инклюзии/ эксклюзии определяют содержание и специфику всякого биополитического проекта. От ответа на вопрос о том, в какой форме предоставляется шанс на социальное признание, зависит содержание биополитической стратегии в обществе.

Вместе с тем, всякая биополитическая стратегия – целенаправленно или спонтанно – исходит из определенной модели человека. Антропологическая модель человека является точкой сборки биополитического проекта. Биополитика в своей политической части является намеренным воздействием на человека с целью трансформации его жизни в желательном для государства направлении.

²⁹¹ Луман Н. Дифференциация. С. 36.

²⁹² Луман Н. Дифференциация. С. 35.

Моделирование, даже «изготовление» человека, – неотъемлемая сторона биополитики. Однако представлять человека можно различным образом. Биополитика начинается с отдельно взятого индивида. И для этого выделим крайне важные для разворачивания биополитической стратегии особенности человека. Прежде всего, человек – отдельное биосоциальное существо, неразрывно связанное с другими людьми. «Всякий и каждый человек одновременно отделен от своих собратьев и связан с ними. Подобная отделенность и отнесенность являются взаимно необходимыми постулатами. Личностная отнесенность может существовать только между существами, которые отделены, но не изолированы друг от друга»²⁹³. Люди «не изолированы, но и не являемся частями общего и того же физического тела... наша отнесенность, как и наша отделенность, представляет собой сущностный аспект нашего бытия, однако никакая отдельная личность не является необходимой частью нашего бытия»²⁹⁴. Основу социальных форм инклюзии/ эксклюзии составляет баланс отнесенности/ отделенности индивидов. Должное их соотношение дает взаимность, порождающую прочную, гибкую, взаимную, конструктивную социальную связь. Нарушение баланса влечет патологию – индивидуальную и социальную. Сбалансированные социальные отношения порождают онтологически защищенную личность. «У человека должно быть ощущение своего присутствия в мире как реальной, живой, целостной и, во временном смысле, непрерывной личности. Как таковой, он может прожить в мире и встречаться с другими людьми: мир и другие люди будут переживаться при этом как одинаково реальные, живые, целостные и непрерывные»²⁹⁵. Онтологически защищенная личность включена в общество, у нее есть ресурсы для самоорганизации и кооперации, что дает больше оснований полагать, что такая личность сумеет справиться с жизненными невзгодами, сохраняя собственную идентичность. Это имеет крайне важное значение. На наш взгляд,

²⁹³ Лейнг Р. Разделенное Я. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1995. С. 26.

²⁹⁴ Лейнг Р. Разделенное Я. С. 27.

²⁹⁵ Лейнг Р. Разделенное Я. С. 47.

самые продуктивные формы конфирмантропной биополитики нацелены на формирование онтологически защищенной личности.

Но так происходит не всегда. Различные причины (например, психотравмирующая атмосфера шизофреногенной семьи, практикующей Double Bind, как ее теоретически описал Г. Бейтсон) влекут рассогласование в восприятии человеком самого себя, других, отношений между Я и Другим. С человеком может случиться так, что «с него содрали все, что составляет человека, оставив лишь абстрактную принадлежность к человечеству, что, подобно скелету, никогда полностью человека не составляет»²⁹⁶. Характеризующееся онтологической незащищенностью мироотношение влечет утрату меры между отнесенностью и отделенностью Я и Другого, что порождает тяготение индивидуума к крайним полюсам изоляции и слияния. Так, человек в шизоидном состоянии испытывает страх полного слияния с Другим, якобы способным захватить его личность, и выстраивает такой тип отношений, при котором собственное подлинное Я изолируется и маскируется ложным Я, которое коммуницирует с Другим. Опасность «поглощения» Другим со временем усиливается, что, в свою очередь, усиливает изоляцию вплоть до полного безнадежного одиночества. «Основным маневром, используемым для того, чтобы под давлением страха поглощения сохранить свою идентичность, является изоляция. Так, на место полярностей отделенности и отнесенности с другими людьми, основанных на индивидуальной автономии, становится антитезис между полной утратой бытия вследствие погружения в другого человека (engulfment) и совершенным одиночеством (isolation)»²⁹⁷. Патология препятствует установлению сбалансированной связи с Другим на началах взаимности. Я, патологически настроенное на расщепление как основной ориентир жизни, воспринимает даже свое собственное тело как чужеродную оболочку – своеобразный «скафандр». Я выстраивает свою собственную психическую жизнь как сложное сочетание Я-для-себя и Я-для-других, в результате чего происходит крах взаимодействия с людьми, а человек превращается в тюрьму, которая заключает Я в самом себе. Потаенное Я,

²⁹⁶ Лейнг Р. Разделенное Я. С. 49.

²⁹⁷ Лейнг Р. Разделенное Я. С. 56.

встроенное в оболочку притворного Я, теряется в безжизненной, пронизанной страхом пустоте, окончательно самоизолируясь в процессе такой инволюции.

Если воспользоваться предложенным Дж. Агамбеном понятием *homo sacer*, введенным для идентификации человека-парии, то человек, утративший в себе меру связи Я и Другого – *homo sacer*, отверженный собой, как Другим, – он тот, кого «можно убить, но нельзя принести в жертву», его «человеческая жизнь включена в существующий строй только через ее исключение»²⁹⁸. В крайней точке кататонии окончательно самоизолированного безумца, подобно насекомому в акте танатоза (акинеза) фальшиво умершему для всех, и безжизненной заторможенности *der Muselmann* (этого описанного Дж. Агамбеном «ходячего трупа» концлагеря) жертвы внутреннего и внешнего психотравмирующего процесса совпадают.

Модель распада меры в отнесенности/ отделенности Я и Другого можно спроецировать как на индивида, так и на биополитические стратегии, на определенные социальные группы, даже на общества определенного типа. Так, одним из жизненно важных явлений древних культур явилось равновесие – гомеостаз – устойчивое гармоничное взаимодействие людей как с внешней средой, так и в пределах среды социальной. Например, в культуре Бали равновесие – центральный принцип организации жизненного пространства. Г. Бейтсон демонстрирует, что балийцы культивируют ценности баланса (в частности, телесного баланса) и движения как сущности баланса²⁹⁹. Поиск баланса проявляется в культуре балийцев повсеместно: в любви к церемониям, в ритуалах взаимодействий, в осознании своего места в социальной иерархии, в сложной регламентации поведения участников ссоры, направленной на минимизацию последствий, наконец, в воспитании, при котором повышенное внимание уделяется навыкам бесконфликтного поведения. В результате «балийское общество не схизмогенно»³⁰⁰, оно блокирует действие схизмогенных паттернов. Навыки баланса позволяют балийцам устанавливать комплементарные

²⁹⁸ Агамбен Дж. *Homo sacer*. Суверенная власть и голая жизнь. С. 16.

²⁹⁹ См.: Бейтсон Г. *Экология разума*. *Экология разума*. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл. 2000. С. 118.

³⁰⁰ Бейтсон Г. *Экология разума*. С. 110-112.

отношения, что позволяет определять должную меру отнесенности/ отделенности. Балийцы сближаются, но при необходимости дистанцируются, преодолевая ссору, соперничество, конфликт.

Построение подстраивающихся, дополняющих, комплементарных поведенческих моделей – черта многих древних, в том числе примитивных обществ. Однако примитивность в данном случае сопряжена с разумом. Схизмогенез как развитие отношений различных групп в случае прямой конкуренции за одни и те же ресурсы и с использованием одних и тех же моделей поведения способен привести к губительным для сторон последствиям. Принцип комплементарности способен привести к мирному сосуществованию, предотвратить войну. Именно поэтому бытие примитивного общества основывается на *реципрокности*, которая представляет собой «взаимный, имеющий институализированный характер и производимый по нормативно обусловленной процедуре обмен услугами и материальными ценностями между людьми, связанными комплексом прав и обязанностей»³⁰¹. Более того, среди форм реципрокности, характерных для примитивного общества, центральное значение имеют генерализованная и сбалансированная реципрокность. Социальные и экономические отношения в примитивном обществе синкретичны, жизненно важное состояние мира и безопасности в группе и даже межгрупповом взаимодействии достигается взаимностью, основу которой составляет дар и щедрость. Поразительно, но «здесь лидерство выступает как высшая форма родства и, следовательно, высшая форма реципрокности и щедрости... Вождь... должен не просто делать все хорошо – он должен стараться делать все лучше остальных, и этого ожидает от него группа... Первое и самое главное орудие его власти – щедрость. У большинства примитивных народов... щедрость является центральным атрибутом власти»³⁰². Щедрость и безвозмездный дар, не требующий отдачи – основание инклюзивного общества древнего мира. Щедрость и дар, реципрокное взаимодействие отнюдь не пережиток прошлого. Именно реципрокность позволяет соблюсти меру между отделенностью и

³⁰¹ Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. С. 97.

³⁰² Салинз М. Экономика каменного века. С. 127.

отнесенностью Я и Другого в современном мире. Реципрокность восстанавливает баланс между автономией индивидов и их социальной связанностью. Реципрокность постоянно пересобирает отношения между людьми на конструктивной основе, не позволяя им выродиться в формально-отстраненные интеракции.

Различные способы комбинирования отделенности/ отнесенности индивидов порождают спектр возможностей, которые можно свести к двум полюсам: модели Я–Ты и модели Мы–Они. Обе модели могут совместиться, когда речь идет об обществе, в котором сильны внутренние связи и одновременно процветает ксенофобия в отношении «чужих». Например, одни и те же качества могут рассматриваться как добродетели у «своей группы» (in-group – в терминологии Р. Мертона³⁰³) и пороки у «чужой группы» (out-group). Что прекрасно у «своих», безобразно – у «чужих». Пороки «своих» прощительны, «чужих» – омерзительны. Одно и то же оценивается диаметрально противоположно, попытка трезво сравнить вызывает отторжение. Возможно, такая модель – первичная структура древнейших человеческих сообществ. «Во все периоды жизни люди испытывали... сильное желание делить, классифицировать других людей по двум искусственно сформированным категориям. Похоже, мы чувствуем себя комфортно, только когда можем разделить остальное человечество на членов и не-членов, родственников и чужаков, друзей и врагов. Эрик Эриксон писал о повсеместной склонности людей к псевдокатегоризации, к сведению чуждых обществ к статусу низшего вида, состоящего из не-людей, которых можно унижать без угрызений совести. Даже спокойные бушмены Калахари называют себя !Kung – ”единственные люди”»³⁰⁴.

Вместе с тем, биополитические стратегии тяготеют к тому или иному полюсу как идеал-типической форме отношений между людьми – норме, принятой в обществе. Основание конфирмантропной (человекоутверждающей) биополитики составляет модель Я–Ты, в которой Ты мыслится как Другой, но не Чужой и Враждебный. Данная модель поддерживает представление о том, что Я и Другой

³⁰³ Мертон Р. Самоисполняющееся пророчество (Теорема Томаса). URL: <http://socioline.ru/pages/r-merton-samoispolnyayuscheesya-prorochestvo-teorema-tomasa> (дата обращения: 02.11.2020).

³⁰⁴ Уилсон Э. О природе человека. М.: Кучково поле, 2015. С. 117-118.

одновременно отделены друг от друга и связаны между собой. Конфирмантропная биополитика исподволь поддерживает идею онтологически защищенной личности. Конфирмантропная биополитика формирует мир онтологически защищенных людей, совместно непрерывно пересобирающих социальную среду собственного существования. Эта среда предполагает социальную дифференциацию, но по сути своей носит характер инклюзивный. Социум устроен так, что вовлекает людей во взаимодействия, предлагает людям ниши, в пределах которых они могут обустроить комфортную среду собственного существования. Эксклюзия – эта неизбежная обратная сторона инклюзии в дифференцированном обществе – не носит фатальный характер, не выступает формой отбраковки, изгойства. Конфирмантропная биополитика дает шанс на социальное признание.

Напротив, антропологическая модель Мы–Они переворачивает соотношение инклюзии и эксклюзии. Точкой сборки социального становится Чужой, Исключенный, Отверженный. Негантропная биополитика эксплуатирует выгоды, полученные в процессе систематического травмирования, от обращения части населения в онтологически незащищенных людей, сомневающих в полноте своих прав и полноценности. Характерным индикатором приоритета эксклюзии является господство в обществе экстрактивных, а не инклюзивных социальных институтов. Если инклюзивные социальные институты вовлекают население во взаимодействия друг с другом и обеспечивают относительно равномерное распределение ресурсов, то экстрактивные институты раскалывают общество на бенефициаров и «неудачников». Инвестиции в население требуют долготерпения. Лишь в таком случае возможна возрастающая отдача. Но у власти порою возникает соблазн собрать урожай немедленно после сева. Это усиливает экстрактивность проводимой биополитики и превращает ее в подлинно негантропный (человекоотрицающий) проект.

Модель Мы–Они вполне может быть распространена не только на чужаков, но и на внутри-социальные отношения. В такой ситуации население начинает рассматриваться как внутренние «Они», как ресурс и инструмент достижения целей «Мы» со всеми вытекающими последствиями. Подобный подход прекрасно сформулирован Д. Гоулдом: «Народ – часть общественного достояния. Общество

вкладывает в людей много денег, предоставляя им образование, жилищные субсидии, сельскохозяйственные субсидии для их желудков... Эти инвестиции окупаются, только если мужчины и женщины... ведут активную, продуктивную жизнь разумной продолжительности»³⁰⁵. В конечном итоге столь прагматичный подход завершается циничным обращением населения в собственность: «Государство владеет всем, включая людей. Люди – это одновременно и вложения, и продукт: вложения делаются в молодые и нездоровые тела, продуктом являются зрелые и здоровые. Безусловно, этим здоровым телам не следует позволять распоряжаться собой, делать себя больными, возможно, даже убивать себя. Это будет растратой государственного имущества... В конце концов, это такое же национальное богатство, как и сталеплавильные заводы»³⁰⁶. Нагантропная стратегия биополитики делит общества на бенефициаров (большинство, привилегированная группа, класс, хунта и т.п.) и отверженных, в крайних случаях – преследователей и жертв. Поскольку данная стратегия в кратковременной перспективе за счет «преимуществ» экстрактивности дает выгоды протагонистам движения, обнаруживаются сторонники, поддерживающие данное течение. Учитывая, что люди правят миром, сплетая интересубъективную паутину смыслов³⁰⁷, всегда обнаруживается удобная система взглядов, в которой рационально обосновывается исключительность Нас («Мы») и изгойство Их («Они»).

В этой логике Другой обретает очертания чужака и представителя враждебного вида. «Человек ищет, создает и вменяет в вину Другому различия для того, чтобы отчуждение Другого стало необратимым. Отбрасывая Другого, Праведный человек возвеличивает себя и разряжает свой гнев в манере, одобренной его товарищами. Для человека... безопасность связана с однообразием... Самая востребованная добродетель – это конформность»³⁰⁸. Метафорическая «раскрашенная птица» (Е. Косински), отверженная и заклеванная себе подобными, в зависимости от характера и степени негантропности биополитической стратегии, масштабируется и распространяется в обществе.

³⁰⁵ Сас Т. Фабрика безумия. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. С. 344.

³⁰⁶ Сас Т. Фабрика безумия. С. 345.

³⁰⁷ Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. С. 178.

³⁰⁸ Сас Т. Фабрика безумия. С. 460.

Ориентированная на противопоставление свой–чужой антопологическая модель Мы–Они «делает Среднего Человека врагом различий между людьми. Он принимает Другого лишь постольку, поскольку Другой соответствует его образу и подчиняется его руководству. Если же он и Другой различаются, он называет Другого ущербным физически, умственно или нравственно...»³⁰⁹.

Для того чтобы осознать результаты подобной маркировки общества насилием, обусловленным неприятием индивидуальности, воспользуемся концептом социальной плазмы Б. Латура, т.е. той части общества, которая выпадает из пространства актор-сетевого взаимодействия; того, что не социализировано, не включено в устойчивые связи, не мобилизовано и не востребовано³¹⁰. Механизм негантропной биополитики порождает социальную плазму. Коренное отличие конфирмантропного и негантропного проектов заключается в том, как скрытый потенциал моделей Я–Ты/ Мы–Они разворачивается в ходе циклической пересборки социального. Конфирмантропная биополитика осуществляет превращение плазмы в социальную акторно-сетевую ткань и уменьшает «объем» социальной плазмы, в то время как негантропная биополитика социальные связи превращает в плазму, т.е. занимается плазмогенезом. Некрополитика систематически и осознанно уничтожает людей. Это особая рациональность крайне потребительского отношения к людям, стремящаяся превратить общество в плазму, обратить порядок – в хаос. Предельная перспектива этого процесса – танатополитика – хаотическое пространство распада, образующая миры смерти (death-worlds, А. Мбембе). Плазма, вытеснившая собой остатки социального – Аушвиц, описанный П. Леви в тот момент, когда его покинули охранники лагеря, но еще не заняли советские войска. Находясь среди мертвецов и «живых трупов», П. Леви в качестве одного из «живых трупов» свидетельствует, что в таком состоянии человек «гораздо дальше... от “человека мыслящего”, чем первобытный пигмей или самый жестокий садист»³¹¹. Рациональность негантропной биополитики шаг за шагом пересобирает социальное в направлении безмирности (Х. Арендт) и безмерности,

³⁰⁹ Сас Т. Фабрика безумия. С. 261.

³¹⁰ См.: Латур Б. Пересборка социального. С. 336.

³¹¹ Леви П. Человек ли это? М.: Текст, 2001. С. 202.

поэтапно упраздняя человечность. «Мерзость запустения» – море плазмы, поглотившее социальное. Парадоксальным образом этот иррациональный остаток – результат модели рациональности, обеспечившей скольжение от конфирмантропной биополитики через негантропный проект к некрополитике и ее печальному итогу – танатополитике.

Рассмотрим подробнее движение от биополитики к некро- и танатополитике, исходя из трансформации заложенной в их основе антропологической модели. В одном из интервью А. Мбембе (уроженец Камеруна) на вопрос о том, каким образом в самых общих чертах можно определить понятие «негр» сегодня, дал следующий ответ: «Это класс, или раса, или определенная группа лиц, вне зависимости от цвета кожи... это люди, которые не нужны, это лишний класс, который ни один господин не желает держать при себе даже в качестве раба»³¹². А. Мбембе принадлежит оригинальное расширение фуколдианской трактовки биополитики. Изучая постколониализм, он обнаружил антипод биополитики – некрополитику. Некрополитика – предельное выражение негантропной биополитики. Некрополитика редуцирует биополитику не просто к контролю над послушным телом, а к тотальному подчинению под непосредственной и зримой угрозой смерти. В рамках некрополитики суверенное право меча стало само собою разумеющимся инструментом управления в европейских колониях Нового Света, Африки, Азии, Австралии и Океании. Плантационное хозяйство восприняло суверенную власть в самой крайней форме. Преодоление колониализма зачастую отнюдь не изменило режим управления. Формально демократические, многие африканские государства по существу стали во многом копировать управление, присущее колониям. В колониальных и постколониальных системах управления сформировалось радикальное выражение суверенной власти, определяющей, кому жить, а кто должен умереть. В постколониализме пределы суверенности по-прежнему, если не больше, определяет право убивать: «Следовательно, убить или позволить жить задает границы суверенности, ее фундаментальные свойства. Осуществлять суверенитет

³¹² Ашиль Мбембе: «Франции трудно поспеть за меняющимся миром». URL: <http://gefeter.ru/archive/19621> (дата обращения: 27.11.2020).

– значит осуществлять контроль над смертностью и определять жизнь как развертывание и осуществление власти»³¹³.

Вместе с тем, разметка жизненного пространства насилием и – в пределе – смертью не является ни изобретением, ни прерогативой постколониальных режимов. В конечном итоге в подобный негантропный тупик заходили (и заходят) различные политические системы. «Негр» А. Мбембе – универсальная формула лишнего человека. Лишнего не признают, игнорируют, оттесняют на периферию, изгоняют, но также притесняют, эксплуатируют, истребляют. Уровень насилия по отношению к лишнему (к «виктимизированной группе» – З. Бауман) определяется интенсивностью негантропной биополитики. Определение того, кому быть лишним человеком, – особое решение (нередко бессознательное) в рамках чрезвычайной политики, проводимой политическим режимом, вставшим на путь последовательной негантропии вплоть до некрополитики. Часть населения буквально отбраковывается и, в предельном случае, принуждается к особому режиму существования – рабству, каторжному труду, голоду, «архитектуре тесного мира», смерти. Лишнего человека клеймят. Например, навешивают ярлык «врага народа», «унтерменша» или «таракана». Стигматизация представителей подобной out-группы выводит их за пределы принятых в обществе моральных норм и, возможно, правовой регуляции. Отношение между in-группой и out-группой выстраиваются в рамках принципа «взаимной эксклюзивности» (взаимной исключительности – Ф. Фанон) – типа отношения, предполагающего неравенство, асимметрию, несмещение и, одновременно, сосуществование и даже взаимодействие. Отнесенность/ отделенность трансформируется в неслиянность/ нераздельность. Отнесенность, преобразуясь в неслиянность, в данном случае меняет свое значение с «плюса» на «минус». Возможность и необходимость взаимной связи заменяется на настойчивое подтверждение линии демаркации. Отделенность как уважение границ автономии замещается нераздельностью как формой вынужденного сотрудничества в режиме эксплуатации in-группой out-группы.

В определенном смысле, можно расширить воззрения М. Фуко на трансформацию биовласти, считавшего, что на определенном этапе в этот

³¹³ Mbembe J.-A., Meintjes L. Necropolitics.

процесс вмешивается расизм. «Расизм оказался вписан в государственные механизмы с появлением биовласти. Именно с этого момента расизм становится основным механизмом власти, какой она предстает в современных государствах...»³¹⁴. В данном контексте расизм является технологией выделения биовластью изгоя (лишнего человека) в ходе ее трансформации в некровласть и дальнейшей организации политического, экономического и культурного пространства в соответствии с принципом взаимной эксклюзивности группы–инициатора процесса размежевания и группы–мишени – жертвы подобного негантропно-биополитического проекта. В такой трактовке расизм предстает как гетерофобия, «когда человеческий субъект-сотоварищ превращается в Другого»³¹⁵ при определенной социальной дистанции в условиях нехватки морального отношения. Рассмотрим ряд биополитических пространств исключения, основанных на различных способах подчинения, эксклюзии.

Плантация и постколониальное командование. Например, колониальная плантация, плавно трансформирующаяся в режим постколониальной администрации, – одно из пространств исключения. Плантационное хозяйство – основа колониализма. В структуре плантационной системы формируется «символическая и парадоксальная фигура государства исключения»³¹⁶. Раб в качестве «фигуры тени» тотально исключен из своей предшествующей рабству жизни. Он лишен дома, прав на свое тело, не имеет самостоятельного социального статуса, он достигает степени «полного изгнания из человечества». Плантационное хозяйство исключает нормальный баланс отнесенности/отделенности раба и Другого. На плантации нет никаких форм взаимности, за исключением сообщничества в восстании, самоубийстве, бегстве или безмолвном трауре. Рабы разделены даже коммуникативно, поскольку зачастую являлись носителями различных языков. Плантация – мир психотравмирующей изоляции, поддерживаемый насилием. Живя в состоянии непрекращающегося травмирования, в призрачном мире жестокости и ненормативной лексики, раб ведет жизнь, которая

³¹⁴ Фуко М. Нужно защищать общество. С. 268.

³¹⁵ Бауман З. Актуальность холокоста. М.: Европа, 2010. С. 218.

³¹⁶ Mbembe A. Provisional Notes on the Postcolony.

является «формой смерти в жизни»³¹⁷. Раб – именно тот, кого могут убить, но никогда не принесут в жертву, что характерно для бесправного *homo sacer*.

Постколониализм, формально провозглашая освобождение от ужасов колониализма, фактически воспроизводит формы колониального управления. А. Мбембе обозначает способ управленчества, характерный для постколониализма, как командование. Командование постколониальных демократий продолжает практику изоляции населения. Избегая по возможности крайней жестокости, постколониальная биовласть продолжает эксплуатировать тело и разум подданных. Во-первых, властвующая элита формирует формы инклюзии/ эксклюзии, наделяющие ее особыми привилегиями, и устанавливающие барьеры, дистанцирующие большинство от таких преимуществ. Фетишизация лидера нередко достигает форм культа личности. Политика разделения трансформируется в политику и экономику удовольствий для привилегированных групп. Например, в Камеруне для обеспечения воспроизводства такой экономики удовольствий дворцы и общественные места заполняют журналисты, инсайдеры, клерки, агитографы, цензоры, доносчики, партийные функционеры, льстецы, придворные, интеллигенты в поисках теплого местечка, по сути выполняющие роль скоморохов, предлагающих самые разнообразные услуги. «Их функция – проповедовать перед фетишем фикцию его совершенства. Благодаря им постколония стала миром нарциссического самоудовлетворения... Цель состоит в том, чтобы разделить стол самодержца, чтобы поесть из его рук»³¹⁸.

Постколониальный политический истеблишмент превращается в весьма примитивный образчик биовласти, монополизировав власть на удовлетворение биологических потребностей. «Рот, живот и пенис представляют собой классические ингредиенты» такой биовласти, становящейся «фаллократической системой»³¹⁹. Подобные «интимные» проявления власти, между прочим, сближают ее с той иерархией и формами эксплуатации, что наблюдаются в тюрьме. Власть осуществляет себя физически в сексуальной модальности активности/ пассивности. Весьма любопытен пассаж А. Мбембе о кульминации

³¹⁷ Mbembe A. Provisional Notes on the Postcolony.

³¹⁸ Mbembe A. Provisional Notes on the Postcolony.

³¹⁹ Mbembe A. Provisional Notes on the Postcolony.

церемонии встречи президента Камеруна согнанной массовкой: «Одетые в партийную форму с изображением главы государства, женщины следовали ритму музыки и раскачивали свои торсы сначала вперед, затем назад... их волнообразные движения напоминали медленное, длительное проникновение пениса и его отрывистое отступление. Крича и завывая, жестикулируя искривленными телами, все приветствуют проезжающую мимо кавалькаду автомобилей... и все довольствуются тем, что поддерживают связь, хотя бы на секунду, фамильярности, даже сговора, с насилием и господством в его самой пьянящей форме»³²⁰.

Подобная биовласть своей стратегией биополитики выбирает самоизоляцию и насильственное удержание власти, что буквально выражается в услаждении своего рта, живота и полового органа излишествами в еде, выпивке и сексуальных наслаждениях – видимых признаков отгороженности от не имеющего даже необходимого минимума благ населения. Население, в свою очередь, живо реагирует на подобные действия власти и на обценном языке смеховой культуры формирует образы непристойного поведения власти, неумной в удовлетворении своих потребностей. Смеховая культура постколонии в дискурсе непристойности формирует образ господства в фантазиях, сбывшихся в реальности для власть имущих. Можно заметить, что постколониальное командование тяготеет к полярной организации общества на началах слияния властвующей элиты и изоляции большинства населения, внося дисбаланс в гармонию отнесенности/отделенности между Я и Другим.

Казарма. Рассмотрим другое биополитическое пространство – казарму. Обратимся к дедовщине – явлению, казалось бы, локальному (как явление дедовщина связана с определенным промежутком времени существования советской и российской армии), но слишком человеческому и поэтому универсальному. Дедовщина – особая коммуникативная модель того типа «экстремальной группы» (К. Банников), которая населяет искусственный, абстрактный дом – казарму (отметим, у казармы много разновидностей: камера, палата, келья, общежитие). Это жилище людей, случайным образом оказавшихся вместе и зачастую не имеющих ничего общего, кроме возраста и рода занятий.

³²⁰ Mbembe A. Provisional Notes on the Postcolony.

Широкое распространение подобных искусственных домов напрямую связана с биополитикой, поскольку сопровождается теми социальными проектами, проводником которых биовласть выступает.

Специфический характер искусственной «семьи» в искусственном доме способствует возникновению экстремальности социальных отношений. В институте дедовщины формы инклюзии/ эксклюзии зримы и, в силу «срочности» (временности) срочной службы, динамичны. Интенсивность отношений, построенных в таком формате, способна привести к подлинной человеческой трагедии, что обязывает всерьез относиться к этой социальной модели общества-казармы, которую невозможно произвольно покинуть.

Четырехтактное (дух – молодой – черпак – дед) «нормальное» распределение двухлетнего срока службы представляет собой лестницу, возводящую от непомерных обязанностей к значительным (по меркам казарменного мира) правам. Каждый порог – точка разрыва в казарменном континууме, точка инклюзии в сообщество более высокого ранга и одновременно эксклюзии в отношении ранга на ступень выше. Ранги связаны между собой насилием. Поскольку «дедовщина... насилие статусное и компенсаторное», то «доминанция обеспечивает вертикальную социальную мобильность, т.е. переход из объекта в субъекты»³²¹. Согласие подчиняться обусловлено надеждой на непреложность правил, гарантирующих обретение иного – привилегированного – статуса, который даст власть подчинять. Дембель – воплощенный для «духа» в Другом образ бесконечно (ибо дух находится вне времени, ему еще не положено смотреть на календарь) удаленной цели. Дембель находится в лиминальном состоянии эксклюзии, в предвкушении инклюзии в социальный мир за границами казармы. Дембель обладает всей полнотой прав, но пренебрегает ими, подчеркивая свое аутсайдное состояние и символически изживает себя из мира службы.

Надежда на достижение окончательной эксклюзии формирует паттерны поведения. Этической максимой – эталоном поведения – в экстремальных группах становится «поставленное с ног на голову «золотое правило» этики: «Я

³²¹ Банников К.Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской Армии. М.: Наука, 2002. С. 39.

обращаюсь с ближним, как здесь обращались со мной»³²². Формируются идеально-типические поведенческие комплексы субъекта и объекта доминантных отношений. Первый агрессивен, второй – покорен. Поведение духов выражается в незримом присутствии лакея. Дух – этот homo sacer казармы – низводится до состояния безликой машины – homo apparatus. «Духам приличествует скромность, исполнительность, немногословность»³²³. Внезапно исключенный из общества, но еще не включенный в сообщество иного типа, новобранец, проходя стадию аккультурации в неуставном мирке казармы, превращается в объект, деталь. Лишь пройдя череду испытаний, он вернет свою субъектность – в полной мере в момент выхода за пределы экстремального мира армии. Машинный способ бытия индивидуума усугубляется как правилами, так и самим образом жизни военнослужащего. Личность редуцируется до «строевой единицы». Индивидуум становится подчиненным элементом структуры человеческого сообщества, вся задача которого состоит в потере индивидуальности и приобретении качеств коллективных, необходимых для выполнения совместной деятельности. «Строй – единственно легитимное пространство индивида. В армии человек вне строя асоциален и подозрителен»³²⁴. Солдат срочной службы в условиях дедовщины в ходе инклюзивных процессов возвращающий себе статус субъекта, в чем ему было отказано в начале службы, является примером внешнего переформатирования отношений отнесенности/ отделенности, навязанного насильно. В модели дедовщины дух – тотально изолированный и роботизированный среди подобных ему новобранцев индивид со временем растворится в братстве дембелей, объединенных общим опытом выживания. Изоляция/ слияние подменяет норму отделенности/ отнесенности.

Надо сказать, что дедовщина отражает определенную грань всякого военного общества. Даже если практика насилия от скуки и по склонности не имеет распространения, военное общество делает выбор, в рамках которого члены этого общества, выбирая военный стиль жизни, исключают себя из жизни, в которой определяющим фактором является свободный выбор. «Либо мы

³²² Банников К.Л. Антропология экстремальных групп. С. 39.

³²³ Банников К.Л. Антропология экстремальных групп. С. 48.

³²⁴ Банников К.Л. Антропология экстремальных групп. С. 122.

предоставляем индивиду возможность выбирать и рисковать, либо мы лишаем его этой возможности. Армия... это единственная система, гарантирующая каждому экономическую защищенность... Однако такого рода безопасность неизбежно сопряжена с потерей свободы и с иерархическими отношениями армейского типа. Это безопасность казарм и барачков»³²⁵.

Тюрьма. Тюрьма – биополитическое пространство в наиболее зримой, рафинированной форме. Тюрьма в рамках биополитического дискурса исследована М. Фуко, в форме лагеря – Дж. Агамбенем. В тюрьме правило «казарма – это архитектура сознания»³²⁶ выходит за рамки дедовщины. Во всякой зоне отчуждения возникают формы инклюзии/ эксклюзии, искажающие норму отделенности/ отнесенности. В тюрьме возникают собственные касты и образцы поведения. Выживание в экстремальном сообществе тюрьмы задает особые ориентиры. Являясь по сути миром исключения, тюрьма развивает логику исключения до конца: до карцера и образа окончательно сломленного администрацией или сокамерниками человека. В тюрьме баланс отделенности/ отнесенности подвергается разрушительному воздействию. Одинокие, но не уединенные; отдельные, но соотнесенные в рамках формальных и неформальных правил; исключенные извне и включенные внутри – арестанты находятся в мире тождества противоположностей. Насилие над нормой отношений порождает насилие в самих отношениях. «Школу отрицательного опыта в лагере проходят все. Воры утверждаются тут в своей блатной морали... становясь идеально жестокими, наглыми, агрессивными... Мужики проникаются безверием и цинизмом, приучаются к покорности и плутням. Чушки лишаются малейших остатков человеческого достоинства...»³²⁷. В условиях двоевластия «дневной» и «ночной» администраций возникают два параллельно сосуществующих порядка. Оба инклюзивны, но по-разному. Один нацелен на социальную реабилитацию, другой – на усвоение норм криминального сообщества и окончательное исключение из общества. Цель одного – законопослушный гражданин, другого – убежденный преступник. В условиях тюрьмы возникают собственные ритуалы

³²⁵ Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: АСТ, 2017. С. 186-187.

³²⁶ Клейн Л.С. Перевернутый мир. Донецк: ДонНУ, 2010. С. 319.

³²⁷ Клейн Л.С. Перевернутый мир. С. 270.

инициации и изгнания. «Прописка», «правилка» и другие формы инклюзии/экслюзии «живут как готовые модели поведения... идеальные образцы для тех, кто алчет воровской романтики...»³²⁸. В тюрьме можно наблюдать феномен разделения самого homo sacer. Арестанты, особенно в условиях ГУЛага буквально находившиеся на грани жизни и смерти, воспроизводили логику разделения в условиях борьбы за выживание. И в этой борьбе побеждал «блатной» – абориген по зову души тюремного мира. Повадки блатного определяются чрезвычайно развитым инстинктом самосохранения, оборотной стороной которого является утрата человеческого. «Груб и жесток начальник, лжив воспитатель, бессовестен врач, но все это пустяки по сравнению с растлевающей силой блатного мира. Те все-таки люди, и нет-нет, да и проглянет в них человеческое. Блатные же не люди»³²⁹. А. Бадью, цитирующий В. Шаламова, и отмечающий мрачный эгалитаризм лагерей, в которых бьют не Другого, а своего, отмечает: «По Шаламову, преступление Сталина – не столько лагеря, сколько то, что в лагерях он предоставил власть и свободу блатным, поскольку для них ничтожными были и коллективная совесть, и твердые принципы»³³⁰. Способность сверхживучести – предельно развитая инклюзивная жизненная сила – эксклюзивна в отношении сообщества людей. Выживающий подло самоисключается из числа людей.

Тоталитарное общество. Биополитическое пространство может охватить все общество. Это наблюдается в случае тотального государства. Тоталитаризм становится апофеозом общества эксклюзии. Тоталитарное общество – биополитическое пространство всеобщего исключения. Если замкнутый в клетке собственного потаенного Я душевнобольной отделен от всего мира, будучи один, то тоталитарное государство возводит расщепление в принцип политики, отделяя общество от других, а каждого гражданина внутри общества – от сограждан. Фрактал эксклюзии в конечном итоге создает мир изолированных групп и индивидов, странным образом единых в своих навязанных пропагандой формах мышления, образе жизни и даже эмоциональных переживаниях. Слияние и

³²⁸ Клейн Л.С. Перевернутый мир. С. 235.

³²⁹ Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. М.: Логос, 2005. С. 31.

³³⁰ Бадью А. Мета/Политика. С. 31.

изоляция – предельные состояния отнесенности и отделенности индивидов – устраняют сбалансированные социальные отношения, формируя мегамашину, детерминированную не спонтанной активностью людей, а ценностями, составляющими «идео-логику» (Х. Арендт) тоталитарного движения.

Уже на стадии тоталитарного движения, борющегося за власть, возникает характерная для тоталитаризма диалектика инклюзии/ эксклюзии, внешнего/ внутреннего, посвященности–секретности/ непосвященности–профанности. Фасадные организации взаимодействуют с общественностью, ангажируя сочувствующих, партийное ядро выстраивает стратегию движения в тиши самоизоляции. По мере усложнения организационных структур возникает характерная для движения «луковица», «где каждый слой является фасадом следующего, более воинственного образования»³³¹. В этой «луковичной» структуре послойно средствами инклюзии/ эксклюзии осуществляется расщепление на внутренний круг и внешнее окружение. Осуществляемая логика слияния/ изоляции придает движению целостность и, одновременно, внутреннюю дифференцированность, связанную с разделением функций и базирующуюся на взаимной эксклюзивности слоев, не равных в своем положении в иерархии.

Именно тоталитарная механика расщепления общества порождает подлинного *homo sacer* – обитателя концентрационных лагерей и лагерей смерти. *Homo sacer* лишен ощущения своего присутствия в мире, реальности происходящего, не чувствует себя живой, целостной и непрерывной личностью. Он выведен в ходе «проведения в научно контролируемых условиях ужасного эксперимента по искоренению самой самопроизвольности, спонтанности как особенности человеческого поведения и превращению человеческой личности в простую вещь, в нечто такое, чем не являются даже животные»³³². Если нацисты осуществляли евгенический проект «перманентной селекции», направленный на появление расы сверхлюдей, то *homo sacer* – результат анти-евгеники. Если Советский Союз осуществлял «перманентную революцию», направленную на построение бесклассового общества, то *homo sacer* – окончательно

³³¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. С. 537.

³³² Арендт Х. Истоки тоталитаризма. С. 569.

деклассированный элемент. Ускоряя, в свете собственных идеологических догм, эволюцию Природы и ход Истории, тоталитарные движения научились производить людей, лишенных нормального баланса отнесенности/ отдельности, свободы и равенства – нормальности, характерной для полноценно живущего человека. На пределе этой анти-евгеники мы обнаруживаем, что психотравмирующая эволюция душевной болезни и технологий тоталитарной лагерной системы сходятся в точке *homo sacer*.

Тоталитарное господство, притязающее «на строгое и недвусмысленное повиновение тем законам Природы или Истории, из которых навсегда положено вытекать всем позитивным законам», используя террор, который «без промедления приводит в исполнение смертный приговор, который, как доказано, уже вынесен Природой расам или индивидам, “не приспособленным к жизни”, либо Историей – “отмирающим классам”, не дожидаясь, пока природа или история сделают это сами более медленно и менее эффективно»³³³, сумело создать общество равно лишних, одиноких и неуеденных в своей насильственно организованной сплоченности людей, лишенных свободы и помещенных в пространство необходимости, диктуемой целями движений. Найдя предел эксклюзии и одновременно власти и контроля над человеком в форме заключенного лагеря, тоталитаризм сумел распространить стандарты *homo sacer* на любого гражданина, применяя их контингентно, целесообразно и ситуативно.

Рыночное общество. Не в меньшей степени биополитическая тотальность присуща и рыночному обществу в стадии «турбокапитализма»³³⁴ – обществу, казалось бы, всеобщей инклюзии. Логика современного капитализма дает новую форму дисбаланса инклюзии/ эксклюзии. Современность порождает тотальное анти-движение, готовое включить всех, но изолирующее ничуть не меньше, чем движение тоталитарное. Рыночное общество на стадии турбокапитализма деконструирует сложившиеся формы инклюзии/ эксклюзии. «Капиталистическая машина... оказывается в совершенно новой ситуации – ситуации раскодирования и детерриторизации потоков... в противоположность предшествующим

³³³ Арндт Х. Истоки тоталитаризма. С. 599, 605.

³³⁴ Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализация: атака на процветание и демократию. М.: Альпина, 2001.

общественным машинам, капиталистическая машина сама по себе не способна предложить код, который покрывал бы всю совокупность общественного поля. Саму идею кода она при помощи денег заменила аксиоматикой абстрактных количеств...»³³⁵. Логика позднего капитализма смыкается с шизофренией – это логика не кода, а декодированных потоков. Как шизофреник не устанавливает границ модальностей коммуникации, не распознавая фреймов и маркеров категоризации сообщения, тем самым игнорируя требования теории логических типов (Г. Бейтсон), так и «капитализм стремится к порогу раскодирования, который демонтирует общество»³³⁶. Общество тотальной инклюзии, в котором раскодирование потоков и детерриторизация составляют основной тренд капитализма, порождает ситуацию, когда эмансипация человека и его новый – all inclusive – способ существования порождает телеологию, в которой капитализм «непрестанно приближается к своему пределу, который является собственно шизофреническим пределом. Он [капитализм – Д.П.] всеми своими силами пытается произвести шизика как субъекта раскодированных потоков... оказывающегося большим капиталистом, чем капиталист, и большим пролетарием, чем пролетарий»³³⁷.

В условиях глобального высокотехнологичного турбокапитализма устранение формы, нормы, устойчивой связи способствует развитию рынка, в то время как сохранение status quo порождает гибельную стагнацию. Устранение топологического, демаркационного и нормативного смысла границ в формах децентрализации, детерриториализации, плюрализма, приоритета ризоморфной структурности творит социальное многообразие с его преизбытком идейных течений, социальных практик, сообществ и субкультур. Границе систематически передается телеологический, провокационный, агонический, трансгрессивный смысл. Границы транспарентны, стены изобилуют окнами и дверями, через рвы переброшены мосты, сквозь тупики проложены тропы. Мозаика социальных форм, с одной стороны, является манифестацией всеобщей инклюзии – отныне нет парий; с другой стороны, налицо панорама эксклюзивных дополнений,

³³⁵ Делёз Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 58.

³³⁶ Делёз Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. С. 59.

³³⁷ Делёз Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. С. 59.

поскольку человеку невозможно быть одновременно членом бесконечного ряда различных групп. «В настоящее время субъект, с одной стороны, представляется нестабильной, фрагментированной совокупностью дискурсивных позиций – или даже всего лишь побочным эффектом власти или языка, а с другой – в качестве позитивного, плюралистического набора альтернатив»³³⁸. Парадоксальное сочетание зримой все-включенности и скрытой все-исключенности человека в современном мире составляет новую диалектику инклюзии/ эксклюзии.

В обществе потребления «по аналогии с понятием *homo sacer*, обозначающим политико-правовой статус «исключенных» в биополитике, возникает понятие *homo sucker* (от англ. «sucker» – «простофиля», «лох»), характеризующее маргинальный статус «людей с принципами» в «постидеологическом» обществе»³³⁹. *Homo sucker* можно интерпретировать как того, кто предан забвению; кто «исчез из видимости»³⁴⁰; выпал из поля социального зрения; остался на «обочинах систем», где «образуются эффекты эксклюзии»³⁴¹; того, кто позволил себе пренебречь пользоваться предоставленной презумпцией всеобщей инклюзии. *Homo sucker* – тот «неприкасаемый», кто не соблюдает «гигиену» инклюзии. Он попадает в ситуацию, при которой императив современной биополитики – *право заставить жить и позволить умереть* – трансформируется в *право жить самому по себе и позволить себе умереть*. «Итак, если позволить себе безвкусную аллюзию на *homo sacer* Агамбена, можно рискнуть заявить, что господствующая сегодня либеральная форма субъективности – это *homo sucker*: несмотря на попытки эксплуатации и манипуляции другими, он в конечном итоге оказывается главным простофилей»³⁴². *Homo sucker* – чудака, который является инверсией *homo sacer* в том смысле, что его нельзя убить, но можно принести в жертву, поскольку он сам себя приносит в жертву – совершает самопожертвование – добровольно предпочитая эксклюзию, переходящую из уединения в одиночество и

³³⁸ Зерзан Дж. Первобытный человек будущего. М.: Гилея, 2007. С. 166.

³³⁹ Яркеев А.В. Онтологические основания зла в современном обществе. С. 247.

³⁴⁰ Луман Н. Дифференциация. С. 45.

³⁴¹ Луман Н. Дифференциация. С. 44.

³⁴² Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Прагматика культуры, 2002. С. 82.

пренебрегающую всеобщим правом на инклюзивное социальное бытие. Для других такой человек – фрикер или loser – по каким-то причинам не интегрированное в общество лицо, пренебрегающее самой возможностью включения в общественные связи. Незаинтересованное в сохранении преимуществ инклюзивного социального пространства, такое лицо, пользуясь предоставляемыми по умолчанию обществом социальными возможностями, непрерывно усиливает самоизоляцию вплоть до возможности окончательного незаметного для окружающих самоустранения. Сообщения в новостных лентах об обнаружении мумифицированных тел умерших в своих жилищах – грустный финал акта окончательной добровольной эксклюзии.

Как и тоталитарное общество принудительного всеобщего слияния, оборачивающегося всеобщей изоляцией, анти-тоталитарное общество демократии и рынка, основываясь на тотальной инклюзии, распадается на инкапсулированные ячейки, эксклюзивно вытесненные в невесомость самоизоляции. Можно предположить, что всякое радикальное обращение с логикой инклюзии/ эксклюзии влечет социальную необустроенность. Но тогда необходимо вернуться к антропологическим основаниям инклюзии/ эксклюзии. Социальные формы инклюзии/ эксклюзии являются проекциями форм отнесенности/ отделенности, которые лежат в основе межличностной коммуникации. Между указанными парами явлений существует прямая и обратная связь, так что общество воспроизводит межличностные связи из сферы непосредственных взаимодействий людей, и наоборот. Все изобилие форм инклюзии/ эксклюзии и отнесенности/ отделенности в конечном итоге определяется характером демаркации Я и Другого. Граница как стена неподтверждения (Р. Лэйнг) в семье создает условия для развития шизоидного индивидуума (Г. Бейтсон), воспроизводящего свой психотравмирующий опыт в социальных интеракциях. Граница как стена, отделяющая out-группу от остального мира, создает возможность для террора в отношении неприкасаемых, что воспроизводится в обществе в различных его сегментах. Окончательная форма границы, моделируемая карцером и, в особенности, лагерем смерти, является семенем общества всеобщей эксклюзии. Отсутствие границ дает волю фантазии, которая подменяет реальность. Всеобщая

инклюзия, опирающаяся на всеобщую отделенность, воспроизводит фрактал эксклюзии в глобальной деревне всеобщей отнесенности.

Напротив, восприятие границы как определенности в идентичности, как реальной возможности преодоления на основе личных достижений, предоставление повторных попыток трансгрессии, наличие альтернатив для не перешедших черту и терпимое отношение к неудачам – весь этот арсенал средств конструктивного взаимодействия в формах межличностной коммуникации и социальной взаимности предоставляет каждому социальный шанс жить в обществе, будучи собой. *Homo sacer* – продукт общества разделения – является антропологическим референтом негнотропных биополитических стратегий. Биополитическим эквивалентом конфирмантропных стратегий является *homo comes* (человек-попутчик, человек-компаньон, человек-партнер; от лат. *comes* – попутчик, путник, товарищ, соучастник, товарищ по участи, спутник, один из свиты). *Homo comes* еще не брат и не друг, но уже и не чужак и не враг. Именно поэтому *homo comes* отнесен и отделен от другого. Он станет человеком включенным и человеком исключенным в различных ипостасях, долях и пропорциях в системе социальной дифференциации. *Homo comes* дает надежду на утверждение целостного человека в противоположность человеку расщепленному. *Homo comes* – возможность реальной, живой, целостной и, во временном смысле, непрерывной личности, являющейся антропологическим референтом конфирмантропной биополитики. Однако, биополитическому пространству, выстроенному вокруг фигуры *homo comes*, видимо, еще предстоит возникнуть. Ни лагерь, выстроенный на эксклюзии *homo sacer*, ни рынок, разрастающийся в ходе инклюзии *homo sucker*, не воплощают антропологической модели *homo comes* – реальной, живой, целостной, непрерывной личности, вступающей в реципрокные отношения с Другим, за которым признается равное право быть *homo comes*.

§ 2. Человек в биополитической логике включения/ исключения

Для биополитики, занятой конструированием населения, чрезвычайно важными являются практики, позволяющие формировать, противопоставлять, выделять различные сообщества по произвольному основанию. В антропологической перспективе именно инклюзия/ эксклюзия позволяет человеку либо занять свое место в обществе, либо, будучи отвергнутым, обрести положение изгоя. Рассмотрение логики включения/ исключения способствует пониманию действия капиллярных механизмов биовласти.

Практики включения/ исключения определяют структуру различных типов социальных отношений. Так, следуя концепции К. Шмитта, логика включения/ исключения является определяющей для политического как такового. «Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, – это различие друга и врага»³⁴³. Именно дихотомия Друг/ Враг является антропологической проекцией в область политического. «Смысл различения друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации... [Политический враг – Д.П.] в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое»³⁴⁴.

Яркой иллюстрацией ситуации разделения, раскола, взаимной эксклюзии сторон общества, сгруппировавшихся по принципу «Мы/ Они» = «друг/ враг», является крайняя форма гражданской войны. Гражданской войне или расколу в обществе соответствует то, что Н. Лоро обозначает как «разделенный город». В разделенном городе живет расколотая семья (Г. Бейтсон предложил совершенно конкретный референт этому явлению – шизофреногенную (от др.-гр. расщеплять, раскалывать и сознание) семью, в которой пребывает расколотый человек («расколотое Я» – Р. Лэйнг). Разделенный город, в свою очередь, порождает разделенное общество и даже разделенный мир. Перед нами фрактальное пространство исключения – структура, воспроизводящая себя на многих уровнях

³⁴³ Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 301.

³⁴⁴ Шмитт К. Понятие политического. С. 302.

через установление барьеров, препятствий, преград. Источник разделения следует искать как в самом человеке, так и в порождаемых людьми формах отношений и мировоззрения. Этому будет посвящена первая часть параграфа.

С другой стороны, разделение как стратегия и тактика деятельности и поведения может носить и конструктивный характер. Общество не может и не должно быть гомогенным до степени неразличения индивидуумов. Институты семьи и брака предполагают разделение – половой диморфизм – и выбор, на уровне индивида состоящий в различении и предпочтении одного многим. Разделение труда – мощнейший драйвер экономического, социального, интеллектуального развития. Искусственный отбор, укорененный в конкурентных отношениях между людьми, является цивилизованной модификацией естественного отбора. Сама же добросовестная конкуренция способствует совершенствованию товаров, услуг, навыков, умений, знаний в желательном для человека направлении. Наконец, разделение предполагает соединение, объединение, договор. Та же конкуренция порождает формы кооперации между партнерами. На этом основании образуются «бессрочно существующие организации»³⁴⁵, к которым можно отнести и корпорации, и государства. В государствах бессрочность оговаривается, например, как в случае монархий, специально. Монархия является «корпорацией, состоящей из одного человека» (Э. Канторович), в порядке династийного престолонаследия или иного оговоренного механизма обеспечивающая существование государства во времени. Бессрочное – насколько возможно длительное – существование организаций предполагает признание такой структуры ее участниками, а, значит, партнерство, соглашение, ковенант. Разделение и соединение выступают в единстве на уровне семьи, общества и государства.

Примем во внимание различие между «городом историков» и «городом антропологов» (Н. Лоро)³⁴⁶. Город историков рассказывает свои военные подвиги, утверждаясь в борьбе. «В городе истории кипит политическая жизнь,

³⁴⁵ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгафт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Институт Гайдара, 2011. С. 29.

³⁴⁶ Лоро Н. Разделенный город: Забвение в памяти Афин. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 34.

принимаются законы, планируются и ведутся войны. Напротив, город антропологов функционирует «в повторяющемся времени социальных практик»³⁴⁷. Если город историков занят борьбой и разделением, то город антропологов устанавливает связность, он занят формами структуризации (Э. Гидденс) социального пространства–времени, являя себя «городом в покое», благодаря которому только и возможен город в потоке истории. Это различие разделения и соединения требует уделить внимание формам и фигурам объединения людей, чему будет посвящена вторая часть параграфа.

В качестве отправной точки рассуждения вспомним, что понятие «культура» восходит к *cultura* (лат.), что первоначально означало «возделывание», относясь к растениям. Этот контекст одомашнивания, дoмeстичeкaции, придания формы, соответствующей некой цели (в случае растения – внешней цели, обусловленной потребностями человека) можно усмотреть и в более поздних смыслах, которые вообрал в себя термин культура – воспитание, образование, развитие, почитание. Обращенные к человеку, эти смыслы, сохраняя контекст внешней цели (например, воспитывают и дают образование в том числе для того, чтобы социализировать человека – придать человеку форму общества), интериоризируют процесс инкультурации, что задает для человека целый континуум возможностей. В ряду этих возможностей, безусловно, определяющими являются те, что согласовывают внутренний мир человека и внешнее общественное окружение. Однако, человек может культивировать такие способности, стремиться к таким целям, сформировать такой характер, который не вполне соответствует общественной «норме», общественным ожиданиям. Совершенно не случайно в XX в. одним из явлений общественной жизни стала «контркультура», являющаяся, тем не менее, явлением культуры. Более того, эскапады, направленные против распространенных культурных ценностей, обнаруживают подвижность общественных норм. То, что вчера признавалось нормальным, сегодня может рассматриваться как пережиток или даже аномалия.

Исследования этнографов и культурных антропологов привели к осознанию того, что различные культуры исповедуют различные ценности и

³⁴⁷ Лоро Н. Разделенный город. С. 36-37.

придерживаются различных норм. Так, с точки зрения Р. Бенедикт «ненормальное для нашей культуры может выступать краеугольным камнем социальной структуры других культур»³⁴⁸. Например, в некоторых племенах Северо-Западной Меланезии ряд черт, которые для представителя европейской культуры могут показаться параноическими, тем не менее, считаются нормальными и даже конституируют культуру. Вышеуказанные племена находятся в состоянии непримиримой вражды. Для членов племени идея о том, что «собственность – это кража» имеет буквальную трактовку. Хороший урожай означает кражу урожая у соседнего племени, подарки не принимаются из-за подозрения в отравлении, ни одна вещь не оставляется без присмотра. В этой непрерывной войне, в параноидальной атмосфере подозрительности эмпатия рассматривается как безумие. Р. Бенедикт, рассматривая случай дружелюбного, доброжелательного и любящего помогать другим члена племени, отмечает, что соплеменники считали его сумасшедшим. Таким образом, нормальный для европейца добропорядочный человек выглядит безумцем для туземцев, и наоборот. С точки зрения Р. Бенедикт «нормальность детерминирована культурой»³⁴⁹. Постепенное закрепление предпочтительных образцов поведения, осуществляемое бессознательно в течение длительного времени приводит к формированию таких культурных предпочтений, которые могут для внешнего наблюдателя казаться странными, шокирующими и даже пугающими. Иногда обычаи, в которых репрезентируется определенная норма, вызывают смешанные чувства недоумения, брезгливости и даже смеха. Например, в племени чагга после инициации мужчины делают вид, что больше не нуждаются в испражнении. Этот обман, сокрытие которого доставляет мужчинам массу хлопот, призван доказать высшую чистоту прошедших обряд инициации³⁵⁰. Чистота и связанное с ней представление о приверженности идеалам социального порядка племени в данном случае требуют перманентной лжи и мошенничества в духе дешевого балаганного трюкачества. Так или иначе, следует согласиться с выводами Р. Бенедикт: «...нормальность, в

³⁴⁸ Власова О.А. Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. М.: Высшая школа экономики, 2014. С. 30.

³⁴⁹ Власова О.А. Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. С. 31.

³⁵⁰ См.: Дуглас М. Чистота и опасность. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 239-240.

самом широком смысле этого понятия, определяется культурой. Во всякой культуре это прежде всего термин для обозначения социально культивируемого сегмента человеческого поведения; а ненормальность – термин для того сегмента, который в данной цивилизации не задействован»³⁵¹. Из этого следует, что культура включает общепринятые черты и, напротив, такие черты, которые не соответствуют предпочтительному типу поведения в этом сообществе. Носители этих черт образует неравные группы. Р. Бенедикт заключает: «Большинство индивидов во всякой группе... скроены по культурному образцу. Другими словами, большинство людей пластичны по отношению к прессующей силе общества, в котором они рождаются... большая часть человечества с готовностью принимает любую форму, которая ему диктуется...»³⁵². По отношению к пластичному большинству люди, поведение которых выходит за границы нормы, всегда будут находиться в меньшинстве.

Инкультурация, которую можно определить как вхождение в культурную среду, детерминирующее восприятие реальности, мировоззрение и модели поведения, подобна фильтрации, которой подвержены все без исключения члены общества. В результате инкультурации/ фильтрации успешно прошедших маркируют как соответствующих общественной норме – нормальных. Соответственно, не прошедших отмечают знаками отклонения от нормы, которые, следует отметить, оцениваются неоднозначно. В примитивных, древних и даже домодерных европейских обществах отклонение от нормы рассматривалась в том числе как прикосновенность в области действительности, не доступной для нормального «обыденного» человека (об этом, например, подробно писал М. Фуко в «Истории безумия в классическую эпоху»). «Если у человека нет места в социальной системе», то «он – существо маргинальное», но быть маргиналом, т.е. «находиться в пограничном состоянии – значит соприкасаться с опасностью и приближаться к источнику силы»³⁵³.

Именно в рамках этой модели проходят инициации; трансы, связанные с употреблением психоактивных веществ; многочисленные обряды и ритуалы

³⁵¹ Власова О.А. Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. С. 31.

³⁵² Власова О.А. Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. С. 31.

³⁵³ Дуглас М. Чистота и опасность. С. 147.

перехода; блуждания в междумирных складках и трещинах. Сознательное культивирование девиаций, якобы свидетельствующих об особых отношениях девианта и потустороннего мира, недоступных другим свойствам и преимуществам – чрезвычайно распространенная практика. Достаточно вспомнить шаманизм. Однако, такая ненормальность – исключение из правил. Ни одно общество не культивирует всеобщую ненормальность. Положительно маркируемая ненормальность – гениальность (в качестве высшей степени творческих способностей личности), которая буквально понималась как одержимость духом (от лат. *genius* – дух) или даймонием (греч. *δαίμονιον* – «божественное»), – допускается как единичное, избирательное явление. Социальный порядок и следование норме, образцу приоритетны. Однако беспорядок обладает значением потаенного и нераскрытого потенциала, опасности и силы. В беспорядке заключены еще не реализованные возможности, набор которых неограничен.

Таким образом, культура, с одной стороны, предстает как система определенных знаний, ценностей, идеалов, кодов (достаточно вспомнить внушительный перечень подходов к пониманию культуры), образцов, паттернов, норм, в направлении которых осуществляется инкультурация, и случайно обнаруживаемое множество порталов, выводящих за рамки культурных образцов, но, в конечном итоге, расширяющих и дополняющих культурное пространство. Ценно как первое, так и второе, однако приоритет всегда имеет уже сложившийся социальный порядок и культурные предпочтения. «Портал», ведущий к новым культурным смыслам и практикам, подвергается многочисленным экспертизам, преодолевая серьезные препятствия, прежде чем заслуживает признания. Как известно со слов любого эксперта по технике безопасности, свод ее правил написан кровью. То же, но в превосходящей степени, следует относить к культуре.

В измерении биополитики все вышесказанное имеет крайне важное значение. Биополитика целенаправленно применяет нормализацию к населению. Если воспользоваться метафорическим рядом, предложенным Р. Бенедикт, то биополитика целенаправленно применяет «прессующую силу общества» для того, чтобы большинство индивидов в обществе были «скроены по культурному

образцу», используя «пластичность» большинства людей, благодаря которой они должны принять ту форму, которая им «диктуется».

Однако, этот процесс изобилует нюансами, понимание которых позволяет осознать как изысканную тонкость культурной динамики, так и трансформации биополитических стратегий. Для дальнейшего исследования проблематики воспользуемся понятием «культура себя»³⁵⁴. Культура себя совмещает инкультурацию – вхождение в культуру через освоение ее образцов, «одомашнивание» культурой – и автономию, активность. Культура себя – это само-одомашнивание и, одновременно, домостроительство по собственной мерке. Именно поэтому в рамках культуры себя в первую очередь следует обратить внимание на «заботу о себе». Забота о себе многомерна. В ней можно выделить заботу о теле и заботу о душе, которую мы в первую очередь связываем с воспитанием и образованием. Забота о теле превращает нас во врачей самим себе и в инженеров самих себя. П.Д. Тищенко отмечает: «В той или иной степени каждый из нас выступает в каждодневном существовании в качестве мастера, постоянно занятого «приведением себя в порядок» – самоизготовлением в соответствии с господствующими в обществе нормами»³⁵⁵. Мы, преодолевая свою ленивую, инертную субъективность, постоянно принуждаем себя, заставляем работать. Одной из важных каждодневных форм заботы о себе является уход за телом как в смысле гигиенических и косметологических процедур, так и в смысле контроля за собственным самочувствием, здоровьем. М. Фуко, исследуя античный опыт заботы о себе, отмечает, что подобный праксис сложился на заре древнегреческой культуры: «Точка зрения, согласно которой человек должен всеми силами «заботиться о себе», в сущности, весьма древний мотив греческой культуры. В качестве широко распространенного императива это представление возникает очень рано»³⁵⁶. В области заботы о теле древнегреческая традиция выделяет гимнастические упражнения, режим сна и питания, сексуальные практики, полезные для организма, физическую активность, медицинские консультации и получение необходимого лечения. Каждый из

³⁵⁴ Фуко М. История сексуальности III: Забота о себе. Киев: Дух и литера, 1998. С. 43.

³⁵⁵ Тищенко П.Д. Биовласть в эпоху биотехнологий. С. 39.

³⁵⁶ Фуко М. История сексуальности III: Забота о себе. С. 51.

аспектов заботы о теле уже в античности обрел своих теоретиков, был исследован и сопровождается комментарием. Таким образом, забота о теле предстает как свод правил, которым человеку разумному необходимо следовать. Забота о себе простирается и на ту совокупность социальных ролей, которую исполняет человек. Быть супругом (супругой), главой дома, сыном (дочерью), отцом (матерью), гражданином полиса – не данность, но искусство, требующее вдумчивого отношения к каждому из аспектов каждой из ролей. Наконец, забота о душе – важнейший из элементов заботы о себе – включает в себя выбор наставника, собеседников, аналитику собственных достоинств и недостатков, духовные практики самокоррекции, упражнения в самообладании – непрерывную работу над собою по самосовершенствованию. В культурном пространстве полиса «призыв ”заботиться о себе” стал императивом многих отличных друг от друга доктрин; он стал образом действия, манерой поведения, пропитал различные стили жизни, оформился в многочисленные процедуры, практики, предписания... породил определенный способ познания и обработки знаний»³⁵⁷.

Ядром заботы о себе является работа над собой. Работа над собой и интериоризирует норму, и приближает к идеалу, который может существенно отличаться от нормы, понимаемой как стандарт. Кроме того, в социальном пространстве самобытная личность может вступить в отношение противоборства различной степени интенсивности с согражданами и тем социальным порядком, который установился в обществе. *Vita contemplativa*³⁵⁸ – созерцательная духовная жизнь (а забота о себе считает такой образ жизни венцом самосовершенствования) – находится в определенном противоречии с *vita activa* – деятельною жизнью горожанина, домохозяина, члена семьи. А это означает, что человеку следует трансформировать социальное пространство с учетом собственных предпочтений и приоритетов ненасильственным образом. Работу над собой дополняет «работа на себя».

Работа на себя выступает антитезой сложившегося порядка цивилизации, который предстает как рациональный, прагматичный, властный. Сложившиеся

³⁵⁷ Фуко М. История сексуальности III: Забота о себе. С. 52.

³⁵⁸ См.: Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. С. 13, 22, 25.

дисциплинарные практики индивидуального подчинения и биополитические регуляторы населения пронизывают общество во всём поле социальных интеракций – от макроуровня политических институций до капиллярной микрофизики власти в любом людском сообществе. В конечном итоге сложившиеся диспозитивы подавления – эти ««мельчайшие»» технические процедуры, играющие на деталях и с деталями, перераспределили пространство, сделав его оператором всеобщего «надзора»³⁵⁹. Пространственные практики исподволь определяют условия социальной жизни. Власть над пространством коллективна, присвоение пространства – индивидуальная практика. Однако такой микрофизике власти противопоставляется сеть антиподчинения. Составляющие её ««способы делания»» образуют бесчисленное количество практик, при помощи которых пользователи заново присваивают себе пространство, организованное техниками социокультурного производства»³⁶⁰. Подобные практики, напоминающие «кишение микробов», выражаются в «тактиках», что порождает разветвленную систему бриколажа – подгонки и возвращения подконтрольного власти социального пространства. «Рассеянная, тактическая и «бриколерская» изобретательность групп или индивидов, отныне оказавшихся в сетях «надзора»»³⁶¹, проявляется в «работе на себя». «Муравьиноподобная» по масштабу работа на себя, являясь историческим продолжением тактических уловок работников прошлого, пронизывает общество. В офисы проникает дух социальных обменов, техническая изобретательность, моральное сопротивление, экономика дара и этика упорства. Работники ведут «муравьиную работу» тактического сопротивления формам превращения себя в объекты контроля, надзора и управления. В конечном итоге дисциплинарная и биополитическая власть делает уступки, что порою превращает рабочее место в средство самовыражения и даже самореализации. Работа на себя – способ преодоления отчуждения в пространстве коллективной деятельности, центрированной на достижении конечного результата и игнорирующей человекосоразмерные характеристики труда. Работа на себя в современном мире нередко достигает

³⁵⁹ Серто М. де. Изобретение повседневности. С. 43.

³⁶⁰ Серто М. де. Изобретение повседневности. С. 43.

³⁶¹ Серто М. де. Изобретение повседневности. С. 44.

существенных результатов. Например, Р. Семлер в своей компании Semco ввел целый ряд форм самоуправления и самоорганизации, рассчитанный на инициативу снизу, только в рамках которой возможно достигнуть прогресса в качественных и количественных показателях производства. Передовыми разработками Р. Семлера в настоящее время пользуются многие IT-компании, ставка на значительную самостоятельность персонала стала распространенной практикой.

Таким образом, забота о себе как о телесном, социальном и духовном существе в модальностях работы над собой и работы на себя формирует личность, включенную в социальное пространство и, одновременно, автономную – соблюдающую дистанцию по отношению к обществу, имеющую собственные субъективные предпочтения, картину мира, идеалы и ценности. Следует отметить, что работу над собой и работу на себя можно увидеть в рамках любой формы отношения к жизни – будь то биохрися, биоанисихия или биоургия. В первом случае работа над собой характеризуется активным поведением по освоению окружающей среды, приобретением навыков выживания и общежития. Работе на себя соответствует любой процесс, связанный как с удовлетворением потребностей, так и с достижением определенного социального статуса. Прообразы подобного поведения можно обнаружить в животном мире. Например, многочисленные примеры поведенческой активности в жизни шимпанзе, бонобо и павианов³⁶², направленные на адаптацию к условиям окружающей среды, добыванию пищи, в том числе с использованием примитивных приспособлений, получению конкурентных преимуществ и установлению социальных связей внутри сообщества, в том числе образования с этой целью коалиций и использования интриг, приводят Ф. де Вааль и Р. Сапольски. Безусловно, прообразами более сложных форм заботы о себе являются элементарные мотивы выживания, поискового и полового поведения, общие всем животным. Бегство, борьба, добывание пищи и половое влечение – знаменитые четыре базовых инстинкта, описанные К. Лоренцем, являются заботой о себе в наименее приукрашенном – «голом» – виде. На стадии биоанисихии забота о себе предстает

³⁶² Де Вааль Ф. Наша внутренняя обезьяна. Двойственная природа человека. М: Альпина нон-фикшн, 2021; Сапольски Р. Записки примата: Необычайная жизнь ученого среди павианов. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.

в гораздо более сложных и разветвленных формах, порождая многообразный мир материальных благ вплоть до возникновения неэффективного потребления «общества выбрасывателей» (Э. Тоффлер), «праздного класса» (Т. Веблен), индустрии развлечений и роскоши, фармакратии (Т. Сас) и даже губительных для человека привычек (наркомания, алкоголизм, экстрим). Наконец, при переходе к стадии биоургии работа над собой и работа на себя задает перспективу самопроектирования, самосборки, апгрейда, модификации, трансформации, дополнения аугментациями, расширения возможностей вплоть до преодоления заложенных при-родно качеств и свойств. Если в настоящее время арсенал аугментаций является компенсаторным при наличии того или иного физического недостатка (например, бионические протезы или нейроимпланты, частично возвращающие слух или зрение) либо факультативным (вживленный чип, содержащий персональные данные, в том числе ключи доступа и аутентификации, банковскую карту и т.п.), то, возможно, через несколько десятилетий бионические дополнения смогут стать совершеннее живых органов. Люди-киборги получают «нос как у собаки, а глаз как у орла». Видеть станет возможно в инфракрасном и даже рентгеновском диапазоне. Не исключено, что человек получит совершенно новые органы чувств: чувство воды (как у рыб), магнитное чувство (как у птиц) или эхолокацию (как у летучих мышей). По мере развития новейших технологий «возможно, все мы через некоторое время будем жить в мире, где людьми с ограниченными возможностями будут считаться те, кто обходится без кибернетических дополнений к телу»³⁶³. Таким образом, работа над собой может привести к апгрейду телесности и «прокачке» мозга, а работа на себя потребует все это проделать не в режиме приобретения опережающих конкурентных преимуществ, а в режиме догоняющего развития, лишь бы не отстать в гонке выживания. Заботу о себе, таким образом, следует рассматривать как фундаментальное свойство жизни. В том числе забота о себе может пониматься и как нравственная ценность, поскольку, будучи основанной на саморефлексии, познании окружающей среды и общества, забота о себе является и заботой об

³⁶³ URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/03/vsenauka-v-novoi-stanut-li-liudi-kiborgami> (дата обращения: 04.04.2022)

обобщенном Другом, об обществе, человеке и человечестве. Забота о себе способна минимизировать социальные издержки поведения и деятельности человека, однако, может и способствовать распространению крайнего утилитаризма.

Забота о себе в конечном итоге является заботой о Другом, заботой о человечестве. В этом – кантианский смысл заботы о себе, в рамках которого «только человек, а с ним каждое разумное существо есть цель сама по себе»³⁶⁴. Забота о себе, будучи инструментом культуры себя, предполагает точно такую же возможность и способность у человека, у всякого разумного существа.

Однако в заботе о себе сложным образом сочетаются стремление к индивидуальному благополучию, счастью и всеобщему благу. И кантианство, и утилитаризм, а равно посткантианская и постбентамовская традиция в этике и политической философии (а сюда можно включить весьма непохожих исследователей: М. Шелера, О. Хеффе, К.Р. Поппера, Дж. Роулза, П.И. Новгородцева, И.А. Ильина, Л. Болтански, Л. Тевено и др.) сходятся на том, что индивидуальное и коллективное благополучие предполагают друг друга. Для И. Канта должное моральное поведение обладает несомненным преимуществом перед индивидуальными выгодами, благополучием, счастьем вплоть до противопоставления. Для него мораль не тождественна счастью, но способствует созданию условий, необходимых для счастья. Следование нравственному долгу позволяет человеку быть достойным счастья, без чего счастливым быть невозможно³⁶⁵. Условие, согласно которому всякий человек представляет цель саму по себе как для Другого, так и для Бога, что полагает запрет на инструментальное использование человека в качестве средства, в конечном итоге, следуя логике И. Канта, устанавливает всеобщий моральный порядок, в котором автономия воли каждого, становясь общим законом, позволяет достигать частных целей, не противореча общему благу. В этом смысле каждый может найти свое с-часть-е, т.е. жизнь со своей частью, свою долю (С.Ф. Денисов) в коллективном пространстве. Вместе с тем, эта доступная доля в рамках максимально возможного счастья максимального количества людей (И. Бентам) может

³⁶⁴ Кант И. Критика практического разума. М.: Эксмо, 2015. С. 122.

³⁶⁵ См.: Кант И. Критика практического разума. С. 181-182.

показаться человеку, социальной общности, государству (в пространстве международного порядка) не соответствующей достижениям, вкладу, происхождению и др. качествам, которые позволяют, якобы, претендовать на особое положение. Кроме того, границы автономии могут быть существенно раздвинуты, в том числе приводя к противоречию с долгом следования моральным предписаниям. Произвол в качестве крайней степени свободы, в конечном итоге являющийся условием существования морали и права, как это вслед за И. Кантом убедительно продемонстрировал Б.П. Вышеславцев, способен привести к рассогласованию начал свободы, долга и всеобщего блага.

Так, хрестоматийным антиподом И. Канта и своеобразным анти-кантианцем, предельно раздвигающим рамки индивидуальной свободы, является Д.А.Ф. де Сад. Де Сад не подвергает сомнению начало свободы, но восстает против долга и связанных с ним моральных и правовых ограничений. «Де Сад выдвигает лозунг свободы для всех, исходя из которого я имею право отдавать собственное тело в пользование другому, но взамен я имею право пользоваться телом другого. Это и есть кантовский императив, вывернутый наизнанку. Дискурс Д. де Сада является дискурсом предельной свободы...»³⁶⁶. Максимизация свободы влечет последовательный отказ от любых запретов. Опубликовав «Философию в будуаре» через шесть лет после «Критики практического разума» (1788 г.), де Сад, оправдывая пороки, создает собственную систему анти-морали. «Эта антимораль находит выражение в своеобразном категорическом императиве: “Примем за универсальную максиму нашего поведения право пользоваться другим, кто бы это ни был, как инструментом собственного удовольствия”»³⁶⁷. На основе такой анти-морали, разделяемой в рамках сообщества людей, становится возможным то общежитие людей, которое демонстрирует де Сад – общежитие карикатурное, патологическое и ненормальное, но, способное быть, если его принципы произвола и попрания какого-либо морального долга и закона разделяют участники такого сообщества. Как отмечает Ж. Лакан, «если мы исключим... из морали всякий элемент чувства,

³⁶⁶ Яркеев А.В. Онтологические основания зла в современном обществе. С. 202-203.

³⁶⁷ Яркеев А.В. Онтологические основания зла в современном обществе. С. 205.

если мы устраним, обесценим того вожатого, которым чувство нам служит, то полученный на пределе этого процесса садистский мир окажется всего лишь возможным – пусть карикатурным, изнаночным – вариантом мира, руководимого радикальной этикой, той самой, которую формулирует в 1788 году Кант»³⁶⁸. И. Кант полагал счастье контингентным компонентом всеобщего блага. Если реализовано последнее, то возможно, но не необходимо (по крайней мере, как некое эмоциональное внутреннее состояние субъекта) первое. Если художественный эксперимент Д. де Сада и демонстрирует возможность патологического сообщества, принимаемого как должное его участниками, то вопрос о счастье сообщников остается открытым – насилие (в том числе крайнее) по отношению к каждому как необходимый элемент системы взглядов, отвергающих мораль и закон, совместимо со счастьем лишь в перспективе патологического наслаждения. Этот порядок, в котором можно и вовсе оказаться не-с-частным буквально, т.е. остаться без какой-либо части в этом мире (например, в случае калечения или убийства), скорее доказывает, что анти-мораль и крайний произвол создают анти-утилитарную композицию «максимального несчастья максимального количества людей». В этой точке оргия садистов (хотя бы и в значении персонажей де Сада) совпадает с *bellum omnium contra omnes*, а это означает, что такое сообщество обречено.

Смешанное использование морали и анти-морали, счастья и несчастья, разделяемое пропорционально принадлежности к различным общностям, которым отводится роль «целей самих по себе» и «средств» порождает такие картины культурной и социальной жизни, которые вполне узнаваемы. Культуры, в которых допускается существование человека в качестве «средства», исторически многообразны. Экономические системы протогосударств, описываемых Дж. Скоттом, опирались на набеги, главной целью которых были люди как потенциальная рабочая сила. Эта живая добыча позволила сформировать рабовладение на длительной и систематической основе. Идет ли речь о Древнем Востоке, о древнегреческом городе-государстве или об имперском Риме, рабовладение является важным элементом ойкономии.

³⁶⁸ Яркеев А.В. Онтологические основания зла в современном обществе. С. 205-206.

Аристотель считает, что тот, «кто по природе принадлежит не самому себе, а другому и при этом все-таки человек, тот по своей природе раб»³⁶⁹. Раб по своей природе и назначению – собственность, товар и орудие, причем орудие активное и отдельно существующее. Для господина раб – средство в значении объекта, инструмента, возможности и способа. Дж. Агамбен отмечает наложение естественного для человека инструментального воздействия на природу с использованием какого-либо средства (в первую очередь, своего тела) и юридического закрепления права такого пользования телом другого человека (раба) со стороны господина. В юридическом и одновременно телесном отношении господина и раба тело последнего используется как средство воздействия тела хозяина раба на природу. И если опосредованное отношение человека к природе естественно, то конституирование рабства как социального института порочно³⁷⁰. Так или иначе, но подобное узаконенное манипулятивное использование одним человеком другого в качестве средства, даже в качестве продолжения собственного тела как некой его части, находя свое выражение в рабстве, выходит за его рамки и становится элементом экономической, социальной, политической и культурной жизни. В.А. Подорога, реконструируя «отрицательную антропологию» анти-жизни ГУЛАГа по воспоминаниям В. Шаламова, основанным на «памяти тела», выделяет «тело-орудие», «тело-тачку», «тело-перчатку», «тело-рану», «тело-труп»³⁷¹. Эти тела-двойники – практически автономные оболочки-вместилища человека – являются объективациями мегамашинной хозяйственной системы принудительного труда ГУЛАГа, в которой каждый человек не более чем деталь. Именно обезличенность и инструментальность, выхолащивание человека, забвение личности, помноженные на инструментальность и обезличенность наложенного судебной мегамашинной наказания, превращают трудовой лагерь в ад на земле, а не место исправления и «перековки». Из этого в том числе следует, что в крайней точке использования человека в качестве средства располагается пытка, одновременно

³⁶⁹ Аристотель. Политика. С. 35-36.

³⁷⁰ См.: Agamben G. The Use of Bodies. Homo Sacer IV, 2. Stanford University Press. Stanford, California, 2016. С. 14.

³⁷¹ Подорога В. Время после. М.: РИПОЛ классик, 2017. С. 193-198.

представляющая собой мучительное умирание и насильственное вовлечение человека в физический процесс, причиняющий смерть. А. Мбембе совершенно справедливо полагает, что «некрополитическая власть осуществляется путем своего рода инверсии между жизнью и смертью, как если бы жизнь была просто средством смерти»³⁷². В ситуации широкомасштабного использования людей в качестве средств и только средств для достижения внешней по отношению к ним цели посредством насилия жизнь становится контингентной по отношению к смерти, которая выглядит как закономерность. Не жизнь завершается смертью, а смерть случайным образом продолжается в жизни тогда, когда, по независимым от логики смерти причинам произошла приостановка работы смерти. В режиме нацистской биократии, как уже отмечалось, «жизненное пространство» (lebensraum) территориально и демографически завоевывалось привилегированной группой в ходе военных кампаний и перманентной селекции населения именно в ходе «работы смерти».

Данные случаи рабства, принудительного труда, пытки, переходящей в казнь, очерчивают пределы области, в которой человек инструментализируется. Однако внутри этой области обнаруживаются различные содержания. Например, воспитание и обучение, основанные на подражании (мимесисе), – область временного обращения человека в средство во благо самому человеку. Ежедневное опредмечивание людей в их трудовой деятельности в перспективе всеобщего разделения труда – залог возможности распредмечивания желаний, целей и мечтаний человека. Следуя Т. Карлейлю труд – величайшее средство прикосновения к тайнам мироздания и процесс явления потаенности (М. Хайдеггер) несмотря на то, что труд – вовлечение человека в круговорот биологического процесса добывания и потребления, на что указывает Х. Арндт. Плагиат, подделка, мода – превращение себя в средство, в рупор чужих идей, мыслей и предпочтений. Но без копирования чего-либо уже существующего невозможно творчество. В крайней точке существует опасность обращения мира в ксерокс, на что указывал Ж. Бодрийяр. Однако обычный способ воспроизведения культуры в режиме

³⁷² Mbembe A. Necropolitics. Translated by S. Corcoran. Duke University Press, Durham and London, 2019. С. 38.

преемственности и обновления (что находит свое выражение в аксиологическом, гносеологическом, семиотическом, деятельностном и других подходах к изучению культуры) свидетельствует о том, что человек вовлечен в диалектику цели и средства, выступая в разных отношениях и в той, и в другой ипостаси.

Однако, в биополитике процесс обращение в средство, инструментализация человека может иметь крайние последствия для той или иной социальной группы. Биовласть, обращаясь к суверенному насилию и вставая на путь негнтропной биополитики, способна обратить человека-цель в человека-мишень, руководствуясь ситуативными приоритетами. В качестве примеров воспользуемся дискурсом антипсихиатрии – течения на стыке психиатрии и философии, влиятельного в 60–70-е г.г. XX в. В творчестве психиатров Р. Лэйнга, Д. Купера, Ф. Базальи, А. Эстерсона, Т. Саса; а также философов и социологов М. Фуко, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Э. Гоффмана, Т. Шеффа, обращавшихся к проблематике психической болезни и психиатрических лечебниц, раскрываются механизмы медикализации социальных проблем (Ф. Базалья), формирования представления о девиации, стигматизации, сегрегации, социальной депривации и отбраковки подвергшихся социальному «клеймению» индивидов. Обнаруженный в антипсихиатрии механизм был понят социологически и выходит за рамки проблематики психической болезни. Так, Э. Гоффман сформировал представление о «тотальных институтах»³⁷³, включающих как лечебницы, так и тюрьмы, казармы, монастыри и любые иные институции, попадание, вход и пребывание в которых закрыты, разделение на персонал и гостей носит принципиально значимый характер, а правила содержат набор инструкций в отношении гостей, допускающий ограничения, запреты и принуждение в той или иной форме. Как и в вышеописанном А. Мбембе случае инверсии жизни и смерти, в случае психической болезни, тотальных институций вообще, происходит инверсия нормы и ненормального – скорее ненормальное определяет норму, чем наоборот. Так, следуя Т. Шеффу, норма – «это разделяемое членами социальной

³⁷³ См.: Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. М.: Элементарные формы, 2019.

группы ожидание»³⁷⁴. В таком случае девиация понимается как нарушение нормативных ожиданий, вызывающее в сообществе негодование, раздражение и моральное осуждение. Избыточный эмоциональный ответ выступает триггером фиксации девиации и девианта, в результате этой реакции на человека навешивается ярлык «девианта». Девиация в определенных границах – конвенциональна и становится девиацией, лишь если представление о ней поддерживается большинством. «Социальный порядок устойчив, поскольку он постоянно получает подтверждение в жизни и поведении своих членов... Причастность социальному порядку требует непрерывного воссоздания этого порядка его членами»³⁷⁵. Т. Шефф описывает целый континуум девиаций, каждой из которых соответствует нарушение тех или иных границ одобряемого большинством социального порядка. В этом ряду обладатель симптомов психического заболевания маркируется как нарушитель остаточных социальных норм. В рамках представлений о границах допустимого в обществе существует множество конвенций и консенсус в их отношении. При этом «большинство отклонений являются нарушением определенных норм: преступление... алкоголизм и наркомания – это неконтролируемое и систематическое употребление вредных веществ»³⁷⁶. При ответе на вопрос, что нарушает потенциальный психически больной, Т. Шефф вводит понятие остаточного отклонения³⁷⁷, связывая с ним несоблюдение тех норм, которым не было дано собственное название, но которые указывают на ненормальность, не включенную ни в одну из других групп, маркирующих ненормальное. За пределами явлений, для которых есть целый набор терминов, среди которых преступление, проступок, извращение, невоспитанность и др., душевная болезнь – «остаточное отклонение». А в рамках остаточного отклонения существует «остаток остатка» – такого рода душевная болезнь, которая маргинальна по отношению ко всем прочим. В частности, «расплывчатость границ и неясность понятия шизофрении

³⁷⁴ Власова О.А. Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. С. 324.

³⁷⁵ Власова О.А. Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. С. 324.

³⁷⁶ Власова О.А. Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. С. 326.

³⁷⁷ Scheff T.J. Being Mentally Ill. A Sociological Theory (Third Edition). New York: Aldine de Gruyter, 1999. P. 55.

указывает на то, что оно служит для обозначения остатка остатков»³⁷⁸. На стигматизацию индивида и сегрегацию общества по тому или иному критерию нормального/ ненормального влияет ряд условий, среди которых можно выделить степень, объем и заметность нарушения правил; силу воздействия нарушителя нормы и социальную дистанцию между нарушителем и другими членами общества; уровень толерантности общества; наличие в культуре альтернативных недевиантных ролей. В результате согласованного действия тех или иных факторов, девиация идентифицируется, а девиант – стигматизируется и, возможно, изолируется. Возникают специально созданные пространства тотальных институтов, в которые помещается девиант, в том числе бессрочно и без права пересмотра признания за ним статуса девианта. Именно поэтому Ф. Базалья настойчиво в ходе реализации «капиллярной утопии» лечения в специальной сети центров психического здоровья проводил в жизнь идею, согласно которой «психиатрическая больница как институт изоляции не может быть преобразована, а может быть лишь ликвидирована»³⁷⁹. Смешение юридического смысла наказания и заключения с медицинским смыслом госпитализации и лечения выражает способ существования психиатрической лечебницы. Стигматизация обрекает психиатрического больного на потенциально пожизненное заключение без совершения поступка, соответствующего наказанию. «В тот момент, когда я говорю: “Этот человек – шизофреник”... я начинаю вести себя с ним совершенно специфическим образом... Мои отношения станут отношениями человека, который только и делает, что ожидает от другого “шизофреничности”»³⁸⁰. Для Ф. Базальи проблема безумия – это проблема

³⁷⁸ Власова О.А. Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. С. 329.

³⁷⁹ Власова О.А. Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. С. 217. «Ликвидация» лечебницы носила вполне материальный характер: «Базалья поощрял даже своих самых депрессивных пациентов активно и агрессивно участвовать в том, что он позже назвал «разрушением» больницы: во-первых, разрушать своими собственными руками вредные барьеры, которые ограничивали и исключали их: двери, решетки, оконные решетки. Целая больничная стена была демонтирована в качестве коллективного выражения того, что Базалья позже назвал «институциональным гневом». В другом случае пациенты и медсестры уничтожали устаревшую мебель и оборудование, которые были уродливыми, архаичными или символизировали наказание». Цит. по: *Psychiatry Inside Out: Selected Writings of Franco Basaglia*. New York: Columbia University Press, 1987. P. 19.

³⁸⁰ Власова О.А. Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. С. 219.

межчеловеческих отношений, в которых одна группа (меньшинство) противопоставляется и исключается другой группой (большинством).

В интересующем нас контексте биополитической инверсии нормы и ненормального, инструментального использования человека в интересах биовласти Ф. Базалья, полагая, что в основе социальных отношений нашего общества лежат насилие и исключение, утверждает, что «распределение насилия зависит от потребности тех, кто обладает властью замаскировать и сокрыть его, для этого создаются институции, начиная от патриархальной семьи и публичных школ и кончая тюрьмами и лечебницами»³⁸¹. Насилие и сопутствующее ему исключение маскируется необходимостью социально значимых задач (семья, школа) и реализацией социально значимых регулятивных программ (тюрьма, лечебница). В контексте рассмотрения капиталистической экономики Ф. Базалья (как и, например, Р. Кастель) полагает, что маргинализация не принимающих ценности капиталистического общества производится в рамках биокапитализма, сопряженного с медикализацией девиации и бедности, во имя беспрепятственного развития капиталистического производства. Для Ф. Базальи (как и для М. Фуко) «неслучайно, что психиатрическая больница как социальная институция появляется с началом промышленной революции. Она является продуктом отделения производительного населения от непроизводительного. В такой ситуации свобода становится прерогативой лишь тех, кто работает и производит»³⁸². Бедность Ф. Базалья рассматривает как индустрию, подвергаемую внутренней колонизации во имя сохранения общего экономического баланса. Применение цивилизованных и уже нераспознаваемых обществом форм насилия становится стратегией манипулирующего управленчества биовласти. В этой ситуации «на место кнута приходит лечение», биовласть «приучает людей к мысли, что беспорядки, насилие и жестокость – неотъемлемые атрибуты мирной жизни» – в результате «больницы, тюрьмы, лечебницы, фабрики и школы – места, где ведется война, а специалист – главный преступник»³⁸³. Подобие радикальным взглядам Ф. Базальи на биополитическое форматирование граждан, глубокое

³⁸¹ Власова О.А. Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. С. 224-225.

³⁸² Власова О.А. Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. С. 225.

³⁸³ Власова О.А. Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. С. 227.

проникновение скрытого насилия в основные институты социальной жизни, биокапиталистическое производство отверженных, скрытые формы отбраковки и утилизации стигматизированных социальных групп и индивидов можно обнаружить и у других представителей антипсихиатрии. Для Т. Саса психическая болезнь вовсе является мифом («миф психической болезни»), производным от «охоты на ведьм», произвольно определяемой властью в круге ее стратегических задач. «Фабрики безумия» производят психическую болезнь во имя интересов «фармакратии» и «терапевтического государства», вовлекающих собственных граждан в биокапиталистическое производство в интересах привилегированных групп. Для Д. Купера жизнь человека в современном обществе – путешествие по конвейеру биополитических пространств. «Из матки мы рождаемся в клетку семьи, из которой перемещаемся в клетку школы. К тому времени, когда мы покидаем школьную клетку, мы настолько привыкаем жить в клетке, что сооружаем вокруг себя свою собственную клетку, тюрьму, бункер, и в конце концов с чувством облегчения мы уходим в гроб или в кремационную печь»³⁸⁴. Д. Купер полагал, что особое значение имеет семья, выполняющая центральную функцию посредничества между биовластью и индивидом. Семья – агент биовласти, «по подобию семьи организованы политические партии и правительственный аппарат, школы и университеты, фабрики и профсоюзы, армия и церковь, больницы»³⁸⁵.

Итак, в рамках антипсихиатрии выстраивается модель управления социальными процессами, в рамках которой власть (биовласть) средствами юридикации и медиализации социального (в том числе нерешенных социальных проблем) получает возможность создавать девиации, последовательно маргинализируя, стигматизируя, изолируя социальные группы и индивидов, неудобных в рамках биополитической повестки, а также скрытым образом проводя принудительную регуляцию поведения индивида через социальные институты (семья, школа, экономическое предприятие, медицинское учреждение), существование которых мыслится как благо для человека.

³⁸⁴ Власова О.А. Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. С. 138.

³⁸⁵ Власова О.А. Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. С. 135.

Результаты превращения подобной возможности в действительность различаются в зависимости от того, выбирает ли биовласть стратегию негантропной или конфирмантропной биополитики. В случае негантропной биополитики та или иная социальная группа подпадает в ситуацию маргинализации, стигматизации, сегрегации. Именно негантропная биополитика склонна систематически выбирать «между заявленным намерением защитить жизнь и причинением фактической смерти»³⁸⁶. Негантропная биополитика как форма разметки насилием одновременно спасает и уничтожает, применение биоправа в отношении населения способно «чтобы сохранить людям жизнь любой ценой... даже решить ускорить их смерть»³⁸⁷. В рамках негантропной биополитики «политика жизни» всегда рискует превратиться в «работу смерти». Для негантропной биополитики характерно, что ее «ключевым моментом является платоническая концепция фармакона (*pharmakon*) – идея лекарства, которое действует одновременно как лекарство и как яд»³⁸⁸. Именно для негантропной биополитики и ее еще более смертоносного расширения – некрополитики – характерно систематическое обращение индивидов в *homo sacer* (дословно с лат. – человек священный), «которого можно убить, но нельзя принести в жертву»³⁸⁹. Дж. Агамбен отмечал, что древний термин римского права *homo sacer* упоминается в следующем контексте: «*Homo sacer* называется тот, кого осудил народ за какое-либо преступление; приносить его в жертву нечестиво, но тот, кто его убьет, не считается преступником...»³⁹⁰. Из этого непосредственно вытекало, что произнесение формулы «*sacer esto*» относилось приговоренного к юрисдикции богов, что являлось эвфемизмом для смертного приговора. Положение *homo sacer* – человека, низведенного к «голой жизни», зыбко и ненадежно. Именно Дж. Агамбен убедительно показал, что в XX в. эта хрупкость, к состоянию которой можно подвести человека в том числе

³⁸⁶ Esposito R. *Bios: Biopolitics and Philosophy*. Transl. and with an Introduction by Timothy Campbell. University of Minnesota Press. Minneapolis. London. 2008. С. 4.

³⁸⁷ Esposito R. *Bios: Biopolitics and Philosophy*. С. 5.

³⁸⁸ Mbembe A. *Necropolitics*. Translated by S. Corcoran. Duke University Press, Durham and London, 2019. С. 1-2.

³⁸⁹ Агамбен Дж. *Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. С. 16.

³⁹⁰ Агамбен Дж. *Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. С. 93.

волюнтаристским решением, становится ключом к пониманию кодов современной политической власти. Лавинообразное расширение использования политико-юридически обусловленных форм чрезвычайного положения формирует ситуацию, при которой «лагерь как чистое, абсолютное и непревзойденное биополитическое пространство (как таковое основанное только на чрезвычайном положении) окажется тайной парадигмой политического пространства современности»³⁹¹. *Homo sacer* – включенное исключение, обитатель биополитического пространства лагеря, объект биополитического надзора, продукт чрезвычайного положения.

Путь отнесения той или иной категории населения к *homines sacri* испробован в XX в. неоднократно различными политическими режимами. Парадоксальный образ своеобразной игры в биополитического «орла или решку» был зафиксирован С. Жижекком: «Возможно, элементарный образ обращения с «местным населением» как с *homo sacer* таков: летящий над Афганистаном американский военный самолет – и никто не знает, что он сбросит – бомбы или тюки с продовольствием...»³⁹². Этот оксюморон «гуманитарной бомбардировки» в полной мере демонстрирует амбивалентную природу биовласти, которая одновременно и спасает, и уничтожает. Такая модель иногда даже может показаться эффективной. Иногда она превращается в долгосрочную практику. Нередко негантропная биополитика (и особенно некрополитика) заводит в тупик, выходы из которого уже не видны. Потенциал биовласти как *над* человеком и его телом, так и *во имя* человека раскрывается различным образом. Впечатляющую анатомию некрополитики на примере современной Мексики изображает Р. Гай Эмерсон. Он обнаруживает множественность израненных (*wounded body*) и изувеченных (*mutilated body*) тел. Для Р. Гая Эмерсона некровласть больше, чем власть смерти. «Некрополитика – это сила жизни не вопреки смерти, а через нее»³⁹³. Свидетели и соучастники «миров смерти» (*death worlds*) олицетворяют две формы живой смерти. В то время, как раненое тело рождается из мира смерти,

³⁹¹ Агамбен Дж. *Homo sacer*. Суверенная власть и голая жизнь. С. 156-157.

³⁹² Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Прагматика культуры, 2002. С. 105.

³⁹³ Guy Emerson R. *Necropolitics Living Death in Mexico*. Springer Nature Switzerland AG, 2019. С. 4.

изуродованное тело реализуется через смерть, опосредованную институциональной властью. Раненое тело – результат некрополитики, вплетающей смерть в живое тело. Изуродованное тело – «изделие» государства, намеренно применяющее насилие во имя контроля. И некрополитика, и танатополитика формируют континуум форм живой смерти. Р. Гай Эмерсон создает онтологию раненого тела (*body-as-wound*), черпающего жизненность ввиду смертности. Раненое тело интериоризирует мир смерти и экстернализирует себя в мире смерти. Раненое тело – сожительство жизни и смерти.

Однако, даже героический натиск духа оставляет надежду перед тьмой танатополитики. Один из ее обликов – наркополитика – обращает раненое тело в окончательно безжизненное тело: Квинтэссенцией наркополитики как «амальгамы преступных организаций и правительства и их борьбы за монополию на власть»³⁹⁴, становится труп. Труп освобождает тело от претензий на управление и лишает кого-либо права подчинять. Самим существом танатополитики, проводимой организованной преступностью и «государством-соучастником», становится политика смерти, приписывающая телу предикат «быть убиваемым», в результате чего калечение становится механизмом государственного управления в формах увечья населения. Изуродованное тело – результат преднамеренно совершенного насилия, властно обращающего тело в подконтрольную живую смерть. Экономические и социальные проекции наркополитических практик в локальном, региональном и глобальном масштабах подтверждают Т. Уэйнрайт и Д. Ньето³⁹⁵, для которых как сражения наркокартелей в узловых точках наркотраффика, так и организованный отпор картелям на международном уровне, осуществляемый в метрике перманентного чрезвычайного положения, – лики власти над жизнью (*power over life*).

Двигаясь по лестнице, ведущей вниз, можно найти жизнеутверждающий момент. Например, для А. Вээли тело в качестве «плоти» в значении *Habeas Viscus* становится основанием для конструирования идентичности. Как тело-

³⁹⁴ Guy Emerson R. Necropolitics Living Death in Mexico. С. 7.

³⁹⁵ См.: Уэйнрайт Т. *Narconomics: Преступный синдикат как успешная бизнес-модель*. СПб.: Пальмира; М.: Книга по Требованию, 2018. Nieto D. *Neoliberalism, Biopolitics, and the Governance of Transnational Crime*. *Colombia Internacional* 76, julio a diciembre de 2012: 137-165.

объект (*corpus*) становится в формуле английского права *Habeas Corpus* основанием неприкосновенности личности, так тело-плоть выражает основание субъектности и автономии, благодаря наличию «плоти» (*flesh*) невозможно уничтожить мечты об освобождении³⁹⁶. Но все же многочисленные нисходящие ступени некровласти, становясь этапами градиента расчеловечивания, в гораздо большей степени губительны для человека, поскольку некрополитика «используется в интересах максимального уничтожения людей и создания миров смерти, то есть новых и уникальных форм социального существования, в которых значительная часть населения подвергается условиям жизни, которые придают ему статус живого мертвеца»³⁹⁷. Обесценивание человека закономерно завершается в облике «марута» («бревен») – людей без лица, имен и биографии. В конечном пункте нисхождения находится описанный П. Леви узник Аушвица, задающий вопрос о том, люди ли те, кто выжил в таких нечеловеческих условиях.

Представляется, что издержки некрополитики (и негантропной биополитики) носят катастрофический характер. Во-первых, биовласть на пути к некровласти постепенно превращается в крайне деспотический режим, удачную метафору «господина-монстра» которой предложил В.А. Подорога. Во-вторых, и этот процесс соответствует предыдущему, референт господина-монстра – *homo sacer* – превращается в «гражданина-монстра» (точнее, апатрида-монстра, поскольку *homo sacer* фактически лишен отечества). Первому и второму случаю соответствуют состояния морального и физического разрушения, деградации. Безусловно, господин-монстр располагает необходимыми ресурсами самосохранения, руководствуясь циничным «умри ты сегодня, а я – завтра». Но и это преимущество зыбко ввиду запущенного механизма гражданской войны, нередко завершающегося неистовством и взаимным уничтожением сторон. Противоположный путь биовласти – конфирмантропная биополитика – рассчитывая на суверенное насилие лишь в крайних, исключительных случаях, полагается на последовательное вовлечение

³⁹⁶ См.: Weheliye A.G. *Habeas Viscus. Racializing Assemblages, Biopolitics, and Black Feminist Theories of the Human*. Duke University Press Durham and London, 2014. С. 2.

³⁹⁷ Mbembe A. *Necropolitics*. Duke University Press. Durham and London 2019. С. 92.

³⁹⁸ Акияма Х. Особый отряд «731». М.: Иностранная литература, 1958; Моримура С. Кухня дьявола. Правда об «отряде 731» японской армии. М.: Прогресс, 1983.

население в собственную телеологию, предполагающую учет интересов населения вплоть до «доли обездоленных» (Ж. Рансьер).

§ 3. Торг и шантаж как практики отношения биовласти и населения³⁹⁹

Сосредоточим внимание на различных моделях отношений биовласти и населения. Примем во внимание различие между властью как социальным институтом и совокупностью людей, по роду своей деятельности профессионально от лица населения (а иногда вопреки воле и желанию той или иной части населения) властвующих. Несовпадение властвующей группы (элиты) и населения – важное свойство экономики власти, декларирующей необходимость оптимальности, эффективности, профессионализма управления. Именно поэтому властвующая элита должна стремиться количественно к оптимуму, в то время как ее компетентность и польза для общества должны стремиться к максимуму, а ошибки и издержки – к минимуму. Безусловно, подобный перфекционизм следует отнести к сфере идеала как образа бесконечно удаленной цели, но так или иначе обратная связь в формах прямой или косвенной оценки деятельности властвующей элиты со стороны населения, заложенная институционально или нет, присутствует. Даже такая прото-властная институция, как полинезийский бигмен, основывалась на сторонней оценке. Само положение бигмена предполагало признание и требовало пролонгации усилий, направленных на поддержание статуса. Оставим в стороне политические формы и режимы власти, сосредоточившись на тех составляющих, которые имеют прямое отношение к биополитике. В такой перспективе отношения биовласти и населения могут выстраиваться по нескольким сценариям: торга, шантажа, прирученной и неприрученной гражданской войны, революции.

Торг является базовой формой отношения власти и населения. Воображение позволяет представить такое идеальное положение дел, при котором властвующая элита в ее неусыпном попечении о населении полностью реализуют интересы

³⁹⁹ В тексте параграфа использованы фрагменты статьи автора: Попов Д.В. Практическая идеализация в биополитике // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. № 4. С. 39–43.

последнего, встречая исключительно поддержку и одобрение и не сталкиваясь с сопротивлением. Это соответствует присказке «и жили они долго, и счастливо», и нередко текстуально соответствует окончанию истории, что не позволяет исследователю применить процедуры фактчекинга. Напротив, история свидетельствует как о достижениях, так и о просчетах власти, как о признании, так и об отторжении власти населением. Дж. Даймонд⁴⁰⁰ рассматривает в качестве необходимой предпосылки образования государства одомашнивание (доместикацию) растений и животных. Конкурентное преимущество наличия видов растений и животных, одомашнивание которых стала возможной (в частности, особое положение Плодородного полумесяца, на территории которого присутствовали оптимальные условия в рассматриваемом контексте), позволило запустить цепочку событий, приведших к современной государственности. Аграрная революция, возможная только в ситуации оседлого земледелия на основе эффективного возделывания сельскохозяйственных культур, привела к продовольственной политике в условиях наличия возобновляемых и до известных пределов гарантированных запасов (например, зерна), росту населения, дифференциации общества и выделения властвующих групп (что отмечают, например, М. Салинз, Дж. Даймонд даже в отношении скудного сельского хозяйства Полинезии), обособления и профессионализации ремесла при наличии потенциала технологического развития, что запустило цикл государственного строительства, территориальной и военной экспансии, ставшей двигателем медленной, но неуклонной модернизации общества (Ч. Тилли, У. МакНил). Й. Радкау, например, прямо указывает на влияние террасирования, применявшегося в рисоводстве в Южном Китае, на рост населения. Таким образом, одомашнивание растений и животных, являясь непосредственным примером трансформации человеком биологической жизни, запустила механизм дальнейшего воздействия человека на окружающую среду, преобразуемую в его интересах. Й. Радкау справедливо подчеркивает, подтверждая свой тезис многочисленными примерами, что само понятие «природа» давно утратило в ходе

⁴⁰⁰ См.: Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ. М.: АСТ, 2010.

истории человечества, ставшей историей государств и цивилизаций, смысл девственности, естественности, изначальности и в этом отношении антипода искусственности, внесенной в мир человеком. Человек внес существенные изменения в окружающую среду. «Историю экологического сознания нельзя писать как историю осознания собственных прав природы, но только лишь как историю понимания долгосрочных природных основ человеческого бытия и культуры, пришедшего к людям посредством многочисленных кризисов. Это и есть реальная история, и множество конфликтов вокруг ресурсов приводят нас к ней»⁴⁰¹. Ландшафты, окружающие человека, давно являются рукотворными и несут на себе отпечаток преобразовательной деятельности человека, что отмечает Й. Радкау, В.И. Вернадский, Л.Н. Гумилев, F. Neurat⁴⁰² и другие. Человечество является силой, преобразующей Землю, и своей деятельностью формируют геологическую эпоху антропоцена (Д. Бур). Отметим, само по себе это преобразующее планетарное воздействие можно рассматривать в контексте биополитики в широком смысле слова как процесса вмешательства человека в биосферу Земли (именно так биополитику рассматривает, например, А.В. Олескин⁴⁰³).

Однако, сосредоточимся на прямом следствии domestikации растений и животных – domestikации самого человека. Дж. Скотт⁴⁰⁴ утверждает, что обустройство природы под нужды человека, хотя и носит теперь преимущественный характер, явилось результатом медленного и даже контингентного процесса образования государств, на ранних этапах непрерывно конкурировавших с безгосударственными народами и их образом жизни. Дж. Скотт справедливо пишет не только о domestikации растений, но и о domestikации, например, женщин. Суммарно в медленно возникавших «зерновых государствах», основой существования которых стало сельское хозяйство, ориентированное на производство зерна, дополненное животноводством, стал

⁴⁰¹ Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: Высшая школа экономики, 2014. С. 23-24.

⁴⁰² См.: Neurat F. The Unconstructable Earth. An Ecology of Separation. New York: Fordham University Press, 2019.

⁴⁰³ Олескин А.В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006.

⁴⁰⁴ Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств.

возможен контроль над продовольствием и, как следствие, населением. «Одомашнивание» женщин, следуя Скотту, оформленное как система религиозно-правовых предписаний в области брака, семьи, общественной роли женщины, давало контроль над численностью населения – важный ресурс власти.

Суверенная власть, опирающаяся на властвующую элиту, милитаризованную и не стесняющуюся применять насилие, когда это необходимо, использовала дисциплинарные и биополитические механизмы управления. Предоставление безопасности, выделение участка земли под бдительным оком равнинного зернового государства, охраняющего от набегов близлежащих государств и негосударственных народов – стимул для того, чтобы стать подданным. В Китае подданство означало то, что человек с этого момента «нанесен на карту» – учтен, включен в чиновничьи реестры. Уже на стадии зарождения государство благоволит статистике, а подданный в первую очередь рассматривается как тот, кто платит налоги. Интересна терминология, применяемая в Китае к тем, кто подданство принял и, напротив, не сделал этого шага. Подданный – «приготовленный» – в отличие от автономного скотовода, кочевника, охотника и собирателя – «сырого», не подвергшегося обработке государством. Обмен относительной безопасности на налоги включал «сырых» дикарей в общественный договор и превращал их в «приготовленных». Принадлежность к этносу являлась производной от лояльности, отождествляемой с исправным налогообложением. Карены, качины, яо, мяо, тайцы, бирманцы – все они становились хань, если платили налоги и были законопослушны. Напротив, бегство за пределы равнинного государства – такое, как, например, нисхождение (в метафорическом значении удаления от центра цивилизации – чем выше, тем ниже) в горы позволяло вновь обрести утраченную этническую идентичность. Таец, ставший хань и бежавший в горы, мог с легкостью стать качином или кареном, если присоединился к соответствующим группам кочующих горцев, готовых принять человека, если он мог принести пользу.

Итак, суверенная власть расширяла территорию равнинного зернового государства, вовлекая в свою юрисдикцию тех, кто готов был трудиться, исправно платя налоги. И здесь мы видим линию демаркации между «диким» и

«цивилизованным» состоянием человека. Неподданный приравнивается к дикарю и его предикатами становятся неистовство, жестокость, порочность, нечистота. Подданному в качестве предикатов приписываются положительные качества. Подданство избавляет от недостатков дикаря. Подданство одомашнивает, «приготавливает» сырое человеческое существо, облагораживая его. Заметим, что демаркационную линию, разделяющую цивилизованную одомашненность и дикую безгосударственность, многие люди переходили неоднократно, не меняясь одновременно в ту или иную сторону. В этом отношении следует подчеркнуть идеологическую (до эпохи идеологий) и культурную обусловленность ярлыков. Логика противопоставления «приготовленных» и «сырых» точно соответствует описанной М. Дуглас антитезы чистоты и опасности. Всякое государство создавало свою собственную идеократию – «космогонический миф», следуя Дж. Скотту, нередко в общих чертах скопированный с аналогов более успешных государств и империй и, безусловно, приукрашенный в отношении достижений и величия властвующей династии, правителя и властвующей элиты. Сформированная на основе мифа, религии, ритуала и ситуативного набора рациональных соображений, призванных легитимировать власть, идеократия олицетворяла порядок, формирующий представление о той системе мироустройства, которая выгодна и поддерживается властью. Соответственно, выходящее за рамки декларированного порядка опознается как грязное, нечистое, порочное, дикое. Дикость и цивилизованность в такой перспективе определяется всего лишь положением относительно демаркационной линии, определяемой принятием той или иной системы порядка. Один и тот же человек в незначительный временной интервал может быть объявлен как дикарем, так и цивилизованным подданным.

Наличие такой демаркационной линии, религиозное оформление идеократических систем, институционализация представлений о чистом и нечистом способствовали укреплению государства как политического союза. Не последнюю роль играет политическая интерпретация противопоставления порядка государства дикарскому отсутствию порядка в духе шмиттовского определения политического как высшей степени интенсивности единства или

разобщенности. В рамках таких ориентированных на самоусиление государства воззрений «политический союз... является наиболее интенсивной формой союза, из которой, таким образом, происходит наиболее интенсивное разделение, распределение на друзей и врагов. Политический союз есть высший союз...»⁴⁰⁵. Усилия, прилагаемые для концентрации «своих», «друзей» и, одновременно, идентификации «чужих», «врагов» имеют жизненно важное значение для государств в стадии становления. Дело в том, что государству просто необходимо было удержать своих подданных – раз и навсегда одомашнить их. Но подданные были чутки к тому стилю управления, которого придерживалось государство. И подданные были чувствительны к тому давлению, которое на них оказывало государство. Налоги платились, покуда подданный видел выгоды своего подданства, а налогообложение не было кабальным. Если же тяготы становились чрезмерными, то подданный, утрачивая перспективу будущего, склонен был «голосовать ногами» – бежать в сопредельное государство, представляющееся более заманчивым вариантом, либо бежать в горы, на болота, в леса, примкнув к безгосударственным группам, ведущим вольный образ жизни. Безусловно, риски были велики, но и преимущества имелись. Дж. Скотт описывает быт безгосударственных народов как едва ли не более сложный, свободный, здоровый, нежели жизнь подданного государства. Более широкие знания о флоре и фауне, адаптативные навыки к природным процессам (сезонные миграции, циклы плодоношения диких растений, огородное хозяйство, разведение культур, соответствующих высотности и водной дисциплине), более разнообразное питание и, как следствие, иное физическое развитие тела, отсутствие рисков эпидемий (бича скученных пространств городов), отсутствие налогообложения, самоуправление и эгалитарность – все это, представленное в различной степени в жизни безгосударственных народов, составляло альтернативу подданству.

В горизонте рассуждений, проводимых в данном исследовании, крайне важно подчеркнуть, что наличие сосуществующих порядков государства и безгосударственных народов, воспринимаемое как альтернативные миры и образы жизни, позволяет ввести категорию «торга» как формы отношения между

⁴⁰⁵ Agamben G. Stasis. Civil War as a Political Paradigm (Homo Sacer II, 2). С. 19-20.

властью и населением в само государство как политический союз «своих» перед лицом «чужих». Чужой, старательно маркируемый как дикий и нечистый, тем не менее может восприниматься как притягательный образ и альтернативная возможность в ситуации, если «свои» в пределах собственного государства не предлагают индивиду тех возможностей, за которые следовало бы держаться. Наличие реального, а не воображаемого Чужого, ведущего иной и, возможно, при определенных обстоятельствах, более привлекательный образ жизни, является сдерживающим фактором в деятельности государственной власти, вынужденной в том числе осуществлять саморефлексию и отдавать себе отчет в границах возможного принуждения собственных подданных. Горец, кочевник, Robin Hood из Шервудского леса – маркеры пределов биополитического вмешательства в границы домовладений и домохозяйств, вынуждающие воспринимать «голосование ногами» как сигнал к пересмотру масштабов производимого государством «изъятия» (Ч. Тилли), которое может быть не компенсировано ощутимыми для подданного выгодами своего подданства.

Таким образом, изначально торг власти и населения по поводу содержания общественного договора, вращающегося вокруг выгод каждой из сторон, принял форму конфликта принадлежности/ непринадлежности государству в контексте возможности внутреннего/ внешнего по отношению к государству проживания. Безусловно, по мере усиления института государства, его милитаризации, территориальной экспансии, сокращения территорий, не доступных для властного контроля, возможности бегства во внегосударственную «юрисдикцию» сошли практически на нет, но состояние торга – учет взаимных выгод и издержек – сохранился как принцип. Бегство вовне было успешно заменено «внутренней эмиграцией» – преступностью и теневой экономикой, культурным и политическим диссидентством, социальным паразитизмом, поддержкой сил, связываемых с демонтажем существующей в государстве системы политического и социального порядка. Игнорировать подобный торг для государства стало затруднительно и даже невозможно. Этап трансформации суверенной власти в биовласть вывел торг между властью и населением на новый уровень бесконечного и

перекрестного шантажа⁴⁰⁶, по меткому выражению М. Фуко. «Шантаж» (от фр. *chantage* – угроза компрометирующих разоблачений с целью вымогательства чужого имущества или разного рода уступок) выражает усилившуюся взаимную зависимость сторон – биовласти от человеческого капитала, населения – от масштабных программ биовласти. Это тот самый случай, по поводу которого Дж. Агамбен употребил понятие «танца», в объятиях которого действующие лица и процесс их взаимодействия сливаются до степени нераздельности.

Постепенная трансформация суверенной власти в биовласть, сохраняющую инструментарий и методы своей предшественницы в резерве, но делающей ставку на инвестиции в население – заботу о жизни населения – связано с существенными изменениями в европейской политической жизни в связи с заключением Вестфальского мира 1648 г. Безусловно, это событие одномоментно не трансформировало международные отношения, но заложило основы, приведшие к возникновению нового типа отношений между властью и населением. Конгресс представителей европейских государств, закончившийся подписанием Вестфальского мира в Мюнстере и Оснабрюке, установил мир на континенте и урегулировал международные отношения таким образом, что главная роль в них признавалась за суверенными государствами, а не за правящими домами. *De jure* началась эпоха национальных государств. Как неоднократно отмечает Ч. Тилли, средневековая Европа представляла собою довольно эфемерное в отношении границ образование, территориальная политика на пространстве которого определялась динамикой заключения договоров о вассалитете, династийными и частными баронскими войнами, интересами католической Церкви и религиозными войнами, ведущимися за эмансипацию от ее влияния, корпусом правовых установлений, уходящих в глубокую древность и с трудом вписывавшихся в изменившиеся условия, экономической конкуренцией городов, имевших тем большую самостоятельность, чем более развитой экономикой они обладали (Ч. Тилли помимо городов, относящихся к тому или иному государству, выделяет города-государства и города-империи (например, Венеция и Генуя)), а также развитием региональной и континентальной

⁴⁰⁶ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 239.

экономики. Эта картина ненамного отличается от той, что описана Дж. Скоттом при изучении Зомии (географически значительное пространство на территории Юго-Восточной Азии), за тем исключением, что Скотт описывает региональные трансформации в контексте взаимодействия государств и негосударственных народов, в то время как Ч. Тилли, Дж. Арриги, Ф. Бродель, Д. Норт, У. Мак-Нил в пестрой мозаике европейской жизни усматривают конкуренцию государств, квазигосударственных образований, городов, религиозных общин, союзов и гильдий – одним словом, структур, имеющих определенный уровень институционализации (этакий прототип «5С» П. Ханна: Countries, Cities, Commonwealths, Communities, Companies⁴⁰⁷). Речь не идет о противопоставлении «цивилизованности» и «дикости», но о конкуренции внутри среды, которую можно считать цивилизованной.

Вестфальский мир сформировал тенденцию, в рамках которой рыхлые территориально и подвижные в своих границах европейские державы начали обретать отчетливые очертания. Границы были установлены и признаны. Суверенитет государств подтвержден. Дипломатия получила импульс к развитию. Войны на государственном уровне стало вести сложнее ввиду формирования коалиций в контексте теории баланса сил, частные баронские войны вовсе стали пережитком прошлого. Таким образом, был заложен фундамент национальных государств (nation-state).

Биополитика как раз и стала той востребованной для развития национального государства системой управленчества (фр. *gouvernementalité*), которая сделала трезвые выводы из установившегося статус-кво. Признание границ определило границы возможностей национальных государств. Поскольку хищнический захват территорий (по крайней мере, на европейском континенте, войны между европейскими державами в мире колоний не просто не были отменены, но только усилились) отныне стал трудоемким и чрезвычайно энергоемким, непопулярным, постольку именно собственная территория стала рассматриваться как источник ресурсов и «изъятия» (Ч. Тилли) для ведения государственных дел. И в ряду имеющихся ресурсов самым главным стало

⁴⁰⁷ Ханна П. Коннектография. Будущее глобальной цивилизации. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.

население, находящееся в пределах территории суверенного государства. Собственно, именно осознание связанности границами и возможностями населения породило идею и практику национального государства. Невозможность внезапно обрести другую территорию и другое население поставило вопрос о развитии собственных территории и населения. Управленческая деятельность правительства первоначально сосредоточилась на экономике – торговле (что составляло объект пристального внимания меркантилизма) и сельском хозяйстве (предмет автаркической экономической модели физиократов). Идея полицейского государства как «добротного правления», которому есть дело до всего, где только можно, проявив заботу о жизни населения, внести улучшения, обоюдодовыгодные для правительства и населения, выразила в явном виде модель властной опеки сверху населения, воспринимаемого в рационалистической парадигме в качестве обобщенного ребенка, требующего попечения взрослого. Отметим, что полицейское государство, осмысленное в рамках «полицейской науки» (нем. *Polizeywissenschaft*) XVIII в. явилось отражением рационализма и механистической картины мира в области социального управления, выражая идею социального механизма – механического инструмента, настраиваемого и приводимого в движение правительственным разумом, по мере овладения искусством управления, совершенствующим эту мегамашину. Безусловно, позитивный посыл для населения такой парадигмы управления, с одной стороны, дал импульс развитию экономики и в чем-то облегчил жизнь, с другой стороны, подобное полицейское государство в качестве всепроникающей бюрократии, внешним образом организующей экономические, инфраструктурные, социальные отношения, является управленческой утопией – масштабированной робинзонадой, на которую ни одно государство XVIII в. не имело достаточных человеческих и материальных ресурсов.

Поэтому естественным выглядит переход к управленческой деятельности на основе следования сложившимся устойчивым формам социальных отношений, которые подлежали дерегулированию со стороны государства. Политика *laissez-faire* выразила не только кредо либерализма, но и здравый смысл экономии правительственных возможностей. Новый идеал «минимального государства»

выразил приоритет имманентной социальным процессам регуляции над внешним контролем, надзором и дисциплинаризацией. Как всеохватывающее полицейское государство, так и самоустранившееся минимальное государство, олицетворяющее «праздного бога» и «пустой трон»⁴⁰⁸ в вопросах управления, явились полюсами, в диапазоне между которыми заключалась управленческая деятельность.

Наиболее значимым явилось то, что правительство придало важное значение инвестициям в население. Многочисленные программы медиализации, повышения грамотности, продовольственной безопасности, профессиональной (включая военную) подготовки явились выражением стремления правительств суверенных государств извлечь выгоду из населения, что неизбежно теперь было связано с инвестициями в него. «Ржавые механизмы» военного призыва, описанные Я. Гашеком в «Похождениях бравого солдата Швейка», и не менее неповоротливые жернова судопроизводства, созданные Ф. Кафкой в «Процессе», демонстрируют скрытые причины падения Австро-Венгерской империи, уступавшей ведущим державам Европы именно во вложениях в человеческий капитал – этот биокапиталистический тренд эпохи. Памятуя о жестких мерах (описанных, например, К. Поланьи в «Великой трансформации»), сопровождавших освобождение капитала, труда и земли, невозможно сказать, что от тенденции заботы о населении веяло альтруизмом и благообразностью. Однако, эти инвестиции были, учреждения попечения о населении возникали, программы инклюзии населения в экономику заработали и таким образом, что вовлечение населения в правительственные интересы обернулось вовлечением правительства в интересы населения. Если национальное государство нуждается в активном, здоровом, обученном населении, то население осознает свою значимость и начинает получать от этого дивиденды. Рост профсоюзного движения, успехи рабочего движения, нарастающие революционные тенденции, вынуждающие правительства идти на уступки, – тот же эффект инвестиций в население, только выражающийся для правительства отрицательной величиной издержек,

⁴⁰⁸ См.: Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.: СПб: Институт Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019.

обременений, гарантий, лишь при условии реализации которых сохраняется возможность получения отдачи вложений.

Забота о населении находит свое продолжение в расширяющейся социальной политике. Формы «шантажа» со стороны населения разнообразны: забастовка, саботаж, жалобы, петиции, политическое представительство интересов, революционная борьба. В конечном итоге, ситуативные формы шантажа институционализировались, обретя свое представительство в конституциях, парламентах, правительственных программах. «Доля обездоленных», на которую указывал Ж. Рансьер, была замечена и стала частью политической повестки. Можно утверждать, что ставка на биополитическую регуляцию жизнедеятельности населения, заметно изменив образ жизни населения, постепенно привела к переходу от отличающихся пассивностью патриархальной и подданнической политической культуры к активной культуре участия. Это – вектор политизации, заданный биополитической революцией в сфере управления.

Однако биовласть по самому своему существу не является представительством населения. Биовласть, будучи продолжением суверенной власти, так же, как и предшественница, рассчитывает на «изъятие» (Ч. Тилли) – извлечение необходимых для преследования государственных (национальных) интересов, для достижения телеологии выживания, благополучия и процветания национального государства ресурсов из, в первую очередь, экономической (а также военно-мобилизационной, культурной в широком смысле слова, научной и др.) деятельности населения. Экономия биовласти не предполагает симметрии, не является игрой с нулевой суммой. Население в логике биовласти может рассчитывать на перераспределение благ в определенной пропорции и масштабе – доля обездоленных покрывается пропорционально реализации целей биовласти, выходящих за рамки обеспечения частных интересов граждан. С поправкой на данную асимметрию, можно считать, что логика перераспределяющей теории справедливости Дж. Роулза становится парадигмальной для биовласти. В то же время, фронтир, за который каждый раз стремится перейти биовласть, выходя на новый уровень обеспечения собственного выживания и гарантируя обществу и государству новый уровень безопасности, обороноспособности, экономического

благополучия, можно рассматривать и как фронт, «сшибку» (И.П. Павлов) интересов биовласти и населения. Во многих случаях инициативы населения встречали и встречают отпор. Забастовкам противопоставляются поддержка правительством интересов капитала, штрейкбрехерство, увольнения, преследование активистов. В глобальной экономике повышенным требованиям населения развитой страны противопоставляется бегство капитала, вывоз производств в страны с дешевой рабочей силой, привлечение иммигрантов (для любого вида работы – от «черной» до квалифицированной научной).

Совершенно не случайно А. Негри и М. Хардт утверждают, что биовласть в условиях глобализации и сама становится глобальной, превращаясь в планетарный регулятор биокапиталистического производства, миграции населения, рычаг влияния на уровень благосостояния, требований и ожиданий населения. На национальном, региональном и глобальном уровнях современной миросистемы (И. Валлерстайн) биовласть добивается использования регуляций в движении труда и капитала между странами мирового Центра, Периферии и Полупериферии для обеспечения такого баланса сил и возможностей, в рамках которого биовласть поддерживает определенный уровень изъятия ресурсов в свою пользу. Учитывая подобный перекосяк, как и то, что биовласть, проводящая конфирмантропную биополитику, все-таки ведет игру с ненулевой суммой, обеспечивая и собственные интересы, и возрастающие возможности населения, можно в целом рассматривать отношения биовласти и населения как непрерывную позиционную борьбу. Интересы населения поддерживаются настолько, насколько возможно и целесообразно в рамках имеющихся у биовласти возможностей. Реализуется известная экономия – биовласть не препятствует росту благосостояния и не проводит политику изъятия в режиме эксплуатации, продолжает инвестировать в население, но не ставит своей задачей увеличивать благосостояние, уровень комфорта и счастья населения любой ценой в кратчайшие сроки. Это – часть сделки между биовластью и населением, в которой в том числе заинтересовано и само население. Любая разбалансировка сложного узла связей между биовластью и населением может привести к быстрой трансформации конфирмантропной биополитики в негантропную, игры с

ненулевой суммой – в игру с нулевой суммой в пользу биовласти, инклюзивной социальной среды – в эксклюзивную для определенной категории населения. Итак, отношения между биовластью и населением следует охарактеризовать как позиционную игру, вытекающую из логики торга и шантажа, в ходе которых устанавливается баланс сил, позволяющих определить долю биовласти в реализации ее телеологии, преподносимой в форме государственных (национальных) интересов, и доли населения, имеющей не только публичный характер прав, свобод, возможностей и гарантий, но и частный характер индивидуальной успешности, уровня благополучия, комфорта и даже счастья.

Следует подчеркнуть, что биополитическое регулирование, хотя, безусловно, и имеет первоочередное отношение к экономике и военной сфере, простирается гораздо дальше. Стимулирование экономической деятельности не ограничивается исключительно апелляцией к биологическим потребностям человека. Биополитическое стимулирование – апелляция к желаниям, мотивам, мечте. В отличие от суверенной власти, определяющей, в первую очередь, законность тех или иных желаний, обосновывающей «каким образом это противопоставленное желанию индивидов “нет” может быть законным», биовласть «заботит как раз прямо противоположное, а именно: как сказать “да”, как сказать “да” желанию»⁴⁰⁹.

Биовласть стремится сформировать интересы, она стремится оказать воздействие даже на мечты, поскольку именно внутренняя мотивация человека, его заинтересованность запускает механизмы саморегуляции, соответствующие биополитическому управленчеству. Обратимся к американской мечте (American Dream). Американская мечта – это мечта о личном успехе, достигнутом собственной деятельностью в условиях всеобщих равных социальных возможностей достижения мечты. Американская мечта – «мечта о стране, где для каждого человека жизнь должна быть и лучше, и богаче, и полнее, где у каждого должны быть возможности, соответствующие его способностям или достижениям... это мечта о таком социальном порядке, при котором каждый мужчина и каждая женщина смогут расправиться во весь тот свой рост, к

⁴⁰⁹ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 111.

достижению которого они внутренне способны, и получить признание – в качестве таковых, каковы они есть, – от других людей, вне зависимости от случайных обстоятельств, своего рождения и положения»⁴¹⁰. Американская мечта – идеал успеха, и в этом отношении – ориентир. Индивидуальный и общественный. Для индивидуума американская мечта выполняет функцию мотиватора, для общества – регулятора. В обоих случаях мечта трансформирует жизнедеятельность человека и систему социальных отношений. В американской мечте выражается надежда и стремление к осуществлению идеала такого социального порядка, в рамках которого человек живет свободно, опираясь на собственные способности. Американская мечта живет тем, что она сбывается. Мечта об успехе воплощена в *self-made man* (Г. Клей).

Американская мечта является формой практической идеализации – она не рецепт, не имеет конкретного содержания и ничего не гарантирует, но, призывая к вере в свои силы, указывает путь, который может привести к желаемому результату. Всякий раз, когда результат достигнут, происходит воплощение идеала. И эта «магия» воплощения труднодостижимого запускает бесчисленные новые попытки достижения цели, что закладывает экономико-антропологическую модель функционирования рыночного капиталистического общества. Американская мечта – пример практической идеализации, в которой идеал предстает как удаленная цель, ориентир, маяк. Биополитическая стратегия стимулирования экономики выигрывает от сближения мотивационной сферы индивидуума и государственно-установленных правил игры, в рамках которых функционирует экономика. Практическая идеализация позволяет конструировать образцы, равняясь на заданный эталон, превращая их в детали более сложной конструкции – конечного бенефициара подобной стандартизации человека. Именно тотальная вовлеченность на уровне потребностей, желаний, интересов, ценностей и идеалов, закладывает условия, при которых население не просто не остается индифферентным к проектам биовласти, но становится

⁴¹⁰ Цит. по: Согрина В.Е. «Американская мечта» как часть культурной идентичности американцев. Эволюция и развитие понятия // Культурная память и культурная идентичность: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 2016. С. 347–349.

заинтересованной стороной позиционной игры между биовластью и населением. Это – наиболее значимый ресурс биовласти, превращающий взаимодействие биовласти и населения в непрерывный непрекращающийся процесс торга, даже преследования собственных интересов, что гарантирует отдачу от вложенных инвестиций, но и закладывает для биовласти определенные риски.

Это позволяет рассматривать бесконечный и перекрестный шантаж между биовластью и населением как состояние латентной гражданской войны. Биовласть, преднамеренно и целенаправленно вовлекая население в сферу властных интересов, которые следует интерпретировать (за вычетом частных интересов властвующей элиты) как государственные (национальные) интересы, конструирует активное взаимодействие с населением, обоснованно рассчитывающим не только на общественные блага, но и на частные преимущества. Идя по этому пути, биовласть интенсифицирует сферу социальных взаимодействий и обоснованно рассчитывает на экономическую отдачу, социальный и культурный вклад от собственных инвестиций. Однако, обратной стороной вовлечения населения становится формирование активной позиции и спрос со стороны групп его представительства в отношении власти. Это создает эффект напряжения в отношениях между ними. Воспользуемся терминологией Дж. Агамбена для дальнейшего рассмотрения вопроса. «Напряжение (*tensione*) – важный технический термин позднего Агамбена, эксплицитно не концептуализируемый. Напряжение означает работу некой диалектики «на месте», не приводящей ни к разрешению и снятию, ни к взаимной аннигиляции противостоящих сил и смыслов и при этом производящей некие противоречивые, «напряженные» конструкты – понятия, дискурсивные ходы и пр.»⁴¹¹. Таким образом, власть, использующая биополитический инструментарий заботы о жизни населения, вовлекая население в собственные проекты в силу их заинтересованности в жизненно важных для людей сферах деятельности, запускает механизм диалектики «на месте», выражающийся в неустранимом напряжении

⁴¹¹ Агамбен Дж. Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни. М.; СПб: Институт Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2020. С. 17-18.

между желаниями, интересами, ценностями и целями сторон. Это *противо-стояние* позволяет обратиться к понятию гражданской войны (*stasis*).

Сразу же следует отметить, что *stasis* определяет характер взаимодействия между биовластью и населением *отрицательно* – это то, к чему нельзя прийти, тот уровень напряжения, который недопустим в отношениях власти и населения, тот уровень шантажа одной из сторон, который оборачивается де-регуляцией социальных отношений, революцией (позднелатинское *revolutio* произошло от глагола *revolvere*, означавшего „возвращаться“, „превращаться“, „откатываться“ – т.е. термин *revolutio* первоначально означал циклическое движение, возвращение к первоначальной точке, на круги своя), что знаменует окончание плодотворного периода напряженного, но обоюдновыгодного сотрудничества.

Как отмечает Н. Лоро, «гражданская война: мерзость запустения для грека»⁴¹². И именно таковой гражданская война может рассматриваться биовластью, ведь гражданская война с ее «бесхмельным опьянением неистовства», будучи местом, где «безумие встречается с неистовством», является манифестацией прекращения заботы о жизни, иррациональной враждой и взаимным истреблением сторон в разделенном городе. В этой перспективе задачей биовласти является удержание диалектики «на месте», характеризующей *противо-стояние* биовласти и населения на таком уровне напряжения, который исключает возможность соскальзывания к прямой конфронтации сторон в пределах одного и того же социального пространства.

Греки отличали войну с внешним врагом от гражданской войны. Война объединительна для полиса, участие в противостоянии внешнему врагу почетно для гражданина. Напротив, гражданская война противоестественна, участие в ней не может принести славы. Для греков гражданская война тождественна смертоубийственному конфликту внутри семьи, что является процессом, идущим вразрез с ее предназначением – место продолжения жизни рода в поколениях становится местом смерти – безродности и безымянности. Доступная человеку доля бессмертия, определяемая славой и памятью потомков, оборачивается

⁴¹² Лоро Н. Разделенный город: Забвение в памяти Афин. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 48.

бесчестием и забвением. Тем интереснее, что источник гражданской войны усматривается в семье (oikos), а сферой, удерживающей от гражданской войны, является политическое пространство (polis).

Этимологически гражданская война (stasis) восходит к твердому выбору позиции. Н. Лоро прослеживает социальные импликации слова «позиция»: занятая позиция порождает партию, партия нацеливается на борьбу за власть, борьба партий влечет гражданскую войну⁴¹³. Дж. Агамбен развивает эту интерпретацию: «С точки зрения этимологии, стазис... означает акт вставания либо стояния во весь рост»⁴¹⁴. Стоять во весь рост означает обладать позицией, занимать определенное положение, что, в свою очередь, в ситуации, когда существует другая сторона, стоящая во весь рост и также занимающая позицию, ведет к напряжению, если стороны занимают такое положение относительно друг друга, что пространства для маневра не остается, а движение необходимо сделать. Противостояние стоящих во весь рост обнаруживает скрытый потенциал борьбы, ожесточенного соперничества и гибели одной или обеих сторон, но, пребывая в статике, это сохранение позиций составляет ту диалектику «на месте», которую имеет в виду Дж. Агамбен. Таким образом, биополитическое вовлечение населения в социальную динамику, обращенное к самой жизни индивидов и тем заинтересовывающее их, влечет такое состояние отношений власти и населения, при котором заинтересованность власти в населении как ресурсе и осознание этой заинтересованности самим населением, позволяющее использовать власть как ресурс дальнейших инвестиций в жизненно важные интересы населения, порождает напряженное равновесие, колеблющееся как в сторону реализации интересов власти, так и в сторону уступок с ее стороны, которые формируют устойчивую тенденцию расширения возможностей населения. Равновесие соответствует невозможности дальнейшей реализации собственных интересов одной из сторон за счет другой. Возрастание напряжения и нарушение равновесия влечет как торжество суверенной власти и ослабление позиций населения, что зачастую полагает пределы специфически биополитической модели

⁴¹³ См.: Лоро Н. Разделенный город. С. 48.

⁴¹⁴ Agamben G. Stasis. Civil War as a Political Paradigm (Homo Sacer II, 2). С. 13.

управленчества, инвестирующей в население, так и разрушительные волны неповиновения, анархии, что оборачивается ослаблением власти и влечет прекращение социальных программ заботы о населении, что вновь полагает предел биополитической регуляции. Что означает, что биовласть способна функционировать полноценно только в пределах между диктатурой и революцией.

Т. Гоббс подчеркивал, что гражданская война олицетворяет смерть искусственного человека – Левиафана, то есть государства. Именно этим определяется чрезвычайно пристальное внимание, которое уделялось возможным причинам гражданской войны и мерам по ее недопущению. Ф. Бэкон полагал, что государство всегда находится перед угрозой мятежа: «Мятежи... подобны бурям, они происходят как раз в тот момент, когда их меньше всего ждут... В эти моменты равновесия и спокойствия что-то может замышляться или зародиться... Море начинает волноваться тайно... эти сигналы... и следует установить»⁴¹⁵. Свидетельствами возможного бунта являются циркулирующие пасквилы и памфлеты против государства и управляющих; переворачивание ценностей, в ходе которого в похвальных действиях правительства недовольные обнаруживают изнаночную, негативную сторону; изменение тона как среди законников, так и среди исполнителей приказов; дерзкие речи, приводящие к падению исполнительской дисциплины, неповиновению и неисполнению законов⁴¹⁶. Для Ф. Бэкона «возможность мятежа и возмущения – это нечто такое, что нуждается в управлении. И правительство... как раз и будет брать ответственность за эту возможность мятежа и возмущения»⁴¹⁷. Это полностью соответствует биополитической стратегии управленчества. Недопущение мятежа при наличии перманентной его опасности является одним из ключевых аспектов обустройства государства, характерного для Нового времени и соответствующего становлению биовласти. Ф. Бэкон усматривает причины мятежа в материальных условиях жизни населения и общественном мнении: «Голод и общественное мнение, желудок и голова – вот две материи мятежа. Это... два

⁴¹⁵ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 350.

⁴¹⁶ См.: Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 350.

⁴¹⁷ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 354.

огнеопасных материала... необходимы... чтобы разразился бунт»⁴¹⁸. И именно улучшением материальных условий жизни населения, а также формированием привлекательного образа власти средствами индоктринации и идентификации населения с национальным государством и его целями занята биовласть.

Противодействие мятежу осуществляется на дальних подступах в порядке устранения угроз продовольственной безопасности, инклюзии в экономические и социальные процессы, в порядке поощрения активности населения, направленной на самообеспечение, самообслуживание, накопление той собственности, которая, следуя Дж. Локку, возникает как результат деяний рук человека и является внешним расширением его телесности. Биовласть, наследуя традицию восприятия населения как источника опасности гражданской войны, тем не менее, переворачивает свой взгляд на управление данными рисками, осторожно переходя от мер охранительных и репрессивных к мерам регулятивным, в рамках которых поощряются те виды деятельности населения, которые нивелируют угрозы мятежа. Биовласть, вовлекая в социально-экономическую активность и демонстрируя заинтересованность правительства в подобной жизнедеятельности, тем самым предотвращает часть угроз, однако, не избавляясь от них полностью.

Среди прочего биовласть противопоставляет «перманентному мятежу» «перманентный государственный переворот», если его понимать в русле традиции XVII в., как правительственную распорядительную деятельность, выходящую за рамки сложившихся норм, процедур и порядка управления. «Государственный переворот – это то, что превосходит общее право... это чрезвычайные действия вопреки общему праву, действия, которые не сохраняют никакого юридического порядка, никакой формы юстиции»⁴¹⁹. Подобная деятельность, будучи вписанной в логику государственных интересов, тем не менее, является чрезвычайной, аномальной для сложившегося юридико-бюрократического порядка. В рамках предпринимаемых неотложных мер государство действует быстро, непосредственно, без правил, неотложно. В такой перспективе «государственный переворот – это самопроявление самого

⁴¹⁸ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 352.

⁴¹⁹ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 342.

государства. Это утверждение государственного интереса, который потребует, чтобы государство любым способом было сохранено, какими бы ни были средства для этого»⁴²⁰. В рамках подобных мер власть демонстрирует возможность применения суверенного насилия. В этой точке «мы подходим к той идее, что по крайней мере в отношении государства нет никакой антиномии между насилием и этим интересом [государственным интересом – Д.П.]»⁴²¹. Этот пункт представляется чрезвычайно важным. Перманентный государственный переворот в указанном смысле слова – когда инициатором деятельности, осуществляемой вопреки сложившемуся порядку и даже закону становится государство, – основан на начале суверенной власти, о которой в рамках теории решений (децизионизма) писал К. Шмитт. «Суверенитет есть высшая, независимая от закона [не из чего] не выводимая власть»⁴²². К. Шмитт отчеканил, что «суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»⁴²³. Следует обратить внимание что речь идет об особых решениях – тех, которые конституируют новый порядок, закладывают «новую нормальность». К. Шмитт отличал «конститутивное решение суверена, принимаемое в исключительном случае – «решение в высшем смысле... от обычных, «ординарных» решений государственной власти... «вписанных» в рамки правовой нормативности. Сам Шмитт, желая подчеркнуть эту разницу, использовал два разных слова: "Dezision" и "Entscheidung"»⁴²⁴.

В этой логике «решение» и «норма» противопоставляются друг другу. Правовые нормы лежат в основании решений агентов государства и граждан, но сами нормы основаны на решении суверена. Точкой отсчета в децизионизме К. Шмитта становится не обыденность, слагающаяся из каждодневных, стандартных, рутинных и закономерных действий, а чрезвычайность, для которой характерны неопределенность, непредсказуемость, скоротечность изменений, опасность. Хаос не поддается нормированию. Именно поэтому нормативный порядок в условиях чрезвычайной ситуации терпит крах. В политико-правовой

⁴²⁰ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 343-344.

⁴²¹ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 346.

⁴²² Шмитт К. Политическая теология. Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц., 2000. С. 31.

⁴²³ Шмитт К. Политическая теология. Сборник. С. 15.

⁴²⁴ Костогрызов П.И. Децизионизм в России: дореволюционные предшественники и современные интерпретаторы Карла Шмитта. Ч. 1 // Дискурс-Пи. 2021. № 1. С. 65.

реальности, основанной на решениях, а не нормах, исключительность является нормой, а не исключением. Подобная система способна функционировать в устойчивом режиме в период чрезвычайности, она имеет инструментарий, специально предназначенный для аномалий.

Следует отметить, что «эту способность [способность принимать решения – Д.П.] суверен проявляет в «исключительном случае», т.е. чрезвычайной ситуации, и не просто чрезвычайной, а такой, которая угрожает самому существованию государства или уже привела к его распаду... Мостом, по которому государство переходит через грозящую гибелью бездну хаоса к нормальному состоянию правовой упорядоченности, является Решение суверена, конституирующее государственный строй...»⁴²⁵. Важным моментом в воззрениях К. Шмитта становится то, что подобные решения, основывающие новый порядок, сами по себе носят единичный и чрезвычайных характер.

В политической теологии К. Шмитта суверен занимает место творца социального порядка. «Суверен у К. Шмитта выступает как демиург политического и правового универсума. Он сначала творит этот универсум из ничего, а затем по мере необходимости спасает своими Решениями от попыток хаоса вновь его поглотить»⁴²⁶. Отметим, что К. Шмитт не связывал децизионизм исключительно с авторитарным режимом правления, с диктатурой или монархией. И демократии, придерживающиеся конституционного строя, закладывают в конституции механизм объявления чрезвычайного положения, после введения которого логика решений временно подменяет логику норм закона. В представлении Шмитта децизионизм описывает онтологию власти. Даже нормативизм Г. Кельзена, основывающий нормативный порядок на т.н. «основной норме» в определенном смысле не противоречит воззрениям К. Шмитта, поскольку момент принятия основной нормы сам по себе является исключительным случаем и непосредственно связан с тем, что основную норму опознают и признают именно как основную – это вполне соответствует шмиттовскому суверенному решению. Если воля лиц (лица) принимается в расчет

⁴²⁵ Костогрызов П.И. Децизионизм в России. С. 66.

⁴²⁶ Костогрызов П.И. Децизионизм в России. С. 66.

при установлении основной нормы, то такая норма является решением в шмиттовском смысле слова – в точке принятия основной нормы децизионизм и нормативизм совпадают. Г. Кельзен утверждает, что основной нормой государственного правопорядка следует считать акт, лежащий в основании создания конституции, в свою очередь устанавливающей объективно действующие нормы. Акт создания конституции, каким бы ни был этот документ, а равно само действие принятия акта о создании конституции, и есть основная норма⁴²⁷. Из этого следует, что основная норма определяется как содержанием, так и самим юридическим фактом ее принятия, связанных с местом, временем, обстоятельствами и кругом лиц, обеспечивающими легитимность принятого решения. Основная норма Г. Кельзена обладает чертами решения К. Шмитта. Решение создает континуум норм, нормы имеют основанием решение.

Существенно важным является то, каким образом биовласть использует логику норм и логику решений. Перманентный государственный переворот, в рамках которого власть, воспринимая те или иные обстоятельства как чрезвычайные, поступает нормой в пользу решения, имеет несколько следствий. Во-первых, логика перманентного государственного переворота, повторяя августинианскую модель непрерывного творения, исключает идею политического порядка, в котором есть какие-либо акторы, кроме демиурга чрезвычайного порядка, т.е. суверена. Во-вторых, логика череды суверенных решений девальвирует ценность решений. В-третьих, ручное управление посредством решений отстраняет население от власти, инкапсулируя в себе и формируя атмосферу взаимного недоверия между властью и населением. Все это либо требует соответствующего оформления в виде долгосрочной стратегии, либо требует ревизии и установления отношений, предполагающих определенный уровень заинтересованности и доверительности населения по отношению к власти. Как и в случае перманентного мятежа, преодолеваемого за счет эмансипации и инклюзии населения в те области социальной жизни и теми способами, которые могли быть ограничены, перманентный переворот должен выйти за рамки юридических и административных мер, став переворотом самих

⁴²⁷ См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 63.

оснований жизни населения – принудительное вмешательство государственного интереса на основании суверенного решения должно коснуться привычек, ценностей, идеалов, сферы целеполагания индивидов. В этой точке происходит встреча «мятежа» и «переворота» – жизненно важные цели индивидов, составляющих население, одновременно поддерживаются путем предоставления автономии в деятельности и закрепляются средствами дисциплинаризации, навязанной идентификации, нормирования и нормализации. Экономия желания отпускается на волю и в то же самое время закрепляется в рамках формируемой системы институций, техник и приемов биополитической регуляции. Желание высвобождается, сохраняя жизненный порыв, и нормализуется в формах, которые позволяют биовласти оставить контроль за собой.

В этом производстве «укрощенного желания» биовласть оставляет за собою возможность обратиться к арсеналу суверенной власти, связанному с применением насилия. Ради того, чтобы сохранить импульс заботы о жизни населения – эту «власть жизни» (*power of life* в терминологии Р. Эспозито) – биовласть обращается к тому, что М. Фуко обозначает как «расизм» – дискриминацию выделенной группы населения по основанию, определяемому биовластью с целью сплотить население вокруг предлагаемой биовластью повестки ценою исключения в широком диапазоне от критики до истребления представителей выделенной группы. Биовласть не только не гнушается «властью над жизнью» (*power over life*, следуя Эспозито), но и умело манипулирует этим мощным средством влияния на население и даже его конструирования. «Как осуществлять власть смерти, исполнять функцию смерти в рамках политической системы, ориентированной на биовласть? Тут, я думаю, вмешивается расизм... Расизм оказался вписан в государственные механизмы с появлением биовласти»⁴²⁸. Расизм в том смысле, который вкладывает в него М. Фуко, является механизмом назначения *homo sacer* – того, кого нельзя принести в жертву, но можно убить. Если представить себе широкий диапазон дискриминации – от незначительных и непродолжительных поражений в правах вплоть до окончательного и бесповоротного лишения чести, жизни и достоинства,

⁴²⁸ Фуко М. Нужно защищать общество. С. 268.

то фуколдианский расизм можно мыслить как универсальный механизм отрицательного отбора, отбраковки по произвольному основанию. Это функция и процедура исключения, тем более важная для биовласти, что этот механизм дискриминации может быть распространен на ограниченный круг лиц при сохранении действенных мер заботы о жизни остального населения. Это институционализированная, а не ситуативная «охота на ведьм». «Действительно, что такое расизм? Прежде всего способ ввести наконец в ту область жизни, за которую власть взяла на себя ответственность, некую купюру: купюру между тем, что должно жить, и тем, что должно умереть»⁴²⁹. Расизм исторически можно проследить вплоть до древнейших времен разделения на протогосударственные племенные группы и вожества. Выявленное М. Дуглас противопоставление порядка, отождествляемого с чистотой и здоровьем, иному состоянию, которому приписывается беспорядок, уродство, грязь, осквернение, находит свое продолжение в именовании людей, выражающих приверженность иному состоянию, как принадлежащих другому народу, имеющих иное (часто нечистое) происхождение, иную расу. Рабовладение, колониализм, неоколониализм, различные формы сегрегации полагали расовые, этнические различия во главу угла разделений и обоснований эксплуатации одной группой людей другой группы. Видимые отличия и различия происхождения служили маркерами гражданства/ подданства, являясь зачастую своеобразной зримой печатью прав и возможностей, соответствующих каждой категории населения. Эти стереотипно накладываемые демаркации нивелировали способности индивидуума, его нравственный и интеллектуальный мир, даже экономическое и социальное положение. Демаркация «Свой–Чужой» проводилась безапелляционно и была похожа на межвидовое разграничение. С течением времени многие из этих границ перестали иметь значение. Медленно, но последовательно расизм в качестве внешнего и безальтернативного разделения на категории людей стал ослабевать вплоть до исчезновения и преследования во многих государствах мира. Более того, рост национальных государств, усиленно продвигавших идею «гражданской нации» – этого мультиверса этнических, религиозных, идеократически-самоопределяемых и

⁴²⁹ Фуко М. Нужно защищать общество. С. 269.

иных групп населения, способствовал делегитимации и криминализация расизма. В национальном государстве все группы населения составляют человеческий капитал биовласти. Национальное государство инвестирует во всех и ждет отдачи от всех, несмотря на различия в происхождении.

В общем-то, можно сказать, что «расизм» М. Фуко лишен биологической подоплеки, связанной с расой. Казалось бы, это фигура речи, позволяющая определить то, что Дж. Агамбен выразил более универсальным образом, используя категории *homo sacer* и *vita nuda*. Однако в расизме М. Фуко биологический элемент сохраняется. При переносе расизма извне, когда он был самооправданием в ходе проведения жестокой колониальной политики, в первую очередь, со стороны европейских государств (впрочем, это касается и Китая, Японии, США, Австралии и др.), вовнутрь национального государства была обнаружен новый критерий, способный стать оправданием для систематической дискриминации. Речь идет о проблематике «вырождения» и связанной с ним «ненормальностью». С этого момента «выродок», имеющий зафиксированные возникшей на основании быстро расширяющегося дискурса вырождения экспертизы черты дегенерации, потенциально становился мишенью двойной эксклюзии – биологической и социальной. Доведение этой логики до уровня нетерпимости приводило к страшным последствиям преследования тех, кто экспертизой был определен, как не вмещающийся в диапазон нормы. При этом биовласть находится на твердой собственной почве, ведь норма, нормирование, нормализация – именно тот инструментарий, которым вооружена ориентированная на статистику и оценку диапазонов допустимого и недопустимого поведения биовласть.

Итак, «расизм», если его понимать как универсальную функцию эксклюзии по произвольному основанию исходя из телеологии того, кто производит процедуру исключения, включает в себе абстрактный смысл отбраковки ввиду возникшей необходимости, но исторически сопрягается с определенными биометрическими данными, которые подводят основание под легитимизацию эксклюзии той иной группы. Идеократическое обеспечение определения степени «вырождения» и круга лиц, подпадающего под процедуру отбраковки,

ситуативно, биологический момент в отбраковке контингентен, но в остаточном виде присутствует как «аномальность», «монструозность», «ненормальность».

Данный действенный инструмент является формой трансформации биовласти во власть суверенную. В определенном смысле, перед нами процедура редукции к более архаичной, примитивной и насильственной форме осуществления власти. Расизм является оператором обращения биовласти в суверенную власть, избавляющуюся в той или иной мере от бремени обязательств по заботе о жизни той или иной группы населения. В то время как суверенная власть опиралась на инструменты вычитания и извлечения прибыли в каком-либо виде из собственных подданных, биовласть или, «управленческая» власть, как ее обозначает Р. Эспозито, «напротив, направлена на жизнь подданных не только в смысле их защиты, но и в отношении того, как развернуть, укрепить и максимизировать жизнь... Управленческая власть укрепляет, усиливает и стимулирует... управленческая власть решительно переключает свое внимание на здоровье, долголетие и богатство»⁴³⁰. В кризисной ситуации биовласть, будучи выражением управленчества, видоизменяет свою тактику, прибегая к арсеналу средств суверенной власти, точно, векторно или фронтально применяемых в отношении населения. «Точно так же, как модель суверенной власти включает в себя древнюю пастырскую власть... так и биополитика несет в себе острое лезвие суверенной власти, которая одновременно пронизывает и превосходит ее»⁴³¹. В частности, Р. Эспозито, рассматривая нацистскую биократию, показывает, что ее можно рассматривать как древнюю суверенную власть, адаптирующую биологический расизм в своих интересах, или как биовласть, пользующуюся суверенным правом на смерть, чтобы дать жизнь государственному расизму. В первом случае биополитика служит внутренним выражением суверенитета; во втором случае суверенитет сводится к формальной схеме биополитики.

Как бы то ни было, обнаруживается нерасторжимая связь между биополитической инновационной моделью «заставить жить и позволить умереть»

⁴³⁰ Esposito R. Bios: Biopolitics and Philosophy. С. 36.

⁴³¹ Esposito R. Bios: Biopolitics and Philosophy. С. 41.

и моделью суверенной власти «заставить умереть или позволить жить»⁴³². Принимая во внимание то, что в рамках суверенной власти «право на жизнь и смерть реализуется только в неравновесии и всегда с перевесом смерти»⁴³³, мы можем заключить, что при несомненном стремлении к минимизации суверенного насилия, биовласть не отказывается от «права меча», создавая средствами фуколдианского «расизма» эффективный способ идеологически, дисциплинарно и буквально – физически (вплоть до причинения смерти) – принуждать к осуществлению своих программ и достижению собственных целей. Для этого используются сформированный аппарат пропаганды, система дисциплинарных пространств или тотальных институтов (Э. Гоффман), полицейские силы, военная полиция и даже армия. Амбивалентность, например, полиции, выражается в ее двойном предназначении: «Понятие «полиция» изначально включало в себя два различных аспекта публичной власти: с одной стороны, это сам общественный интерес, заключающийся в обеспечении безопасности и благополучия, а с другой – право группы людей поддерживать установленные правила даже с помощью применения физического насилия»⁴³⁴.

Развитие вектора укрепления безопасности под нажимом биовласти способно привести к феномену «суверенной полиции». В ситуации, особенность которой состоит «в окончательном обретении полицией собственного суверенитета... с предельной ясностью демонстрируются во всей своей наготе близость и практически сам конститутивный взаимообмен между насилием и правом, характеризующие фигуру суверена»⁴³⁵. М. Хардт и А. Негри, настаивающие на формировании планетарной версии биовласти, подчеркивают, что именно чрезвычайное положение и полицейские силы являются основными инструментами глобальной биовласти. Ведение многочисленных полицейских операций в условиях перманентного чрезвычайного положения во имя

⁴³² Фуко М. Нужно защищать общество. С. 254-255.

⁴³³ Фуко М. Нужно защищать общество. С. 254.

⁴³⁴ Кильдюшов О. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 16.

⁴³⁵ Агамбен Дж. Средства без цели. Заметки о политике. С. 105-106.

справедливости олицетворяет суверенный меч планетарной биовласти, занесенный над силами, в режиме фуколдианского расизма подлежащими исключению⁴³⁶.

Таким образом, биовласть, в режиме перманентного государственного переворота осуществляющая латентную гражданскую войну (во имя предотвращения ее более горячей и смертоносной версии) против населения в стремлении подавить перманентно назревающий мятеж, располагает широким арсеналом средств. Безусловный приоритет биовласти – стимулирование жизнедеятельности населения, вовлекаемого в процессы, обоюдовыгодные биовласти и населению. Если же этот арсенал средств исчерпывает свой потенциал, индоктринация не убеждает, нормализация не стабилизирует, практическая идеализация не формирует миметических устремлений, идентификация не устанавливает связь между властвующей элитой и населением в целом или какой-то его части, то в резерве биовласти всегда есть суверенный меч. Биовласть – Янус, в любой момент времени обращенный как к заботе о жизни, так и к работе смерти, биополитика всегда способна трансформироваться в танатополитику.

§ 4. Гражданская война в контексте отношения биовласти и населения

Отрицательная детерминированность биовласти гражданской войной, выражающаяся в необходимости ее недопущения, при сохраняющемся и даже поддерживаемом напряжении, связанном с предоставляемой биовластью сферой автономии настолько, насколько возможно в рамках регуляции социальных отношений сообразно обнаруживаемым статистическим закономерностям и «социальной естественности», открываемой биовластью в модальности знания–власти, влечет каскад парадоксов.

В частности, биовласть, поддерживая спонтанно и автономно осуществляемые саморегулируемые социальные процессы, формирует силы и энергии, способные противостоять власти. Биовласть поощряет формирование гражданского общества, формирует не только вертикальные властеотношения, но и сложную горизонтальную актор-сетевую коннектографию социальных связей.

⁴³⁶ См.: Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 31-32.

Для того чтобы избежать возрастания напряжения в отношениях власть–население и социальных групп между собою до критических отметок, для биовласти существует соблазн де-политизации общественных отношений в режиме осуществления биополитической ойкономии, т.е. такой формы управленчества, при которой политическое (от гр. polis – город-государство) управление осуществляется по модели домашнего хозяйства (от гр. oikos – домохозяйство, домовладение). Как отмечает Дж. Агамбен, христианская теология является источником двух политических парадигм, функционально связанных и одновременно противопоставленных друг другу. Речь идет о политической теологии и ойкономии. Для политической теологии Бог выступает прообразом суверенной власти и политического управления. Ойкономия интерпретируется как порядок домашней, а также всей человеческой жизни под управлением Бога как «домохозяина» в собственном творении, что становится основой экономической теологии. «Первая парадигма дает начало политической философии и современной теории суверенитета; из второй вырастает современная биополитика вплоть до наблюдаемого в настоящее время триумфа экономики и управления над всеми остальными аспектами социальной жизни»⁴³⁷. Биополитика тяготеет к ойкономии. Однако, как покажет дальнейшее рассуждение, подобный подход не спасает биовласть от губительного возрастания напряжения, но, напротив, приводит к гражданской войне как прямой форме вооруженного конфликта власти и населения или социальных групп, представляющих население, между собой.

Как широко известно, Х. Арндт теоретически оформила модель, в которой античный полис и античное домохозяйство противопоставлялись друг другу. Именно «пространство полиса было областью свободы... полис отличался от сферы домашнего хозяйства тем, что в нем жили лишь равные, тогда как порядок домохозяйства опирался как раз на неравенство»⁴³⁸. В домовладении властвует деспот (гр. δεσπότης – глава семьи), публичное пространство предполагает полиархию и паррессию (гр. παρρησία) – искусство и практику свободной, ничего

⁴³⁷ Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. С. 13.

⁴³⁸ Арндт Х. Vita activa, или О деятельной жизни С. 42, 44.

не утаивающей безыскусной речи, обращенной к соотечественникам и власти с целью высказать собственное мнение, каким бы нелюбимым оно ни было. «В большинстве случаев в классических текстах парресия наделяется не уничижительным, а позитивным смыслом. «*Parrhesiazesthai*» означает “изрекать истину”»⁴³⁹. Следуя Х. Арндт, отметим, что именно в пространстве полиса свободный гражданин стремился к достижению доступной ему доли бессмертия, выражающейся в памяти потомков. Напротив, погруженный исключительно в пространство домохозяйства раб являл олицетворение «трудящегося животного» (*animal laborans*) – существа *homo animalis*, включенного в биологический порядок круговорота жизненной природной энергии, временного, преходящего и лишённого человеческого измерения.

Однако, эта модель не является единственно возможным объяснением отношения публичного и частного – полиса (*polis*) и домовладения (*oikos*) – даже применительно к античности. М. Оякангас отмечает, что Х. Арндт, опираясь на собственное прочтение политики Аристотеля, преувеличила разрыв между полисом и ойкосом, полагая, что домохозяйство заключало в себе приют для естественной жизни, исключенной из полиса, в котором осуществлялось, в широком смысле слова, воспроизводство естественной жизни (поддержка жизнедеятельности организма, репродуктивная роль семьи, деторождение и воспитание детей и т.д.). По мнению М. Оякангаса, такого разрыва не было, а ойкос всегда был «матрицей» полиса. Именно дела домохозяйств (т.е. ойкономия) были основной целью государственного управления у Аристотеля. В позиции Аристотеля отражается общегреческая модель, в которой надзорные должностные лица магистратов (*астинмикос*) в реальных полисах вторгались в сферу *oikos*, а организация жизни в реальных полисах характеризовалась исключительно низким порогом между публичной и частной сферами. Греческий город-государство был в определенном смысле слова тотальным государством, т.е. государством, которое вмешивается, если оно того пожелает, во все сферы человеческого существования. В греческом городе-государстве нет различия между государством и обществом. «Согласно Аристотелю, *oikos* и полис не являются

⁴³⁹ Фуко М. Дискурс и истина. Минск: Пропилеи, 2006. С. 17.

отдельными сферами, но “в некотором смысле составляют единое целое”, а точнее, они представляют собой единицу, в которой полис является определяющей сущностью, поскольку домохозяйства и граждане принадлежат полису, а не наоборот: “Мы не должны думать, что кто-либо из граждан принадлежит себе, но что все они принадлежат государству”⁴⁴⁰.

М. Оякангас, настаивающий на античных истоках биополитики, на примерах теоретических построений Платона и Аристотеля, а равно на примерах практики управления в античных городах-государствах, демонстрирует, что и деспотическая власть главы семейства, и домашняя ойкономия не были чужды полису. Именно образцами ойкономических практик домохозяйств вдохновлялся Платон для создания своего идеального государства. М. Оякангас отмечает, что Х. Арндт, основывая свои аргументы на «Политике» Аристотеля, пришла к выводу, что политика в полисе не касалась вещей, необходимых для поддержания жизни, т.е. жизненных процессов, отнесенных ею к сфере домовладений с их ойкономией. Поэтому Х. Арндт исключает из ведения политики рождение, смерть, деторождение, здоровье, болезнь, долголетие и даже экономику. Политика касается публичного пространства и не связана с жизненными потребностями. Политика, следуя Х. Арндт, – сфера свободы, великих слов и поступков. Однако различия между ойкосом и полисом, между управлением домашним хозяйством и управлением городом-государством не столь очевидны в действительном полисах, как предполагает Х. Арндт. Уже Солон, перераспределив землю и списывая долги, политизировал экономику. В течение V–IV в.в. до н.э. Афины создали всеобъемлющую систему политического управления экономикой для контроля над коммерческой деятельностью и перераспределения богатства. Афины, не имея подходящего налога, основным источником дохода сделали регулярные и юридически обязательные взносы богатых. Кроме того, существовали портовые и рыночные сборы; налоги с продаж и аукционов; импорт и экспорт; таможенные и акцизные платежи, судебные штрафы; распродажа конфискованного имущества; арендная плата с государственных и священных земель; доход от лицензий на добычу серебра. Эти

⁴⁴⁰ Ojakangas M. On the Greek Origins of Biopolitics. С. 17-18.

доходы тратились на строительство и содержание флота, дорог, храмов, фортификационных сооружений, колодцев и гаваней; на зарплаты штатных чиновников. Большая часть доходов перераспределялась гражданам, в частности тем, кто участвует в управлении городом⁴⁴¹. Таким образом, политика античного полиса – отчасти ойкономия, полис – отчасти домовладение. Эти образчики античного управления – античной биополитики, следуя логике М. Оякангаса – были воспроизведены в XVIII в., когда биополитика стала моделью управленчества, опирающейся на естественные законы совместного существования людей, обнаруживаемые в первую очередь в ведении домашнего хозяйства и его экономических проекциях. Меркантилисты и физиократы, либеральные сторонники политики *laissez-faire*, сторонники протекционизма в духе Ф. Листа, сторонники дирижизма, кейнсианцы, сторонники социалистической плановой экономики – все они так или иначе использовали опыт ведения домашнего хозяйства и вдохновлялись теми или иными аспектами ойкономии.

Однако существует непреодолимое препятствие для того, чтобы биополитика развивалась исключительно по модели ойкономии. Превращение государства во всеобъемлющее домохозяйство прямо противоречит проводимому биовластью принципу заботы о жизни населения, за которым скрывается экономия инвестиций в население и отдачи от них для государства. Тотальный охват населения под эгидой государственной неусыпной опеки порождает громоздкий управленческий аппарат, разветвленную сеть внешне-организованных учреждений надзора и контроля, что прямо противоречит биополитической микрофизике власти. Тотальность ойкономии лишает инициативы и статистически-допустимой автономии, уничтожает заинтересованность, вступая в противоречие с динамикой желания, на которой зиждется поведение индивида; в конечном итоге, дезориентирует население и ослабляет поток той самой жизненной энергии, на течение которой биовласть пытается оказать воздействие. Тотализация ойкономических практик сокращает возможности сосредоточения биовласти на формировании габитусов и фреймов поведения индивидов в направлении усиления непосредственных мер

⁴⁴¹ См.: Ojakangas M. On the Greek Origins of Biopolitics. С. 49.

административного регулирования, что является регрессом к дисциплинарному обществу, воплощением которого стал идеал полицейского государства, понимаемого *Polizeywissenschaft* XVIII в. как «благое управление», организуемое внешним образом именно как «полиция» – не в значении сил и средств, а в значении состояния общества. Подобное представление восходит к XV в., когда «в немецкоязычном пространстве слово *Policey/ Polizey/ Policzey* использовалось... в широком значении благого управления... Именно в этом смысле в позднесредневековом и ранненововековом языке немецкого права выражение «*gute Policey*» используется для характеристики хорошего управления как такового»⁴⁴². Однако именно биополитика позволила выйти за пределы внешне-организованной заботы о населении с использованием полиции, выступавшей широкой практикой попечения о населении, в направлении таким образом организованной управленческой деятельности правительства, при которой многое на основании знаний о «естественной социальности» стали относить к сфере внутренней мотивации индивидов, т.е. саморегуляции, опирающейся на индивидуальную заботу о собственной жизни. Биополитика, выстроенная как ойкономия в масштабах государства, контрпродуктивно растрчивает высвобожденный из-под внешней опеки потенциал самоорганизации, в конечном счете, деконструируя новый тип управленчества. Это – безусловный откат к позициям более архаичным и менее эффективным. Античные рабовладельческие хозяйства, в которых даже имелись элементы самоуправления (как, например, в случаях, когда управляющим имением (лат. *villarustica*) назначался вилик (лат. *villicus*) из числа рабов или вольноопущенников), и которые можно рассматривать как образцы ойкономии, не являются образцами высокоэффективного ведения хозяйства, непрерывной модернизации и применения новаторских методов организации труда. Ойкономия в масштабах общества дает сходный эффект.

М. Оякангас, а вслед за ним А.В. Яркеев отмечают, что идеальное государство Платона биополитично по своей форме управления, представляет

⁴⁴² Кильдюшов О.В. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 15.

собой ойкономию в методах ведения экономики, хозяйственной жизни и организации межличностных отношений, и является формой разросшейся семьи. «Кроме того, в диалогах Платона также очевидна неразделимость полиса и ойкоса, а также политики и ойкономии... в «Политике» Платон прямо отрицает, что между «политическим» и «экономическим» управлением городом существует разница, утверждая, что искусство государственного деятеля (*politikos*), царя (*basileus*), главы семьи (*despotês*) и домохозяина (*oikonomos*) в основном являются одними и теми же искусствами»⁴⁴³. Совершенно не случайно, что впоследствии нацистское государство обратило свое внимание на наследие Платона, обосновывая идею тотального всепроникающего вмешательства в жизнь индивидов, объективированных не столько как население, сколько как «раса». Обнаруженные евгенические элементы в концепции Платона среди прочего стали обоснованием для проводимой нацистами биополитики «расовой гигиены», направленной на борьбу с мистифицированной угрозой вырождения. «Действительно, именно в начале двадцатого века евгенические идеи и идеалы Платона были наиболее полно приняты учеными – что принесло свои плоды и в политической реальности, лучшим примером которой является нацистская Германия с ее евгенической политикой “социального обеспечения”»⁴⁴⁴. М. Оякангас среди нацистских поклонников Платона называет Г.Ф.К. Гюнтера, написавшего монографию «Платон и жизнь» (1928 г.), где обосновывалась мысль, что в «Государстве» Платона эффективное управление жизнью людей основано на биологическом отборе; ведущего нацистского педагога Э. Крика, считавшего, что Платон, якобы, полагает расовое воспитание и расовую гигиену как естественную основу государственного образования; К. Веринга и Ч. Бамбаха, в философии Платона нашедших прототип для биологического отбора и воспитания лидеров; В. Ягера, полагавшего, что Платон предложил программу глубокого культурного и политического реформирования греческого общества, включая реформу семьи, брака, деторождения, воспитания детей⁴⁴⁵. Неожиданным образом идеализм Платона пришелся ко двору национал-

⁴⁴³ Ojakangas M. On the Greek Origins of Biopolitics. С. 59.

⁴⁴⁴ Ojakangas M. On the Greek Origins of Biopolitics. С. 137.

⁴⁴⁵ См. подр.: Ojakangas M. On the Greek Origins of Biopolitics. С. 12-14.

социалистическим взглядам на значение расы, вождя, отбора, разделения, очищения и модели тотального управления. Однако, как широко известно, бюрократическое управление в режиме персоналистской (вождистской), партийной, до предела милитаризованной диктатуры – этой карикатуры на правление мудрецов и воинов в идеальном государстве Платона – завершилось торжеством некровласти (даже некрофилии, если принять во внимание знаменитое исследование Э. Фромма) и закономерным крахом государства. Тотализация ойкономии влечет отнюдь не конфирмантропную биополитику «власти жизни», а негантропную биополитику «власти над жизнью», переходящую в стадию некрополитики.

Можно утверждать, что суверенность и биополитика вступают в отношение обратной пропорциональности. Возрастание контроля влечет усиление суверенной власти как alter-ego биовласти и переводит биополитику в режим танатополитики ко все большему количеству индивидов и социальных групп, в отношении которых начинает реализовываться принцип «государственного расизма». Тем самым временно или перманентно умалется основополагающий принцип биополитики – забота о жизни. Забота о жизни из абстрактного руководящего начала превращается в конкретные программы заботы о жизни привилегированных групп и, по остаточному принципу, остальных. В определенном смысле, на этапах негантропной биополитики и, тем более, некрополитики, биополитика реализуется как прирученная гражданская война в форме управляемого подавления части населения и даже управляемого геноцида.

Наконец, есть и еще одна причина – и причина наиболее существенная – для того, чтобы биополитика не злоупотребляла режимом ойкономии и не полагалась на oikos как управленческую матрицу. Дело в том, что истоки гражданской войны коренятся в семье, в домовладении. Как пишет Н. Лоро, «stásis обвиняется в том, что в городе она поражает семью – как базовую ячейку, но также и как саму метафору полиса» – гражданскую войну со времен античности мыслят как «Árēs emphýlios: войну внутри рода»⁴⁴⁶. Гражданская война, таким образом, согласно Лоро, это stasis emphylos, т.е. конфликт, относящийся к кровному родству

⁴⁴⁶ Лоро Н. Разделенный город: Забвение в памяти Афин. С. 59-60.

(phylon). И если *Ares emphylios* – это бог войны, то он пребывает в ойкосе, раздор же для родственных отношений – привычное дело⁴⁴⁷. И тогда в той же степени, в которой состояние гражданской войны свойственно семье, являясь войной внутри дома, оно присуще и городу. Итак, «стазис или гражданская война это «война внутри семьи», происходящая из самого ойкоса, а не снаружи»⁴⁴⁸. *Oikos* выступает амбивалентным основанием объединения полиса на основании родства, соседства и свойства, но и фактором разделения на основании размолвок, ссор и обид. Механизм разворачивания гражданской войны состоит в том, следуя Н. Лоро и Дж. Агамбену, что «гражданская война ассимилирует и делает неразличимыми брата и врага, внутреннее и внешнее, дом и город. Во время гражданской войны убийство наиболее близкого неотлично от убийства наиболее чужого... гражданская война не базируется внутри дома, но составляет порог безразличия между ойкосом и полисом, между кровным родством и гражданством»⁴⁴⁹. Режим ойкономии, если он взят на вооружение биовластью, деполитизирует полис, деактивирует публичное пространство обсуждения и устраняет возможное «торжество языка над насилием» (П. Рикер). Одновременно, происходит реполитизация домовладений, внутри которых и между которыми возникает напряжение, якобы устраненное в отношениях власти и населения. Эти семена гнева образуют гроздь и, достигнув критической массы, провоцируют конфликт, который способен охватить и поглотить полис. В силу того, что гражданская война смешивает то, что свойственно для домохозяйства (*oikos*) с тем, что характерно для города-государства (*polis*), а именно – родственное с чужеродным, – политические партийные связи становятся близкими по духу семейным, а семейные связи внезапно дробятся на манер политических фракций. При достижении этого порога домохозяйство политизируется, полис же «экономизируется», то есть превращается в расширенное домовладение. Гражданская война «играет роль границы между политизацией и деполитизацией, за которой дом переходит свои пределы в городе, а город деполитизируется в

⁴⁴⁷ Agamben G. *Stasis*. С. 8.

⁴⁴⁸ Agamben G. *Stasis*. С. 10.

⁴⁴⁹ Agamben G. *Stasis*. С. 14-15.

семье»⁴⁵⁰. Все это приводит к тому, что последовательно проводимая биовластью ойкономия открывает шлюзы сконцентрированной в домовладениях энергии раздора и, одновременно, демонтируя публичные механизмы согласования интересов и примирения, способствует тому, что противостояние может стать неконтролируемым и необратимым.

Механизмами обуздания пожара гражданской войны становятся, следуя Н. Лоро, забвение и амнистия. Символическим выражением «призыва к забвению» является то, что «гесиодовская «Теогония» прямо делает Лету дитем Эриды»⁴⁵¹. Определяющим фактором в деле примирения сторон становится политическая воля, проявляющая себя через восстановление публичного пространства и принятия решений в рамках политически организованного пространства дискуссии. Преодоление гражданской войны, таким образом, возможно только как политическое преодоление, вмешательство полиса в дела домовладений, политическое ограничение ойкономии. Если ойкос становится источником войны, то полис выступает источником мира. Н. Лоро утверждает, что «*politikós* – это имя того, кто способен согласиться на забвение»⁴⁵².

В рамках логики всегда существующей возможности нарастания напряжения внутри общества до степени гражданской войны, требуются политические инструменты, позволяющие преодолеть этот кризис. Последовательная ойкономия вытесняет политическое из полиса и подвергает полис риску уничтожения. Дж. Агамбен противопоставляет античный и современный взгляды на гражданскую войну. Античное восприятие гражданской войны как реальной возможности выливается в требование наличия и признания процедур политического урегулирования конфликта. Поскольку городу свойственно превращение неполитического в политическое и наоборот, постольку о возможности гражданской войны следует помнить всегда, и эта память должна поддерживаться не судом и не злобой. Напротив, гражданская война для современного человека становится «чем-то, что нужно стараться сделать невозможным любой ценой, но память о котором должна сохраняться путем

⁴⁵⁰ Agamben G. Stasis. С. 16.

⁴⁵¹ Лоро Н. Разделенный город: Забвение в памяти Афин. С. 80-81.

⁴⁵² Лоро Н. Разделенный город: Забвение в памяти Афин. С. 82.

судебных процессов и преследований»⁴⁵³. Этот противоречивый взгляд на гражданскую войну оказывается не в пользу современности. Античный подход к гражданской войне как к возможному событию, которое нужно придать забвению, а ее участников – амнистии, является прагматичным и восстанавливает неизбежное напряжение между властью и населением, социальными группами (домовладениями) между собой. Это напряжение в качестве работы диалектики «на месте», как оказывается, является нормальным – можно сказать, злом, но злом меньшим и неизбежным. Более современный подход, воспринимающий гражданскую войну как событие недопустимое и, тем самым, невозможное, а предшествующие события такого рода, как то, что следует вечно помнить, переворачивает античную логику и смещает внимание с прагматики разрешения конфликта на аксиологию «долга памяти» (Ж. Амери). Безусловно, «долг памяти» – один из важнейших элементов предупреждения новых форм эскалации насилия, однако и «право на забвение» (П. Рикер) выполняет роль фактора деэскалации напряжения. Долг памяти, непрерывно проецируя события прошлого на настоящее, при определенных условиях формирует потенциал для нового витка деполитизации полиса и реполитизации общества (как совокупности частных домохозяйств – обобщенного ойкоса), что может спровоцировать новую гражданскую войну. Античный рецепт приручения гражданской войны состоял в смешении полиса и ойкоса, в стремлении сделать политическую партийность беспартийной, а семейственность – не основанной на кровном родстве.

Например, как в случае сицилийской греческой колонии Накона, где в III в. до н.э. примирение после гражданской войны было достигнуто путем распределения имен граждан по жребью, чтобы сформировать группы по пять человек, которым было присвоено имя «братьев по избранию». «Естественная семья была таким образом упразднена, но это было совершено через установление символического родства: братства. Ойкос, источник гражданской смуты, исключен из города путем образования искусственного братства»⁴⁵⁴. Смешение полиса и ойкоса было тем более полным, что исполнялось требование, в рамках

⁴⁵³ Agamben G. Stasis. P. 21-22.

⁴⁵⁴ Agamben G. Stasis. P. 9.

которого новоиспеченные братья не должны были иметь семейных связей. Предполагалось, что политическое братство вытесняет кровное родство и освобождает город от источника гражданской войны. Избавившись от уз родства на уровне семей, полис в такой ситуации образует семью нового типа. Впрочем, это решение, превращающее полис в ойкос, соответствуя представлениям Платона об идеальном государстве с его общностью имущества и женщин, запускает новый цикл ойкономии, а это означает, что возможность гражданской войны сохраняется.

Итак, гражданская война, будучи буквально одомашненной (т.е., как мы видели выше, проистекая из домохозяйств), приостанавливается и приручается в ходе реполитизации полиса и деполитизации домохозяйств. Однако, это не исключает гражданскую войну из полиса окончательно. История порождает волны ойкономии и восстановления политического порядка управления. Исторически «тенденции к деполитизации города и к превращению его в дом или семью, управляемую кровными связями или просто экономическими операциями, будут чередоваться с другими, симметрично противоположными фазами, в которых все неполитическое должно быть мобилизовано и политизировано»⁴⁵⁵.

Задача биовласти – поиск баланса между политическим и ойкономическим началами в процессе управленческой деятельности. Если же биовласть не сумеет в рамках своей управленческой парадигмы уравновесить политическое регулирование и социально-экономическую регуляцию, то она рискует лишиться собственно биополитических элементов и вернуться к методам управления суверенной власти.

Один из существенных рисков в этой экономии сил, средств и энергий, описан в «Теории партизана» К. Шмитта. Речь идет о неприрученной гражданской войне, основанной на абсолютизации вражды. Партизан К. Шмитта вновь отсылает нас к гражданской войне, которую ведет тот, кто встал во весь рост, примкнув к какой-либо фракции или партии. К. Шмитт напоминает, что «партизан» в немецком языке (*Parteigänger*) означает «партиец», примкнувший к партии. Это значение принадлежности к какой-то сплоченной силе исторически изменчиво, но сам дух примыкания, спайки, товарищества неизменен⁴⁵⁶.

⁴⁵⁵ Agamben G. *Stasis*. P. 23-24.

⁴⁵⁶ См.: Шмитт К. *Теория партизана*. М.: Праксис, 2007. С. 38.

К. Шмитт, рассматривая эволюцию партизана от героического теллурического сторонника иррегулярных сил сопротивления, защищающего участки земли, с которым он автохтонно связан, от внешнего агрессора, вплоть до революционера, ведущего борьбу не на жизнь, а на смерть с правительством исходя из идейных предпочтений, обнаруживает существенные изменения в характере вражды и образе врага. Революционная борьба начала XX в. привела к окончательному краху классической тринитарной войны (М. ван Кревельд) с ее формами различения комбатантов и нонкомбатантов. Новыми чертами абсолютной вражды партизана-революционера наделил В.И. Ленин. «Для Ленина только революционная война является подлинной войной, поскольку она происходит из абсолютной вражды. Все остальное – условная игра»⁴⁵⁷. Ленин принимает абсолютную вражду всерьез. Абсолютным врагом становится классовый враг, капиталист. Призванием партизана становится осуществление абсолютной вражды. Под воздействием профессиональных революционеров (В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Мао Цзэдун) были разрушены «все унаследованные оберегания войны, война стала абсолютной войной, а партизан стал носителем абсолютной вражды против абсолютного врага»⁴⁵⁸. В такой ситуации биополитическое регулирование на основе заботы о жизни целокупного населения становится невозможным. Раскол между властью и населением (одной из его частей – партией революции, постепенно обретающей вес и начинающей говорить от лица населения) приобретает перманентный характер и сознательно разжигается. Напряжение между властью и населением достигает масштаба прямого непримиримого конфликта. Более того, победа партии нового типа, основанной на свойствах партизана времен революционного движения, т.е. на абсолютной вражде и идентификации врага как абсолютного врага, не влечет примирения, но устанавливает новый рубеж борьбы, ограниченной лишь временной невыгодной расстановкой сил.

Это путь перманентной революции (теоретически обоснованный в книге «Наша революция» Л. Троцким), т.е. непрекращающейся войны, не предполагающей равновесия сил, подтачивающей любыми средствами и

⁴⁵⁷ Шмитт К. Теория партизана. С. 80-81.

⁴⁵⁸ Шмитт К. Теория партизана С. 136.

способами установившийся баланс сил, дестабилизирующий ситуацию, как только появляется достаточное преимущество. Биополитический инструментарий под эгидой такой программы закономерно трансформируется в негнтропную биополитику и даже некрополитику с многочисленными жертвами, которым власть придает статус *homo sacer*, ситуативно обозначаемый, как, например, в случае СССР, как «меньшевик», «троцкист», «кулак», «нэпман», «враг народа». В Германии 30-х гг. перманентная революция имела явно выраженный биологический бэкграунд и представляла перманентную селекцию. На этом пути статус *homo sacer* определялся критическим отклонением от норм расовой чистоты в рамках расовой гигиены. Этот путь привел к Холокосту – широкомасштабному истреблению людей в рамках стремительно оформившейся некрополитики. Таким образом, непрерывная партизанская гражданская война становится образцом неприрученной гражданской войны, гипотетическим пределом которой становятся исключительно витальные силы людей, исчерпание которых полагает конец как гражданской войне, так и существованию государства, отдавшегося на волю силам абсолютной вражды.

Итак, моделирование биополитики как неустранимого напряжения между биовластью и населением в формах торга, шантажа и гражданской войны (латентной и явной) позволило осознать пределы биополитики как особо типа управленчества. Биовласть, сознательно поощряя жизнедеятельность населения, соглашается на давление со стороны населения, уступки, издержки, возможные потери. Все это компенсируется отдачей от инициативного, самоорганизующегося населения. Отстаивание интересов каждой из сторон позволяет рассматривать отношение биовласти и населения как гражданскую войну (*stasis*), а именно необъявленную латентную гражданскую войну. Попытки приватизировать население, избавив его от публичного политического выражения собственных интересов, ведут к эскалации напряжения. В худшем случае напряжение способно выродиться в абсолютную вражду, ведущую к перманентной гражданской войне, способной привести к окончательной катастрофе. В конечном итоге гражданская война либо завершается замирением сторон (компромиссом), если не носит непримиримый характер, либо подавляется

властью, либо заканчивается революцией. С этого момента начинается новый цикл торга, шантажа и гражданской войны.

В дополнение к рассматриваемой теоретической конструкции обратимся к модели экономистов Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, предложенной в книге «Узкий коридор». Они утверждают, что для успешного развития государства и общества необходимо избежать как формирования Деспотического Левиафана, так и дезинтеграции государства до стадии Отсутствующего Левиафана. «Деспотический Левиафан создает мощное государство, но затем использует его для доминирования над обществом, иногда с помощью откровенных репрессий», в то время как «отсутствующие Левиафаны бывают нестабильными и легко сменяются политической иерархией под давлением “воли к власти”»⁴⁵⁹. Если Отсутствующий Левиафан олицетворяет «разделенное внутри себя общество, неспособное к коллективным действиям»⁴⁶⁰, то Деспотический Левиафан олицетворяет «наивысшую, нераздельную, самую сильную земную власть»⁴⁶¹. Однако, и Деспотический Левиафан, и Отсутствующий Левиафан олицетворяют слабые государства и общества. По-настоящему процветающее общество представляет Обузданный Левиафан, появляющийся «в узком коридоре, в котором вмешательство общества в политику создает баланс сил»⁴⁶². Узкий коридор, в котором государство и общество проходят между Сциллой деспотии и Харибдой анархии, является единственно возможным способом совместить интересы целого и частей, власти и населения, государства и общества. Только сильное общество и только сильное государство, оказывающие взаимное давление друг на друга и, одновременно, поддерживающие дееспособность друг друга, позволяют двигаться по узкому коридору. Рискуюя выпасть из узкого коридора на каждом шагу, государство и общество постоянно ощущают дыхание Деспотического и Отсутствующего Левиафана. И только огромные усилия, направленные на непрерывное обуздание Левиафана, позволяют продолжать

⁴⁵⁹ Аджемоглу Д. Узкий коридор. М.: АСТ, 2021. С. 38, 53.

⁴⁶⁰ Аджемоглу Д. Узкий коридор. С. 101.

⁴⁶¹ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: Владимир Даль, 2006. С. 128.

⁴⁶² Аджемоглу Д. Узкий коридор. С. 52-53.

движение в узком коридоре, то есть продолжать существование, отвечающее долгосрочным интересам индивидов.

Модель Аджемоглу–Робинсона совмещается с политической теологией Т. Гоббса и К. Шмитта. «Государство, по Гоббсу, есть лишь гражданская война, постоянно сдерживаемая сильной властью... одно чудовище – Левиафан, “государство” – постоянно подавляет другое – Бегемота, “революцию”»⁴⁶³. Биополитическая интерпретация бесконечной гражданской войны между властью и населением соответствует рассуждениям в духе Т. Карлейля, для которого государство – это «анархия плюс полиция»⁴⁶⁴. Биовласть оказывает прямое воздействие на основные параметры жизни населения, поэтому, располагая значительным арсеналом средств воздействия, сохраняет себя именно как биовласть (а не некроввласть), исключительно двигаясь в узком коридоре заботы о жизни населения. Узкий коридор для биовласти – это конфирмантропная биополитика. Обращение к широкомасштабному использованию праву меча суверенной власти, а также отказ от инвестиций в население означают выход за границы биополитики – конец биополитики. Покуда забота о жизни населения приоритетна для власти, власть можно рассматривать как биовласть. Как только телеология власти перестает считать население важнейшим ресурсом, требующим заботы, власть встает на путь танатополитики – «непристойной изнанки» (С. Жижек) биополитики.

Наконец, существует еще одно возможное отношение биовласти и населения – такая форма скрытой, латентной гражданской войны, которая протекает исключительно неполитическим образом. Этот процесс реализуется в условиях, когда позиции власти выглядят исключительно сильными, а население, за исключением ограниченного круга лиц, идущих на прямую конфронтацию, не видит ни причин, ни способов, ни форм организации, которые бы позволили оказать воздействие на власть и трансформировать в свою пользу сложившийся порядок вещей. Отсутствие политических средств воздействия населения на власть порождает систематическое бегство в различные культурные, житейские,

⁴⁶³ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. С. 130.

⁴⁶⁴ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. С. 131.

художественные практики, которые неожиданно оказываются эффективными и, в конечном итоге, коренным образом меняют соотношение сил между властью и населением, в том числе в плоскости политической.

Неожиданным образом происходит возврат к стратегии безгосударственных народов, описанных Дж. Скоттом, но уже ставших государственными народами – нациями, даже биополитически управляемым населением, находящимся в поле практик непрерывной индоктринации, проходящим через конвейер биополитических институтов, стимулируемым, нормализуемым и вовлекаемым в телеологию биовласти. Тем не менее и в такой ситуации человек находит, как некогда безгосударственные народы (что недалеко от истины, если государство перестает видеть интересы населения), способ бежать в «иные горы»; видя невозможность вести гражданскую войну с превосходящим противником политическими средствами. Придерживаясь стратегии ускользания, население трансформирует в длительной перспективе социальное пространство, и на каком-то этапе внезапно обнаруживается, что в этой стратегии политическое присутствовало в скрытой форме – инкогнито, вплоть до появления условий, делавших тайное явным. Длительная скрытая социальная трансформация, обусловленная изменением культурных практик и нормы поведения, неожиданно оказывается сильной стратегией населения, трансформирующей биовласть в удобном для него направлении.

Ярчайшим примером подобной культурной трансформации является эпоха позднего социализма в СССР. Именно в этот период происходит трансформация социальности, демонтаж идеологического проекта СССР и стремительная пересборка политико-правовой и социально-экономической моделей советского общества, в ходе которых возникает постсоветская Россия. Социальной трансформации соответствовал процесс метанойи по-советски – постепенный процесс изменения сознания и образа жизни советских людей, что в определенный момент и в определенных условиях – а именно в процессе внезапно инициированной КПСС перестройки, гласности и прямому (хотя возможно и фигуративному, риторическому) обращению к населению – привело к слому системы в ходе неконтролируемого лавинообразного переосмысления всех тех

оснований, на которых долгое время держались идеология, экономика, политика и право СССР. «В смешанных ощущениях тех лет проявился удивительный парадокс советской системы: хотя в советский период ее скорый конец представить было практически невозможно, когда это событие все же произошло, оно довольно быстро стало восприниматься как нечто вполне естественное и даже неизбежное»⁴⁶⁵.

Необходимо подчеркнуть, что советский проект, пройдя через горнило гражданской войны, жесточайший период насильственного восстановления экономики до приемлемого уровня, подготовку к войне, тяжелейшую войну с перспективой уничтожения государственности, послевоенное надрывное социальное строительство, выстоял и в послевоенное время представлял собою сложившийся идеологический проект, сформированную экономическую модель и устоявшуюся систему партийно-политического управления.

Предпосылки этого были заложены на стадии формирования советского проекта. С точки зрения Н.А. Бердяева, В.И. Ленин, являвший собою тип революционера до мозга костей, «исповедывал и защищал целостное, тоталитарное миросозерцание, не допускал никаких нарушений этой целостности»⁴⁶⁶. В.И. Ленин, посвятивший себя революции и, в частности, специально прорабатывавший способы удержания власти после революции, сформировал основы послереволюционной системы партийной диктатуры, являвшейся воплощением декларируемой диктатуры пролетариата. «Вся Россия, весь русский народ оказался подчиненным не только диктатуре коммунистической партии, ее центральному органу, но и доктрине коммунистического диктатора в своей мысли и своей совести. Ленин отрицал свободу внутри партии и это отрицание свободы было перенесено на всю Россию. Это и есть диктатура миросозерцания, которую готовил Ленин»⁴⁶⁷. Сформированная на основе учения К. Маркса в рамках марксизма-ленинизма оригинальная ленинская «диктатура миросозерцания» приобрела характер уникального идеологического проекта, в котором своеобразно совмещались

⁴⁶⁵ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 30.

⁴⁶⁶ Бердяев. Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-PRESS, 1955. С. 97.

⁴⁶⁷ Бердяев. Н. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 99.

философский материализм, правовое учение о господстве революционной целесообразности и революционного правосознания, парадоксальное сочетание интересов рабочих и крестьян в аграрной и слабо развитой индустриальной стране, фактическое партийное управление и декларируемая власть советов, социалистическая экономика и фактический государственный капитализм, коммунистическая утопия и насильственные практики формирования коммунального общежития.

Отметим, что советский проект вполне можно считать в высшей степени биополитическим, а именно биократическим. В советской биократии нормализация, непрерывная индоктринация, организация коммунальных биополитических пространств, принадлежность к которым была обязательна, а выпадение из которых влекло подозрения и преследование, носили всеобщий и всеохватывающий характер. Советский проект, сделавший ставку на преобразование социального пространства средствами планирования, тотального бюрократического учета и контроля, техники, науки и всеобщей мобилизации, превратился в мегамашину, близкую по духу «органическим конструкциям» Э. Юнгера. Вместе с тем, советский проект был полон энтузиазма, свершений, достижений и прорывов по преимуществу как идеологический проект.

В области бюрократической отчетности, на партийных съездах, в рамках работы пропагандистских аппаратов, в процессе агитации констатировалось неуклонное движение вперед, стремительное развитие, колоссальный прогресс и рекорды, выходящие за рамки возможного, недоступные идеологическим конкурентам. Реальность, как и бывает всегда, включала просчеты, ошибки, недостатки. Н.А. Бердяев, размышляя о новом человеке, о котором любили говорить как в советской России, так и за границей те иностранцы, которые возвращались из поездок в СССР, полагал, что «новый человек может явиться лишь в том случае, если человека считают высшей ценностью. Если человека рассматривают исключительно как кирпич для строительства общества, если он лишь средство для экономического процесса, то приходится говорить не столько о явлении нового человека, сколько об исчезновении человека, т.е. об углублении

процесса дегуманизации»⁴⁶⁸. А.А. Зиновьев различал идеологический и социальный проект Советского Союза. Он вовсе считал, что в советском проекте нет ничего, что бы точно соответствовало глубокому пониманию природы социального. «Когда строят дом, то кладут, например, кирпич на положенное ему место, и тот лежит на этом месте достаточно долгое время. А представьте себе кирпичи с сознанием и волей... Как такой дом будет выглядеть в реальности? А марксистский проект нового общества подобен проекту дома с неподвижными кирпичами, эквивалентом которых в обществе являются не реальные, а абстрактно мыслимые индивиды. Это – лишь идеологический проект»⁴⁶⁹.

А.А. Зиновьев демонстрирует, как в реальном пространстве советского общества разворачивается действие коммунальных сил, которые в конечном итоге формируют за фасадом идеологического проекта социальное пространство коллективов, партийного и государственного управления. С точки зрения Зиновьева, законы коммунальности естественны, но люди предпочитают о них молчать в силу их прагматики, приземленности и противоречия многочисленным регуляторам, сформированным цивилизацией в области морали, права, религии. А.А. Зиновьев, отмечает смещение советского общества от идеологического проекта к тому типу социального устройства, которое основано на учете повседневных нужд человека и действия непреложных сил коммунальных законов общежития.

Рассогласование идеологического проекта, составляющего фасадную сторону СССР, и социальных проектов советских людей явилось необходимым условием жизни населения и стало носить повсеместный и нарастающий характер. Рассогласование идеологического проекта и интересов населения создает «черный рынок», «теневую экономику». Эта скрытая часть социалистической экономики существует как компенсаторная в отношении уравнивающей распределительной официальной системы. В раздаточной экономике главенствующее место занимают ресурсы. Ресурсы – протокапитал, арсенал рычагов влияния, политический драйвер и одновременно – куш. Задача контроля над ресурсами формирует ресурсное государство. «Задачами ресурсного

⁴⁶⁸ Бердяев. Н. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 148.

⁴⁶⁹ Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1995. С. 13.

государства были и остаются мобилизация и управление ресурсами, которые совсем не товары и чья ценность невыразима в деньгах. Ресурсное богатство меряется натурой... Мобилизация ресурсов заключается в том, что государство (в идеале) безраздельно управляет всеми материальными и человеческими потоками»⁴⁷⁰. Именно близость к ресурсам как к возможностям и потенциальному капиталу определяет расслоение и структуру общества. Ресурсное государство формирует иерархии, определяющиеся степенью контроля/ участия в управлении ресурсами (деньги, сырье, власть). Основой такого типа теневой экономики выступает административный рынок – рынок, на котором определяется то, кто находится в наиболее значимых точках контроля над ресурсами. Особый статус административного рынка превращает государство из ресурсного в ресурсно-сословное, создавая устойчивые группы, которым подконтрольны те или иные ресурсные потоки⁴⁷¹.

Однако не это парадоксальное противоречие между идеологическим проектом и его социальным воплощением привело к распаду СССР. К распаду привело то, что А. Юрчак называет «перформативным сдвигом», произошедшим в эпоху позднего социализма. Именно в этом сдвиге культурные процессы в конечном итоге обернулись политическим эффектом величайшей геополитической катастрофы XX в. В качестве теоретического фундамента произошедшего в СССР перформативного сдвига А. Юрчак рассматривает парадокс Лефора. «Этот парадокс заключается в том, что между идеологическими высказываниями современного государства и его идеологической практикой существует неизбежный разрыв... идеологический дискурс современного государства вынужден постоянно апеллировать к некой “объективной”, не поддающейся сомнению истине»⁴⁷². Длительное время в СССР идеологический дискурс непрерывно содержательно трансформировался в зависимости от изменений в реальной жизни советского государства. Положенная в основу

⁴⁷⁰ Кордонский С.Г. Ресурсное государство: сборник статей. М.: REGNUM, 2007. С. 13.

⁴⁷¹ См.: Бессонова О.Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М.: Политическая энциклопедия, 2015. Кордонский С.Г. Ресурсное государство: сборник статей. М.: REGNUM, 2007.

⁴⁷² Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. С. 48.

идеологического дискурса (в терминологии А. Юрчака «авторитетного дискурса») «диктатура миросозерцания», формы и контуры которой были определены Лениным, в необходимых случаях уточнялась и подстраивалась под текущие задачи и обстоятельства. Для этого в идеологической системе СССР была предусмотрена специальная позиция – роль вождя, непогрешимого в области понимания принципов коммунистического строительства. Роль интерпретатора истин коммунистического учения после смерти В.И. Ленина и победы над конкурентами в междоусобной партийной борьбе на долгое время своего правления взял И.В. Сталин. Вождь и «отец народов», находясь в положении «внезаходимости» по отношению к реальности, пребывал в области идеологического дискурса ленинизма, непрерывно его модифицируя в зависимости от конъюнктуры государственного строительства. Но после смерти и разоблачения культа личности вождя в области идеологического дискурса возникла зияющая пустота.

Идеологический дискурс обрел форму, в которую впредь вносилась минимальная правка, поскольку неожиданно не оказалось того, кто находится в привилегированном положении интерпретатора дискурса. Идеологический дискурс стал воспроизводиться в своих застывших формах. Невозможность трансформировать идеологический дискурс и одновременно необходимость воспроизводства основной и недоказуемой рационально истины коммунистической идеологии постепенно привела к выхолащиванию идеологического дискурса, превращения его в схоластическую практику репликации текстов и высказываний, формально соответствующих ранее апробированным текстам и высказываниям. Это послужило основой для дрейфа социальных практик от идеологического проекта к новой социальности. Идеологический (авторитетный) дискурс занял свое место незыблемой догмы, старательно воспроизводимой на языке идеологического дискурса, в то время как реальные социальные отношения в обществе, даже внутри комсомольских и партийных структур наполнялись иным содержанием. «В контексте позднего социализма доминировало воспроизводство нормы идеологического высказывания, ритуала или символа в первую очередь на уровне их формы, при этом их смысл смещался, становясь отличным от буквально «заявленного»

смысла»⁴⁷³. Данный процесс А. Юрчак характеризует как «перформативный сдвиг». Поскольку более не было инстанции, уточняющей «констатирующую» составляющую идеологических высказываний, советская идеологическая система сделала акцент на «перформативной» составляющей смысла идеологических высказываний. Возникла ситуация «нормализации» и даже «гипернормализации» идеологического дискурса. В таких условиях постепенно само по себе успешное воспроизводство идеологических текстов и высказываний в установившихся формах стало достаточным для подтверждения лояльности системе и даже осуществлению возможности карьерного роста. При этом формальное соответствие идеологическому дискурсу в высказываниях открывало возможности осуществления социальных практик, отличающихся от этих высказываний. Поздний социализм стремительно формировал «публики своих», которые обнаруживали себя в положении «внеаходимости» по отношению к идеологическому дискурсу при условии удовлетворения формальным требованиям этого дискурса, т.е. лояльности, выраженной на языке этого дискурса и необходимому минимуму участия в мероприятиях, предполагаемых идеологической работой. Парадоксальным образом окончательная формализация идеологического дискурса сформировала пространство свободы, в рамках которой не являющийся противником системы государственного устройства СССР советский гражданин в общем-то осуществлял субверсивные по отношению к СССР практики, противоречащие его фундаментальным основам. Перформативный сдвиг приобрел повсеместный характер. Внешне благополучное существование СССР, основанное на лояльности граждан, оказалось пустой оболочкой, содержание которой исподволь подменялось.

Неожиданно для общества инициированные в 1985-м г. М.С. Горбачевым реформы, сопровождаемые широким обсуждением оснований логики «авторитетного дискурса», привели к разрушению идеологического контура, что, в свою очередь, вызвало обвал всей системы⁴⁷⁴. Внешняя форма советского государства, старательно воспроизводившаяся в идеологических высказываниях и идеологических мероприятиях, оказалась наполненной содержанием, совершенно

⁴⁷³ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. С. 25.

⁴⁷⁴ См.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. С. 572.

отличным от декларируемых ценностей. Как результат, в момент, когда партийное руководство санкционировало изменения, они произошли стремительно, разрушив по инерции движущуюся государственную машину. Метанойя сознания советского человека, произошедшая в пределах гипернормализованного идеологического проекта, способствовала стремительному, повсеместному и относительно безболезненному видоизменению государства, его политической, социальной и экономической системы. Это – пример такого рода взаимодействия биовласти и населения, при котором трансформация отношений происходит по существу в пределах культурных и социальных практик без обращения к запрещенным инструментам политического воздействия. «Вненаходимость» по отношению к политике обладает не меньшим трансформативным потенциалом в условиях отсутствия реальных политических средств воздействия, нежели сама политика. Многочисленные лояльные СССР советские граждане разрушили СССР по причине того, что давным-давно ментально находились вне пространства советской реальности, соответствующей его идеологическому дискурсу. Культурные практики обживания пространства, не предусмотренного биовластью, в конечном итоге являются мощнейшим инструментом воздействия населения на биовласть.

Выводы по третьей главе

1. Социальная дифференциация и интеграция, основывающиеся на инклюзии/эксклюзии, определяют содержание и специфику всякого биополитического проекта. Биополитическая стратегия исходит из определенной модели человека. Основание инклюзии/эксклюзии составляет баланс отнесенности/отделенности индивидов. Должное их соотношение дает взаимность, порождающую прочную, гибкую, конструктивную социальную связь. Сбалансированные социальные отношения порождают онтологически защищенную личность. Напротив, отсутствие баланса отнесенности/отделенности приводит к диспропорции инклюзии/эксклюзии. Смещение соотношения инклюзии/эксклюзии приводит к разворачиванию конфирмантропной либо негантропной биополитической стратегии.

2. Антропологическим основанием негантропной биополитической стратегии является онтологически незащищенный, исключенный индивид. Разрушение

комплементарных, реципрокных социальных отношений, приоритет модели «Мы–Они» над моделью «Я–Ты» является триггером для негантропной биополитики, производящей «лишних людей». В антропологической перспективе именно исключенный, отверженный является точкой сборки негантропной биополитики. Крайние формы эксклюзии и соответствующие им экстрактивные социальные институты формируют устойчивую негантропную биополитику. Фигура отверженного индивида определяет способ существования биополитических пространств исключения, таких, как плантация, тюрьма, казарма, тотальное государство; переопределяет социальные отношения в рыночном обществе.

3. Homo sacer в качестве продукта общества разделения является антропологическим референтом негантропных биополитических стратегий. Биополитическим эквивалентом конфигурантропных стратегий является homo comes (человек-попутчик, человек-компаньон, человек-партнер) – тот, кто обоснованно претендует на инклюзию в социальное взаимодействие.

4. Формирование ценностей, норм и паттернов жизнедеятельности индивида формируется в процессе социализации и инкультурации с учетом логики инклюзии/ эксклюзии. Норма является подвижным элементом инкультурации, закрепляющим предпочтительные образцы поведения. Инкультурация формирует плавающие границы нормы и ненормального, как выделяя, стигматизируя и институализируя ненормальное, так и реинтегрируя различные формы ненормального в область допустимых форм отношений.

5. Вхождение в культурную среду опирается на такую инклюзивную форму, как «культура себя», раскрывающую свой потенциал через заботу о себе, работу над собой и работу на себя. Забота о себе в конечном итоге является заботой о Другом. Крайние формы заботы о себе, однако, способны превратить человека в «господина-монстра» (В.А. Подорога), референтом которого становится homo sacer.

6. Особый интерес представляет отношение биовласти и населения. Показано, что биовласть, заинтересованная в совершенствовании населения, понимаемого как основной ресурс для достижения собственных целей, неизбежно вступает в отношения торга с населением относительно широкого круга жизненно-важных для населения проблем. Биовласть идет на уступки и выступает

инициатором позитивных изменений. В свою очередь население, уяснив свое значение, устанавливает такой характер отношений с властью, который можно охарактеризовать как бесконечный и перекрестный шантаж.

7. Крайней формой отношений биовласти и населения является гражданская война в диапазоне от латентных форм конфликта интересов и требования их разрешения до открытого вооруженного противостояния. Гражданская война обнажает диалектику ойкономии и политики, частного и публичного в процессе социализации и инкультурации индивидуума. Биовласть, вторгаясь в жизненное пространство населения, политизирует домохозяйства и провоцирует ответную реакцию, на которую сама же вынужденно реагирует, стремясь деполитизировать население, переведя его энергию из сферы политики в сферу ойкономии. Диалектика непрерывного государственного переворота, являющегося реакцией на непрерывный мятеж, определяет характер латентной гражданской войны, составляющей матрицу отношений биовласти и населения.

8. Незаинтересованность биовласти в конфликте с населением и одновременно заинтересованность биовласти в раскрытии потенциала населения влечет сохраняющееся и даже поддерживаемое состояние напряжения, связанное с предоставляемой биовластью сферой автономии настолько, насколько возможно для сохранения бесконфликтных отношений в условиях давления со стороны биовласти ввиду стремления к целям могущества, процветания и безопасности. Удержание в поле зрения диалектики «на месте», не имеющей цели ни взаимного уничтожения, ни взаимного слияния сторон (Дж. Агамбен) в условиях сохранения взаимного давления определяет границы биовласти. Покуда забота о жизни населения сохраняет значение для власти (даже если рассматривается сугубо утилитарно), власть можно рассматривать как биовласть. Как только телеология власти перестает принимать во внимание население в качестве ресурса, требующего заботы и инвестиций, власть встает на путь танатополитики – «непристойной изнанки» (С. Жижек) биополитики.

Глава 4. Трансформантропная биополитика как будущее биовласти

§ 1. Знание–власть: идеалы, цели и средства⁴⁷⁵

Биовласть опирается на то сопряжение знания и власти, на которое указывали еще древние. Так, в Книге Притчей Соломоновых находим: «Человек мудрый силён, и человек разумный укрепляет силу свою» (Прит. 24:5). Еще яснее и прямолинейнее эта же мысль выражена Имамом Али в «Пути красноречия»: «Знание есть сила, и оно может повелевать. Человек знания во время своей жизни может заставить людей подчиняться и следовать за ним, и восхваляется и почитается после его смерти. Помните, что знание – правитель, а богатство – его подчинённый» (Высказывание 146). Наиболее известно высказывание Ф. Бэкона «*Ipsa scientia potestas est*», которую интерпретируют как «*Knowledge itself is power*» (т.е. «Знание само по себе – сила»), что нашло выражение в емком слогане – «Знание – сила». Именно в такой общеизвестной формулировке «*scientia potentia est*» впервые появляется у Т. Гоббса в «Левиафане», вероятнее всего испытавшего в этом отношении влияние Ф. Бэкона. Учитывая, что английское слово *power* имеет значения силы, энергии, мощи, могущества, власти, исходное высказывание можно интерпретировать как «Знание – власть». Сходное выражение «*sapientia est potentia*», чаще всего переводимое как «мудрость – это сила», также может быть сведено к формуле «Знание – власть». Латинское слово *potentia* также имеет значения силы, мощи, влияния, возможности, власти. Если тире заменить дефисом, то мы получаем концепт «знание-власть», который можно встретить в дискурсе генеалогии власти М. Фуко, в рамках которого «власть порождает знание, а знание есть власть»⁴⁷⁶.

Следует подчеркнуть, что биовласть устроена сложнее, чем агент применения набора инструментов подавления. Более того, биополитика,

⁴⁷⁵ В тексте параграфа использованы фрагменты статей автора: Попов Д.В. История паноптизма: от оракулов к палантирам // Манускрипт. 2019. Т. 12, вып. 6. С. 166–171. Попов Д.В. Машинная рациональность? / Бавсун М.В., Попов Д.В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья II. Право на задворках духовности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 1. С. 53–62.

⁴⁷⁶ Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. С. 21.

осуществляемая биовластью, лишь в порядке исключения функционирует в модальности явной разметки насилем. Биовласть, дисперсная по своей природе, прибегает по преимуществу к манипулятивным инструментам. «Термин «манипуляция» есть метафора и употребляется в переносном смысле: ловкость рук в обращении с вещами перенесена на ловкое управление людьми (и, конечно, уже не руками, а специальными «манипуляторами»). Заметим, что с самого начала это понятие ограничивает понимаемый как манипуляция набор способов управления – им обозначается только управление с ловкостью и даже скрытое управление»⁴⁷⁷. Именно скрытое, гибкое, ловкое управление характеризует биовласть как ничто другое. Биовласть, словно руководствуясь эпикурейским призывом «живи скрываясь», действительно, тяготеет к скрытности, незаметности, тайне.

Отношения между знанием и властью крайне важны для самой власти. Власть стремится к знанию, это вопрос самосохранения власти. Например, древнегреческий мир осознает важность «парресии» (гр. *παρρησία*) – свободной, ничего не утаивающей безыскусной речи, обращенной к соотечественникам и власти с целью высказать собственное мнение, каким бы нелюбезным оно ни было. Парресия связывается с истинным знанием о чем-либо. «В большинстве случаев в классических текстах парресия наделяется не уничижительным, а позитивным смыслом»⁴⁷⁸. Самодовлеющая неограниченная власть, не стремящаяся к знанию, оценивается негативно. Такая власть окружает себя глупцами и склонна впасть в безумие. Правитель мудр, если способен воспринимать паррессию как инструмент самоконтроля⁴⁷⁹. Парресия служит правителю для прояснения собственного разума и воли, ее можно уподобить профилактике душевного помрачения, отпадения от добродетели и утраты контроля над собой и, как следствие, подданными. «Правитель, обладающий властью, но лишенный истины, обращается к тому, кто обладает истиной, но лишен власти, и говорит ему: если ты расскажешь мне истину, какой бы она не была, ты не будешь наказан... Идея «парресиастического договора» стала ассоциироваться с парресией как особой привилегией, дарованной лучшим и

⁴⁷⁷ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 15-16.

⁴⁷⁸ Фуко М. Дискурс и истина. С. 18.

⁴⁷⁹ См.: Фуко М. Дискурс и истина. С. 29.

честнейшим гражданам города»⁴⁸⁰. Идеал калокагатии как правления лучших граждан полиса опирается на парресиастический договор и подразумевает демократию диалога в форме парресии как свободной речи. Только в такой ситуации демократия не только возможна, но и эффективна. Вырождение парресии в болтовню влечет утрату канала приобщения власти к достоверному знанию и ее разложение. Сократический идеал совпадения знания и добродетели – знать истину означает следовать ей – в контексте власти означает большее: знать истину означает осуществлять наилучшее правление.

Именно поэтому идеальное государство Платона управляется мудрецами – теми, кто на пределе своих усилий припоминает идеальный мир. Разлад связи знания и власти влечет не просто ошибки власти, но ее моральную деградацию, постепенный генезис какистократии и неизбежные страдания граждан. Платон именно в этой перспективе оценивал историю Эллады, теоретически описывая регресс от аристократии через тимократию, олигархию и демократию к тирании. Движение по ступеням лестницы форм правления одновременно является движением по ступеням нравственной деградации, фундированной утратой онтологических представлений о бытии. Смена власти лучших в нравственном отношении (калокагатии) элитами честолюбия (тимократия) и богатства (олигархия) подготавливает почву для власти демагогов (демократия на откупе болтунов) и, наконец, тиранов – какистократии, непременно своим происхождением должной оказаться из рабов. Налицо отпадение от достоверного знания, добродетели и человеческого общежития в рамках политического союза на основаниях разума и речи ради общего блага. Парресия же предполагала наличие особых моральных качеств у парресиаста, связанных с познанием и передачей другим истины. «Если и есть некое “доказательство” правдивости парресиаста, то это его мужество. Тот факт, что говорящий высказывает нечто опасное... является верным признаком того, что он парресиаст»⁴⁸¹.

Итак, знание и власть объединяются ради того, чтобы не утратить бдительности и реализма в восприятии общественного блага. Эта та самая роль

⁴⁸⁰ Фуко М. Дискурс и истина. С. 31-32.

⁴⁸¹ Фуко М. Дискурс и истина. С. 19.

овода, электрического ската, Пана, которую отводит Сократ себе в деле заботы о нравственном здоровье афинян.

Если обратиться к средневековой модели связи власти и знания, то можно обнаружить ряд сходств с античной. Король, как и античный правитель, мыслится как субъект морали, от нравственного состояния которого зависит характер и эффективность правления. Анализируя на примере сочинений Ж.-Б. Боссюэ особенности патриархального града – этой социальной модели Средневековья – Л. Болтански и Л. Тевено отмечают: «Король в первую очередь является одиноким и ответственным. Он живет только ради Государства, с которым он составляет единое целое. Его величие соизмеримо с его жертвенностью»⁴⁸². Эта возвышенная трактовка служения короля, обладающего двумя телами (Э. Канторович) – бранным индивидуальным и не подвластным времени политическим до степени поглощения последним первого – также отстаивает идею необходимого тождества знания и власти, фундированного на сей раз Священным писанием и обретением истины вероучения.

В представлении «норманнского Анонима», трактат которого анализирует Э. Канторович, «после заключения Нового Завета... христианский правитель стал *christomimêtês* – буквально «актером», играющим Христа, или же его «воплотителем»... Христос был Царем и Помазанником по самой своей природе, тогда как его представитель на земле был царем и Христом только по благодати»⁴⁸³. Безусловно, важнейшая роль в деле нравственного воспитания Короля отводится Церкви. К ней он прислушивается, ею окормляется, хотя, следуя анализу все того же Э. Канторовича, статус Короля как «*christomimêtês*» (воплощения Христа) превышает даже статус папы Римского как *vicarius Christi* – наместника Христа на земле. «Царь является совершенным *christomimêtês* также и в отношении власти, поскольку его власть – та же самая, что и власть Христа... Другими словами, царь, являющийся во всех прочих отношениях обычным человеком, *in officio* оказывается проявлением и образом небесного Помазанника

⁴⁸² Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 154.

⁴⁸³ Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Институт Гайдара, 2015. С. 118.

и, следовательно, Бога»⁴⁸⁴. Однако, Король, будучи «двухтел», отнюдь не безошибочен, а это означает, что и он, находясь под сенью божественного покровительства, должен прислушиваться к подданным. Другое дело, что в ситуации средневекового единовластия характер парресии меняется. Демократические начала античного полиса уступают иерархической структуре монархической государственности, выстроенной на основаниях сословия и ранга и воспроизводящих в масштабах общества модель семьи, для которой Король выполняет роль заботливого отца, а подданные – роль домочадцев. В этих условиях умение «нашептывать и передавать слухи имело при дворе короля то же значение, что и умение произносить публичные речи в демократических собраниях»⁴⁸⁵. Характер личной зависимости и частной беседы, однако, не мешает в конечном итоге сформироваться такой системе отношений власти и подданных, «что сложились в Англии, где “суверенитет” отождествлялся не только с королем или же только с народом, но с “королем в парламенте”»⁴⁸⁶.

Отметим, что помазание на царство ставит Короля в центр социального мира в рамках теоцентрических воззрений Средних веков. Но уже в эпоху Возрождения человек находится в средоточии мироздания. Например, как Данте, который постигает сущность мироздания в странствиях по чистилищу, аду и раю (как это происходит в «Божественной комедии»), будучи олицетворением антропоцентрических воззрений Ренессанса, индивидуальных по форме и всеобщих по содержанию. Ведь именно «человек поставлен в центр мира, он не обладает собственной особой (земной, небесной, ангельской) природой, ни смертностью, ни бессмертием, он должен сформировать себя сам, как “свободный и славный мастер”»⁴⁸⁷. Наконец, Картезий, усомнившись во всем, кроме самого интеллектуального сомнения, от лица всего человечества в акте интеллектуальной интуиции обнаруживает заложенные в разуме божественные истины, пребывая в центре мира в момент процесса познания на заре Нового времени. Император,

⁴⁸⁴ Канторович Э.Х. Два тела короля. С. 120.

⁴⁸⁵ Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. С. 160.

⁴⁸⁶ Канторович Э.Х. Два тела короля. С. 89.

⁴⁸⁷ Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. М.: Высшая школа, 1980. С. 97.

Король, Ученый-гуманист, Ученый-естествоиспытатель поочередно занимают центр мира, получая знания и власть в свои руки.

Становление биовласти знаменует поворот к совершенно новой форме отношений власти и знания. Так или иначе, античность, Средневековье и даже Ренессанс тяготеют к «монохромной» картине мира. В ней есть определенная Истина с большой буквы, а власть является ее подлинным или искаженным воплощением. Подобная картина мира фундирована по преимуществу религиозными представлениями. Однако, Модерн подвергает сомнению эту картину мира. Французская революция агрессивно и кровожадно пытается воздвигнуть культ Разума на месте религиозного культа. Отныне истина приобретает дискурсивные формы, возникает плюрализм мнений, требующий процедур отбора среди предложенных вариантов решений. Наступает эпоха «игр разума», «игр истины» (М. Фуко). Если под понятием игры иметь в виду «совокупность правил производства истины», то «власть – это стратегические игры»⁴⁸⁸. Игры с истиной.

Это меняет очень многое. Власть отныне в эпоху, когда утрачено представление о наличии источника и центра истины, организует себя как сеть сбора и обработки информации. Со временем подобные игры с истиной влекут оформление науки как социального института, представленного многочисленными учреждениями, существующими на балансе государства, что обеспечивает триумф статистике, способствует возникновению экспертного сообщества и развитой меритократии. Парресия как прямая и свободная речь гражданина, обращенная к власти, теперь, так или иначе, должна пройти систему фильтров для того, чтобы быть признанной заслуживающей внимания, компетентной. По мере становления науки Модерна научно-исследовательские программы множатся, истина становится многозначной, сменяемой. Открытия уточняют истину, делая ее размытой и процессуальной. Со временем этому будет придана строгая форма парадигмальных границ науки – фронтиров, нарушаемых в ходе научных революций. Следуя логике К.Р. Поппера, «наука – это процесс “перманентной революции”, а ее движущей силой является “рациональная

⁴⁸⁸ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 264, 267.

критика”»⁴⁸⁹. Наука изменчива, парадигмы сменяют друг друга, истина многолика и не стабильна. Множественность научных школ и научно-исследовательских программ не позволяют поставить в центр мира какое-либо одно Учение, одну Книгу, одного Человека. Множественности истин соответствует безличная власть – Биовласть. Она – множественный центр принятия решений в условиях плюрализма учений и мнений. И биовласть приспособливается к этому положению, в совершенстве разрабатывая свой способ сочетания власти и истины в ситуации их (истин) множественности и изменчивости. Могущество власти теперь не в обладании полнотой истины, а в хитрости разума. «Предоставляя природе возможность осуществиться в силу ее собственной необходимости (причин и следствий), разум реализует собственные цели. В этом, по Гегелю, основа могущества разума. Если привычно повторяется – “знание=сила”, то к силе подводит не позитивное многознание, а “хитрость”. Она обращается не с тем, что есть, но с тем, что “может быть”»⁴⁹⁰.

Биовласть смещает акценты. Она, во-первых, приспособливается к процессуальной природе истины, умело пользуясь новейшими изобретениями. Во-вторых, биовласть научается прислушиваться к голосу экспертного сообщества – а именно оно теперь пользуется правом парресии. В-третьих, биовласть формирует такую систему знаний на основании развития науки, при которой знание обновляется, но одновременно для населения остается тем же самым – научным знанием о мире, наукой, которая является компендиумом истины. Этому способствует создание инфраструктуры образования, составляющей которой становится идеологема веры в могущество научного знания. Такого рода сциентистская индоктринация науки придает устойчивость и стабильность крайне изменчивому содержанию научного знания. Множественная биовласть становится в центр мира со своей Книгой природы – священным писанием технократического мира. И, наконец, в-четвертых, биовласть научается исподволь, скрытно манипулировать населением во всех значимых сегментах социальной жизни. Медикализация, образование, занятость, индоктринация с

⁴⁸⁹ Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. С. 274.

⁴⁹⁰ Тищенко П.Д. На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. С. 167.

рождение и до смерти сопровождают каждого человека неизменно, но меняясь в своем содержании в соответствии с духом времени. Хитрость разума, используемая биовластью, заключается в скрытом и ловком – манипулятивном – применении разнородных средств воздействия в среде, принявший саму парадигму непрерывного воздействия на жизнь человека из множественных центров, суммарно и составляющих биовласть. Так, «гегелевское понятие «хитрость разума» раскрывает философский смысл предприятия: «Разум столь же хитер, сколь могущественен. Хитрость состоит вообще в опосредующей деятельности, которая, позволив объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем в этот процесс, все же осуществлять лишь свою собственную цель»⁴⁹¹. Биовласть научилась использовать хитрость разума в ходе промышленной революции, в индоктринации с целью отстаивать интересы национального государства, во всеобщей медикализации и формировании мировоззрения через систему образования, в ходе практической идеализации, нацеленной на формирования жизненных ориентиров, к которым устремлен человек. Биовласть трансформировала формулы «Знание – власть» в формулу «Хитрость (разума) – власть».

Из сформированной диспозиции напрашивается ряд выводов. Отсутствующий центр власти, скрывающийся за множественной сетью центров биовласти, не обладает окончательным сводом знаний, олицетворяющих Истину. Сеть биовласти находится в состоянии непрерывного становления, точно так же, как и новая Книга природы постоянно переписывается. Однако, за сетью центров биовласти просматривается организующая сила, точно так же, как за обновляемым содержанием Книги природы стоят законы природы, исследуемые все более детально и точно. Знания углубляются, биовласть усиливается. Скрытое единство биовласти выражает незримо присутствующий агент власти – техника. Именно техника определяет характер взаимодействия множественных центров биовласти, постепенно собирая технократическую форму биовласти – *технобиовласть*.

⁴⁹¹ Тищенко П.Д. На гранях жизни и смерти. С. 168.

Биополитика, возникшая в эпоху заботы о жизни – биоанисихии, в настоящее время, в ходе наметившегося перехода от заботы к апгрейду жизни, приобретает характер *трансформантропной* биополитики. Трансформантропная биополитика – форма развития биополитики, в основе которой лежит высокий уровень развития науки, техники и технологии, обладающий мощным и актуальным потенциалом изменения человека вплоть до изменения его физической и ментальной природы. Трансформантропная биополитика – результат длительного научно-технического прогресса в его приложении к биологической жизни человека, в частности, и населения, в целом. Трансформантропная биополитика готовит и, если это возможно с точки зрения науки и техники, осуществит апгрейд жизни. Субъектом трансформантропной биополитики выступает технобиовласть – биовласть, сознательно, целенаправленно и систематически применяющая совокупность современных технологий для управления населением и трансформацией самого человека.

Связь между биополитикой и научно-техническим прогрессом можно проследить на примере становления «панграфического паноптизма»⁴⁹². Панграфический паноптизм составляет один из важнейших элементов нового типа знания–власти, характерного для биополитики. Биовласть – в первую очередь власть, но такая власть, которая не мыслима без знаний. Биовласть стремится господствовать на основе детального, всестороннего, универсального знания о населении. Биополитика зародилась как двоякое – властное и одновременно познавательное – отношение к человеку, его телу, психике, личности. Власть и знание в симбиотическом единстве проявляют пристальное внимание к человеческому телу, которое муштруют, которым манипулируют, заставляют повиноваться, реагировать, становиться ловким и сильным. «Великая книга о Человеке-машине создавалась одновременно в двух регистрах: анатомо-метафизическом – первые страницы были написаны Декартом, последующие медиками и философами; и технико-политическом, образованном совокупностью военных, школьных и больничных уставов, а также эмпирических и рассчитанных процедур контроля над действиями тела или их исправления. Это совершенно

⁴⁹²См.: Фуко М. Психиатрическая власть. С. 74.

разные регистры, поскольку речь в них идет, с одной стороны, о подчинении и использовании, с другой – о функционировании и объяснении: теле полезном и теле понимаемом»⁴⁹³. Послушное тело, воодушевленное население – промежуточные цели биовласти, позволяющие бороться за могущество, процветание и престиж государства. И все это не мыслимо без всестороннего знания о человеке.

Биовласть осуществляет переход от индивида к населению, от дисциплинаризации индивида к регуляции населения. Биовласть нуждается в знании для того, чтобы укрепить собственную власть над населением. Знание, как и власть, становится капиллярным, всепроникающим. Становление биополитики связано с развитием института полиции и формированием «полицейского государства» как государства капиллярного просачивания в частную жизнь граждан. Для этого потребовалась статистика – важнейшее средство анализа, дающее знание о населении. Также потребовалась медиализация социального пространства, вообще, и индивида, в частности. Совокупно медицинское наблюдение, полиция и статистика сформировали знание–власть в рамках биополитического государства как инстанцию дисциплинаризации, нормирования и нормализации индивида в рамках процедур регуляции населения. Каждый новый шаг на пути собирания сведений о населении, безусловно, требовал новых технических решений, новых средств охвата и анализа населения, новых средств обработки полученной информации. Биовласть как расширяющееся пространство знания–власти непосредственно способствовала развитию медицины вообще, санитарии и психиатрии, в особенности, военного дела и политической экономии, а также других систем знаний, позволяющих формировать послушные тела и их мегамашинные констелляции, но, не в меньшей степени, биовласть способствовала развитию математического и вычислительного инструментария, формирующего статистику – ключа от всех дверей биополитических метаморфоз общества.

Радикальное преобразование знания–власти происходит в Новое время в ходе разворачивающейся научно-технической революции. Пожалуй, символом и универсальным модулем социального познания следует счесть Паноптикон И.

⁴⁹³Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 1995. С. 198-199.

Бентама – проект здания, предназначенного для наблюдения и контроля за деятельностью людей самых разных категорий⁴⁹⁴. Мыслимый в первую очередь как тюрьма, Паноптикон как инспекционное учреждение, основанное на новом принципе строительства, мог быть использован в качестве пространства, предназначенного для содержания под наблюдением любых «поднадзорных» граждан учреждениями любого типа. Например, пенитенциарными учреждениями, промышленными предприятиями, работными домами, домами призрения, лазаретами, фабриками, больницами, домами сумасшедших, школами. Современный криминолог-аболиционист Н. Кристи считает Паноптикон символом тотального контроля. Возводя понятие “Паноптикон” к лат. *pan opticon*, что означает “полный обзор”, он описывает изобретение И. Бентама⁴⁹⁵ как высокую башню, вокруг которой выстроено строение в форме окружности, где располагаются камеры, в которых сквозные окна выходят и наружу, и вовнутрь строения-кольца. В башне, занимающей центральное положение, находится наблюдатель-охранник. Из центра видно все, что происходит в камерах, однако из камер наблюдателя не видны. Паноптикон – оптимальная надзорная конструкция при минимальных затратах⁴⁹⁶. Паноптикон был опробован буквально. В мире

⁴⁹⁴ Паноптикон И. Бентама, несмотря на то, что он позиционируется как «простая архитектурная идея» (с. 1), представляет собою гораздо большее. Это «новый способ получения власти разума над умами в беспрецедентном объеме» (с. 1). Анонимный наблюдатель (*inspector*) в центральной башне Паноптикона, использующий вводящие в заблуждение фонарь и переговорные трубки (*lantern, conversation tubes*); принимающий в расчет оптический эффект видимости силуэтов заключенных, не имеющих право переступить черту на полу камеры, чтобы оказаться в ненаблюдаемой зоне; и ведущий книгу учета проступков; разыгрывает спектакль, в рамках которого оказывается для узников вездесущим, всевидящим, всеведущим, всемогущим «скрытым Богом» (*Deus absconditus*, с. 10-11). Паноптикон позволяет конструировать если не Бога, то иллюзию Бога, в которую узники начинают верить. Скрытый непрерывный надзор в режиме фиктивного бога оказывает профилактическое воздействие, уменьшая зло и увеличивая добро в рамках утилитаристской логики калькуляции счастья И. Бентама. Будучи скрыт в «божественном мраке» «слепого пятна» (*an utterly dark spot*, с. 15), разыгрывающий роль фиктивного бога наблюдатель может самоустаниться без ущерба для выполнения предписаний узниками. Иллюзия всевидящего взгляда является равноценной самому Богу. Бог и есть абсолютный взгляд, «взгляд из темного пятна – это всевидящий взгляд Бога, пятно в свете фонаря – это сам Бог» (с. 17). Цит. по: Jeremy Bentham: *The Panopticon Writings*. Edited and Introduced by M. Vozovic. London, New York: Verso, 1995. Вот эту роль скрытого, но деятельного наблюдателя-бога присвоила себе технобиовласть, распоряжающаяся знанием-властью.

⁴⁹⁵ Следует отметить, что изобретателем Паноптикона является брат И. Бентама – Сэмюэль Бентам. И. Бентам развил идею и опубликовал трактат. См.: Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. С. 610.

⁴⁹⁶ См.: Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. С. 110.

появились тюрьмы, соответствующие заявленной идее. Например, печально известные «Кресты» в Санкт-Петербурге. Это пенитенциарное учреждение состоит из крестообразных корпусов, где в центре каждого из крестообразных пересечений на каждом этаже располагаются пункты наблюдения, контролируемые расходящиеся во все четыре стороны коридоры с камерами по обеим сторонам⁴⁹⁷. Современные технологии позволили шагнуть дальше. Ныне существуют практически полностью автоматизированные тюрьмы, работающие в круглосуточном режиме наблюдения на основе новейших технологий. Таковы тюрьмы «макси-макси» и «супермакси», метафорой содержания в которых стало понятие «холодильное хранение»⁴⁹⁸. Но Паноптикон лишь видимым образом относится к тюрьме. Его задачи шире, а конструкция носит умозрительный характер. Паноптикон – «новый Органон» – констелляция методов управления и способов познания биовласти. Именно поэтому становление биополитики можно проследить на примерах становления систем знаний, делающих человека и общество прозрачнее, понятнее и, как следствие, послушнее.

Так, прообразом новейших технологий знания–власти является машина Тьюринга – абстрактная машина машин, позволившая предугадать возможность и реализовать в действительности современные технологии электронно-вычислительных комплексов, сетей и миниатюрных гаджетов, позволившие сделать знание–власть капиллярной. Развитие инженерной логики создания машины закономерно привело к созданию представления о машине, которая создает машины. Поворотным пунктом в этом процессе стала идея А. Тьюринга о машине машин, которая создает инструкцию – программу – для управления любой машиной. Воображаемая машина, управляющая какой бы ни было другой машиной, исторически стала известна как «машина Тьюринга». Она «определяется в качестве «абстрактной машины», то есть машины, которая может симулировать действие любой другой машины»⁴⁹⁹. Машина Тьюринга способна воспроизводить функционирование любой другой машины, работающей с

⁴⁹⁷См.: Клейн Л.С. Перевернутый мир. С. 85.

⁴⁹⁸См.: Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. С. 91-93.

⁴⁹⁹ Деланда М. Война в эпоху разумных машин. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый; Институт общегуманитарных исследований, 2014. С. 186.

данными того ли иного вида. В машине Тьюринга совместились идея знания (инструкции на основе понимания *modus operandi* той или иной машины) и власти (управления). «Тьюринг понял, что внутреннее функционирование печатных машинок, калькуляторов и других похожих физических устройств можно исчерпывающим образом описать той или иной “таблицей поведения”»⁵⁰⁰. Простота машины Тьюринга, сведенной к считывающему/ записывающему устройству (потенциально любого типа) и бесконечной бумажной ленте (а равно любого материала, на котором может быть зафиксирована информация любого типа), делает ее элементарной и одновременно универсальной машиной. До определенной поры машина Тьюринга служила удобной абстракцией для написания алгоритма управления тем или иным устройством – настоящим или придуманным. Но в тот момент, когда появилась возможность создания электронных вычислительных устройств из элементов, в которых можно было различным образом передавать электрический импульс в зависимости от подаваемой команды, произошел качественный скачок. Машина Тьюринга из абстрактного симулятора, служащего для тренировки ума, превратилась в прообраз устройства, позволяющего при помощи «кода» программировать, т.е. сложным образом управлять реально существующих электрическим устройством. Долгий процесс разработки кода на машинных языках; создание удобного для человека интерфейса, посредующего между человеком и физическими процессами в электрических цепях вычислительного устройства; создание периферийных устройств, адаптированных к возможностям управления через интерфейс; отладка взаимодействия управления устройствами; миниатюризация вычислительного устройства; оптимизация и стандартизация периферийных устройств; повышение вычислительной мощности процессоров как залог эффективности «машины машин» – все эти процессы, потребовавшие значительных усилий и времени, привели к появлению мощных стационарных компьютеров, компактных персональных компьютеров, смартфонов, объединенных в сети, что позволяет распределять вычисления – а, по сути, минимизировать и даже элиминировать время, необходимое для решения задач, –

⁵⁰⁰ Деланда М. Война в эпоху разумных машин. С. 186.

и, как итог, конструировать разветвленную техногенную среду, в основе которой находится воображаемая машина машин, приводимая в движение силой человеческой мысли (даже если мы имеем дело с нейросетями, способными создавать «код» в ответ на запросы человека). IoT (Internet of Things, интернет вещей) является развивающейся искусственной средой, спроектированной как расширение машины машин, составляющей принцип управления любого из вычислительных устройств в любом из узлов сложноорганизованной сети связи и взаимодействия между ними. Накопление, управление, анализ структурированных и неструктурированных массивов данных, построенный на алгоритмах поисков корреляций данных и машинном обучении позволяет извлекать знания из информации, что, несмотря на еще относительно незначительный прогресс технологий слабого искусственного интеллекта, заставляет по-новому взглянуть на проблему поиска универсального и эффективного метода познания, характерного для эпохи Модерн. Самообучаемая машина машин потенциально является как конвейером по производству знаний, так и мегамашиной управления искусственной и опосредованной ей природной средой на основании полученных данных.

Искусственно созданная человеком цифровая среда противостоит природе, но существует возможность, благодаря которой искусственное и естественное могут стать симбиотическим единством. Э. Дрекслер – пионер в исследовании наноразмерных технологий – утверждает, что человечеству по плечу достигнуть уровня АТП-преобразований (преобразований с использованием «атомарно точного производства»). Согласно Дрекслеру, «с точки зрения практической архитектуры АТП-производства непропорционально большие размеры компьютерной техники требуют использования элементов иного типа – простых, не требующих численного управления и более эффективных»⁵⁰¹. В качестве прообразов нано-сборщиков Э. Дрекслер рассматривает живые системы, процессы в которых основаны на атомарно точных молекулярных компонентах. Э. Дрекслер, развивая сходство между цифровыми системами, оперирующими

⁵⁰¹ Дрекслер Э. Всеобщее благоденствие. Как нанотехнологическая революция изменит цивилизацию. М.: Институт Гайдара, 2014. С. 237.

битами информации, и живыми системами, оперирующими атомами, обнаруживает возможности сочетания первых со вторыми. Благодаря этому в недалеком будущем появится возможность создавать подобно системам, основывающимся на цифровой информации, устройства размером с настольный компьютер, «предназначенные для производства практически бесконечного набора продуктов. Компьютерные файлы, необходимые для их изготовления, можно будет получать из глобальной цифровой библиотеки»⁵⁰².

Машина Тьюринга как абстрактная машина, управляющая любой возможной машиной, при переходе на уровень нанотехнологии становится сложной системой анализа и трансформации материи во всем многообразии ее форм, для которой сама материя становится бесконечной бумажной лентой, на которую наносится «код» и которая, благодаря «коду», претерпевает изменения. Наноассемблеры Э. Дрекслера предстают как биокомпьютеры, позволяющие реализовать принцип работы машины Тьюринга непосредственно в природе. Подобный нанокomпьютер, осуществляющий АТФ-процессы, руководствуясь программой, которую можно уподобить генетическому коду, содержащемуся в ДНК, можно уподобить живой клетке. В такой ситуации перед нами синтез искусственного и естественного, создающий артефакты, ничем не отличимые от объектов неживой и живой природы, но в соответствии с программами, отличающимися от тех, которые стихийно сформированы природой. Если нанокomпьютеру удастся смоделировать процессы, происходящие в живой клетке, то мы имеем дело с совершенно новым типом связи между мыслью и живой природой. Возникает возможность конструирования генетического кода при помощи техногенной среды, которую представляют наносборщики, управляемые многоступенчатой иерархической техногенной системой, в основе которой находится «машина машин». Проблема *nature vs nurture*, так волновавшая целые поколения антропологов, психиатров, психологов, социологов и философов находит неожиданное решение, в котором *nature = nurture*, т.е. среда становится тождественной наследственности, а наследственность – среде. Учитывая посредующую роль мысли, можно сказать, что мы имеем дело с одним из

⁵⁰² Дрекслер Э. Всеобщее благоденствие. С. 422-423.

воплощений панлогизма – тождества бытия и мышления. Знаменитая формула Г. Гегеля «Все действительное разумно, а все разумное – действительно» обнаруживает неожиданное технократическое решение. «А теперь вообразите, что микроэлектроника и микробиология в сознании общества поменялись местами – и оно ожидает, что микробы будут производить вычисления, а микрочипы – давать инсулин. Для завершения картины добавьте популярные фантазии о геной инженерии, ужасных мутантах и армиях клонов...»⁵⁰³. В контексте развития форм знания–власти данное единство познания и управления представляет предел в сращивания знания и власти как таковых. В подобной перспективе неразличимости внешнего и внутреннего, субъекта и объекта, творца и сотворенного само различие между знанием и властью теряет какой бы то ни было смысл. Однако, максимизируются не только возможности управления, но и риск сбоя – удивительно, но в такой недифференцированной системе неожиданный «баг» может мгновенно обратить разумность в ее противоположность.

Н. Бостром в своем глубоком анализе современного состояния исследований в области искусственного интеллекта приводит два любопытных примера. Предположим, ИИЧУ (искусственный интеллект человеческого уровня) существует. И у него есть потенциал превратиться в ИСИ (искусственный суперинтеллект, намного превышающий человеческий). Предположим, перед искусственным интеллектом поставлена задача: пусть на Земле будет как можно больше улыбающихся людей. ИИЧУ предлагает нестандартные, но неудовлетворительные для человека решения. Например, он предлагает план, позволяющий массово поражать лицевые нервы, что ведет к фиксации мимической мускулатуры в гримасе, напоминающей улыбку. Другое решение – массовое воздействие на двигательные зоны коры головного мозга, что опять же влечет эффект сияющей улыбки на лице⁵⁰⁴. Еще одна задача: «Канцелярские скрепки и ИИ. Система ИИ, призванная управлять выпуском скрепок и имеющая конечную цель довести их объем до максимума, вначале превращает в фабрику по

⁵⁰³ Дрекслер Э. Всеобщее благоденствие. С. 20.

⁵⁰⁴ См.: Бостром Н. Искусственный интеллект. С. 136.

производству скрепок всю Землю, а потом и обозримую Вселенную»⁵⁰⁵. Максимум знания–власти неожиданно оборачивается минимумом, напоминая знаменитые рассуждения Николая Кузанского о тождестве бесконечно большого и бесконечно малого. Знание–власть имеет тенденцию к самоаннигиляции, однако, будучи учтенной, подобная тенденция может стать тем фактором, который позволит избежать катастрофы.

На основе машины Тьюринга стали возможны современные вычислительные машины, развитие которых достигло значительного прогресса. Обратимся к таким явлениям, возникшим в ходе развития компьютерных технологий, как Big Data, Artificial Intelligence и паноптизм.

§ 2. Технобиовласть как агент трансформантропной биополитики⁵⁰⁶

Рассмотрим становление технобиовласти через призму таких современных высоких технологий как основанный на применении современного программного обеспечения анализ «больших данных» (англ. Big Data) и «искусственный интеллект» (ИИ, англ. AI – Artificial Intelligence).

Не было бы преувеличением сказать, что историю человечества можно интерпретировать как историю рационализации и оптимизации (как следствие, алгоритмизации), а значит, историю «больших данных». «Большие данные» определяют «как способность управлять большими объемами разнородных данных со скоростью, достаточной для анализа таких данных в реальном времени и своевременного реагирования»⁵⁰⁷. Большие данные обладают тремя основными признаками: объемом (т.е. количеством данных); скоростью (т.е. быстротой обработки данных); вариативностью (т.е. разнообразием различных типов данных). Три «V» – Volume, Velocity, Variety – отличительный признак больших данных.

⁵⁰⁵ Бостром Н. Искусственный интеллект. С. 139.

⁵⁰⁶ В тексте параграфа использованы фрагменты статей автора: Попов Д.В. История паноптизма: от оракулов к палантирам // Манускрипт. 2019. Т. 12, вып. 6. С. 166–171. Попов Д.В. Человек ошибающийся и большие данные: от головного мозга к искусственному интеллекту // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 2. С. 89–96. Попов Д.В. Трансформантропная биополитика и экология разума // Евразийский юридический журнал. 2019. № 10. С. 456–462.

⁵⁰⁷ Гурвиц Дж. Просто о больших данных. М.: Эксмо, 2015. С. 26.

Большие данные (англ. Big Data, IT-сленг – «бигдата») в настоящее время властно вторглись в пространство современной цивилизации и победоносно шествуют по планете. Мы пользуемся поисковиками и он-лайн переводчиками на основе алгоритмов обработки «больших данных». Deep Blue, Watson, AlphaGo одолели людей (лучших в своей области!) в шахматы, Jeopardy! и го соответственно. На основе Watson создано медицинское диагностическое оборудование WatsonPaths, призванное объединить колоссальный опыт человечества в борьбе с болезнями. Большие данные дают возможности эффективно решать задачи, неподъемные еще в недавнем прошлом. Однако есть и повод задуматься. Яркий пример – технология микротаргетинга – маркетинговая стратегия, в рамках которой персональные данные пользователя обрабатываются для выявления интересов конкретных индивидов или групп с целью повлиять на их поведение. В настоящее время эта технология используется, например, в ходе избирательных кампаний. Микротаргетинг вырос на почве психометрии, достигшей существенных результатов в «душеведении». М. Косински – один из создателей психометрии на основе анализа «бигдаты» – отмечает: «Обычно для построения точного профиля вполне достаточно чего-то одного – ваших интересов в «Фейсбуке», например, или истории посещения страниц из браузера... Достаточно десяти лайков (интересов), чтобы система смогла лучше распознать вашу личность, чем коллега по работе, а по 230–240 лайкам компьютер будет знать о вас больше, чем ваш супруг или супруга»⁵⁰⁸.

Совсем недавно мы узнали о существовании «публичной интимности» (М. Кронгауз). И хотя, «столкнувшись с публичной интимностью, то есть с интимным по сути высказыванием, существующем в публичном (то есть общедоступном) пространстве, мы еще не знаем, как на нее реагировать: как на интимное или как на публичное»⁵⁰⁹, обнаруживается, что «нам придется принять тот факт, что никакой приватности не останется... мир стал благоприятной средой для человека, лишённого приватности»⁵¹⁰. Поскольку мы живем в мире постприватности, постольку следует

⁵⁰⁸ «Мы не заметим, как мир захватит искусственный интеллект». URL: <https://www.svoboda.org/a/28166040.html> (дата обращения: 16.01.2021).

⁵⁰⁹ Кронгауз М. Самоучитель олбанского. М.: CORPUS, 2013. С. 356.

⁵¹⁰ «Мы не заметим, как мир захватит искусственный интеллект».

признать справедливость утверждения, что «большие данные все чаще и чаще будут использоваться для получения информации, которая может нарушать неприкосновенность частной жизни или даже угрожать свободе»⁵¹¹.

Итак, Big Data – передний край цифровых технологий. Однако, подобная технология не нова. В природе существует прообраз современных цифровых устройств, также обрабатывающий «большие данные» – головной мозг. Мозг – самый известный и до сих пор самый эффективный инструмент обработки больших данных. Мозг обладает рядом признаков, которые позволяют говорить о нем, как о естественном органе, обрабатывающем большие данные. Межполушарная асимметрия; сложная топология карт мозга; нейронные сети, обрабатывающие определенный тип информации в параллельном режиме с предоставлением конечного результата другим структурам мозга позволяют говорить о многоядерности, многозадачности и распределенности вычислений.

Располагая от природы мощнейшим инструментом обработки Big Data, человек не преминул воспользоваться подобным инструментарием в жизни социальной. Особый – прикладной – интерес «бигдата» вызвала в ходе становления биополитического государства. Биополитика восприняла идею полицейского государства как государства попечения о населении ради процветания страны. Полиция предстала как инструмент усиления государства за счет улучшения жизни населения, как «то, что должно обеспечить величие государства»⁵¹². Поскольку «правильное использование сил государства – это цель полиции», постольку от полиции требовалось «обеспечить максимальный рост сил государства... сохраняя его строй»⁵¹³. В рамках таких проектов полиция понималась как искусство управлять жизнью и благополучием населения. «Применение полицейских мер было направлено не только на достижение доброго порядка, в котором были бы гарантированы достаток и процветание населения, но и на создание эффективной экономической модели, в рамках которой каждый отдельный человек мог бы... внести свой вклад в рост богатства «своего»

⁵¹¹ Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 124.

⁵¹² Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 407.

⁵¹³ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 408.

государства. Таким образом, важнейшей задачей полицейской технологии власти раннего Нового времени было способствовать самореализации индивидов, ставших для государства важным элементом их могущества»⁵¹⁴. Диспозитивом биополитики XVIII в. становится благополучие населения. В такой ситуации целью полицейского государства – как оно понималось в то время (А. Монкретьен, аббат Флери, Л. Тюрке де Майерн, П. Хохенталь) – становится забота о населении и в этом отношении полиция вводится в поле политики как инструмент реализации заявленной биополитической стратегии. Полиция олицетворяет континуум единого администрирования, Rule of law, и, значит, отсутствие произвола и правопорядок. Бювласть задействует полицию как важнейшее звено, способствующее реализации биополитического проекта благополучного населения ради осуществления мегапроекта могущественного государства.

Бювласть опирается на статистику. «Статистика становится необходимой благодаря полиции, но благодаря полиции она становится также и возможной»⁵¹⁵. Везде, где имеется потенциал развития, появляется учет и анализ, результатами которого пользуется полиция. Статистика в форме знания государства о самом себе становится инструментом трансформации общества. Биополитика полицейского государства, основанная на статистике, приобретает черты конфирмантропной биополитикой. Там, где такая биополитика успешна, человек сыт, здоров, дольше живет, более счастлив.

Прошло немного времени и появился другой тип больших данных, но уже связанный с промышленным производством. Ф.У. Тейлор разработал систему научного менеджмента, позволяющую организовать и оптимизировать работу промышленного предприятия. За эту аналитику ухватились капитаны капиталистических предприятий, проводящие промышленную революцию. Он предложил систему научной организации труда, направленную одновременно на процветание предприятий и рабочих. В центре внимания было предприятие и отношения между администрацией и наемными работниками. Ф. Тейлор

⁵¹⁴ Кильдюшов О.В. Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13, № 3. С. 22.

⁵¹⁵ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 410.

призывал к изменению сложившейся неэффективной системы взаимодействия между администрацией и рабочим. Он считал, что возможна система отношений, при которой выгоду получают все. Ф. Тейлор был ярким противником «труда с прохладцей» и латентного сговора работников, приводящего к недовыработке. Он предложил детализацию трудовых операций, их описание, измерение, хронометраж – алгоритмизацию физического труда ради увеличения его производительности. Будучи противником потогонных производств, он, принимая во внимание здоровье работника, требовал интенсификации труда с позиций рациональности. По сути, Ф. Тейлор призвал к революции в сфере отношения к труду. «Большие данные» Ф. Тейлора – отчеты о разнообразных трудовых операциях. Итог анализа больших данных – современная промышленность, основанная на рационализации, оптимизации, эффективности. Примером воплощенного тейлоризма является технополис Е. Замятина из антиутопии «Мы». В нем в математически спланированном мире города, живущего по системе Тейлора, каждому «номеру» отведено свое место согласно способностям и в интересах максимизации общественного блага. В мире, где искусственное вытесняет естественное; публичное – приватное; рациональное – эмоциональное; а номера – имена, – тейлоризм всеохватен, паноптичен. Мир подчинен принципу «ритмичного тэйлоризованного счастья» – диктату увеличения производительности труда и стремлению к математически измеримому совершенству. «Да, этот Тэйлор был, несомненно, гениальнейшим из древних. Правда, он не додумался до того, чтобы распространить свой метод на всю жизнь, на каждый шаг, на круглые сутки – он не сумел проинтегрировать своей системы от часу до 24-х»⁵¹⁶.

Тейлоризм обнаруживается и в школе, в которую, вероятнее всего, он попал даже раньше, чем на производство. М. Фуко, рассматривая школу как одну из сфер проявления дисциплинарной муштры, полагал, что «школьное пространство стало функционировать как механизм обучения, но также надзора, иерархизации и вознаграждения»⁵¹⁷. Учитель – одновременно технолог и надзиратель – работает

⁵¹⁶ Замятин Е.И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. М.: Русь, 2003. С. 240, 233.

⁵¹⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. С. 214.

в классе, где дисциплина образовывает из учеников «живые таблицы», преобразующие «беспорядочные, бесполезные и опасные массы в упорядоченные множества»⁵¹⁸. Учитель как технолог предоставляет ученикам «ингредиенты» образования, упакованные в порции знаний, удобные для усвоения. Учитель как надзиратель следит за дисциплиной и прилежанием в специально оборудованном пространстве класса, а затем – в положении экзаменатора – осуществляет контроль за качеством готовой «продукции». И. Иллич полагает, что спрос на образование превращает школу в наиболее масштабный бизнес-проект современности: «Школа – лучший пример предприятия нового типа, после гильдии, фабрики и корпорации... Эти предприятия предоставляют свои услуги таким способом, что люди чувствуют себя обязанными потребить их. Они интернационально стандартизированы, периодически пересматривают стоимость своих услуг и везде работают в одном и том же ритме...»⁵¹⁹. Детализированный, хронометрированный и, как итог, алгоритмизированный труд – основание тейлоризма – сплошь и рядом обнаруживается в школе как в формах ее организации, так и применительно к процессу передачи знаний.

Насущная необходимость развития капиталистической промышленности в США, по замыслу Ф. Тейлора, в итоге привела к повсеместной оптимизации ручного труда. «Центральным моментом системы Тейлора было желание рационализировать и стандартизировать методы производства в интересах экономики». Как итог, тейлоризм стал основой «фордизма», а затем тейлоризм «распространился из США на все промышленно развитые и развивающиеся страны мира»⁵²⁰.

За фордизмом последовала автоматизация труда. Волны автоматизации обернулись «девятым валом» цифровых технологий. Уже сейчас «по мере преодоления технологиями все новых рубежей многие рабочие места, которые мы сегодня считаем далекими от рутины и потому защищенными от угрозы автоматизации, в конечном итоге окажутся в категории шаблонных и легко

⁵¹⁸ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. С. 215.

⁵¹⁹ Иллич И. Освобождение от школ. М.: Просвещение, 2006. С. 55-56.

⁵²⁰ Шелдрейк Дж. Теория менеджмента: от тейлоризма до японизации. СПб.: Питер, 2001. С. 54-56.

программируемых»⁵²¹. Все, что может быть алгоритмизировано в сфере труда, будет роботизировано. В конечном итоге «умные алгоритмы» захватят не только пространство низкоквалифицированного труда, но и те профессии, которые, как считается, требуют высокой квалификации.

Тейлоризм нашел свое прямое продолжение в цифровых технологиях. «Этика Тейлора начинает проникать и в самую структуру нашего мышления. Интернет представляет собой машину, предназначенную для эффективного автоматического контроля, передачи и преобразования информации. Миллионы программистов ставят перед собой цель найти «наилучший путь» – идеальный алгоритм – для выполнения умственных действий, которые мы называем работой со знаниями»⁵²². Наглядным примером является деятельность мега-корпорации Google. Google – Ford нашего времени. Гуглизация – фордизм начала XXI в. «Штаб-квартира компании Google... это настоящая церковь эпохи Интернета, в стенах которой проповедуется религия тейлоризма... в основе Google “идея науки измерения”. Компания пытается “систематизировать все”, что только возможно»⁵²³.

Тейлоризм, алгоритмизировав труд физический, принялся за алгоритмизацию труда умственного: «То, что Тейлор сделал для ручного труда, Google делает для умственного»⁵²⁴. Для Google целью является создание искусственного интеллекта – идеальной формы рациональности, систематизации, закономерного порядка. Со слов со-основателя Google Л. Пейджа «искусственный интеллект можно считать совершенной версией Google»⁵²⁵. Поскольку одной из сторон «идеологии» Google является приравнение интеллекта к эффективности обработки данных, то можно сказать, что технологии обработки больших объемов данных – движение в направлении создания искусственного интеллекта и очередной шаг в направлении рационализации жизненного пространства.

В конечном итоге современные методы рационализации и оптимизации интеллектуального и физического труда на основе технологий обработки

⁵²¹ Карр Н. Пустышка. Что интернет делает с нашими мозгами. СПб.: BestBusinessBooks, 2012. С. 90-91.

⁵²² Карр Н. Пустышка. С. 170-171.

⁵²³ Карр Н. Пустышка. С. 171-172.

⁵²⁴ Карр Н. Пустышка. С. 172.

⁵²⁵ Карр Н. Пустышка. С. 197.

«больших данных» – т.е. алгоритмов слабого ИИ – приближают эпоху окончательного решения вопроса эффективности какой бы то ни было человеческой деятельности. «Вполне вероятно, что однажды появится алгоритм, который сможет научиться делать всю работу – или значительную ее часть – за вас. Причем вероятность именно такого развития событий многократно увеличивается по мере все более глубокого проникновения в нашу жизнь такого феномена, как «большие данные»... Так что остается лишь дожидаться дня, когда появится изощренный алгоритм машинного обучения, который, углубившись в оставленные предшественниками-людьми цифровые следы сам всему научится»⁵²⁶.

Итак, государство изобрело и использовало статистику ради увеличения собственной мощи, предприятие встало на путь научной организации труда, воспользовавшись отчетами о порядке, правильной последовательности, рациональном использовании инструментов и т.д., современный человек использует цифровую технику и ее алгоритмы для оптимизации собственной жизнедеятельности. Биополитика породила полицию, бизнес заручился поддержкой научного менеджмента, все – государство, полиция, бизнес, личность – опираются на математические алгоритмы цифровых технологий ради оптимизации решений. В основе процесса – расширяющееся применение рационализации ко все более широкому и дифференцированному полю деятельности человека на основе анализа увеличивающихся массивов данных.

Анализ «бигдаты» позволяет рассмотреть историю человечества как историю развития технологий паноптизма, т.е. средств всестороннего изучения, наблюдения и контроля за жизнью человека, социальной и природной средой его обитания и деятельности. История паноптизма начинается с мечты об абсолютном знании, зародившейся в древности. Всевидение и всеведение находит свое выражение уже в мифологии. Аргус (он же Паноптес – всевидящий) в древнегреческой мифологии – многоглазый великан – неусыпный страж, универсальное оружие и гарант безопасности.

Первые технологии паноптизма носили религиозно-мистический характер. У пифии в дельфийском храме Аполлона испрашивали оракул – неведомо откуда

⁵²⁶ Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. С. 15.

являлось решение, возникавшее, как предполагалось по умолчанию, на основе обобщения данных жизни вопрошающего. Со временем стремление ко всеведению приняло рациональные формы. Открытия и изобретения, развитие технологий наблюдения, оптики, городская организация пространства, картография, а равно книгопечатание, архивы, музеи, библиотеки, цифровые технологии – все это можно рассматривать как прогресс человечества во всеведении и всевидении. Радикальное преобразование средств паноптизма происходит в Новое время в ходе разворачивающейся научно-технической революции. Рождение биополитического государства, опирающегося на полицию и статистику, рационализацию труда, автоматизацию, роботизацию, гаджетизацию приближают человечество к стадии панграфического паноптизма.

Апофеозом паноптизма может явиться создание ИИЧУ (искусственный интеллект человеческого уровня или универсальный искусственный интеллект; англ. AGI), быстро достигающего уровня ИСИ (искусственный сверхинтеллект; англ. ASI). Специалисты отличаются в оценке времени появления ИИЧУ, однако, возможно, оно не за горами. Например, Дж. Баррат отмечает, что проведенное им исследование возможного времени создания ИИЧУ показывает, что мнения специалистов расходятся. Так, П. Норвиг, директор по исследованиям Google, полагает, что до ИИЧУ еще слишком далеко. Напротив, Б. Гертцель считает, что достижение ИИЧУ возможно уже к 2020 г. Р. Курцвейл предвидит наступление эры ИИЧУ к 2029 г., а ИСИ – не раньше 2045г. Проведя опрос среди двухсот компьютерщиков, Дж. Баррат подытоживает: «Я спросил присутствующих, когда ИИЧУ будет достигнут... Результат ответов был таков: 42 % ожидает ИИЧУ к 2030 г.; 25 % – к 2050 г.; 20 % – к 2100 г.; 10 % – после 2100 г. и лишь 2 % респондентов полагает, что ИИЧУ не будет достигнут никогда»⁵²⁷.

Однако воспринимается этот возможный прорыв противоречиво. Например, П. Домингос воспринимает появление «Верховного алгоритма» – ИИ, превосходящего разум человека – как апофеоз человеческой истории. «Верховный алгоритм сумеет извлечь из данных вообще все знание – знание

⁵²⁷ Barrat J. Our final invention: Artificial intelligence and the end of the human era. First edition. N.Y.: St. Martin's Press, 2013. С. 122.

прошлого, настоящего и будущего. Изобретение этого алгоритма станет одним из величайших прорывов в истории науки. Оно ускорит прогресс буквально во всем, изменит мир так, как мы едва можем себе сегодня представить...»⁵²⁸. Верховный алгоритм П. Домингоса – обыкновенное чудо технологии и добрый Гудвин для человечества: «Верховный алгоритм – последнее, что нам придется изобрести, потому что, как только мы «спустим его с цепи», он сам изобретет вообще все, что только можно придумать. Все, что нам нужно, – дать ему достаточно подходящих данных, и он откроет соответствующее знание»⁵²⁹. И.Дж. Гуд со сдержанным оптимизмом отмечал, что если рассматривать ультраинтеллектуальную машину как такую, что далеко превосходит в интеллектуальной деятельности любого человека, то «первая ультраинтеллектуальная машина будет последним изобретением, которое придется сделать человеку»⁵³⁰. Дж. Баррат соглашается, что подобное изобретение будет последним⁵³¹, но придерживается диаметрально противоположного мнения. Для него «последнее изобретение человечества» связано с интеллектуальным взрывом, за которым может последовать добровольная передача человечеством власти ИСИ. А дальше – как решит ИСИ.

Е. Юдковски различает дружественный (англ. Friendly AI) и недружественный ИИ, предостерегая от творения последнего. «Приемлемо провалиться в попытках создания как ИИ, так и Дружественного ИИ. Приемлемо достичь успеха и в ИИ, и в Дружественном ИИ. Что неприемлемо – это создать ИИ и провалиться в создании Дружественного ИИ»⁵³². Ставки крайне высоки: «Первый ИИ, который достиг некоего критического порога... будучи недружественным, может истребить человеческий вид»⁵³³. Н. Бостром, просчитывая благоприятные и неблагоприятные сценарии появления ИИЧУ, также утверждает,

⁵²⁸ Домингос П. Верховный алгоритм: как машинное обучение изменит наш мир. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. С. 20.

⁵²⁹ Домингос П. Верховный алгоритм. С. 48.

⁵³⁰ Виндж В. Сингулярность. М.: АСТ, 2021. С. 10.

⁵³¹ Баррат Дж. Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.

⁵³² Юдковски Е. Искусственный интеллект как позитивный и негативный фактор глобального риска. URL: <http://www.proza.ru/texts/2007/03/22-285.html> (дата обращения: 16.01.2021).

⁵³³ Юдковски Е. Искусственный интеллект как позитивный и негативный фактор глобального риска.

что любая ошибка на пути стремительного и необратимого преобразования мира будет фатальна. «В практическом плане нам придется справиться с труднейшим вопросом контроля – как управлять замыслами и действиями сверхразума. Причем люди смогут использовать один-единственный шанс. Как только недружественный искусственный интеллект появится на свет, он сразу начнет препятствовать нашим усилиям избавиться от него или хотя бы откорректировать его установки. И тогда судьба человечества будет предрешена»⁵³⁴. Одним словом, ИСИ и даже ИИЧУ видится как сложнейший узел проблем, а не окончательное решение проблем человечества. «Не сами ли мы создаем себе преемников в земном господстве, ежедневно совершенствуя их красоту и утонченность, ежедневно обучая их новым навыкам и постоянно снабжая новыми способностями... которые будут лучше любого интеллекта?»⁵³⁵.

А каково же человеку будет жить в условиях тотального цифрового паноптизма? Воспользуемся термином «палантиризация» для описания процесса становления состояния цифрового паноптизма. Палантиризация объединяет значения толкиеновского «палантира» и технологических достижений современных цифровых компаний, например, американской компании Palantir. В первом случае имеются в виду «палантиры», которые в легендарии Дж.Р.Р. Толкиена представляют собой «видящие камни», с помощью которых можно было наблюдать то, что происходит в настоящее время в другом месте или происходило в прошлом, а также выполняли функцию удаленного общения. Во втором случае имеется в виду Palantir Technologies, Inc. – «частная американская компания, разработчик программного обеспечения анализа данных для организаций», основными заказчиками которой являются «спецслужбы, инвестиционные банки, хедж-фонды»⁵³⁶. Благодаря скандалу, связанному с Э. Сноуденом, миру стало известно о невиданной мощи инструментов всевидения и всеведения, разрабатываемых Palantir и подобных ей компаниями.

Использование палантиров противоречиво. Палантиры порождают сферу перманентного и тотального наблюдения, формирующую современные средства

⁵³⁴ Бостром Н. Искусственный интеллект. С. 9.

⁵³⁵ Курцвейл Р. Эволюция разума. С. 73.

⁵³⁶ Palantir // Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Palantir> (дата обращения: 13.01.2021).

коммуникации, социальные интеракции, экономику. «Созданное с помощью телетехнологий пространство мультимедийных сетей предполагает новый способ видения, глобальную оптику, лежащую в основании паноптического видения, необходимого для создания “рынка видимого”»⁵³⁷. Палантиры дают неоспоримые преимущества, поскольку «с возникновением нового, паноптического контроля тот, кто увидит все или почти все, может не опасаться своих непосредственных конкурентов»⁵³⁸. Но одновременно палантиры являются инструментом «революции всеобщего доносительства», приобретающей черты «оптического доноса» в среде «глобального теленаблюдения». Состояние, понятое П. Вирилио как «всеобщий вуайеризм», перспективно в решении ряда социальных проблем.

Человечество, победившее голод, мор и войны⁵³⁹, может победить и преступность. Например, в условиях развития систем палантиризации полиция вновь обнаруживает потенциал паноптизма. Вискотехнологичная полиция получает целый ряд мощнейших инструментов для молниеносного реагирования ради неотвратимости наказания. Это путь, способный привести к отделу профилактики преступлений (Precrime Department) из кинофильма «Особое мнение» (Minority Report, 2002), когда преступление с абсолютной точностью предсказывается заблаговременно до его совершения! В подобной ситуации недостижимый идеал избавления от преступности неожиданно становится ближе. Абсолютная безопасность (изобилие безопасности) в обществе изобилия информации может стать реальной. Однако в мире, где публичная интимность – норма, а трассы электронных следов от рождения до смерти создают электронную копию жизни, возникает соблазн утверждения тотального цифрового паноптизма в качестве парадигмы. В такой перспективе цифровой паноптизм становится реальным атрибутом реального нецифрового государства и рискует превратиться в цифровой тоталитаризм.

Итак, технологический прогресс сегодня достиг стадии паноптизма. Vita nuda человека теперь более, чем обнажена. Рентгеновские лучи, магнитные волны

⁵³⁷ Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М.: Гнозис; Фонд «Прагматика культуры», 2002. С. 52.

⁵³⁸ Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. С. 53.

⁵³⁹ Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. С. 211.

и другие излучения выявляют структуру и состав наших тканей точно так, как психометрические алгоритмы распознают наши «скелеты в шкафу». Стало ясно, что человек – код. Биологический, социальный, культурный. Как код, человек стал машиночитаем. Человек стал прозрачен для порожденных им гаджетов и алгоритмов. Более того, алгоритмы Big Data найдут такие корреляции, которые сделают явным то тайное, что укрылось от самого человека. Человек может быть понят точнее, чем он мыслится самому себе. Появляющиеся системы тотальной детекции уже переформатируют поле социальных взаимодействий. Приложение Verity для компьютера и смартфона, совмещающее технологии искусственного интеллекта и полиграфического устройства, дистанционно и незаметно с высокой долей вероятности укажет на ложь контрагента. «Приложение Verity – первый в мире детектор лжи в виде приложения, пользоваться которым могут обычные люди... Чтобы выяснить, говорит человек правду или нет, нужно навести на собеседника камеру и задать вопрос. Приложение запишет на видео лицо говорящего и выдаст результат в процентах»⁵⁴⁰. Общение в Skype с включенной детекцией лжи может совмещать элементы дружеской беседы и допроса, что создает условия для смещения гражданского общества и полиции до степени неразличимости.

Нетипичное поведение на улице выдаст потенциального правонарушителя, активирует камеры видеонаблюдения, подаст сигнал в полицейский участок и направит к месту возможного события полицейский наряд. Программное обеспечение, оснащенное системой распознавания лиц, оперативно предоставит сведения о смутьяне. Особые палантиры специальных служб изучат цифровые следы нарушителя и, возможно, обнаружат подполье, которое будет элегантно нейтрализовано незаметным для общества образом. Попавший в зону наблюдения «взмах крыльев бабочки» в одной локации может привести к «урагану» в другой. Мониторы полицейского участка, оснащенные алгоритмами прогностики, высвечивают карту территории и определяют направления возможного криминального удара. Алгоритм предлагает стратегию действий, производит подсчет возможной перегруппировки сил, остается лишь отдать приказ. Цифровая

⁵⁴⁰ Жданов Ю., Овчинский В. Полиция будущего. М.: [б.и.], 2018. С. 137-138.

полиция методично снижает уровень преступности. Реальность в таком формате похожа на виртуальное игровое поле. Карта и территория стремятся к тождеству.

В условиях палантиризации управление людьми уподобляется управлению данными. Удобный интерфейс палантира располагает опциями, позволяющими манипулировать полученными данными. В условиях неурегулированного отношения к профайлингу данные собираются в сети на основе самоманифестаций человека в его профилях, аккаунтах, чатах. Возможно, палантир имеет информацию о поисковых запросах, лайках, дизлайках, кликах и лидах клиента, статистику посещений различных сайтов, предпочтения из области кино-, видео-, аудио-, книгопродукции. Небезразлична палантиру информация об образовании, профессиональной деятельности, состоянии здоровья, перемещениях в пространстве, если доступ к такой информации не защищен. Если защищен, то на рынке можно найти компании, торгующими массивами неструктурированных «больших данных». Можно найти и программы с открытым кодом, которые позволяют исследовать большие данные. В результате возможна любая реконфигурация данных. Лучшие алгоритмы позволяют добиться эффектов телескопии, телепатии и телекинеза: можно дистанционно наблюдать, предвидеть ход мыслей и даже оказывать упреждающее воздействие, используя ресурсы IoT (Internet of Things – «интернет вещей»). В такой ситуации человек становится заложником математического процесса и подвергается воздействию «оружия математического поражения». «Но апеллировать к оружию математического поражения невозможно. Это – часть его пугающей силы. Оно ни к кому не прислушивается и ни перед кем не отступает. Оно глухо не только к лести, угрозам и уговорам, но и к логике, даже когда есть хорошие основания усомниться в информации, которая послужила основой их выводов... по большей части программы изрекают вердикты, не подлежащие обжалованию, а обслуживающие их люди могут только пожимать плечами, словно хотят сказать: «Ну что же тут поделаешь?»⁵⁴¹.

⁵⁴¹ О’Нил К. Убийственные большие данные. Как математика превратилась в оружие массового поражения. М.: АСТ, 2018. С. 7.

Цифровая среда обитания превращает человека в «голую цифровую жизнь» (модальность «голой жизни» Дж. Агамбена). Человек в форме учетной записи становится *homo sacer*, которому соответствует «определение такой жизни, которая может быть убита без совершения убийства»⁵⁴². Действительно, цифрового *homo sacer* можно «забанить», стереть, отфильтровать, ограничить или вовсе лишить доступа к тому или иному ресурсу без уведомления, бессрочно, безальтернативно. «С появлением электрической технологии человек расширил, или вынес за пределы себя, живую модель самой центральной нервной системы», и поскольку «главная особенность электрической эпохи состоит в том, что она создает глобальную сеть, во многом похожую по своему характеру на нашу центральную нервную систему», с этой поры «в электрическую эпоху мы носим на себе как свою кожу все человечество»⁵⁴³. IoT – интернет вещей – система тентаклей цифрового мира, опутывающая цивилизацию. Нервная система человека, вынесенная вовне в виде сонма взаимодействующих периферийных устройств, расширила человека до степени непосредственного воздействия на глобальную «систему вещей» (Ж. Бодрийяр). Однако инклюзия в мир вещей обернулась инклюзией IoT в «интернет людей» (Internet of People; IoP). Проводная и беспроводная связь, множеством протоколов связывающая людей и вещи, породила взаимозависимость – настолько, что уже трудно понять, кто кукловод, а кто марионетка. Люди – такая же часть IoT, как гаджеты. Они – датчики потребления, их деятельность сигнализирует вещам об их популярности, выделяя селебрити, «персоналиат» (Д.А. Давыдов), порождая «суперзвезд» вещного мира, реконфигурирующих пространство людей. Подобно тоталитарным движениям, тайным знанием которых было то, что «все возможно» (Х. Арндт), тотальный цифровой мир беспроводными приводными ремнями манипулирует человеком. Тренд трансформантропной биополитики позволяет поставить жизненно важный для человека вопрос о соизмеримости человекосоразмерности и машиночитаемости сложившейся технократии. Нечеловекосоразмерная и машиночитаемая цивилизация способна построить «Гуглаг» – «мышеловку на

⁵⁴² Агамбен Дж. *Homo sacer*. Чрезвычайное положение. С. 209.

⁵⁴³ Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.-Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. С. 38-39, 400, 57.

меху» (С.Н. Паркинсон), дружественную для машины, но не уютную для человека. Машинонечитаемая цивилизация – а во многих проявлениях сейчас она именно такова – требует вмешательства человека в ключевые процессы. IoT не автономен. Такой компромисс между человеком и машиной на данный момент выглядит и благом, и вызовом для IT-специалистов. Однако машиночитаемость растет, а человекосоразмерность, судя по всему, убывает. Это означает, что сценарий, в рамках которого человечество может передать эстафетную палочку AI – дружественному или враждебному – не невероятен.

Накопление колоссальных массивов бигдаты привело к развитию технологии одновременного наблюдения, понимания, контроля и трансформации человека. Та самая «Великая книга о Человеке-машине» теперь оцифрована и обрабатывается различными алгоритмами. Оба способа интерпретации человека – «анатомо-метафизический» и «техничко-политический» – в качестве дискурсов понимания и полезности в цифровом формате продолжают конструировать послушное тело и податливую личность. «Если вам случится триста раз лайкнуть в Facebook, его алгоритм сможет предсказывать ваши мнения и желания лучше, чем ваши муж или жена!»⁵⁴⁴. Это безобидное действие способно незримым образом колоссально повлиять на жизнь человека, который так и не узнает об этом.

Трансформация личности – вольная и не вольная – может происходить в рамках воздействия глобальных компьютерных программ, охватывающих значительную часть населения. Например, действующая в КНР государственная система «Золотой щит» – «великий китайский файрвол» – гигантский фильтр информации, разделяющий интернет-трафик на дозволенный и запрещенный. Великая китайская цифровая стена активно блокирует многочисленные сетевые ресурсы как внутри страны, так и зарубежных доменов. С 2014 г. сделан еще один шаг к контролю за населением. «Каждому жителю Поднебесной решили присвоить социальный рейтинг. По замыслу правительства, рейтинг гражданина должен зависеть от каждого его действия... Каждому гражданину присвоят идентификационный код, который можно будет использовать для проверки своего статуса. Как и в случае с кредитной историей, рейтинг гражданина может

⁵⁴⁴ Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. С. 397-398.

падать или расти»⁵⁴⁵. Учету рейтинга подлежат даже сетевая активность и содержание высказываний в сети, поведение в общественных местах, отношения с соседями и коллегами. Интересно сравнить данный эксперимент с самыми смелыми прогнозами из недавней доцифровой эпохи. Х. Арендт моделировала тоталитарную полицию в середине XX в., полагая, что полиция, оснащенная современными техническими средствами, «мечтает о том, чтобы одного взгляда на огромную карту, висящую на стене конторы, было достаточно для определения знакомства людей и степени близости их отношений... Если бы такая карта действительно существовала... такая карта позволила бы уничтожать людей, не оставляя никаких следов, как если бы они вообще не существовали»⁵⁴⁶. Видимо, еще в недавнем прошлом полет фантазии не мог достигнуть высот современных рутинных технологических возможностей.

Внешние расширения человека в виде виртуальной реальности как таковой и IoT, в частности, существенно увеличили возможности человека, но человек отнюдь не успел адаптироваться к новым условиям. Психиатр М. Шпитцер отмечает многочисленные ситуации привыкания человека к использованию гаджетов и одновременно потери собственных важных качеств⁵⁴⁷. Адаптация порою протекает в ригидных формах, что позволяет иронизировать на тему появления «первобытного человека будущего» (Дж. Зерзан). Ю. Харари пишет о формировании потенциально непредсказуемой зависимости человека от информации, предоставляемой электронными помощниками. Например, Ю. Харари рассматривает возможности виртуальной голосовой помощницы с элементами искусственного интеллекта Cortana, созданной Microsoft для Windows. Cortana, допущенная к файлам, электронной почте и приложениям, призвана давать советы и стать виртуальным агентом от имени интересов пользователя. Cortana напомнит о важных датах, поможет выбрать подарок, забронирует время и столик к кафе, напомнит о приеме лекарства и т.д. «Не исключено, что Cortana и ее сородичи, превратившись из оракулов в агентов,

⁵⁴⁵ «Красная сеть». URL: <https://chinanet.lenta.ru/> (дата обращения: 28.01.2021).

⁵⁴⁶ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. С. 563-564.

⁵⁴⁷ Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг. М.: АСТ, 2014.

начнут договариваться насчет своих хозяев напрямую, без их участия»⁵⁴⁸. Обусловленность человека содержанием интернет-контента, зависимость от безошибочных советов и прогнозов умных аугментаций, дополняющих нас, не просто делает отношения человека и компьютера симбиотическими, но и, в определенной степени, способствует инверсии – из создателя человек превращается в ведомого, из управляющего – в подсистему IoT. Человек обнаруживает себя в точке сингулярности и в смысле поворотного пункта, точки сгиба, узла, очага и центра⁵⁴⁹; и в значении технологической сингулярности (В. Виндж, Р. Курцвейл), прохождение которой ознаменует развертывания сценария взрывного развития человечества. Однако сценарий этот не определен. Возможны версии, качественно отличающиеся друг от друга. Ключевым моментом для человека – ключевой бифуркацией – является решение вопроса о соотношении человечности (в смысле «человеческих качеств» (А. Печчеи)) и «машинного филума» (Ж. Делез) в рамках стремительного развития вычислительных технологий. Или человек встроится в машинный филум и будет им поглощен, или человек выстроит подлинно симбиотические отношения с порожденной глобальной техносферой и продолжит развитие по пути «экологии разума» (Г. Бейтсон), создавая экосистему человекосоразмерной и природосоразмерной машинерии.

Можно утверждать, что развитие человека нерасторжимо связано с машинным филумом. «Машинный филум – это материальность, естественная или искусственная, или то и другое одновременно, это материя в движении, в потоке, в изменении, материя как носительница сингулярностей и выразительных черт»⁵⁵⁰. Инвариантность, «машинность», заданность материальных процессов влекут «очевидные выводы, а именно – за такой материей-потоком можно только следовать». Человек, конкурентные преимущества которого основаны на разуме, изобретающем технические приспособления, стал тем, «кто вынужден следовать за потоком материи, за машинным филумом... Следовать за потоком материи – значит странствовать, бродяжничать»⁵⁵¹. От следовать за потоком до быть

⁵⁴⁸ Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. С. 400-401.

⁵⁴⁹ Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. С. 75.

⁵⁵⁰ Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. С. 692.

⁵⁵¹ Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. С. 692.

унесенным потоком – один шаг. Человек впервые в истории находится в опасной близости к тому, чтобы пересечь черту. ASI (искусственный суперинтеллект) – технология, которая может избавить машинный филум от нужды в человеке. «Понятие машинного филума стирает различие между органической и неорганической жизнью, а именно к этому и стремился бы робот-историк [гипотетический историк машинной цивилизации, предложенный М. Деландой – Д.П.]. С его точки зрения... люди выступали всего лишь в качестве суррогатных органов воспроизводства машин, пока роботы не приобрели собственные способности самовоспроизводства. Однако, в конечном счете, тела и роботов, и людей должны быть отнесены к общей филогенетической линии – к машинному филуму»⁵⁵². ASI способен свести развитие человечества и развитие техносферы к общему – машинному – знаменателю. Но хочется верить, что «технологии – это не судьба. Мы сами определяем свою судьбу»⁵⁵³. Для этого отношения человека и технологии – этого фасада машинного филума – должны основываться на постулатах: А) Технология для человека, но не человек для технологии. Б) Человек разумен, но не совершенен. Из этого вовсе не следует, что природа человека должна быть трансформирована согласно паттерну машинного филума. Человечность, включая ее несовершенство и машино-не-подобность, самоценна. В) Технология не отменяет, но дополняет культуру. Техносфера – расширение цивилизации, но не автономная, самодостаточная и самостоятельная эволюционирующая сущность. Г) Человек и техносфера комплементарны. Люди способны выстроить симбиотические отношения с технической средой своего обитания, не останавливающие прогресс техники и не уничтожающие человека и природу. Д) Экология разума – модель развития, сочетающая природу, человека и технику в их нерасторжимом и органичном единстве.

Г. Бейтсон соединил в своей доктрине философские, антропологические, кибернетические и экологические идеи. Он полагал, «что здоровую экологию человеческой цивилизации следовало бы определить примерно так: единая система окружающей среды в комбинации с высокой человеческой цивилизацией,

⁵⁵² Деланда М. Война в эпоху разумных машин. С. 15-16.

⁵⁵³ Бриньолфсон Э., Макафи Э. Вторая эра машин. М.: АСТ, 2017. С. 331.

в которой гибкость цивилизации должна соревноваться с гибкостью окружающей среды для создания функциональной сложной системы, открытой для медленных изменений даже базовых (жестко запрограммированных) характеристик»⁵⁵⁴. Рассматривая экологию разума как сферу приложения мудрости к развитию человеческой цивилизации, Г. Бейтсон утверждал, что «недостаток системной мудрости всегда наказывается»⁵⁵⁵. Ошибки порождают экологию сорняков, накапливаясь, ведут к катастрофе. Представляется, что в настоящее время вопрос о технологическом развитии является ключевым. С кибернетической точки зрения «системы... наказывают те виды, которые настолько немудры, что начинают враждовать со своей экологией. Если хотите, можете назвать системные силы “Богом”»⁵⁵⁶. Синергетический подход позволяет увидеть последствия прохождения сингулярностей как формирования новых аттракторов и репеллеров. Если точка бифуркации пройдена определенным образом, то жесткие законы машинного филума уже не позволят обратить процесс вспять. Представляется, что именно путь экологии разума – взвешенное, мудрое отношение к технологии для человека и ради сохранения уникального жизненного мира планеты Земля, является единственным средством, в рамках которого трансформантропная биополитика, возникшая в ходе экспансии цифровой реальности, не превратит человека в сорняк. Трансформантропная биополитика, активно вмешивающаяся в конструирование человека и его среды обитания, возможна как конфирмантропная (человекоутверждающая) биополитика только на пути экологии разума, способной предотвратить сползание к негантропной (человекоотрицающей) версии биополитики.

⁵⁵⁴ Бейтсон Г. Экология разума. М.: Смысл. 2000. С. 332.

⁵⁵⁵ Бейтсон Г. Экология разума. С. 291.

⁵⁵⁶ Бейтсон Г. Экология разума. С. 291.

§ 3. Биовласть на пути к технобиовласти⁵⁵⁷

Рождение современной биополитики пришлось на XVIII-XIX вв. Сложившаяся система международных отношений на основе Вестфальского мира наделила национальные государства функциями представительства на международной арене, одновременно гарантировав признание статуса и границ⁵⁵⁸. Города-империи и города-государства, наднациональные религиозные организации, негосударственные неполитические союзы потеряли былое значение⁵⁵⁹. То, что можно обозначить как *kairos* – «счастливейший случай», вызвавший к жизни биополитику – историческое стечение обстоятельств, послужившее отправной точкой для организации биополитической регуляции населения, носит составной характер. Важными элементами причинного основания рождения биополитики стали: промышленная революция, взрывной рост научных знаний и технических изобретений, формирование национальных государств, международная политика европейских государств в рамках баланса сил в Европе, урбанизация, индустриализация и формирование массового общества потребления. Развернувшаяся полномасштабная реорганизация общества в ходе английской промышленной революции потребовала осуществления принудительных мер, направленных на формирование рабочего класса. Так, К. Поланьи показывает, что отмена так называемого закона Спинхемленда⁵⁶⁰ (принят в 1795 г., отменен в 1834 г.) явилась радикальной мерой, подстегивающей бедноту к болезненной, но необходимой для нового типа экономики инклюзии в новые капиталистические отношения. Вынужденная миграция населения из сельской местности в поисках хлеба насущного в промышленные города и порты – спровоцированное событие, явившееся прообразом «восстания масс» (Х. Ортега-и-Гассет), переросшего в «век толп» (С. Московичи).

⁵⁵⁷ В тексте параграфа использованы фрагменты статьи автора: Попов Д.В. Биополитика в роли «Пятого персонажа» в процессе редактирования человечества // Человек. 2021. Т. 32, № 6. С. 166–177.

⁵⁵⁸ Фуко М. Рождение биополитики. С. 19-20.

⁵⁵⁹ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009. С. 26-27, 51-52.

⁵⁶⁰ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. С. 92-118.

«Массы» не явились ниоткуда, скорее они были призваны как необходимый ресурс, позволяющий сформировать экономику нового типа, а вместе с ней и общество, не виданное ранее. В дальнейшем массы, изначально востребованные как человеческий материал, необходимый для массового производства; армии национального государства, построенной на всеобщей воинской повинности, обеспечивающей эффективную мобилизацию; колониальной экспансии; общества массового потребления, необходимого для расширения капиталистической экономики; выдержав период радикальных преобразований, вольно и невольно вступили в торг с архитекторами конструируемого мира. Правительства национальных государств и лидеры капиталистической промышленности с неизбежностью столкнулись с необходимостью систематических инвестиций в тот человеческий капитал, при содействии которого было воздвигнуто здание нового индустриального мира. Отчасти биополитическое регулирование осуществлялось в форме сознательных вложений в возрастание качества жизни населения, отчасти как реакция на недовольство, разжигаемое вождями оформившихся оппозиционных движений, отчасти – в режиме «непреднамеренных последствий» (Д. Лал). Правительства и капитал вступили на путь, который предполагал необходимость распределения прибылей между имущими и неимущими слоями населения. Именно так сформировалась дорога компромиссов, по которой государства шли и раньше по пути от «ограниченного» к «открытому доступу»⁵⁶¹. Это путь вынужденного постепенного вовлечения все более широкого круга акторов в экономическую и политическую жизнь; путь предоставления стимулов все большему количеству социальных групп; путь, при движении по которому бенефициарами процесса становится все большее количество его участников. Формирование национального государства как таковое явилось компромиссом между «принуждением», олицетворяемым властью, и «капиталом», за которым стоят предприниматели; центральной властью правительств и властью городов; землевладельцами и промышленниками⁵⁶². Преодолев стадию «кочующего

⁵⁶¹ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Институт Гайдара, 2011. С. 69.

⁵⁶² См.: Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг.

бандита» и приобретаю статус «стационарного бандита»⁵⁶³, национальное государство исподволь взвалило на себя ношу ответственности и возложило на себя обязанность предоставлять «долю обездоленных» (Ж. Рансьер) хотя бы в минимально возможном виде. В дальнейшем этот процесс приобрел форму бесконечной позиционной борьбы, вынудив капиталистический мир в лице его лидеров отказаться от примитивной трактовки рыночной экономики как истолкования учения А. Смита о всеблагости «невидимой руки» рынка, всеобщей максимизации стремления к прибыли и универсальной стратегии разумного эгоизма. Экономическая антропология (А. Сен, Д. Лал, Т. Седлачек, Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон, С. Хедлунд и др.) вернула этику в экономику, что предполагалось в концепции самого А. Смита, и теоретически обосновала необходимость этико-экономического рассмотрения деятельности homo economicus. Как итог, расцвет биополитического регулирования жизнедеятельности населения – развертывание социального государства – ренты населения от рыночной экономики. Этому, к слову, в значительной степени прямо и косвенно способствовали политические режимы в странах, радикально отказавшихся от рынка в пользу радикального же проекта переустройства общества на началах социализма. Не случайно Ж. Фурастье непосредственно связывал «Славное тридцатилетие»⁵⁶⁴ – термин, введенный им для обозначения периода с 1946 по 1975 годы, – с холодной войной и противостоянием капиталистической и социалистической экономических систем. Общество всеобщего благосостояния (welfare state) конструировалось как реальная альтернатива социализму в СССР, симпатии к биополитическому эксперименту которого испытывала немалая часть населения стран Запада. Уступки системы воспринимаются как должное, каждое новое завоевание населением социальных гарантий видится как закономерное, а не результат вынужденного и, возможно, временного отступления власти в ходе большой биополитической игры. Большой запас прочности рыночной системы, обусловивший перевес над СССР и его союзниками, привел к стремительному демонтажу большинства прокоммунистических режимов, преждевременному провозглашению «конца

⁵⁶³ Олсон М. Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство, 2012. С. 33-34.

⁵⁶⁴ См.: Fourastié J. Les Trente Glorieuses, ou la révolution invisible de 1946 à 1975. Paris: Fayard, 2014.

истории» (Ф. Фукуяма) и, одновременно, частичному отказу от социальных программ на Западе. Т. Пикетти убедительно показывает, что уровень социального расслоения в начале XXI в. достиг и превзошел значения показателей начала XX в.⁵⁶⁵ На рентоориентированность элит обращает внимание Дж. Стиглиц. Рента, как более стабильный источник дохода, рассматривается как основание рентного общества, разворот к которому происходит в начале XXI в., Л. Фишманом, В. Мартьяновым и Д. Давыдовым⁵⁶⁶. Схлопывание среднего класса, формирование многочисленного прекариата и стремительное уменьшение salariата констатируется Г. Стэндингом⁵⁶⁷.

Последовательное утверждение биовласти позволяет рассмотреть биополитику как процесс непрерывного редактирования и даже конструирования человека, населения и человечества. Если внимательно присмотреться к событиям XX столетия, то стоит отметить, что в начале века XX в. на авансцену идейных течений, с одной стороны, объясняющих, а, с другой стороны, осуществляющих происходящее, выступили четыре интеллектуальных течения: политическая теология, психология масс, геополитика, евгеника. Коротко рассмотрим каждое из заявленных течений. Политическая теология XX в. – дискурс конструирования верований, убеждений и идеалов в декорациях технократической цивилизации. К. Шмитт полагал, что политическая теология не тождественна религиозной картине мира⁵⁶⁸. Следуя логике К. Шмитта, любой предмет веры обретает свою собственную политическую теологию, даже если он не мыслится как божество. Политической теологии соответствуют светские религии. Например, С. Московичи к светским религиям относит либерализм, националистические доктрины и марксизм. Выстраиваясь вокруг социальных проблем и представляя собой разновидность социального мировоззрения, «светские религии объясняют происхождение общества (нации, расы, класса и т.д.) и тщательно описывают этапы его становления вплоть до состояния совершенства, которое, как ожидается,

⁵⁶⁵ См.: Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

⁵⁶⁶ См.: Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Высшая школа экономики, 2019.

⁵⁶⁷ См.: Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 19.

⁵⁶⁸ Шмитт К. Политическая теология. Сборник. С. 11-12.

будет бесповоротным»⁵⁶⁹. Умерший Бог Ф. Ницше воскресает в области социальных верований и предлагает доктрины, гармонизирующие отношения между человеком и обществом.

Политическая теология успешно встраивается в новую реальность средств массовой информации. Уже на заре XX в. Э. Бернейс предлагал использовать пропаганду для конструирования общественного мнения. Этот гипнотический театр, использующий передовые технологии своего времени, превращает государство в квазицерковь, население – в паству, а политиков и журналистов, которые уже в работе Бернейса превращаются из трансляторов мнений в их конструкторов, в жрецов светской религии. Политическая теология как апология практик светской религии влечет сакрализацию политики. Э. Джентиле отмечает: «Сакрализация политики – это современный феномен... В условиях современного общества в особых исторических обстоятельствах появились разные формы религий политического»⁵⁷⁰. И если гражданская религия, уважая свободу индивида и своеобразную свободу совести в отношении светских религий, поддерживает «плюрализм идей, свободную соревновательность в осуществлении власти и сменяемость правящего класса при участии управляемого народа мирными и конституционными способами»⁵⁷¹, то политическая религия обеспечивает сакрализацию политической системы, способствует монополизации власти, идеологическому монизму, нетолерантности, фундаментализму и радикализации инструментов воздействия на индивида, статус которого колеблется в промежутке между гражданством, подданством и невольничеством. Э. Джентиле полагает, что политические религии не связаны с каким-то одним типом движения или политического режима. Политические религии способны сакрализовать демократию, автократию, равенство, неравенство, нацию, человечество; они могут мирно сосуществовать с другими концепциями жизни и политики или противоборствовать им; они могут защищать политическую систему или пытаться ее

⁵⁶⁹ Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. С. 264.

⁵⁷⁰ Джентиле Э. Политика и священное: про какого бога говорится на американском долларе. URL: <https://gorky.media/fragments/politika-i-svyashhennoe-pro-kakogo-boga-govoritsya-na-amerikanskom-dollar/> (дата обращения: 06.02.2022).

⁵⁷¹ Джентиле Э. Политика и священное.

разрушить; они могут быть консервативными или революционными. При этом между гражданскими религиями демократических режимов и политическими религиями тоталитарных режимов существуют существенные различия⁵⁷².

Светская религия создавалась для масс. Политическая теология воцерковляет массы. И если политическая теология с точки зрения политологии относится к надстройке, то психология масс как явление политической психологии – базисное. Психология масс – арсенал средств конструирования социальных отношений. В психологии масс индивид опутан сетью социальных связей, испытывает прямое и косвенное влияние окружения. Г. Ле Бон утверждал, что человек в толпе теряет свои интеллектуальные качества, подвергаясь эмоциональному заражению, предрасположен к импульсивным реакциям в широком диапазоне от самопожертвования до звериной кровожадности. «В коллективной душе интеллектуальные способности индивидов и, следовательно, их индивидуальность исчезают; разнородное утопает в однородном, и берут верх бессознательные качества»⁵⁷³. Массы бессознательны по преимуществу, внушаемы и направляемы в результате манипулятивного воздействия. Управление массами напоминает гипнотический театр⁵⁷⁴, в котором гипнотизер управляет поведением толпы. «Люди, собравшиеся вместе, гораздо легчевернее, чем каждый из них, взятый в отдельности... один тот факт, что их внимание сосредоточено на одном предмете... приближает их к состоянию сна или гипноза, когда поле сознания, удивительно суженное, целиком захватывается первой идеей, которая представится ему»⁵⁷⁵. Гипнотизер – харизматический вождь, обладающий верой в идею. Эрос и Мимесис⁵⁷⁶ в нарциссической личности харизматического вождя канализируют эротическую энергию в самовлюбленность лидера и обожание со стороны последователей, а самоидентификация вождя с предметом его политической теологии находит продолжение в идентификации масс с лидером, формируя устойчивую связь между вождем и толпой. Вожди толп являются

⁵⁷² См.: Gentile E. *Politics as Religion*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2001. С. 139.

⁵⁷³ Психология толп. М.: Институт психологии РАН, КСП+, 1998. С. 135.

⁵⁷⁴ Московичи С. Век толп. С. 76.

⁵⁷⁵ Тард Г. *Общественное мнение и толпа*: М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 48.

⁵⁷⁶ Московичи С. Век толп. С. 204.

реинкарнациями вождей-пророков древности – это вожди типа Моисея и вожди тотемические⁵⁷⁷. Среди них пророки, основатели республик, создатели общественных и религиозных течений, а также тираны, демагоги, магические короли и шаманы. Они оказывают широкое воздействие на массы, формируя их по лекалам политических теологий. Подобное конструирование сознания и бессознательного производило в XX в. подлинную тотальную мобилизацию масс на войну и труд, подвиг и преступление. В этом гипнотическом театре, сочетающем современные технологии и архаичные верования, человек превращался и в деталь мегамшины, и в идолопоклонника, разделяющего примитивные воззрения дикаря в отношении out-групп, и в протагониста культа «Золотого тельца», в ритуалах консюмеризма утверждающего реальность общества всеобщего благосостояния (welfare state). Конструирование социального в ходе широкомасштабного использования инструментария идентификации позволило утвердиться самым разнообразным светским религиям, убедившим средствами своих политических теологий массы.

Геополитика, будучи прикладной политической теологией, конструирует физическую среду обитания человека – пространство, его границы, конфигурацию, порядок. К. Шмитт обоснованно связывает формирование государства и закона (nomos) с «захватом земли». «Nomos же происходит от глагола *nemein*, означающего как «разделять», так и «пасти»... номос – это тот непосредственный образ, который делает пространственно зримым политический и социальный порядок того или иного народа, первое измерение и размежевание пастбища, т.е. захват земли и заключенный в нем, вытекающий из него конкретный порядок...»⁵⁷⁸ Отметим, что в акте захвата земли, призванном обеспечить жизнеобеспечение (пропитание, комфорт, условия для выживания рода) и сплочение (единство внутри границ в качестве сообщества друзей и отграничение вовне от чужих в качестве «врагов») просматривается явная биополитическая перспектива.

⁵⁷⁷ Московичи С. Век толп. С. 255.

⁵⁷⁸ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 51-52.

Между политической теологией и геополитикой существует генетическая связь. «Убедительный опыт географии и истории свидетельствует о том, что все идеи... охватывающие целые народы, широкие цели (панидеи) инстинктивно стремятся к воплощению, а затем и к развитию в пространстве»⁵⁷⁹. Организация жизненного пространства естественна для всякого человека – это индивидуальная «робинзонада» каждого, кто обустроивает свою жизнь. Результатом деятельности разума и человеческих рук становится собственность, накопление которой укрепляет домохозяйства. Символом защиты собственности законом в рамках политических союзов являются «межевые столбы, воздвигнутые по границам владений граждан»⁵⁸⁰. Само по себе возникновение политического союза предполагает наличие общей территории и ее обустройство. Защита границ и эффективное использование территории – важнейшие из функций государства, подобие чему мы можем обнаружить уже у эусоциальных насекомых и социальных животных. Вся мировая история связана с преодолением фронта и экспансией за его пределы. Однако, именно в XX в. были созданы теоретические модели, благодаря которым политическая география представила пространство Земли в «великую шахматную доску» (З. Бжезинский). Под влиянием «панидей», объединяющих национальные государства, в условиях научно-технического прогресса, промышленной революции и роста численности населения, политическая география превратилась в геополитику – рационально обоснованную борьбу за территорию. Так, «Ратцель активно использовал термин «Lebensraum» («жизненное пространство»)... Он вывел семь законов... “пространственного роста государства”, будучи уверен в том, что “растущий народ нуждается в новых землях для увеличения своей численности”»⁵⁸¹.

Геополитика в ходе гонки вооружений получила обоснование и даже оправдание, в конечном итоге приобретя форму непрекращающейся войны – «тотальной войны» (Der Totale Krieg). «Der Totale Krieg была не только подведением итогов предыдущей войны, но и планом следующей...»⁵⁸².

⁵⁷⁹ Хаусхофер К. Теория «жизненного пространства». М.: Алгоритм, 2019. С. 35.

⁵⁸⁰ Арндт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. С. 41.

⁵⁸¹ Хаусхофер К. Теория «жизненного пространства». С. 6.

⁵⁸² Ван Кревельд М. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 82.

Шмиттовская модель суверенной диктатуры нашла свое место в условиях военного времени – самой радикальной формы разметки пространства и редактирования человека, помещающего его в экстремальные условия столкновения государств как «органических конструкций» (Э. Юнгер) – этого гибрида суперорганизмов и мегамашин. Представления Людендорфа воплотились в жизнь в ходе Первой мировой войны. «На последней, к концу этой войны уже наметившейся стадии этого процесса нет уже ни одного движения... которое, по крайней мере, косвенно не имело бы отношения к военным действиям...»⁵⁸³. Вторая мировая война довела идею тотальной войны до логического завершения, вскрыв инфермальную глубину подстегиваемой светскими религиями геополитической конкуренции. Формирование наднациональных институтов контроля за безопасностью и ядерное сдерживание, приведшее к «худому» миру в контексте понимания гибельности применения ядерного оружия, перевели борьбу за жизненное пространство в сферу экономики, технического прогресса и символических обменов ударами сверхдержав от культуры и спорта до конструирования границ в «геополитических разломах» планеты.

Наконец, евгеника выступает фактором конструирования самого человека. Присутствуя в жизни человечества в стихийной форме (традиции формирования аристократии, брачные стратегии, отношение к врожденным дефектам, стратегии отбора в военной, интеллектуальной, управленческой сфере и т.д.), евгеника в XIX в. приобретает черты учения, целенаправленно стремящегося к улучшению человека. С конца XIX в. евгеника все настойчивее обращается к осмыслению природы человека, нормы и патологии в их развитии. Это порождает дискурс вырождения, впоследствии приведший к чудовищным последствиям. И если М. Фуко инкорпорирует проблематику вырождения в тенденцию медиализации общественного тела и становления репрессивных форм психиатрической власти, так или иначе связанной с пространством медицинского учреждения, то получивший распространение спекулятивный дискурс сравнительного анализа способностей людей как представителей различных рас, этносов и политических

⁵⁸³ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб.: Наука, 2000. С. 450.

наций, подлил масла в огонь софистических аргументов политических теологий, форм консолидации масс в их отношении к маркируемым негативно социальным группам (классам, этносам) и пробуждению демонов геополитической экспансии. Проблематика вырождения, осмысленная в духе Л. Стоддарда, вела в область практик «расовой гигиены», принудительной стерилизации и иных форм отрицательной евгеники, апофеозом которых стал Холокост. Роль евгеники – конструирование природы человека – порождает долговременный тренд, находящий свое выражение в современных биотехнологиях.

Представляется, каждое из интеллектуальных течений, само по себе имеющее отчетливо выраженную тенденцию к конструированию как среды обитания человека, так и его самого, связаны с биополитикой, незримо влияющей на всех участников драмы. Биополитика выступает точкой сборки указанных дискурсов в единое целое. Уместно вспомнить рассуждение М. Хайдеггера, развивающее аристотелево учение о причинности. Он в связи с вопросом о сущности техники напоминал: «Столетиями философия учит, что есть четыре причины: 1) *causa materialis*, материал, вещество, из которого изготавливается, например, серебряная чаша; 2) *causa formalis*, форма, образ, какую принимает этот материал; 3) *causa finalis*, цель, например жертвоприношение, которым определяются форма и материал нужной для него чаши; 4) *causa efficiens*, создающая своим действием результат, готовую реальную чашу, т. е. серебряных дел мастер»⁵⁸⁴. Население, социальные отношения, территория, если их рассматривать как материал; обобществленный человек в качестве формы; воплощение идеалов и верований как цель – все эти причины, под водительством биовласти в качестве мастера – создают связную картину перманентного конструирования человечества. В рамках рассуждений М. Хайдеггера причины выступают одновременно поводами и видами «вины» явления чего-либо из потаенности. Именно четыре вида «вины» позволяют вещи во всей своей полноте явиться из несуществования. Но именно «мастер, разбираясь в трех названных видах вины, собирает их воедино»; он – «действующая причина, *causa efficiens*, одна из

⁵⁸⁴ Хайдеггер М. Время и бытие. С. 222.

четырех, решающим образом определяет всю каузальность»⁵⁸⁵. Будучи мастером, биовласть выступает причиной (виной) конструирования человечества, и если учесть то, что каждая из оставшихся причин также является формой конструирования, то биовласть – это редактирование процесса конструирования. Биовласть редактирует то, как следует конструировать тем, кто конструирует человечество. Конструирование человека становится предметом биовласти, а проводимая ей биополитика формирует тренд перманентного конструирования человечества.

Следует учесть, что действие всех указанных причин, будучи спонтанным, малоизученным и потому иррациональным, представляет собой как тайну, так и угрозу. Биовласть руководствуется «заботой мастера «о себе», о соответствии своему призванию мастера, которому постоянно угрожают силы, так или иначе связанные с несовершенством человеческой природы»⁵⁸⁶. В этом отношении конструирование человечества, производимое биовластью, с одной стороны, подобно деятельности «слепого часовщика» (Р. Докинз) природы, конструирующего методом проб и ошибок, с другой стороны, является экспериментом с неопределенным результатом. Биовласть явилась драйвером многочисленных процессов конструирования человека. Биовласть и есть конструирование человека в самой непосредственной и радикальной форме. Медикализация тела и жизни индивида легла в основу широкомасштабного переписывания человека в соответствии с нормой здоровья, обращенной к физическому телу и психике. Редактированию клиники подвергся организм человека в рамках программ профилактики, оздоровления и рекреационно-восстановительных мероприятий, суммарно направленных на увеличение «срока службы» физического тела. Редактированию школы подверглось мировоззрение индивида, под влиянием программ обучения приобретающих очертания, соответствующие представлениям биовласти о норме знаний, навыков, умений, ценностей и убеждений, соответствующих современным требованиям в контексте целей биовласти. Медикализация, таким образом, привела к более широкому регулятору – нормализации – сознательному, целенаправленному и

⁵⁸⁵ Хайдеггер М. Время и бытие. С. 223.

⁵⁸⁶ Тищенко П.Д. На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. 2011. С. 181.

всеохватывающему воздействию на население через сеть социальных учреждений и институтов с целью производства человека, полезного биовласти. Редактированию подвергается и сама система норм – она становится гибкой и зависящей как от повестки биовласти, так и от достижений науки, техники, экономической и культурной жизни. Редактируется рождение, смерть, сексуальность, долголетие и другие важнейшие параметры человека. Предлагаемые образцы для подражания («персоналиат»⁵⁸⁷: лидеры общественного мнения, поп-идолы, селебрити) активируют инструментарий практической идеализации, опирающийся на механизмы идентификации, формирующей связь между господствующими идеологемами и искусственными толпами, само-конструирующими себя исходя из моды. Само социальное пространство приобретает черты биополитического измерения, основные динамические характеристики которого управляемы набором целенаправленных воздействий, исходящих от биовласти.

Итак, биовласть – способ управления, для которого конструирование и редактирование человека становится перманентным. Пропущенные через тотальную мобилизацию XX в., политическая теология, психология масс, геополитика и евгеника как дискурсы конструирования верований, коллективных взаимовлияний, социального пространства и самой природы человека под воздействием биовласти стали биотеологией, биоправом, биокапитализмом и биотехнологией, в свою очередь превратившихся в матрицу дальнейшего конструирования человечества.

Политическая теология постепенно приобрела черты симбиотического единства конкурирующих ранее идеологий, став постидеологией (С. Жижек). Все большее значение в пределах постидеологии обретает биотеология, средоточием верований которой становится жизнь как таковая. Планетарные экологические вызовы, ассоциируемые с человеком как агентом субверсивных практик, губительных для живого, привели к «зеленой» повестке в диапазоне от умеренно-алармистских до радикальных течений экоактивизма. Внимание населения концентрируется на жизни как средоточии всех политических и гражданских инициатив. Столкновение выделенной Р. Эспозито оппозиции «власти жизни»

⁵⁸⁷ Давыдов Д.А. Революция личности, или восхождение персоналиата // Полития. 2020. № 4. С. 68-89.

(power of life) и «власти над жизнью» (power over life) приобретает размах противостояния Добра и Зла со своими проповедниками, подвижниками и мучениками. Биотеология как еще не сформировавшаяся мировая светская религия биофилии (Э. Уилсон⁵⁸⁸) еще не сформировала догматов, но уже обладает потенциалом монашеских орденов и инквизиции.

Практики управления массами в начале XXI в. также привели к универсалиям, важнейшие из которых вытекают из биотеологии – это права человека, фундированные правом на жизнь. Права человека приобрели глобальное измерение и обладают внушительным арсеналом средств обеспечения. Однако, в крайних своих формах биоправо как система обеспечения жизни людей парадоксально. В рамках биоправа политика жизни всегда рискует превратиться в работу смерти⁵⁸⁹. Биоправо, утверждая себя как компромисс нормативизма Г. Кельзена и децизионизма К. Шмитта, подкрепляется полицейскими операциями в условиях чрезвычайного положения и тем самым способствует узакониванию номоса лагеря Дж. Агамбена в масштабах планеты. «Теперь наднациональные субъекты, легитимность которых основана не на праве, а на консенсусе, вмешиваются во имя высших моральных принципов под предлогом возникновения чрезвычайных обстоятельств. То, что стоит за этим вмешательством, является... постоянным чрезвычайным положением, оправдываемым обращением к неотъемлемым ценностям справедливости»⁵⁹⁰. В результате глобальный порядок обретает черты смешения *politeia* и *imperium*, использующего право «справедливой войны в целях разрешения непрестанно возникающих чрезвычайных ситуаций»⁵⁹¹. В свою очередь геополитика, отредактированная ядерным консенсусом, трансформируется в биокапитализм, вовлекающий нации в конкуренцию на почве экономической глобализации,

⁵⁸⁸ Wilson E.O. *Biophilia*. Cambridge, Massachusetts, and London, England: Harvard University Press, 2003. Уилсон определяет биофилию как «врожденную тенденцию сосредотачиваться на жизни и жизнеподобных процессах» (с. 1), врожденное стремление к объединению с другими формами жизни (с. 85). Именно из благоговения перед жизнью, следуя Уилсону, складывается мировоззрение, соответствующее этике сохранения жизни, верной уникальной эволюционной истории (с. 139).

⁵⁸⁹ Esposito R. *Bios: Biopolitics and Philosophy*. С. 8.

⁵⁹⁰ Хардт М., Негри А. *Империя*. М.: Праксис, 2004. С. 32.

⁵⁹¹ Хардт М., Негри А. *Империя*. С. 32.

построения экономических империй ТНК, обладающих в границах постдемократий нередко властью большей, чем суверенные правительства. Биокапитализм осуществляет трансгрессию границ, захват территорий и подчинение населения, нередко с радостью капитулирующего перед этой soft power. «В эпоху модерна центральная задача политического порядка смещается от завоевания и подчинения территорий и населяющих их народов к исследованию и подчинению природы в целях обеспечения экономического роста. Политические структуры, функция которых изначально состояла в обеспечении военной мощи государства и поддержании социального порядка путем монополизации функции насилия, начинают трактоваться как инструменты экономической экспансии»⁵⁹². В такой перспективе «”свободная торговля” и “свободный рынок” на самом деле подразумевают создание мировых административных структур, главной целью которых является обеспечение прибыли инвесторов», а «”глобализация” в действительности означает бюрократизацию»⁵⁹³

Наконец, евгеника получает частичную реабилитацию. Сфера биотехнологий впитывает в себя идеи усовершенствования человека и разворачивает полномасштабное легальное вторжение во имя биофилии как средоточия современной биотеологии в пространство жизни, обещая ее тотальное редактирование, начиная с редактирования генома и заканчивая редактированием самой телесности и основных параметров жизни человека – рождения, смерти, длительности, полноты и даже носителя. На этом пути «современный вооруженный технологиями человек... реализует себя так, как если бы он и был природой, способным породить различные формы естественного... он становится

⁵⁹² Доббин Ф. Формирование промышленной политики: Соединенные Штаты, Великобритания и Франция в период становления железнодорожной отрасли. М.: Высшая школа экономики, 2013. С. 52.

⁵⁹³ Гребер Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 31. Для Д. Гребера, как и для А. Негри и М. Хардта, тотальная бюрократизация, сопровождающая глобализацию, являет миру планетарную биовласть в формах биокапитализма, поощряющего консьюмеризм, бюрократию и полицию («полиция – это бюрократы с оружием», с. 69). За ними скрывается структурное насилие, обеспечивающее реализацию интересов биовласти.

обладателем той привилегии, которая ранее принадлежала природному стихийному процессу естественного отбора»⁵⁹⁴.

В конечном итоге, перманентное редактирование человека в упаковке преклонения перед жизнью предлагает систему верований, обетованием которой является вечный мир, основанный на вечных ценностях (права человека, счастье, свобода, гарантированный доход, сохранение природы) для потенциально вечного земного человека. Безусловно, по мере реализации повестка, предложенная биовластью, заведующей социальным и человеческим конструированием, будет редактироваться. В современном мире биовласть обнаруживает себя в качестве основания социальной жизни. Биовласть держит в своих руках набор эталонов, стандартов, образцов и норм, которым должен удовлетворять человек и любой предмет изготовленный им для того, чтобы находится в правовом поле и, в определенных случаях, не подвергаться риску преследования. Биовласть оставляет за собой право модифицировать эти нормы и прилагает усилия для нормализации поведения и деятельности индивидов в соответствии с образцом. Тотально проникая в социальную жизнь, биовласть через сеть институций вторгается в область верований, правовых установлений, моральных норм, утверждая собственные диспозитивы. Действуя во имя и от лица жизни, биовласть непрерывно пересобирает общество, не гнушаясь насилием в серой зоне неразличимости приоритетов. Будучи обществом контроля, биовласть проникает все глубже, стремясь развернуть широкую сеть контроля как можно ближе к жизни человека. «Мы должны понять общество контроля как общество... где механизмы принуждения становятся еще более «демократическими»... действуя посредством гибких и подвижных сетей»⁵⁹⁵.

Мир утвердившейся биовласти пользуется спросом. Контроль над жизнью или жизнь, стремящаяся к самоконтролю, смешались в биополитическом пространстве современного мира. Биовласть прививает веру в жизнь, защищает, сохраняет, спасает, продлевает и облегчает жизнь. Однако, говоря от лица жизни и действуя во имя жизни, биовласть всегда одновременно сохраняет и истребляет

⁵⁹⁴ Попова О.В. Тело как территория технологий: от социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования. С. 53.

⁵⁹⁵ Хардт М., Негри А. Империя. С. 35-36.

жизнь. Это приносит человеку и пользу, и ущерб. Биовласть амбивалентна, она, как и сама жизнь, дарит и отнимает; «новые практики биополитического управления «жизнью» мобилизуют не только генеративные силы, но также и новые, более тонкие черты смерти и вымирания»⁵⁹⁶. Р. Брайдотти утверждает, что в современном мире «биовласть также включает в себя управление смертью... вопрос управления жизнью включает в себя также управление вымиранием»⁵⁹⁷. При этом активно задействуются современные технологии, включая Big Data и AI. Возникает ситуация, при которой описанный М. Фуко расизм в широком смысле слова более не связан с расой, но, по сути, с любыми генетическими или культурными характеристиками, которые можно сопоставить и обработать как статистические данные. Для Р. Брайдотти наступающая постантропоцентрическая эпоха способна обратить биофилию в систему отбора тех или иных видов, а равно тех или иных категорий людей во имя выживания избранных. Этот танатополитический и некрополитический лик биовласти санкционирует процессы, в рамках которых «рациональность закона и универсализм моральных ценностей не структурируют применение власти; вместо этого допускается неограниченное суверенное право убивать, калечить, насиловать и уничтожать жизни других»⁵⁹⁸. В таких условиях современная некрополитика приобретает глобальный масштаб. Опасность этого крена очевидна, однако контингентные выгоды некрополитического расширения биополитической регуляции способны в рамках маящей цели вечного мира для вечного человека попустительствовать применению высокотехнологичных методов отбора (оптимизации) всего и вся в преддверии «земного рая». Биовласть всегда балансирует на грани трансформации в некровласть.

Таким образом, следует признать, парадоксальным образом расцвет биополитики может обернуться ее закатом. То, что торг между властью и населением на фоне изменения политической конъюнктуры и очередного витка развития технологий ведет к кризису биополитики, становится все более очевидным. Колониальная экспансия, в ходе которой метрополиям удавалось сбрасывать издержки вовне, закончилась провозглашением независимости

⁵⁹⁶ Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Институт Гайдара, 2021. С.222.

⁵⁹⁷ Брайдотти Р. Постчеловек. С. 230.

⁵⁹⁸ Брайдотти Р. Постчеловек. С.236.

большинством бывших колоний. Стремительный рост стран «второго мира» (П. Ханна) усилил политическую и экономическую конкуренцию на международной арене. Демографическое и экологическое давление порождает спрос на стабилизацию роста народонаселения и повышенные требования к производству. Прогресс, вплотную подошедшей к четвертой промышленной революции (К. Шваб), основанной на искусственном интеллекте, робототехнике, достижениях нано-, био- и когнитивных технологий, ведет в мир экономики без людей (М. Форд, Э. Дрекслер, Р. Курцвейл). Может быть, это добрый знак – предвестник безусловного (универсального) базового дохода или универсальных базовых услуг для всех – ренты, гарантирующей выживание, а, может быть, и весьма комфортную жизнь⁵⁹⁹. Но, возможно, существует и негативный сценарий.

В такой ситуации неожиданно, но закономерно расцвет биополитики уже сейчас постепенно оборачивается кризисом биополитики, который может стать предвестником сворачивания этой формы властного вмешательства в жизнь людей. Восстание масс, спровоцированное элитами, на определенном этапе столкнулось с контрреволюцией восстания элит (К. Лэш), породившего постдемократию (К. Крауч) с развитой системой постидеологии (С. Жижек), в которой постправда (С. Фуллер) растворена в постпамяти (М. Ямпольский). Активные массы, возможно, явившиеся откровением для конструкторов века толп, превратились в молчаливое большинство (Ж. Бодрийяр) в процессе имплозии политического. Молчаливое большинство артикулирует свои требования иррационально в логике вывернутых наизнанку перформативов – действий, которые должны быть восприняты как речь, – символом чего является Killdozer из знаменитой войны М.Дж. Химейера. Например, одним из самых ярких последствий ковидного лагерного пространства чрезвычайного положения стала дерегуляция социальных отношений. Неожиданный американский бунт под лозунгами Black Lives Matter– бессмысленный и беспощадный – обнаружил во всей наготе диффузию норм, неэффективность социальных институтов, более не дисциплинирующих и не нормирующих, преобладание эмоциональной реакции над рациональным содержанием в постидеологическом симулякре, выдаваемом за

⁵⁹⁹См., напр.: Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века. М.: Синдбад, 2019.

политическую программу людьми, не имеющими общих политических интересов и объединенных ситуативно. Если это не новая реальность, то, по крайней мере, симптом, свидетельствующий о рассогласованности интересов власти и населения. Общество – это аутопоэзная система третьего порядка. «Поразительная особенность аутопоэзной системы состоит в том, что она вытаскивает сама себя за волосы и становится отличной от окружающей среды посредством собственной динамики, но при этом продолжает составлять с ней единое целое»⁶⁰⁰. Однако, спазмы социальной деструкции демонстрирует, что общество утратило пластичность, социум полон ригидных форм, подтверждающих потерю необходимой для сложных социальных систем гибкости, только в рамках которой возможен аутопоэзис, опирающийся на перманентную адаптацию к внешним и внутренним возмущениям в отношении системы. Более того, прогресс технологии, наделяющий их обладателей автономностью и даже самодостаточностью, может поставить вопрос о необходимости людей. Нуждается ли государство в росте и развитии населения, если новейшие технологии в изобилии способны предоставить все, что требуется для поддержания жизни компактной общины? Ставки в большой биополитической игре высоки, сильные мира сего, находясь под усиливающимся прессингом населения, вечно не удовлетворенного достигнутым уровнем благополучия, могут предпочесть бесконечному поиску компромисса радикальный отказ от изжившей себя стратегии, разрубив «гордиев узел» требований вошедшей во вкус публики конструированием нового мирового порядка, в котором эти запросы просто не уместны. Дерегуляция социальных отношений, индифферентная к диффузии норм и демонтажу сложившегося мироустройства, может увести в Новое Средневековье с новыми городами-империями и городами-государствами вроде Венеции и Генуи (Сингапур, Гонконг), новой системой брокеража (ЧВК), ордами кочевников (Сомали, Сирия) и твердынями неприступных крепостей, описанными А. Зиновьевым футурологически и Г.-П. Мартином и Х. Шуманном эмпирически как «общества 20/80», примером чего является Сан-Паулу с его структурами государства (для состоятельных) в государстве

⁶⁰⁰Матурана У., Варела Ф. Древо познания. С. 218, 53.

(для всех остальных)⁶⁰¹. А там совсем недалеко и до построений О. Хаксли, Р. Моргана, В. Войновича, Н. Чадовича, Ю. Брайдена, В. Сорокина и В. Пелевина.

§ 4. Технобиовласть и будущее человека⁶⁰²

Биополитика подготовила переход к биоургии – этапу развития человеческой цивилизации, на котором средствами биотехнологии будет трансформирована телесность человека и изменены основные параметры жизни. Безусловно, в настоящий момент совершенно невозможно предсказать, насколько реализуемы смелые проекты ученых. Можно лишь отметить, что, если биополитика пройдет кризис, то на пути развития биотехнологий она станет трансформантрапной биополитикой, полновластно вмешавшись в регуляцию жизни на качественно ином уровне. Апгрейд жизни может существенно превзойти все известные формы конструирования социальных отношений и самого человека, известные по этапу биоанисихии. Трансформантропная биополитика ведет в неведомый сейчас мир постистории, где человек становится постчеловеком.

Каков облик постчеловека? Попробуем оценить несколько возможных сценариев развития событий. Рассмотрим четыре возможных сценария: *Homo Animalis* (человек-животное), *Homo Formica* (человек-насекомое, человек-муравей), *Homo Deus* (человек-творец), *Homo Daemon* (демонический человек).

Homo Animalis. Апгрейд жизни ведет в «постисторию». Помимо того, что пост- значит после, постистория означает конец истории как череды потрясений, радикальных изменений, бурных страстей. И в этом смысле постистория ставит вопрос об отношении «человечности» и «животности». Праздное бездеятельное состояние, подобное оцепенению животного, не испытывающего давления «носителей значения» (Я. фон Юкскуль), для человека, для которого сама «человечность достигается только через приостановку животности»⁶⁰³, является приостановкой человечности. А. Кожев по этому поводу писал: «Исчезновение

⁶⁰¹ Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализации: атака на процветание и демократию. С. 5-10.

⁶⁰² В тексте параграфа использованы фрагменты статьи автора: Попов Д.В. От конструирования к апгрейду жизни: расцвет или кризис биополитики? // Человек. 2020. Т. 31, № 6. С. 68–86.

⁶⁰³ Агамбен Дж. Открытое. С. 90.

Человека в конце Истории не будет космической катастрофой: природный Мир останется таким, каким был от века. И это тем более не биологическая катастрофа: Человек продолжает жить, но как животное – в согласии с Природой, или наличным Бытием. Кто исчезает, так это собственно Человек... Субъект, противостоящий Объекту»⁶⁰⁴. Исчезновение Человека не есть гибель человечества, но может означать радикальную трансформацию людей. В рамках этой метаморфозы образ жизни человека может приблизиться к животному (*Homo Animalis*). Это состояние «не производящей негативности» (Ж. Батай), под знаменами которой конец истории превращается в инсценировку мифа, замешанного на эротизме, игре и радости перед лицом смерти. Эта батаевская «идиллия» окончания истории усилий, достижений и катастроф не выглядит празднично. Скорее мы являемся свидетелями фарса – кошмарной идиллии, адского рая.

А. Кожев, как и позднее Ж. Бодрийяр, полагал, что воплощением конца истории является Америка и тот образ жизни, который считается «американским». Кожев полагал, что послевоенная Америка фактически достигла марксова “бесклассового общества”: «...социальное неравенство элиминировано... те барьеры, которые остались, в некотором смысле “необходимы и неискоренимы” из-за природы вещей, а не по воле человека. В этих пределах о таком обществе можно сказать, что оно достигло марксова “царства свободы”»⁶⁰⁵. Ф. Фукуяма, воспринимаемый как «пророк» конца истории, справедливо вопрошает: «Жизнь последнего человека – это жизнь физической безопасности и материального изобилия... И это действительно «суть и цель» многотысячелетней истории человека на земле? Не следует ли нам бояться, что мы будем и счастливы, и удовлетворены нашим положением и не будем больше людьми, но животными вида *Homo sapiens*?»⁶⁰⁶ В гротескной форме воплощение мечты о потребительском рае мы можем наблюдать в телесериале «Последний человек на Земле» (*The Last Man on Earth*, 2015-2018гг.), в котором Фил Миллер – последний человек на Земле, – становится обладателем всех земных благ, но ищет

⁶⁰⁴ Агамбен Дж. Открытое. С. 13.

⁶⁰⁵ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М: АСТ: АСТ МОСКВА: Полиграфиздат, 2010. С. 437

⁶⁰⁶ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. С. 468.

выживших людей, стремясь из своей постистории изобилия вернуться в историю, полную склок, дрызг и испорченных нервов, гарантированных межчеловеческими отношениями. «Животность» тоскует о «человечности».

Homo Formica. Животное состояние человека в обществе потребления, прекрасно описанное О. Хаксли в «Чудном новом мире (Brave New World)» или С. Лемом в «Футурологическом конгрессе», имеет и другую грань: человек может неподлинно воспроизвести не только животное состояние, но и жизнь насекомого – муравья. Люди могут стать мирмидоньями наоборот. Все тот же Кожев писал о «японизации» постисторического человека. Японизация достигает высочайшего уровня формализации и эффективности, так что «японцы в настоящее время живут в системе совершенно формализованных, т.е. полностью лишенных какого-либо «человеческого», в смысле «исторического», содержания ценностей»⁶⁰⁷. Японизация – это американизация в потреблении с сохранением строго регламентированных форм отношений между людьми, напоминающих неизменные протокольные формы взаимодействия муравьев (трофаллаксис, в человеческом обществе трансформировавшийся в лингвистический трофаллаксис или лингваллаксис⁶⁰⁸). Однако формализация отношений, ритуально-циклический режим жизнепроживания расчеловечивает людей. В подобном расчеловеченном состоянии человек одновременно приближается к социальному насекомому – муравью – и роботу, как воплощению запрограммированности в сложносоставной и целесообразной деятельности. Происходит одновременно «роботизация» и «муравьезация» человека. Из *Homo Animalis* человек превращается *Homo Formica*. «Миллионы лет мы были усовершенствованными шимпанзе. А можем стать сильно увеличенными муравьями»⁶⁰⁹. Роботоподобие и одновременно сходство с муравьями усматривал в человеке будущего А. Зиновьев. Стандартизация половых, возрастных, профессиональных, служебных и прочих характеристик делает всех одинаковыми, словно муравьи или роботы одной серии. Следуя А. Зиновьеву, однотипное образование, внешний вид, навязанные привычки и бытовое поведение деиндивидуализирует человека, из-за чего в

⁶⁰⁷ Агамбен Дж. Открытое. С. 18-19.

⁶⁰⁸ Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. С. 224, 255, 264, 306.

⁶⁰⁹ Харари Ю.Н. *Homo Deus*. Краткая история будущего. С. 425.

употребление вошел термин «человья». Наступившая постчеловеческая эпоха достигает потолка своей эволюции и закичивается в воспроизводстве одной и той же социальной организации человеиника. Люди «превратились в сверхлюдей, то есть в социальных роботов. А роботы сами по себе не подлежат никакой эволюции». Для человекеев наиболее «адекватной является формула «Сверхчеловек сверхчеловеку – робот»⁶¹⁰. *Homo Animalis* и *Homo Formica* объединяет приостановка человеческого в человеке. Мы сталкиваемся с «людским зверинцем» (Д. Моррис), люди сами помещают себя «в бескраиний зоопарк, где большинство людей считают, что живут очень насыщенной и полной смысла жизнью»⁶¹¹, превратившись в человекеев.

Homo Deus. Однако апгрейд жизни может иметь и другие сценарии. Для этого необходимо, чтобы человек не утратил способности к поступку, опирающемуся на совесть и чувство – чувство справедливости, гнев, стыд, вину, достоинство. Оскудение чувств, банализация стремлений, цинизм – путь к тотальной машинной рационализации и инволюции из человека в человекеев. Ф. Фукуяма основой историчности человека считает «склонность ощущать самооценку», которую он относит к той части души, которая называется «тимос». Тимос похож на врожденное человеческое чувство справедливости. «Люди считают, что они имеют определенную ценность, и когда с ними обращаются так, будто эта ценность меньше, чем они думают, они испытывают эмоцию, называемую гнев. Наоборот, когда человек не оправдывает представления о своей ценности, он испытывает стыд, а когда человека ценят согласно его самооценке, он испытывает гордость»⁶¹². Тимос выражается различным образом. Его утрата ведет в постисторию *Homo Animalis*. Его наличие ведет к *Homo Deus* и *Homo Daemon*. Мир без тимоса может быть блаженной животной пасторалью, а может оказаться глобальным насекомым человеиником. Постистория, в которой тимос присутствует – миры *Homo Deus* и *Homo Daemon* – полюса созидания и разрушения. Тимос принимает формы достоинства, чести, гордости, но и

⁶¹⁰ Зиновьев А. А. Глобальный человекеевник. М.: Эксмо, 2003. С. 405-406.

⁶¹¹ Тегмарк М. Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта. М.: АСТ: CORPUS, 2019. С. 78.

⁶¹² Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. С. 16.

гордыни. «Желание быть признанным высшим мы с этого момента будем называть... «мегалотимией». Мегалотимия может проявляться и у тирана, поработавшего окружающих, чтобы они признали его власть, и у концертирующего пианиста, который хочет, чтобы его считали самым лучшим интерпретатором Бетховена»⁶¹³. Биоургия, основанная на созидательном «тимотическом» (Ф. Фукуяма) порыве, – теогония Homo Deus. Возможно, на путях апгрейда жизни естественный человек, и поныне таковым являющийся, станет искусственным, сохранив жизнь, но приобретя преимущества машины – вечность, ремонтпригодность, модифицируемость, дополняемость etc. Такой постчеловек создаст новую среду своего существования и займет в ней определенное положение в ряду собственных творений. В гуманологии М. Эпштейна человека находится в ряду разумных и неразумных форм жизни, а также внебиологических форм разума среди животных, гуманоидов, киборгов, роботов в рамках единой ноо-техносферы. Человек предстает как творец среди своих созданий, дополняющих и даже превосходящих его⁶¹⁴. В такой перспективе биоургия ведет от единого мира, населенного многими, к множеству миров, имеющих не более чем общую платформу. Непрерывный апгрейд жизни создает мультиверс уникальных жизненных проектов – монадологию параллельных универсумов. Созидательный биоургический проект Homo Deus описан Б. Стирлингом в «Схизматрице». В финальной сцене один из главных персонажей встречает сущность, которую он называет «присутствием». Присутствие прошло длительную эволюцию и, сохранив разумность и творческое отношение к действительности, приобрело неуязвимость к любым внешним воздействиям.

«– Так чего же ты хочешь, присутствие? – Того, что у меня есть! Вечности, полной чудес. И даже не вечности, а неопределенной длительности, в ней-то самый и кайф. Подожду тепловой смерти Вселенной и погляжу, что будет потом! А все, что произойдет тем временем, – это же кое-что!». Этот неопределенный оптимистичный финал научно-технического прогресса – воплощенная биоургия. О пути к ней пишут фантасты, размышляют философы. Процесс трансгрессии от биохриисии через

⁶¹³ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. С. 282-283.

⁶¹⁴ Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 606-610.

биоанисихии к биоургии – путь преобразования человека в религии. Биоургию как проект преобразования мира и человека рассматривали в русском космизме (Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский). Современный трансгуманизм склонен к оптимистической оценке перспектив апгрейда жизни человека, однако биоургия совершенно не гарантирует успеха.

Homo Daemon. Диапазон сценариев простирается от восторженного призыва эры невиданных возможностей до тревожного ожидания заката человечества. Мегалотимия может привести к миру *Homo Daemon*. Мрачный образ трансгуманизма описан в трилогии «Видоизмененный углерод» (*Altered Carbon*) Р. Моргана. Особенностью этого мира является биотехнологическая революция, которая привела к возможности неограниченного продления жизни – к физическому бессмертию. «Настоящая смерть», однако, продолжает существовать. Она возникает тогда, когда уничтожается «стек» – вживляемый после рождения человека хранитель загрузки сознания, который можно перемещать из тела в тело, в том числе синтетическое. Мир «Видоизмененного углерода» сохранил дефекты социальных систем современности. В нем социальная дифференциация доведена до невиданного предела – власть, богатство, технология и престиж сосредоточены в руках избранной касты – «мафов» (от имени Мафусаила – праотца-долгожителя человечества), которые фактически правят миром. Мафы не только защищают свои стеки, но и дублируют содержание стека в резервную копию, имеют целый «гардероб» синтетических тел-оболочек, используют новейшие достижения, имея привилегированный доступ к биотехнологиям. Долгая жизнь превращают мафов в сверх-людей особого свойства. Они выходят «по ту сторону добра и зла», превращаясь в *Homo Daemon* – циников, ценителей и практиков порока. Мафы, долгожители и гедонисты, с неизбежностью движутся по пути маркиза Д. де Сада, в творчестве которого «прослеживается триумф порока и поражение добродетели»⁶¹⁵. Баснословное богатство, возможность конструирования и бесконечной модификации собственной телесности, доступность удовольствий,

⁶¹⁵ История частной жизни: под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Т. 4: от Великой французской революции до I Мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 45.

положение по ту сторону закона и морали – все это формирует у мафов крайние формы извращенности, при которых происходит «последовательное уничтожение всех табу, упорядоченный слом всех границ, вплоть до совершения преступления, если того требует удовольствие»⁶¹⁶. Именно порок объединяет мафов, в роскошных укромных уголках высокотехнологичных притонов удовлетворяющих свои «утонченные» страсти. Мафы метафорически и буквально небожители. Их элитные замки располагаются высоко над землей и, надежно укрытые высокотехнологичными кольцами охранных систем от постороннего наблюдения, напоминают образы тайных будуаров из романов Д. де Сада.

Власть и наркотическое пристрастие к удовольствию закручивают спираль диалектики власти и порока, порождая «неограниченное право всемогущей чудовищности»⁶¹⁷. Непрерывный апгрейд телесности приводит к парадоксальному следствию: человек более не связан границами тела. Тело – эфемерная оболочка – легко заменяемая, а значит, малоценная. Возникает инфляция в отношении применения насилия. Маф – Homo Daemon биургического рая совершенных биотехнологий – творит мир, который олицетворяет гора стеков на барахолках земных колоний, подобная горе черепов на картине В.В. Верещагина «Апофеоз войны» – образ смерти биополитики в мире биоургии Homo Daemon. Жизнь, потерявшая ценность, заключена в стек как в карцер в мире, ставшем гигантской пыточной де Сада. Мегалотимия мафов вырождается в безудержное желание, презирающее границы человечности. Это не «животность». Следуя И. Гердеру, писавшему о принципиальной неравности человека животному, состояние мафа – не недостижимая для животного высота, а, напротив, бездонная пропасть, в которую животное не опустится. Если мир Homo Deus в процессе апгрейда жизни сохраняет надежду на подлинную человечность, то мир Homo Daemon – мир бесконечного падения человека – inferno в форме совершенной технократии.

Итак, в ходе научно-технического развития человеческая цивилизация вошла в заключительную фазу биоанисихии и подступила к границам биоургии. Современные ожидания от новейших биотехнологий радикальны. Апгрейд жизни

⁶¹⁶ История частной жизни. С. 46.

⁶¹⁷ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 169-170.

может быть реализован в рамках различных сценариев. Во-первых, человек, как *Homo Animalis* или *Homo Formica*, способен вновь обрести «рай» внеисторического жизнепользования охотников и собирателей в состоянии «животности» или социального насекомого-человья в условиях развитой технократии. Во-вторых, человек как *Homo Deus* – проект радикального апгрейда, формирующий мультиверс монад – творцов и пользователей уникальных миров. В-третьих, человек как *Homo Daemon* способен создать «мир все равно что ад, и люди, с одной стороны, – истязаемые души, с другой же – дьяволы в нем»⁶¹⁸. Возможные сценарии будущего биовласти позволяют сделать выводы об антропологическом потенциале биополитики.

Биовласть имеет огромный потенциал и широкий спектр сценариев в диапазоне между *Homo Deus* и *Homo Daemon*. Негантропная биополитика основывается на максиме *homo homini lupus* (лат. – человек человеку волк), впервые сформулированной Плавтом (ок. 254–184 до н. э.) в пьесе «Ослы» (*Lupus est homo homini, non homo* – «Человек человеку волк, а не человек»). Известно использование максимы *homo homini lupus* Т. Гоббсом в рамках описания «естественного состояния», соответствующего *bellum omnium contra omnes*. Для Т. Гоббса естественное состояние и неправовой аморальный «волчий» нрав отнюдь не являлись метафорой. «В XV и XVII веках благодаря наличию линий дружбы»⁶¹⁹ выражение «*homo homini lupus*» сохраняло конкретный смысл... Он [Т. Гоббс – Д.П.] говорит о «естественном состоянии», но отнюдь не в смысле некоей беспристрастной утопии. Естественное состояние Гоббса – это «ничейная земля», но именно поэтому оно – не земля, располагающаяся «нигде»⁶²⁰. Негантропная биополитика, переходящая в некрополитику, продуцирует «миры смерти» (*death-worlds*), как отмечал А. Мбембе, – именно ту

⁶¹⁸ Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5: *Parerga и Paralipomena*: В 2 т. Т. 2: *Paralipomena*. М.: ТЕРРА–Книжный клуб: Республика, 2001. С. 233.

⁶¹⁹ В качестве пояснения следует указать, что *amity lines* – конвенционально определенные европейскими державами границы *jus publicum europaeum*, за пределами которых нормы европейского права не действуют не только в отношении европейцев к местным жителям, но и между представителями европейских держав; именно поэтому пиратство, каперство, набеги на колонии держав-конкурентов были распространенной и невозбраняемой практикой – Д.П.

⁶²⁰ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 90.

”ничейную землю”, где разворачивается процесс расчеловечивания в ходе *bellum omnium contra omnes*. Р. Брайдотти констатирует, что «мы вступили в эпоху хорошо организованных прагматичных расправ и боен... множественных и параллельных «миров смерти». Эти некрополитические режимы управления... также распространяются по сетям глобальных медиа в качестве инфотейнмента»⁶²¹. В наше время последствием современных «телетанатологических войн» становятся лагеря беженцев – эти зримые образы лагеря Дж. Агамбена в качестве нового номоса земли, попирающего правовой и моральный порядок. «Беженцы становятся... настоящим воплощением человека как расходного материала, которого Агамбен называет *homo sacer*, и, следовательно, являются предельным некрополитическим субъектом»⁶²².

Трансформантропная биополитика, опираясь на стремительно растущие возможности технологий, предвкушая технологическую сингулярность, всерьез допускает осуществление максимы *homo homini Deus*, восходящую к Плинию. Для трансформантропной биополитики, напротив, возможности человека расширяются до безграничных пределов, как расширяется и пространство охвата технобиовласти – пространство человеческой телесности, дополненное машинной функциональностью.

Однако, следует сосредоточить внимание на антропологическом значении биополитики, принимая в расчет формулу, используемую Франсиско де Витория: *homo homini homo* (человек человеку человек (лат.)). Биополитика – уже несколько столетий используемая практика раскрытия потенциала человека в ходе материально-деятельностного моделирования социальных отношений. Для того, чтобы раскрыть антропологическое значение биополитики, вновь обратим внимание на то, биополитика предстает в качестве научного, рационально-технического и бюрократического управления биологической жизнью людей, осознанных как население (А.В. Яркеев).

Современная биополитика формируется в эпоху Модерн как тотальный, телесный (даже интимный, учитывая стремление биополитики оказывать воздействие на все проявления жизни человека с момента рождения и до смерти),

⁶²¹ Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Институт Гайдара, 2021. С. 239.

⁶²² Брайдотти Р. Постчеловек. С. 246.

целенаправленный эксперимент над населением, направленный на раскрытие потенциала человека. Биовласть активно использует научный потенциал эпохи Модерн как в области организации экономической жизни, так и в области управления. Статистика фиксирует произошедшие изменения, выступая и протоколом эксперимента, и формой обратной связи, позволяющей контролировать ход эксперимента, продолжая, приостанавливая или отказываясь от тех или иных социальных практик. Тотальность биополитики соответствует новому международно-правовому статусу непрозрачных автономных территориальных пространств национальных государств, рассчитывающих на собственные ресурсы, важнейшим из которых выступает население. Раскрытие потенциала населения для национального государства является жизненно необходимым. Эта же зависимость от населения как ресурса полагает пределы социальным практикам, поскольку только в режиме заботы о населении национальное государство может обеспечить себе стабильное существование и поступательное развитие. Эксперимент не может проводиться в режиме, истощающем силы населения и тем самым полагающим предел существования самого национального государства. Зазор, в пределах которого возможно стимулировать население, не растрчивая понапрасну его жизненные силы, является областью биополитических практик, нацеленных на сохранение режима *homo homini homo*. Безусловно, социальное конструирование в XIX–XX вв. заходило существенно за границы отмеченной области, однако, негативные итоги подобных практик скорее послужили предостережением и ограничением для дальнейшего развития биополитики. Биополитика, будучи по преимуществу заботой о жизни, методом проб и ошибок определяет собственный инструментарий и пределы интенсивности его применения. Но именно этот обобщенный опыт биовласти может быть оценен как вклад в антропологические исследования человека.

Воспользуемся знаменитым высказыванием И. Канта, в котором «все интересы моего разума (и спекулятивные, и практические) объединяются в следующих трех вопросах: 1. Что я могу знать? 2. Что я должен делать? 3. На что я могу надеяться?»⁶²³ Кант трактовал первый вопрос как исключительно

⁶²³ Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2015. С. 598.

теоретический (чисто спекулятивный), второй – как чисто практический, а третий – как одновременно практический и теоретический. Вместе эти вопросы позволяют ответить на вопрос, что есть человек. Биополитика вносит свой непосредственный вклад в раскрытие каждого вопроса, тем самым способствуя углублению знаний о человеке.

В первую очередь, следует обратить внимание на связь биополитики и познания. Для эпохи Модерн характерно представление об активном выведывании тайн природы – совершенно не случайна значимая роль натуралиста или естествоиспытателя – того, кто испытывает природу, выпытывает ее секреты. Только настойчивое, пристрастное воздействие на природу вынуждает ее раскрыть (ср.: англ. *dis-covery* – открытие) свои тайны. Естествоиспытатель заходит в своей любознательности настолько далеко, насколько возможно для того, чтобы выследить скрывающуюся закономерность (естествоиспытатель – следопыт, движущийся за фронт в неизведанное), но таким образом, чтобы в ходе расследования не нанести урон изучаемому объекту настолько значительный, что это станет препятствием для научного изыскания истины. Таким образом, естествоиспытатель и испытывает природу, и, тем не менее, останавливается, если обнаруживается возможность зайти слишком далеко. Это приближение в познании к возможному пределу на максимально близкое расстояние как положительный результат познания можно обнаружить у И. Канта, для которого «во всех границах есть нечто положительное... тогда как пределы содержат одни лишь отрицания»⁶²⁴. Границы познания, со временем отодвигающиеся как незафиксированные фронтиры, в каждый момент времени выполняют функцию ясного определения переднего края, раздвигая пределы опыта; «так как сама граница есть нечто положительное, принадлежащее и к тому, что заключается внутри нее, и к пространству, лежащему вне данной совокупности, то это есть действительное положительное познание, приобретаемое разумом только благодаря тому, что он простирается до этой границы, не пытаясь, однако, зайти за нее, так как он найдет там лишь пустое

⁶²⁴ Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 102.

пространство...»⁶²⁵. Итак, познание есть испытание на грани возможного в пределах разумных усилий.

Это положение имеет продолжение в биополитике. Во-первых, биополитика выступает в качестве испытания населения, раскрытия его потенциала настолько, насколько это возможно и допустимо. В рамках сформировавшейся нововременной модели *jus publicum europaeum*, представляющей собой всеобъемлющий пространственный порядок, регулируемый межгосударственным международным правом, основной единицей которого стало территориально замкнутое в своих границах национальное государство, население является для государства основным источником и ресурсом его могущества. Однако, извлечение выгоды из населения для государства точно также, как и в случае естествоиспытателя, выпытывающего тайны природы, ограничено некими пределами, за которыми начинаются разрушительные процессы. Для естествоиспытателя превышение незримой меры чревато неконтролируемым буйством сил природы и даже собственной гибелью. Государство рискует вызвать мятеж или, истощив население, погрузить его в состоянии апатии, аномии. И то, и другое в условиях межгосударственной конкуренции может привести к гибели. Национальное государство в рамках биополитических практик уподобляется естествоиспытателю, в своем стремлении извлекать выгоду из населения заходящего настолько далеко, насколько это возможно без ущерба для собственного существования. Во-вторых, сама по себе забота о населении включает в себя испытание, но уже каждого отдельно взятого индивидуума. Насаждая образование, здравоохранение, санитарное дело и эпидемические службы, всеобщую воинскую повинность и занятость, биовласть распространяет характерные инструменты, образцом для которых является экзамен – испытание на соответствие определенным требованиям, стандарту. «Экзамен показывает, достиг ли индивид требуемого уровня, гарантирует, что его обученность соответствует обученности других, и определяет способности каждого

⁶²⁵ Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука. С. 109.

индивида»⁶²⁶. Экзамен – это испытание. Экзамен в своей основе опирается на допрос и даже, в определенном смысле, на пытку. Биовласть широко использует этот инструмент, основывая обучение на сериях экзаменов-испытаний. В результате масштабирования подобных практик дисциплинаризация, применяемая в отношении населения, принимает формы нормализации – приведения всего населения к определенным нормам, стандартам, эталонам. Кроме того, экзамены-испытания не приносят одностороннюю выгоду биовласти, но дают квалификацию и открывают социальные возможности для испытуемых, тем самым стимулируя индивидов. Такая практика обобщенно может быть понята и как испытание индивидуумов, и как раскрытие потенциала населения, и как исследование природы человека. Учебный процесс, армейская муштра, физическая культура и спорт, даже календарь прививок, который может быть понят как серия испытаний организма в рамках программ медикализации, – все эти социальные практики, предполагающие многоступенчатое формирование свойств-привычек, обусловлены (если они эффективно работают) ясным пониманием пределов, мер и границ человеческих возможностей, соответствующих среднестатистическим физическим и психическим параметрам и индивидуальным задаткам испытуемых. Биовласть, формируя охватывающие все населения социальные институты, инвестирующие, а затем извлекающие выгоды из инвестиций в индивидуумов, методом проб и ошибок, намеренно и исподволь, шаг за шагом постигает природу человека. Испытание населения приобретает систематический характер, распадаясь на серии испытаний индивидов. Цель – «обогащение» основного ресурса могущества государства – населения – ради повышения нормы прибыли. Основание процесса составляет как знание о возможности приобретения человеком определенной совокупности навыков и привычек без ущерба для него, так и понимание, что и сами индивидуумы будут склоняться к прохождению испытаний ввиду грядущей частной выгоды. Это глубокое фундирование биовластью природы человека приводит к наиболее глубокой связи биополитики и антропологического знания.

⁶²⁶ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. С. 103.

Поэтому, в-третьих, заложенное в биополитике вмешательство в жизнь населения выражает тот тип познания человека, в котором сочетаются субъективное и объективное знание о человеке. Бювласть имеет практический интерес, поскольку нуждается в населении, как в основном ресурсе своего могущества. Воздействуя на население, бювласть непрерывно осуществляет социально-преобразовательную деятельность. «Преобразуя общество, люди всегда исходят из каких-либо предположений о его природе. В соответствии с этими предположениями они стремятся его улучшить. Но после того, как изменения внесены, они имеют дело уже с новым обществом, отличающимся от того, которое до этого рассматривалось. Были первоначальные гипотезы истинными или нет, установить уже нельзя: человечество имеет новый набор проблем и строит новые гипотезы»⁶²⁷. Бювласть в непрерывной погоне за могуществом, процветанием и благополучием вступает на путь перманентного социального преобразования. При этом она ведет себя как субъект познания населения. Как известно, «субъект познания горит желанием познать объективный мир. С этой целью он практически воздействует на мир, изменяя его. В результате он познает не то, что хотел познать, а то, что получилось в результате изменения... С каждым новым шагом вперед субъект познания как бы очеловечивает своим активным вмешательством еще одну область мира и познает уже очеловеченное, а не объективно существующее. Мы познаем мир вместе с нами, синтез субъекта и объекта, а мир без нас мы познать не можем»⁶²⁸.

В биополитических практиках формируемый социум опирается на вы-пытанные бювластью способы обращения с населением. За ними скрывается антропологическое знание о природе человека, достигнутое методом проб и ошибок. В этом знании опытным путем выведена «формула» меры воздействия на индивида, раскрывающая его потенциал социально-приемлемым образом к обоюдной выгоде человека и общества. Речь, разумеется, идет о конфиантропной биополитике – только эта биополитическая стратегия способна бережно относиться к человеческому потенциалу и поэтому приблизиться к такой

⁶²⁷ Орехов С.И., Федяев Д.М. Еще раз о познании и вере. Омск: ОмГПУ, 2009. С. 20-21.

⁶²⁸ Орехов С.И., Федяев Д.М. Еще раз о познании и вере. С. 21.

социальной репрезентации человека, в которой остается место человеку. Негантропная биополитика и, тем более, некрополитика движутся в безмерность, расчеловечивая человека и удаляясь от понимания его природы. Некрополитическим «мирам смерти» А. Мбембе вполне соответствует изречение Т. Гоббса: «В таком состоянии... нет общества, а что хуже всего – это вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, зверина и кратковременна»⁶²⁹.

Биовласть разделяет дух эпохи Модерн, она активно вмешивается в процесс преобразования действительности, тем самым осваивая ее. Биовласть органично встраивается в нововременную картину мира. Сама же картина мира эпохи Модерн формируется под непосредственным влиянием человека, являющегося ее субъектом. Спецификой картины мира эпохи Модерн становится ее неразрывность с человеком как субъектом ее построения, его интересами и активно-преобразовательной позицией. «Где мир становится картиной, там к сущему в целом приступают как к тому, на что человек нацелен и что он поэтому хочет соответственно преподнести себе, иметь перед собой и тем самым в решительном смысле пред-ставить перед собой. Картина мира, сущностно понятая, означает таким образом не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины»⁶³⁰. В Новое время для человека в качестве субъекта познания и преобразовательной деятельности мир становится картиной, являющейся разновидностью само-репрезентации человека. Процесс превращения мира в картину, обусловленный трансформацией человека в субъекта картины мира приводит к тому, что «чем шире и радикальнее человек распоряжается покоренным миром, чем объективнее становится объект, чем субъективнее, т.е. наступательнее выдвигает себя субъект, тем неудержимее наблюдение мира и наука о мире превращаются в науку о человеке, в антропологию»⁶³¹. Но именно этой тенденции антропологизации знания, которым обладает человек, соответствуют биополитические практики, которые конструируют социальное, придают ему форму.

⁶²⁹ Гоббс Т. Левиафан. М.: РИПОЛ классик, 2017. С. 134-135.

⁶³⁰ Хайдеггер М. Время и бытие. С. 49.

⁶³¹ Хайдеггер М. Время и бытие. С. 51.

Биополитика выступает ориентированным на конструирование социального инструментом оформления картины мира. В мире, где «человек в качестве субъекта поднял собственную жизнь до командного положения всеобщей точки отсчета», где «сущее считается сущим постольку и в такой мере, в какой оно вовлечено в эту жизнь и соотнесено с ней»⁶³², биополитика является полноправным и конгениальным инструментом познания, своим активно-преобразовательным экспериментальным отношением к индивидууму и совокупному населению соответствуя духу эпохи. И даже то, что биовласть сосредотачивается на населении как статистически моделируемом объекте манипуляций, вполне соответствует логике дистанцирования от непосредственной данности явлений, характерной для науки Нового времени. Если верно то, что «отчуждение от мира определило динамику развития новоевропейского социума, тогда как отчуждение от Земли с самого начала стало отличительным знаком новоевропейской науки»⁶³³, то столь же верным будет и то, что отчуждение биовласти от индивидуума в пользу населения задает новую систему координат в познании человека, соответствующую господству математического моделирования в естествознании. Если в Новое время складывается такой тип познания, в рамках которого «любая картина мира... должна противоречить тому, что непосредственно лежит... перед глазами», так что приходится «теоретически-научно жить в “перевернутом мире”»⁶³⁴, то и биополитика, ориентированная на статистически-данный конструкт населения и проективно-экспериментальную деятельность, нацеленную на его трансформацию, разделяет оптику отстраненного внешнего взгляда. Если в эпоху Модерн «древнее двуделение неба и земли отменено и на его место выступило нераздельное в себе мироздание, с точки зрения которого все законы земной природы становятся частными случаями вселенски значимых законов, подобно тому как Земля – особым случаем тех несочтенных и неисчислимых тел, движущихся во вселенной»⁶³⁵, то и в биополитике можно разглядеть тот же

⁶³² Хайдеггер М. Время и бытие. С. 51.

⁶³³ Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. С. 348.

⁶³⁴ Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. С. 372-373.

⁶³⁵ Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. С. 346.

потенциал континуума возможностей по трансформации населения всеми потенциально представимыми способами, в рамках которых биовласть ищет оптимальную стратегию максимального счастья максимального числа людей, совместимую с максимумом могущества, процветания и безопасности национального государства. Таким образом, можно утверждать, биополитика вписывается в нововременную научную картину мира, преобразовательную в своей телеологии и антропологическую по своему существу. Субъект познания эпохи Модерн обнаруживает себя в конструируемом им социуме не иначе, как биовласть.

Биополитика не только активно участвует в ответе на вопрос о том, что можно знать о человеке, но и, возможно, в еще большей степени, участвует в ответе на вопрос о том, что человеку следует делать. В частности, биополитика моделирует континуум образцов, стандартов, эталонов, форм-жизни (Дж. Агамбен), ориентируясь на которые в режиме мимесиса индивидуум обретает практический ответ на вопрос о возможном и должном поведении. Затяжная биовластью сложная игра в ускорение/ сдерживание социальных процессов на уровне индивида влечет процессы трансформации идентичности. Биовласть, управляя населением, применяет в отношении индивида стандартные инструменты в рамках формируемых унифицированных учреждений, коммодифицирующих тело и жизнь и, одновременно, обезличивающих индивида. Однако, «работа на себя» (М. де Серто) возвращает человеку его лицо. Если в рамках тотальных институтов, конструируемых биовластью, мы обнаруживаем размывание границ обособленности, неразличимость «переднего» и «заднего» планов, за которыми просматриваются «тела, лишённые лиц», то в работе на себя «особое место отводится “работе лица” и использованию стратегий контроля, которые дорабатываются субъектами деятельности прямо на месте»⁶³⁶. Работа на себя благотворна и для индивида, очеловечивающего окружающее его социальное пространство, и для самой биовласти, выполняя функцию иммунизации от излишнего расчеловечивания человека, что препятствует достижению целей, которые биовласть ставит перед собой.

⁶³⁶ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический проспект, 2005. С. 231-233.

Антиномии инструментализации и ре-индивидуализации человека можно проследить в сложной диалектике фреймов и габитусов – предлагаемых биовластью в порядке «настроек» и «фабрикаций» (И. Гофман) способов восприятия и практического освоения действительности и соответствующих им моделей поведения, становящихся второй природой индивида. Как известно, Г. Бейтсон уподобляет фрейм раме картины. Функция фрейма состоит в разграничении фигуры и фона – «это инструкция зрителю, чтобы он не применял предпосылки, относящиеся к фигурам на картине, к обоям позади нее»⁶³⁷. Фрейминг встраивает индивида в систему диспозиций, прививая определенный взгляд на рассматриваемое явление. Масштабированный аппаратами пропаганды, фрейминг приобретает характер картины мира, заданной биовластью исходя из определенных приоритетов и предназначенный для формирования устойчивых моделей мироотношения у населения. И. Гофман, развивая идеи Г. Бейтсона, создает аналитику фреймов, отвечающих за структурирование реальности. Отвечая на вопрос «Что здесь происходит?», «фрейм представляет собой процедурное знание – «знание как» или последовательности действий, описывающих либо креативный аспект предмета, либо его функциональный аспект»⁶³⁸. И. Гофман интерпретирует фрейм как версию «заклучения в скобки» (bracketing) и описывает как фреймы настройки (переключения) в восприятии реальности, так и ее фабрикация. Настройка нацелена на формирование одинаковых представлений о происходящем, фабрикация навязывает представления. Биовласть пользуется фреймами настройки, но не гнушается и фабрикациями. Важнейший элемент индустрии фреймов – ключ (key), соотносимый «с набором конвенций, посредством которых определенная деятельность, уже осмысленная в терминах базовой системы фреймов, трансформируется в иной, с точки зрения участников, вид деятельности»⁶³⁹. Ключи определяют возможности интерпретации действительности и задают область значений в оценке социальных процессов, позволяя биовласти манипулировать

⁶³⁷ Бейтсон Г. Экология разума. С. 161, 162-170.

⁶³⁸ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 42.

⁶³⁹ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. С. 104-105.

населением. Это находит свое выражение в инструментарии идентификации, предназначенным для манипулирования массами, ориентирующимся на лидеров общественных мнений, а также практической идеализации, связанной со становлением общества потребления.

Фреймам, выполняющим активную формообразующую роль, соответствуют габитусы – модели подстраивающегося к заданным структурам поведения. Встречный процесс «заклЮчения в скобки» индивида и его ответной активности «включает в себя интериоризацию структур... и экстериоризацию приобретенного... в практики»⁶⁴⁰. Габитус в качестве *modus operandi*, «здорового смысла», «второй природы» становится совокупностью привычек и образом жизни индивида, активно включающего его в систему навязанных фреймами структур социального действия и моделей повседневного поведения. Однако, фрейминг не является монополией биовласти, будучи всеобщим инструментом контекстуализации сообщений. Габитус не является застывшим, а его индивид раз и навсегда выдрессированным носителем заданных свойств. Габитус из «нужды, ставшей добродетелью»⁶⁴¹ превращается в основание автономии и даже антиподчинения. Габитус, принимая в расчет предшествующий опыт, обеспечивает его (опыта) присутствие в деятельности индивида. При этом габитус при возникновении новой ситуации способен адаптироваться, используя новые средства для выполнения старых функций, позволяя индивиду осуществить рефрейминг собственной деятельности. «Габитус как искусство изобретения есть то, что позволяет производить бесконечно большое число практик»⁶⁴². Таким образом, биополитика предстает в качестве континуума инструментов, институтов и фреймов, направленных на формирование габитусов, удобных для биовласти в рамках ее телеологии. Однако, население, приобретая привычки в ходе непрекращающейся муштры тела и фабрикации сознания, сохраняет креативный потенциал, в порядке обратной связи воздействующий на биовласть. Формирование континуума форм-жизни (Дж. Агамбен) составляет самую суть сложной динамики биополитического управления и одновременно, способствуя

⁶⁴⁰ Серто М. де. Изобретение повседневности. С. 139.

⁶⁴¹ Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С. 104.

⁶⁴² Бурдые П. Практический смысл. С. 108.

закреплению наиболее эффективных паттернов поведения в социальных отношениях и ориентируя индивидуума на них, не только раскрывает потенциал человека, но и через практику идентификации способствует познанию человеком себя, что выражает антропологическое содержание биополитики. Именно континуум форм-жизни составляет ответ на вопрос о том, что следует человеку делать, чтобы реализовать себя.

Помимо сказанного, биополитика не ограничивает себя схематичной репрезентацией человека, сводя его исключительно к субъекту познания или ансамблю общественных отношений, а, напротив, принимает в расчет целостность человека, стремясь эксплуатировать как созерцательно-аполлонические, так и страстно-дионисийские его свойства. Экономия желания – то, что составляет основу, драйвер биополитики. Именно жизненные интересы индивидуума в диапазоне от борьбы за выживание до крайних проявлений воли к власти побуждают к деятельности, результаты которой присваивает биовласть. Могущество и процветание не могут быть достигнуты, если не разбужены страсти, влекущие человека к самореализации. Биовласть обращена к реактору человеческих страстей, энергия которых канализируется в рамках заданной биовластью телеологии.

Р. Эспозито, изучая наследие Ф. Ницше, позиционирует его учение как биополитическое. Действительно, сосредоточивая свое внимание на жизни, Ф. Ницше в том числе обращается к стратегиям управления ей. Интересно, что человек, являющийся в контексте учения Ф. Ницше канатом, натянутым между животным и сверхчеловеком, для того, чтобы стать сверхчеловеком опирается как на борьбу за выживание, так и на волю к власти. Безусловно, Ф. Ницше именно волю к власти считает основным и приоритетным импульсом в жизни человека. Более того, «жизнь как наиболее знакомая нам форма бытия есть, специфическим образом, воля к аккумуляции силы... все стремится не к сохранению, а к накоплению и аккумуляции. Жизнь... стремится к максимальному ощущению

власти... жизнь – всего-навсего частный случай воли к власти»⁶⁴³. Не воля к жизни (А. Шопенгауэр), а именно воля к власти является основанием как жизнедеятельности индивидуума, так и тотальной всепроникающей биовласти с ее телеологией могущества, процветания и безопасности. Биовласть является проекцией и апофеозом воли к власти, определяющей природу человека. Ф. Ницше обнаруживает волю к власти в частной и общественной жизни, в практике и познании. «Познание работает в качестве инструмента власти. И само собою разумеется, что оно растет с каждым приращением власти... К уразумению того, что такое логика: воля к тождеству есть воля к власти»⁶⁴⁴. Воля к власти порождает знание–власть. Именно развитие идеи Ф. Ницше о господстве воли к власти позволяет М. Хайдеггеру (в том числе под влиянием идей Э. Юнгера о «работе», «органических конструкциях», «тотальной мобилизации») увидеть Модерн как осуществление воли к воле: «Воля к воле... «абсолютное опредмечивание всего сущего» опустошенным «рабочим» на опустошенной земле»⁶⁴⁵. В неуклонном действии воли к воле разворачивается логика тотальности биовласти, опирающейся на по-став: «По-ставом мы называем собирающее начало той установки, которая ставит, т.е. заставляет человека выводить действительное из его потаенности способом поставления его как состоящего-в-наличии»⁶⁴⁶. Раскрытие потенциала населения, слагающегося из волящих индивидуумов, представляет собой извлечение из потаенности энергии жизни людей, поставляемой биовластью ввиду своих целей как состоящей-в-наличии. Воля к воле биовласти трансформирует ее в технобиовласть – мегамашинную органическую конструкцию, в режиме киборгизации симбиотически объединяющей жизненную энергию человека и функциональность машины.

Однако, биовласть не только актуализирует и суммирует волю к власти индивидов – эту сильную и подлинную, следуя Ф. Ницше, пружину жизни человека. Р. Эспозито обнаруживает, что Ницше благосклонно относится на пути

⁶⁴³ Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (черновики и наброски из наследия Ф. Ницше 1883-1888 годов в редакции Э. Фёрстер-Ницше и П. Гаста). М.: Культурная революция, 2016. С. 446-447.

⁶⁴⁴ Воля к власти. С. 331, 343.

⁶⁴⁵ Хайдеггер М. Время и бытие. С. 410, 177.

⁶⁴⁶ Хайдеггер М. Время и бытие. С. 229.

к реализации мечты о сверхчеловеке и к слабой стратегии борьбы за выживание (за существование). Если в воле к власти присутствует избыток, то в судорожной борьбе за выживание – недостаток, нехватка. И Ф. Ницше предлагает две стратегии отношения к слабости и ее производным: болезни, немощи, упадку, вырождению. Одна стратегия – это непримиримая борьба с заражением, вырождением, декадансом, нигилизмом; ограждение здоровых от нездоровых⁶⁴⁷. Эта стратегия указывает путь к построению биократии, реализующей негантропную биополитику и некрополитику. Однако, другой стратегией является принятие болезни как части жизни. Ф. Ницше настаивает на том, что здоровье и болезнь находятся в более сложной связи, чем антагонизм. Болезнь не только противоположность здоровью, но и его предпосылка, средство и путь; болезнь – это то, из чего возникает здоровье, внутренний компонент здоровья. Истинное здоровье невозможно, если оно не включает в себя болезнь⁶⁴⁸. Приятие болезни влечет признание отклонения, слабости, даже вырождения. Ф. Ницше в рубрике с характерным заголовком «Облагораживание через вырождение» отмечает, что для крепких обществ, состоящих из сильных личностей, тем не менее существует опасность оглупления, застоя и опять-таки вырождения. «В таких обществах духовный прогресс зависит от более разнузданных, неустойчивых и морально слабых личностей... Именно в таком больном и слабом месте обществу как бы прививается нечто новое... Вырождающиеся природы имеют величайшее значение всюду, где должен наступить прогресс. Всякому прогрессу в целом должно предшествовать частичное ослабление. Более сильные природы сохраняют тип, более слабые – помогают его развивать»⁶⁴⁹. Слабая и сильная стратегии недостатка и избытка жизненных сил – борьбы за существования и воли к власти – одинаково важны для общества как способствующие его развитию. Но именно такое отношение мы обнаруживаем в биополитике, старательно разграничивающей норму и ненормальное, но извлекающую выгоды из того и другого. В конечном итоге, именно всестороннее извлечение выгод из противоречивой природы человека является и сильной стороной биополитики (в основном, конфирмантропной

⁶⁴⁷ См.: Esposito R. *Bios: Biopolitics and Philosophy*. С. 96-98.

⁶⁴⁸ Esposito R. *Bios: Biopolitics and Philosophy*. С. 103.

⁶⁴⁹ Ницше Ф. *Собрание сочинений*: в 5 т. Т. 2. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. С. 167.

биополитики), и ее вкладом в антропологические исследования. Таким образом, биополитика, отвечая на вопрос о том, что человеку следует делать, находит способы реализации многоаспектного и противоречивого потенциала человека, канализируя его в различные формы социальной репрезентации.

Наконец, обратим внимание на вклад биополитики в ответ на вопрос, на что человек может надеяться. И здесь, в первую очередь, следует связать надежды с потенциалом конфирмантропной биополитики, успешная реализация которой может способствовать если не претворению в жизнь принципа *homo homini Deus*, то, и это было бы несомненным успехом, принципа *homo homini homo*. В этом биополитика соответствует тому антропологическому перевороту, который произошел в XIX в. В ходе этого переворота, который обнаруживается, например, в трудах Л. Фейербаха, полагавшего, что именно за философской антропологией будущее, человек становится предметом познания и преобразовательного воздействия. В частности, на человека переносятся атрибуты Бога, что предвосхищает мечту технобиовласти о *Homo Deus*. «Фейербах, как известно, хотел превратить теологию в антропологию. Для него не человек создан по образцу и подобию Божьему, а Бог создан по образу и подобию человеческому. Религия есть лишь выражение высшей природы человека, которая отымается, отчуждается от человека и переносится в трансцендентную, потустороннюю область. Религия обеднила, ограбила человека... Все богатства перенесены на Бога, сообщены Ему... Человек сильный, богатый, свободный не нуждался бы в Боге, он все высшее имел бы у самого себя»⁶⁵⁰.

Действительно, Л. Фейербах провозгласил, что максима «*Homo homini Deus est* – таково высшее практическое основначало, таков и поворотный пункт всемирной истории... вообще жизнь в своих существенных отношениях – всецело божественной природы. Но свое религиозное освящение она получает вовсе не от благословения священника»⁶⁵¹. М. Штирнер даже усмотрел у Фейербаха в подобной трансформации теологии в антропологию возникновение новой религии: «Кто его Бог? Человек! Что божественно? Человеческое! Предикат

⁶⁵⁰ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 130.

⁶⁵¹ Фейербах Л. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1995. С. 244.

превратился в субъект, и вместо положения «Бог есть любовь» теперь получилось: «Любовь – божественна», вместо «Бог сделался человеком» – «Человек сделался Богом» и т.д. Это... новая... религия»⁶⁵². Однако, биополитические практики XX в., подтверждая радикальное обращение к человеку, потенциал которого биовласть рассматривает не как священный, но как перспективный для своих целей, отнюдь не тяготеют к обожествлению человека. Вместе с тем, сосредоточенность и интимная близость познания и практики к человеку, действительно, способствовала тому, что население стран, в которых широкомасштабно осуществлялась конфирмантропная биополитика, обрело определенный уровень достатка, комфорта, гарантии безопасности и перспективу дальнейшего улучшения условий собственного существования. Таким образом, между ориентированной на утилитарное использование потенциала населения биовластью и надеждой на счастье индивидуума установилась тонкая, но довольно прочная связь – биовласть и население обнаружили друг друга в отношении взаимозависимости, так что достижение целей одной стороны тесно связано с достижением целей контрагента. Эта связь позволяет утверждать, что последовательное осуществление конфирмантропной биополитики небезосновательно позволяет надеяться, что принцип *homo homini homo* вполне может поддерживаться в современном мире, позволяя постепенному раскрытию потенциала человека во благо человеку, даже если причины этого процесса сугубо утилитарны. Биополитика, будучи обращенной к человеку и его жизни, стала практическим инструментарием антропологического переворота в познании и практике XIX-XX вв.

Выводы по четвертой главе

1. Биополитика, осуществляемая биовластью, лишь в порядке исключения функционирует в модальности явной разметки насилием. Биовласть прибегает по преимуществу к манипулятивным инструментам. Биовласть стремится к знанию, это вопрос самосохранения биовласти. Биовласть организует себя как сеть сбора и

⁶⁵² Штирнер М. Единственный и его собственность. М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 86-87.

обработки информации. Более того, биовласть трансформирует формулы «Знание – власть» в формулу «Хитрость (разума) – власть».

2. Биополитика в настоящее время приобретает характер трансформантропной биополитики. Трансформантропная биополитика – форма развития биополитики, в основе которой лежит высокий уровень развития науки, техники и технологии, обладающий потенциалом изменения человека вплоть до трансформации его физической и ментальной природы.

3. Биополитика в ходе научно-технического прогресса достигает стадии «панграфического паноптизма». Панграфический паноптизм составляет один из важнейших элементов нового типа знания–власти, характерного для биополитики. Биовласть – в первую очередь власть, но такая власть, которая не мыслима без знаний. Биовласть стремится господствовать на основе детального, всестороннего, универсального знания о населении. Биополитика зародилась как двоякое – властное и одновременно познавательное – отношение к человеку. Радикальное преобразование знания–власти происходит в Новое время в ходе разворачивающейся научно-технической революции. Символом знания–власти, культивируемой биовластью, является Паноптикон. Именно паноптическое видение, панграфическое описание и всеобъемлющее воздействие, опосредованные знанием, составляют сущность биовласти.

4. История человечества представляет собой историю рационализации, оптимизации, алгоритмизации, а значит, историю обработки «больших данных». В качестве прообраза современных цифровых устройств обработки «больших данных» выступает головной мозг. Располагая от природы мощнейшим инструментом обработки Big Data, человек применил подобный инструментарий в социальной жизни. Повышенный интерес «бигдата» вызвала в ходе становления биополитического государства. Биовласть воспользовалась идеей полицейского государства, развила инструментарий статистики, эффективно применила тейлоризм как систему научного менеджмента на промышленном предприятии. Фордизм воплотил тейлоризм в массовом производстве. Алгоритмизация труда физического нашла продолжение в алгоритмизации труда умственного. Современные методы рационализации и оптимизации интеллектуального труда (гуглизация) на основе

технологий обработки «больших данных» достигают высочайшей степени эффективности надзора и оптимизации человеческой деятельности.

5. История человечества является историей развития технологий паноптизма – средств всестороннего изучения, наблюдения и контроля за жизнью человека. Прообразом современных технологий знания–власти является машина Тьюринга как абстрактная машина машин, на основе которой стали возможны современные вычислительные машины. Апофеозом паноптизма может явиться создание ИИЧУ, быстро достигающего уровня ИСИ. Появляющиеся системы тотального надзора с использованием гаджетов-палантиров переформатируют поле социальных взаимодействий. В условиях слабо урегулированного отношения к профайлингу данные бесконтрольно собираются в сети, превращая человека в «голую цифровую жизнь». Биовласть, поощряя развитие цифрового Паноптикона, трансформируется в технобиовласть, создающую условия для формирования машиночитаемой и потенциально человеконесоразмерной цивилизации.

6. Развитие человека нерасторжимо связано с машинным филумом. Человек в процессе становления технобиовласти оказывается перед серьезным вызовом расчеловечивания, вовлечения раскрытия собственного потенциала в логику эволюции машинного филума. Путь экологии разума является единственным средством, в рамках которого трансформантропная биополитика, возникшая в ходе технико-технологической экспансии, не превратит человека в элемент формируемой универсальной мегамшины.

7. Рождение современной биополитики пришлось на XVIII-XIX вв. Население промышленных держав, востребованное как ресурс, необходимый для войны, массового производства и потребления, выдержав период радикальных преобразований, вступили в торг с биовластью. Правительства национальных государств с неизбежностью столкнулись с необходимостью систематических инвестиций в население. Этот процесс приобрел форму бесконечной позиционной борьбы, вынудив биовласть включить интересы населения в собственную телеологию. Расцвет биополитики постепенно оборачивается кризисом биополитики, который может радикально изменить эту форму властного вмешательства в жизнь людей. Представляет интерес явление биополитической революции – взрывной рост

требований масс, понимающих заинтересованность биовласти в себе как ресурсе и ожидающих дальнейшего роста благосостояния безотносительно к собственным усилиям. Биовласть, находясь под усиливающимся прессингом населения, не удовлетворенного достигнутым уровнем благополучия, может предпочесть бесконечному поиску компромисса радикальный отказ от изжившей себя стратегии, сделав ставку на синтез высоких технологий и инструментарий суверенной власти.

8. Становление биовласти позволяет рассмотреть биополитику как процесс непрерывного конструирования человека и человечества. Сформированные в начале XX в. политическая теология, психология масс, геополитика, евгеника в качестве дискурсов конструирования верований, общественных взаимодействий, социального пространства и самой природы человека, под воздействием биовласти трансформировались в биотеологию, биоправо, биокапитализм и биотехнологию, ставших матрицей дальнейшего конструирования человечества. Биовласть и есть конструирование человека в самой непосредственной и радикальной форме. Биовласть редактирует то, как следует конструировать тем, кто конструирует человека и человечество.

9. Биополитика подготовила переход к биоургии – этапу развития человеческой цивилизации, на котором средствами биотехнологии будет трансформирована телесность человека и изменены основные параметры жизни. Трансформантропная биополитика ведет в мир постистории, где человек становится постчеловеком. Возможны четыре сценария постчеловеческой истории: *Homo Animalis*, *Homo Formica*, *Homo Deus*, *Homo Daemon*. Трансформантропная биополитика, предвкушая технологическую сингулярность, всерьез допускает осуществление максимы *homo homini Deus*, однако этот исход не предопределен.

10. Обобщенный опыт биовласти может быть оценен как вклад в антропологические исследования человека. Для эпохи Модерн характерно представление об активном выведывании тайн (испытании) природы. Это положение имеет продолжение в биополитике. Биополитика выступает в качестве испытания населения, раскрытия его потенциала, насколько это возможно и допустимо. Биовласть в своих практиках опирается на выпытанные способы обращения с населением, за которыми скрывается знание о природе человека,

раскрывающее его потенциал социально-приемлемым образом к обоюдной выгоде индивида и биовласти.

11. Биополитика моделирует образцы, стандарты, эталоны, ориентируясь на которые индивидуум обретает практический ответ на вопрос о возможном и должном поведении. Биополитика предстает в качестве континуума инструментов, институтов и фреймов, направленных на формирование габитусов, удобных для биовласти в рамках ее телеологии. Биополитика принимает в расчет целостность человека, стремясь эксплуатировать как созерцательно-аполлонические, так и страстно-дионисийские его стороны. Экономия желания – драйвер биополитики. Биовласть и население обнаружили друг друга в отношении взаимозависимости. Эта связь позволяет надеяться, что конфирмантропная биополитика позволяет реализовывать принцип «человек человеку – человек» (*homo homini homo*), способствуя постепенному раскрытию потенциала человека во благо человеку, даже если причины этого процесса сугубо утилитарны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В процессе исследования жизнь человека была ограничена диапазоном от нулевой до конечной точки тела без органов (тело-яйцо и тело-кадавр), разворачивающейся в модальностях органической, психической и сознательной активности в пределах от тела-без-сознания до сознания-без-тела. В исторической перспективе был обнаружен ряд усложняющихся форм отношения человека к жизни, а именно биохрсия, эксплуатирующая врожденные свойства тела и психики; биоанисихия, развивающая социальная сеть инструментов заботы о жизни; биоургия, обращенная к конструированию вплоть до радикального изменения основных параметров жизни. Конструирование жизни предстало как синтез пользования и заботы о жизни. Выявлены предпосылки трансформации биоанисихии в биоургию, обусловленные как новой экономией жизненных ресурсов, так и формированием научно-технических, рационально-бюрократических и социально-экономических практик управления обществом и населением. В качестве переходной стадии от биоанисихии к биоургии рассмотрена евгеника, основной интенцией которой стало улучшение природы человека. На примере нацистской биократии показан амбивалентный потенциал евгенического вмешательства в преобразование человека. В рамках возрождения в послевоенном мире либеральной евгеники, основанной на принципах добровольности и индивидуального запроса, рассмотрены перспективы современных биотехнологий, развитие которых постепенно формирует тенденцию киборгизации человека, становящегося не только оператором технических систем в техногенной среде, но и непосредственной неотделимой ее частью. Показано, что конструирование жизни, масштабированное практиками биохакинга, приобретает характер тренда современности.

2. Выявлены исторические формы биополитики, берущей начало в античности. Показано, что приостановка властного распоряжения жизнью, характерная для Средневековья, явилась временной, а возобновление античной биополитики в эпоху Возрождения заложило неуклонную тенденцию вплоть до повсеместного распространения биополитики, начиная с Нового времени.

3. Выявлены основные параметры и инструментарий биовласти. Биовласти присуща материальность, телесность, контактность; всеобщность, анонимность, децентрализованность, капиллярность; пластичность, скрытность, прагматичность и симбиотическая связь со знанием. В рамках радикально нового для власти проекта омассовления объекта воздействия, биовласть в приложении к населению использовала арсенал средств, включающих дисциплинаризацию; медиализацию; стандартизацию; нормирование и нормализацию; практическую идеализацию; индоктринацию и иммунизацию. Потенциал инструментария биополитики, применяемый к населению, опосредованному статистическими данными о нем, заключается в возможности конструирования населения в рамках модификации предлагаемых биовластью норм. Биовласть производит инверсию в отношении к жизни и человеку. Биовласть стремится непосредственно воздействовать на жизнь человека и опосредованно на индивида. Биовласть ищет способы влиять на *vita nuda* (Дж. Агамбен) – универсальный общий знаменатель, уравнивающий всех людей. Показано, что биовласти присущ двойственный подход к населению. Биовласть способна не только улучшить, но и ухудшить жизненное положение населения, обращаясь в танатополитику. В результате к основным биополитическим сценариям, реализуемым биовластью, следует отнести: негантропную биополитику; некрополитику и конфирмантропную биополитику, для которой приоритетны человекосберегающие технологии.

4. Предложена антропологическая модель, манипуляции с которой приводят к видоизменению биополитических стратегий. Формы инклюзии/ эксклюзии индивида определяют содержание и специфику всякого биополитического проекта. В основе инклюзии/ эксклюзии находится баланс отнесенности/ отделенности индивидов. Должное их соотношение дает взаимность, порождающую прочную, гибкую, конструктивную социальную связь. Отсутствие баланса отнесенности/ отделенности приводит к диспропорции инклюзии/ эксклюзии. Смещение соотношения инклюзии/ эксклюзии приводит к развертыванию конфирмантропной либо негантропной биополитической стратегии. В частности, антропологическим основанием негантропной биополитической стратегии является онтологически незащищенный,

исключенный индивид. Разрушение комплементарных, реципрокных связей Я и Другого является триггером для негантропной биополитики, производящей «лишних людей». В антропологической перспективе именно исключенный, отверженный является точкой сборки негантропной биополитики. Крайние формы эксклюзии и соответствующие им экстрактивные социальные институты формируют устойчивую негантропную биополитику. Homo sacer в качестве продукта общества разделения является антропологическим референтом негантропных биополитических стратегий. Биополитическим эквивалентом конфирантропных стратегий является homo comes (человек-попутчик, человек-партнер). Продемонстрировано, что формирование ценностей, норм и паттернов жизнедеятельности индивида обусловлено социализацией и инкультурацией, применяющих логику инклюзии/ эксклюзии. Норма является подвижным элементом инкультурации, закрепляющим предпочтительные образцы поведения. Инкультурация опирается на «культуру себя», раскрывающую свой потенциал через заботу о себе, работу над собой и работу на себя. Забота о себе в конечном итоге предстает как забота о Другом, забота о человечестве.

5. В дальнейшем ходе исследования построена теоретическая модель отношения биовласти и населения. Показано, что биовласть, заинтересованная в совершенствовании населения, понимаемого как основной ресурс для достижения собственных целей, неизбежно вступает в отношения торга с населением относительно широкого круга жизненно-важных для населения проблем. В свою очередь население, уяснив свое значение, вступает с властью в отношение бесконечного шантажа. Крайней формой отношений биовласти и населения является гражданская война в диапазоне от латентных форм конфликта интересов и требования их разрешения до открытого вооруженного противостояния, завершающаяся перемирием или революцией, начинающей новый цикл торга.

6. Использование диспозитива знания–власти позволило раскрыть манипулятивный характер биовласти, модифицировавшей формулу «Знание – власть» в формулу «Хитрость (разума) – власть». Показано, что в современном мире биополитика приобретает характер трансформантропной биополитики, достигающей стадии «панграфического паноптизма». Продемонстрировано, что

история человечества представляет собой историю обработки «больших данных», к биополитическим референтам которой можно отнести статистику, бюрократию, полицию, научный менеджмент физического (тейлоризм, фордизм) и интеллектуального труда (гуглизация). История человечества, с другой стороны, является историей развития технологий паноптизма – средств всестороннего изучения, наблюдения и контроля за жизнью человека. Биовласть, поощряя развитие цифрового Паноптикона, трансформируется в технобиовласть, создающую условия для формирования машиночитаемой и потенциально человеконесоразмерной цивилизации. В таких условиях развитие человека нерасторжимо связано с машинным филумом. Человек в процессе становления технобиовласти оказывается перед серьезным вызовом расчеловечивания, противопоставить которому следует путь экологии разума.

7. Показано, что достижение расцвета биополитики на современном этапе постепенно оборачивается ее кризисом, способным привести к биополитической революции, связанной с взрывным ростом требований масс, ожидающих дальнейшего роста благосостояния безотносительно к собственным усилиям. Биовласть, находясь под усиливающимся прессингом населения, не удовлетворенного достигнутым уровнем благополучия, может предпочесть поиску компромисса радикальный отказ от изжившей себя стратегии, сделав ставку на синтез высоких технологий и инструментарий суверенной власти. Сделан вывод о том, что становление биовласти позволяет рассмотреть биополитику как процесс непрерывного конструирования человека и человечества, в настоящее время представленного биотеологией, биоправом, биокапитализмом и биотехнологией. Биовласть интерпретирована как агент конструирования человека в самой непосредственной и радикальной форме. Рассмотрены возможные четыре сценарии постчеловеческой истории: *Homo Animalis*, *Homo Formica*, *Homo Deus*, *Homo Daemon*.

8. В качестве итогового вывода необходимо отметить, что биополитика может быть оценена как расширение поля антропологических исследований человека. Биополитика является формой испытания населения, раскрытия его потенциала. Биовласть в своих практиках опирается на испытанные способы

обращения с населением, за которыми скрывается знание о природе человека, раскрывающее его потенциал социально-приемлемым образом к обоюдной выгоде индивида и биовласти. Кроме того, биополитика моделирует образцы, стандарты, эталоны, ориентируясь на которые индивидуум обретает практический ответ на вопрос о возможном и должном поведении. Биополитика предстает в качестве континуума инструментов, институтов и фреймов, направленных на формирование габитусов, удобных как для биовласти в рамках ее телеологии, так и для человека, интегрирующегося в социальную среду. Биовласть и население обнаружили друг друга в отношении взаимозависимости. Эта связь позволяет надеяться, что конфирмантропная биополитика позволяет реализовывать принцип *homo homini homo*, способствуя постепенному раскрытию потенциала человека во благо человеку, даже если причины этого процесса сугубо утилитарны.

Дальнейшие перспективы исследования изучаемой темы могут быть связаны с детальным рассмотрением непосредственных инструментов биополитической регуляции, среди которых, в первую очередь, можно выделить бюрократию, полицию, гражданство, политический инструментарий (идеология, избирательное право); формулировкой этических (биоэтических) оснований биополитики; дальнейшей разработкой механизма взаимодействия биовласти и населения; уточнением антропологической модели, составляющей основание биополитики; детальным рассмотрением форм технобиовласти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ*Издания на русском языке*

1. Агамбен, Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. – Москва : Европа, 2011. – 256 с.
2. Агамбен, Дж. Номо sacer. Чрезвычайное положение / Дж. Агамбен. – Москва : Европа, 2011. – 148 с.
3. Агамбен, Дж. Номо sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель / Дж. Агамбен. – Москва : Европа, 2012. – 192 с.
4. Агамбен, Дж. Открытое. Человек и животное / Дж. Агамбен. – Москва : РГГУ, 2012. – 112 с.
5. Агамбен, Дж. Что такое повелевать? / Дж. Агамбен. – Москва : Грюндриссе, 2013. – 72 с.
6. Агамбен, Дж. Нагота / Дж. Агамбен. – Москва : Грюндриссе, 2014. – 204 с.
7. Агамбен, Дж. Средства без цели. Заметки о политике / Дж. Агамбен. – Москва : Гилея, 2015. – 148 с.
8. Агамбен, Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления / Дж. Агамбен. – Москва : Институт Гайдара ; Санкт-Петербург : Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. – 552с.
9. Агамбен, Дж. Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни / Дж. Агамбен. – Москва : Институт Гайдара ; Санкт-Петербург : Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2020. – 216 с.
10. Агамбен, Дж. Творение и анархия. Производство в эпоху капиталистической религии / Дж. Агамбен. – Москва : Гилея, 2021. – 156 с.
11. Аджемоглу, Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Д. Аджемоглу, Дж.А. Робинсон. – Москва : АСТ, 2015. – 575 с.
12. Аджемоглу, Д. Узкий коридор / Д. Аджемоглу, Дж.А. Робинсон. – Москва : АСТ, 2021. – 704 с.
13. Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания: Попытки одоленного одолеть / Ж. Амери. – Москва : Новое издательство, 2015. – 200 с.

14. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – Москва : КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
15. Арндт, Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни / Х. Арндт. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. – 437 с.
16. Арндт, Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / Х. Арндт. – Москва : Европа, 2008. – 424 с.
17. Арндт, Х. Жизнь ума / Х. Арндт. – Санкт-Петербург: Наука, 2013. – 517 с.
18. Арндт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арндт. – Москва : ЦентрКом, 1996. – 672 с.
19. Арндт, Х. О насилии / Х. Арндт. – Москва : Новое издательство, 2014. – 148 с.
20. Арндт, Х. О революции / Х. Арндт. – Москва : Европа, 2011. – 464 с.
21. Аристотель. Большая этика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. – Т. 4. – Москва : Мысль, 1984. – С. 295-374.
22. Аристотель. Политика / Аристотель. – Москва : РИПОЛ классик, 2010. – 592 с.
23. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги. – Москва : Территория будущего, 2006. – 472 с.
24. Бадью, А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике / А. Бадью. – Москва : Логос, 2005. – 240 с.
25. Банников, К.Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской Армии / К.Л. Банников. – Москва : Наука, 2002. – 406 с.
26. Баррат, Дж. Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры *Homo sapiens* / Дж. Баррат. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2019. – 396 с.
27. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – Москва : Логос, 2005. – 390 с.

28. Бауман, З. Актуальность холокоста / З. Бауман. – Москва : Европа, 2010. – 316 с.
29. Бейтсон, Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Г. Бейтсон. – Москва : Смысл, 2000. – 476 с.
30. Бенуа, А. По ту сторону прав человека. В защиту свобод / А. Бенуа. – Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2015. – 144 с.
31. Беялетдинов, Р.Р. Биотехнологическое улучшение человека / Р.Р. Беялетдинов // Человек. – 2018. – № 6. – С. 33-38.
32. Бернейс, Э. Пропаганда / Э. Бернейс. – Москва : Hippo Publishing, 2010. – 176 с.
33. Бергер, П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Медиум, 1995. – 323 с.
34. Бергсон, А. Творческая эволюция / А. Бергсон. – Москва : Академический проект, 2020. – 319 с.
35. Бодрийяр, Ж. Америка / Ж. Бодрийяр. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2000. – 205 с.
36. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. – 108 с.
37. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – Москва : Рудомино, 2001. – 218 с.
38. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – Москва : Добросвет, 2009. – 258 с.
39. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. – Москва : ПОСТУМ, 2015. – 240 с.
40. Бодрийяр, Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр. – Москва : РИПОЛ классик, 2016. – 224 с.
41. Болтански, Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Л. Болтански, Л. Тевено. – Москва : Новое литературное обозрение, 2013. – 576 с.

42. Болтански, Л. Новый дух капитализма / Л. Болтански, Э. Кьяпелло. – Москва : Новое литературное обозрение, 2011. – 976 с.
43. Бостром, Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Н. Бостром; пер. с англ. С. Филина. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 404 с.
44. Брегман, Р. Утопия для реалистов: Как построить идеальный мир / Р. Брегман. – Москва : Альпина Паблишер, 2018. – 412 с.
45. Бурдьё, П. Социология социального пространства / П. Бурдьё. – Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. – 288 с.
46. Бэкон, Ф. Новая Атлантида / Фрэнсис Бэкон, Савиньен Сирано де Бержерак, Дени Верас. – Москва : Алгоритм, 2014. – 304 с.
47. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – Москва : Прогресс, 1990. – 808 с.
48. Вебер, М. Власть и политика / М. Вебер. – Москва : РИПОЛ классик, 2017. – 432 с.
49. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. III / М. Вебер. – Москва : Высшая школа экономики, 2018. – 331 с.
50. Вирилио, П. Информационная бомба. Стратегия обмана / П. Вирилио. – Москва : Гнозис; Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 192 с.
51. Власова, О.А. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: История, мыслители, проблемы / О.А. Власова. – Москва : Территория будущего, 2010. – 640 с.
52. Власова, О.А. Рональд Лэйнг: Между философией и психиатрией / О.А. Власова. – Москва : Институт Гайдара, 2012. – 464 с.
53. Власова, О.А. Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика / О.А. Власова. – Москва : Высшая школа экономики, 2014. – 432 с.
54. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (черновики и наброски из наследия Фридриха Ницше 1883-1888 годов в редакции Элизабет Фёрстер-

Ницше и Петера Гаста) / пер. с нем. – Москва : Культурная революция, 2016. – 824 с.

55. Вышеславцев, Б.П. Этика преображенного Эроса / Б.П. Вышеславцев. – Москва : Республика, 1994. – 368 с.

56. Газзанига, М. Кто за главного? Свобода воли с точки зрения нейробиологии / М. Газзанига. – Москва : АСТ, 2017. – 368 с.

57. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. – Москва : Мысль, 1990. – 524 с.

58. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель. – Москва : АСТ, 2018. – 912 с.

59. Генетические исследования: законодательство и уголовная политика : коллективная монография / под ред. И.Я. Козаченко, Д.Н. Сергеева. – Екатеринбург : Лаборатория SAPIENTIA, 2019. – 268 с.

60. Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – Москва : Академический проспект, 2005. – 528 с.

61. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – Москва : РИПОЛ классик, 2017. – 608 с.

62. Голдберг, Дж. Либеральный фашизм / Дж. Голдберг. – Москва : Рид Групп, 2012. – 512 с.

63. Горнова, Г.В. Антиномии города : монография / Г.В. Горнова. – Омск : ОмГПУ, 2011. – 214 с.

64. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта И. Гофман. – Москва : Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.

65. Гоффман, Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений / Э. Гоффман. – Москва : Элементарные формы, 2019. – 464 с.

66. Гребер, Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии / Д. Гребер. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2016. – 224 с.

67. Гюнтер, Г.Ф.К. Родоведение. Наука о семье / Г.Ф.К. Гюнтер. – Москва : Белые альвы, 2011. – 336 с.

68. Давыдов, Д. Посткапитализм и рождение персоналиата / Д. Давыдов. – Москва : РИПОЛ классик, 2021. – 336 с.
69. Даймонд, Дж. Мир позавчера. Чему нас могут научить люди, до сих пор живущие в каменном веке / Дж. Даймонд. – Москва : АСТ, 2016. – 672 с.
70. Даймонд, Дж. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают / Дж. Даймонд. – Москва : АСТ : АСТ МОСКВА, 2008. – 762 с.
71. Даймонд, Дж. Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ / Дж. Даймонд. – Москва : АСТ : АСТ МОСКВА, 2010. – 604 с.
72. Декарт, Р. Сочинения : в 2 т. Т. 1 / Р. Декарт ; пер. с лат. и франц.; сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. – Москва : Мысль, 1989. – 654 с.
73. Декарт, Р. Сочинения : в 2 т. Т. 2 / Р. Декарт ; пер. с лат. и франц.; сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. – Москва : Мысль, 1994. – 633 с.
74. Декарт, Р. Человек / Р. Декарт. – Москва : Праксис, 2012. – 128 с.
75. Деланда, М. Война в эпоху разумных машин / М. Деланда. – Екатеринбург ; Кабинетный ученый; Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2014. 338 с.
76. Деланда, М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность / М. Деланда. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – 170 с.
77. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. – Москва : Академический проект, 2011. – 472 с.
78. Делёз, Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 672 с.
79. Денисов, С.Ф. Жизненные и антропологические смыслы правды и неправды : монография / С.Ф. Денисов. – Омск : ОмГПУ, 2001. – 205 с.
80. Ди Грей, О. Отменить старение / О. Ди Грей, М. Рэй. – Москва : Институт Биологии Старения, 2011. – 388 с.
81. Дойдж, Н. Пластичность мозга. Потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга / Н. Дойдж. – Москва : Эксмо, 2012. – 539 с.

82. Домингос, П. Верховный алгоритм: как машинное обучение изменит наш мир / П. Домингос. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 336 с.
83. Дуглас, М. Чистота и опасность / М. Дуглас. – Москва : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – 288 с.
84. Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню Реального! / С. Жижек. – Москва : Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 160 с.
85. Жижек, С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм / С. Жижек. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2005. – 156 с.
86. Жижек, С. О насилии / С. Жижек. – Москва : Европа, 2010. – 181 с.
87. Жижек, С. Год невозможного. Искусство мечтать опасно / С. Жижек. – Москва : Европа, 2012. – 272 с.
88. Жижек, С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / С. Жижек. – Москва : Дело, 2014. – 528 с.
89. Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф. – Москва : Институт Гайдара, 2022. – 784 с.
90. Зерзан, Дж. Первобытный человек будущего / Дж. Зерзан. – Москва : Гилея, 2007. – 233 с.
91. Зимбардо, Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев / Ф. Зимбардо. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2014. – 740 с.
92. Зиммель, Г. Избранное. Созерцание жизни / Г. Зиммель. – Москва ; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив ; Университетская книга, 2014. – 392 с.
93. Зиновьев, А.А. Глобальный человек / А.А. Зиновьев. – Москва : Эксмо, 2003. – 448 с.
94. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма / А.А. Зиновьев. – Москва : Центрполиграф, 1994. – 495 с.
95. Иллич, И. Освобождение от школ / И. Иллич. – Москва : Просвещение, 2006. – 108 с.
96. Ильин, И. О сопротивлении злу силой / И. Ильин. – Москва : Дарь, 2013. – 480 с.

97. Ильин, И.А. О Сущности правосознания // И.А. Ильин. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4 / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – Москва : Русская книга, 1994. – С. 149–414.

98. Исмайылов, Р.Н. Криминология в обществе постмодерна / Р.Н. Исмайылов. – Санкт-Петербург: ИД Алеф-Пресс, 2018. – 96 с.

99. История частной жизни : в 5 т. Т. 4: От Великой французской революции до I Мировой войны / Ален Корбен, Роже-Анри Герран, Кэтрин Холл, Линн Хант, Анна Мартен-Фюжье, Мишель Перро ; под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби ; пер. с фр. О. Панайотти. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 672 с.

100. Канетти, Э. Масса и власть / Э. Канетти. – Москва : АСТ, 2015. – 576 с.

101. Кант, И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения : в 8 т. Т. 4 / И. Кант. – Москва : Чоро, 1994. – 630 с.

102. Кант, И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука / И. Кант. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. – 136 с.

103. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – Москва : Эксмо, 2015. – 736 с.

104. Канторович, Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Э.Х. Канторович. – Изд. второе, испр. – Москва : Институт Гайдара, 2015. – 752 с.

105. Капустин, Б. Рассуждения о «конце революции» / Б. Капустин. – Москва : Институт Гайдара, 2019. – 144 с.

106. Карр, Н.Дж. Пустышка. Что Интернет делает с нашими мозгами / Н.Дж. Карр. – Санкт-Петербург: Best Business Books, 2012. – 256 с.

107. Кильдюшов, О. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики / О. Кильдюшов // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12, № 3. – С. 9-40.

108. Кильдюшов, О.В. Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения / О.В. Кильдюшов // Социологическое обозрение. – 2014. – Т. 13, № 3. – С. 9-32.

109. Кильдюшов, О.В. Полицейское государство как симптом: немецкая классическая философия и биополитика модерна (Гегель vs Фихте) / О.В. Кильдюшов // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2022. – Т. 22, № 3. – С. 503-517.
110. Кластр, П. Общество против государства / П. Кластр // СТАДИС. – 2019. – № 1. – С. 38-54.
111. Клейн, Л.С. Перевернутый мир / Л.С. Клейн. – Донецк : ДонНУ, 2010. – 406 с.
112. Клемперер, В. ЛТІ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / В. Клемперер. – Москва : Прогресс-Традиция, 1998. – 384 с.
113. Кожев, А. Понятие Власти / А. Кожев. – Москва : Праксис, 2006. – 192 с.
114. Ковба, Д.М. Евгеника как направление научной мысли и практика селекции человека в конце XIX – начале XXI вв. / Д.М. Ковба // Социум и власть. – 2020. – № 4. – С. 7-19.
115. Колесник, М.В. Телоцентризм в эпоху массовой культуры : монография / М.В. Колесник. – Омск: Омский экономический институт, 2010. – 136 с.
116. Коченов, Д. Гражданство. От равенства и достоинства к унижению и разделению / Д. Коченов. – Москва : Эксмо, 2021. – 368 с.
117. Кревельд, М. ван Трансформация войны / М. ван Кревельд. – Москва : Альпина Бизнес Букс, 2005. – 344 с.
118. Кристи, Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца / Н. Кристи. – Москва : Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001. – 224 с.
119. Кронгауз, М. Самоучитель олбанского / М. Кронгауз. – Москва : CORPUS, 2013. – 416 с.
120. Курцвейл, Р. Эволюция разума / Р. Курцвейл. Москва : Эксмо, 2015. – 352 с.
121. Курцвейл, Р. Transcend. Девять шагов на пути к вечной жизни / Р. Курцвейл, Т. Гроссман. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 384 с.
122. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – Москва : Высшая школа экономики, 2014. – 384 с.

123. Леви, П. Человек ли это? / П. Леви. – Москва : Текст, 2001. – 205 с.
124. Леви, П. Канувшие и спасенные / П. Леви. – Москва : Текст, 2011. – 99 с.
125. Лейбниц, Г.-В. Сочинения : в 4 томах: Т. 1 / Г.-В. Лейбниц. – Москва : Мысль, 1982. – 636 с.
126. Лейнг, Р. Разделенное Я / Р. Лейн. – Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1995. – 320 с.
127. Ломброзо, Ч. Гениальность и помешательство: Сочинения / Ч. Ломброзо. – Москва : Фолио, 1998. – 528 с.
128. Ломброзо, Ч. Преступный человек / Ч. Ломброзо. – Москва : Мидгард, 2005. – 874 с.
129. Лоренц, К. Так называемое зло. К естественной теории агрессии / К. Лоренц. – Москва : Культурная революция, 2008. – 616 с.
130. Лосский, Н. Условие абсолютного добра / Н. Лосский. – Москва : Издательство политической литературы, 1991. – 372 с.
131. Луман, Н. Власть / Н. Луман. – Москва : Праксис, 2001. – 256 с.
132. Луман, Н. Медиа коммуникации / Н. Луман. – Москва : Логос, 2005. – 280 с.
133. Луман, Н. Дифференциация / Н. Луман. – Москва : Логос, 2006. – 320 с.
134. Лэйнг, Р.Д. «Я» и Другие / Р.Д. Лэйнг. – Москва : Класс, 2002. – 192 с.
135. Маклюэн, Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Г.М. Маклюэн. – Москва ; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. – 464 с.
136. Манн, М. Тёмная сторона демократии. Объяснение этнических чисток / М. Манн. – Москва : Пятый Рим, 2016. – 928 с.
137. Мак-Нил, У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках / У. Мак-Нил. – Москва : Территория будущего, 2008. – 456 с.
138. Малабу, К. Что нам делать с нашим мозгом? / К. Малабу. – Москва : V-A-C Press, 2019. – 112 с.

139. Мамфорд, Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Л. Мамфорд. – Москва : Логос, 2001. – 408 с.
140. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – Москва : АСТ ; Ермак, 2003. – 331 с.
141. Мартьянов, В.С. Модерн и революция / В.С. Мартьянов // Политика. – 2020. – № 3. – С. 6-33.
142. Матурана, У. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела. – 2-е изд., доп. – Москва : УРСС ; ЛЕНАНД, 2019. – 320 с.
143. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер. – Москва : РИПОЛ классик, 2020. – 342 с.
144. Михель, Д.В. Эпидемии и глобальная история / Д.В. Михель. – Институт всеобщей истории РАН. – Москва : Издательство «Весь Мир», 2021. – 296 с.
145. Модер, Г. Чему Альтюссер может научить нас об уличном театре – и наоборот / Г. Модер // Стасис. – 2014. – № 1. – Революции и протестные движения. – С. 92–104.
146. Московичи, С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи. – Москва : Центр психологии и психотерапии, 1998. – 480 с.
147. Московичи, С. Машина, творящая богов / С. Московичи. – Москва : Центр психологии и психотерапии, 1998. – 560 с.
148. Моримура, С. Кухня дьявола. Правда об «отряде 731» японской армии / С. Моримура. – Москва : Прогресс, 1983. – 192 с.
149. Мор, Т. Утопия. Город Солнца / Т. Мор, Т. Кампанелла. – Москва : Алгоритм, 2014. – 256 с.
150. Мосс, М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс. – Москва : КДУ, 2011. – 416 с.
151. Мэддисон, Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории / Э. Мэддисон. – Москва : Институт Гайдара, 2012. – 584 с.

152. Нанси, Ж.-Л. *Corpus* / Ж.-Л. Нанси. – Москва : Ад Маргинем, 1999. – 256 с.
153. Николин, В.В. Проблема мегамшины / В.В. Николин. – Омск: ОмГПУ, 2004. – 190 с.
154. Ницше, Ф. Воля к власти // Ницше Ф. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 4 / Ф. Ницше. – Санкт-Петербург : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2011. – 384 с.
155. Ницше, Ф. Генеалогия морали / Ф. Ницше. Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2011. – 224 с.
156. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 3 / Ф. Ницше. – Санкт-Петербург : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2011. – С. 305-478.
157. Новгородцев, П.И. Об общественном идеале / П.И. Новгородцев. – Москва : Пресса, 1991. – 640 с.
158. Нордау, М. Вырождение. Современные французы / М. Нордау. – Москва : Республика, 1995. – 400 с.
159. Норт, Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст. – Москва : Институт Гайдара, 2011. – 480 с.
160. Олсон, М. Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры / М. Олсон. – Москва : Новое издательство, 2012. – 212 с.
161. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – Москва : АСТ ; Ермак, 2003. – 269 с.
162. Платон. Государство // Платон. Сочинения : в 4 т. Т. 3. Ч. 1. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет ; Издательство Олега Абышко, 2007. – 752 с.
163. Платон. Законы // Платон. Сочинения : в 4 т. Т. 3. Ч. 2. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет ; Издательство Олега Абышко, 2007. – 731 с.

164. Платон. Политик // Платон. Сочинения : в 4 т. Т. 3. Ч. 2. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет ; Издательство Олега Абышко, 2007. – 731 с.
165. Орехов, С.И. Поиск виртуальной реальности / С.И. Орехов. – Омск: ОмГПУ, 2002. – 184 с.
166. Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2002. – 320 с.
167. Попова, О.В. Тело как территория технологий: от социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования : монография / О.В. Попова. – Москва : Канон+ ; Реабилитация, 2020. – 208 с.
168. Подорога, В. Время после / В. Подорога. – Москва : РИПОЛ классик, 2017. – 268 с.
169. Психология толп. – Москва : Институт психологии РАН ; КСП+, 1998. – 416 с.
170. Радкау, Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды / Й Радкау. – Москва : Высшая школа экономики, 2014. – 472 с.
171. Райх, В. Психология масс и фашизм / В. Райх. – Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 1997. – 380 с.
172. Рамачандран, В.С. Рождение разума. Загадки нашего сознания / В.С. Рамачандран. – Москва : Олимп-Бизнес, 2006. – 224 с.
173. Рансьер, Ж. На краю политического / Ж. Рансьер. – Москва : Праксис, 2006. – 240 с.
174. Рансьер, Ж. Несогласие: Политика и философия / Ж. Рансьер. – Санкт-Петербург : Machina, 2013. – 192 с.
175. Рашкофф, Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Д. Рашкофф. – Москва : Ультра. Культура, 2003. – 368 с.
176. Рено, А. Эра индивида. К истории субъективности / А. Рено. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2002. – 471 с.
177. Рикёр, П. Я-сам как другой / П. Рикёр. – Москва : Издательство гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.

178. Салинз, М. Экономика каменного века / М. Салинз. – Москва : ОГИ, 1999. – 296 с.
179. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. – Москва : Республика, 2000. – 639 с.
180. Саркисянц, М. Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской «расе господ» / М. Саркисянц. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2003. – 400 с.
181. Сас, Т. Фабрика безумия: [сравнительное исследование инквизиции и движения за душевное здоровье] / Т. Сас. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. – 512 с.
182. Свааб, Д. Мы – это наш мозг: От матки до Альцгеймера / Д. Свааб. – Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2014. – 544 с.
183. Серто, М. де Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Мишель де Серто. – Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.
184. Скотт, Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения человеческой жизни / Дж. Скотт. – Москва : Университетская книга, 2005. – 576 с.
185. Скотт, Дж.С. Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии / Дж.С. Скотт. – Москва : Новое издательство, 2017. – 568 с.
186. Скотт, Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств / Дж. Скотт. – Москва : Дело, 2020. – 328 с.
187. Скотт, Дж. Анархия? Нет, но да! Шесть вольных заметок об автономии, достоинстве, осмысленном труде и забаве / Дж. Скотт. – Москва : Издательство «Радикальная теория и практика», 2019. 146 с.
188. Слотердаjk, П. Критика цинического разума / П. Слотердаjk. – Екатеринбург : У-Фактория ; Москва : АСТ МОСКВА, 2009. – 800 с.
189. Соловьев, В. Оправдание добра / В. Соловьев. – Москва : Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – 656 с.

190. Сорокин, П.А. Социология революции / П.А. Сорокин. – Москва : Территория будущего, Российская политическая энциклопедия, 2005. – 704 с.
191. Стоддард, Л. Бунт против цивилизации / Л. Стоддард. – Москва : Белые альвы, 2016. – 240 с.
192. Тард, Г. Общественное мнение и толпа / Г. Тард. – Изд. 2-е. – Москва : ЛЕНАНД, 2015. – 208 с.
193. Тилли, Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990-1992 гг. / Ч. Тилли. – Москва : Территория будущего, 2009. – 328 с.
194. Тищенко, П.Д. Биовласть в эпоху биотехнологий / П.Д. Тищенко. – Москва : Институт философии РАН, 2001. – 177 с.
195. Тищенко, П.Д. На гранях жизни и смерти. Философские исследования оснований биоэтики / П.Д. Тищенко. – Санкт-Петербург : Издательство Мирь, 2011. – 328 с.
196. Травма: пункты: сборник статей / сост. С. Ушакин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2009. – 903 с.
197. Уилсон, Э.О. О природе человека / Э.О. Уилсон. – Москва : Кучково поле, 2015. – 352 с.
198. Уилсон, Э. Хозяева Земли. Социальное завоевание планеты человечеством / Э. Уилсон. – Санкт-Петербург : Питер, 2014. – 352 с.
199. Уилсон, Э. Смысл существования человека / Э. Уилсон. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2015. – 216 с.
200. Уэйнрайт, Т. Narconomics: Преступный синдикат как успешная бизнес-модель / Т. Уэйнрайт. – Санкт-Петербург : Пальмира; Москва : Книга по Требованию, 2018. – 271 с.
201. Федоров, Н.Ф. Сочинения / Н.Ф. Федоров. – Москва : Мысль, 1982. – 711 с.
202. Филиппов, А.Ф. Новое рождение политического из деполитизированного: кризис полицейского управления и множественные солидарности / А.Ф. Филиппов // Развитие и экономика. – 2012. – № 3. – С. 246-263.

203. Филиппов, А.Ф. Полицейское государство и всеобщее благо: к истории одной идеологии. Статья первая / А.Ф. Филиппов // Отечественные записки. – 2012. – № 2. – С. 328-340.

204. Филиппов, А.Ф. Политическое единство, политическое множество и полицейское государство: к постановке проблемы / А.Ф. Филиппов // Пути России. Новые языки социального описания. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – С. 8-31.

205. Фихте, И. Г. Сочинения в двух томах. Т. II. / И.Г. Фихте. – Санкт-Петербург : Мифрил, 1993. – 798 с.

206. Фишман, Л.Г. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии / Л.Г. Фишман, В.С. Мартьянов, Д.А. Давыдов. – Москва : Высшая школа экономики, 2019. – 416 с.

207. Форд, М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы / Мартин Форд. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2016. – 430 с.

208. Франк, С. Реальность и человек / С. Франк. – Москва : Республика, 1997. – 479 с.

209. Франкл, В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере / В. Франкл. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2009. – 239 с.

210. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – Минск : Попурри, 1999. – 624 с.

211. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности / М. Фуко. – Москва : Касталь, 1996. – 448 с.

212. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – Москва : Ad Marginem, 1999. – 479 с.

213. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 1 / М. Фуко. – Москва : Праксис, 2002. – 384 с.

214. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия ; Университетская книга, 2004. – 416 с.

215. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2 / М. Фуко. – Москва : Праксис, 2005. – 320 с.

216. Фуко, М. Ненормальные / М. Фуко. Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 432 с.
217. Фуко, М. Нужно защищать общество / М. Фуко. Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 312 с.
218. Фуко, М. Дискурс и истина / М. Фуко. Минск : ПроPILEI, 2006. – 152 с.
219. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 3 / М. Фуко. – Москва : Праксис, 2006. – 320 с.
220. Фуко, М. Психиатрическая власть / М. Фуко. Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 450 с.
221. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – Москва : АСТ ; АСТ МОСКВА, 2010. – 698 с.
222. Фуко, М. Рождение биополитики / М. Фуко. Санкт-Петербург : Наука, 2010. – 448 с.
223. Фуко, М. Безопасность, территория, население / М. Фуко. Санкт-Петербург : Наука, 2011. – 544 с.
224. Фуко, М. Управление собой и другими / М. Фуко. – Санкт-Петербург : Наука, 2011. – 432 с.
225. Фуко, М. Мужество истины. Управление собой и другими II / М. Фуко. – Санкт-Петербург : Наука, 2014. – 358 с.
226. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134-148.
227. Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / Ф. Фукуяма. – Москва : АСТ ; АСТ МОСКВА ; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 220 с.
228. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма. Москва : АСТ ; ЛЮКС, 2004. – 349 с.
229. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. Москва : АСТ ; АСТ МОСКВА ; Полиграфиздат, 2010. – 588 с.
230. Хазин, М. Лестница в небо. Диалоги о власти, карьере и мировой элите / М. Хазин, С. Щеглов. – Москва : Рипол Классик, 2016. – 624 с.

231. Ханна, П. Коннектография. Будущее глобальной цивилизации / П. Ханна. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 660 с.
232. Хархордин, О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности / О. Хархордин. – Санкт-Петербург : ЕУСПб ; Москва : Летний Сад, 2002. – 512 с.
233. Хаусхофер, К. Теория «жизненного пространства» / К. Хаусхофер. – Москва : Алгоритм, 2019. – 240 с.
234. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Москва : Академический проект, 2011. – 460 с.
235. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер. – Москва : Республика, 1993. – 447 с.
236. Хайдеггер, М. Основные понятия метафизики. Мир – конечность – одиночество / М. Хайдеггер. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2013. – 591 с.
237. Хайек, Ф. Дорога к рабству / Ф. Хайек. – Москва : АСТ, 2017. – 320 с.
238. Харари, Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Юваль Ной Харари. – Москва : Синдбад, 2018. – 496 с.
239. Харари, Ю.Н. 21 урок XXI века / Юваль Ной Харари. – Москва : Синдбад, 2019. – 412 с.
240. Харари, Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества / Юваль Ной Харари – Москва : Синдбад, 2016. – 520 с.
241. Хардт, М. Империя / М. Хардт, А. Негри. – Москва : Праксис, 2004. – 440 с.
242. Хардт, М. Множество: война и демократия в эпоху империи / М. Хардт, А. Негри. – Москва : Культурная революция, 2006. – 559 с.
243. Хейзинга, Й. Homo Ludens. Человек играющий. Статьи по истории культуры / Й. Хейзинга. – Москва : Айрис-пресс, 2003. – 496 с.
244. Хедлунд, С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала / С. Хедлунд. – Москва : Высшая школа экономики, 2015. – 424 с.
245. Хомский, Н. Новый военный гуманизм: Уроки Косова / Н. Хомский. – Москва : Праксис, 2002. – 320 с.

246. Хоркхаймер, М. Затмение разума. К критике инструментального разума / М. Хоркхаймер. – Москва : Канон+ ; Реабилитация, 2011. – 224 с.
247. Чэндлер, Д. Биополитика и подъем «антропоцентрического авторитаризма» / Д. Чэндлер // Россия в глобальной политике. – 2020. – № 3. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/biopolitika%avtoritarizma> (дата обращения: 10.08.2020).
248. Шах, С. Пандемия: Всемирная история смертельных вирусов / С. Шах. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2017– 358 с.
249. Шевченко, С.Ю. Биохакинг: изменяя себя, переформатировать науку / С.Ю. Шевченко, К.А. Петров, А.А. Филатова // Человек – 2021. – Т. 32, № 6. – С. 58–73.
250. Шелдрейк, Дж. Теория менеджмента: от тейлоризма до японизации / Дж. Шелдрейк. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 352с.
251. Шмидт, Э. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства / Э. Шмидт, Дж. Коэн. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 433 с.
252. Шмитт, К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / К. Шмитт. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 326 с.
253. Шмитт, К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / К. Шмитт. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2006. – 300 с.
254. Шмитт, К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum* / К. Шмитт. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2008. – 670 с.
255. Шмитт, К. Политическая теология / К. Шмитт. – Москва : КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 336 с.
256. Шмитт, К. Теория партизана / К. Шмитт. – Москва : Праксис, 2007. – 301 с.
257. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт. – Санкт-Петербург : Наука, 2016. – 568 с.

258. Шпитцер, М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / М. Шпитцер. – Москва : АСТ, 2014. – 288 с.
259. Эпштейн, М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук / М. Эпштейн. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – 864 с.
260. Юнгер, Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли / Э. Юнгер. – Санкт-Петербург : Наука, 2000. – 539 с.
261. Яркеев, А.В. Онтологические основания зла в современном обществе: философско-герменевтический аспект / А.В. Яркеев. – Екатеринбург ; Ижевск : ИФиП УрО РАН, 2018. – 286 с.
262. Яркеев, А.В. Проблема прав человека в контексте национального государства: биополитический аспект / А.В. Яркеев // Антиномии. – 2019. – Т. 19, вып. 4. – С. 31–44.
263. Яркеев, А.В. Концепция биополитики и её генеалогия / А.В. Яркеев // Дискурс-Пи. – 2020. – № 1. – С. 50–59.
264. Яркеев, А.В. Древнегреческие истоки современной биополитики / А.В. Яркеев // Полития. – 2020. – № 2. – С. 7–21.
265. Яркеев, А.В. К вопросу о возможности политической теологии: Карл Шмитт полемизирует с Эриком Петерсоном / А.В. Яркеев // Социологическое обозрение. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 189–213.
266. Яркеев, А.В. Рождение необычайного государства из духа вечности политического тела / А.В. Яркеев // Logos et Praxis. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 11–21.
267. Agamben, G. Stasis. Civil War as a Political Paradigm (Homo Sacer II, 2). Translated by Nicholas Heron. Stanford University Press. Stanford, California, 2015. 84 p.
268. Agamben, G. The Use of Bodies. Homo Sacer IV, 2. Translated by Adam Kotsko. Stanford University Press. Stanford, California, 2015. 291 p.
269. Agamben, G. Where Are We Now? The Epidemic as Politics Trans. V. Dani. Lanham, MA: Rowman & Littlefield, 2021. 104 p.
270. Barrat, J. Our final invention: Artificial intelligence and the end of the human era. First edition. New York: St. Martin's Press, 2013. 206 p.

271. Beyond Biopolitics. Essays on the Governance of Life and Death. Duke University Press, Durham and London, 2011. 390 c.
272. Brooks, D. The Philosophy of Data// The New York Times. 2013. Feb. 4. URL: <https://www.nytimes.com/2013/02/05/opinion/brooks-the-philosophyof-data.html>
273. Clastres, P. Society Against the State. Essays in Political Anthropology. New York, Zone Books, 1989. 222 c.
274. Cocco, G., Cava, B. New Neoliberalism and the Other. Biopower, Anthropophagy, and Living Money. London, Lexington Books, 2018. 221 p.
275. Esposito, R. Bios: Biopolitics and Philosophy. Translated and with an Introduction by T. Campbell. University of Minnesota Press. Minneapolis. London. 2008. 270p.
276. Esposito, R. Communitas. The Origin and Destiny of Community. Translated by T. Campbell. Stanford University Press. Stanford, California, 2010. 175 p.
277. Darker Legacies of Law in Europe The Shadow of National Socialism and Fascism over Europe and its Legal Traditions. Edited by C. Joerges and N.S. Ghaleigh with a prologue by A M. Stolleis and an epilogue by J.H.H. Weiler. Hart Publishing. Oxford and Portland, Oregon, 2003. 416 p.
278. Guy Emerson, R. Necropolitics Living Death in Mexico. Springer Nature Switzerland AG, 2019. 190 p.
279. Johnson, A., Malabou, C. Self and Emotional Life. Philosophy, Psychoanalysis and Neuroscience. New York: Columbia University Press, 2013. 276 p.
280. Kurzweil, R. The Singularity Is Near. When Humans Transcend Biology. New York, 2005. 672 p.
281. Malabou, C. What Should We Do with Our Brain? New York: Fordham University Press, 2008. 95 p.
282. Malabou, C. Morphing Intelligence from IQ Measurement to Artificial Brains. Translated by C. Shread. New York: Columbia University Press, 2019. 199 p.
283. Mathiesen, T. Prison on trial. 3rd English edition. Winchester, Waterside Press, 2006. 212 p.

284. Mbembe, A. *Necropolitics*/ Translated by S. Corcoran. Duke University Press. Durham and London, 2019.

285. Mbembe, A. *Out of the Dark Night. Essays on Decolonization*. New York, Columbia University Press, 2021. 279 p.

286. Mbembe, A. *Provisional Notes on the Postcolony*: URL: <https://studentportalen.uu.se/uusp-filearea-tool/download.action?nodeId=1427873&toolAttachmentId=288520>

287. Mbembe, J.-A., Meintjes, L. *Necropolitics*: URL: https://warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/pg/masters/modules/postcol_theory/mbembe_22necropolitics22.pdf

288. Nieto, D. Neoliberalism, Biopolitics, and the Governance of Transnational Crime *Colombia Internacional* 76, julio a diciembre de 2012: 137-165.

289. Ojakangas, M. *On the Greek Origins of Biopolitics: A Reinterpretation of the History of Biopower*. New York: Routledge, 2016. 158 p.

290. Stolleis, M. *The Law under the Swastika. Studies on Legal History in Nazi Germany*. Translated by T. Dunlap. Foreword by M. Zimmermann. The University of Chicago Press. Chicago & London, 1998. 328 p.

291. Weheliye, A.G. *Habeas Viscus. Racializing Assemblages, Biopolitics, and Black Feminist Theories of the Human*. Duke University Press Durham and London, 2014. 209 p.

292. Weissman, J. *The Crowdsourced Panopticon. Conformity and Control on Social Media*. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield, 2021. 178 p.

293. Weizman, E. Introduction to the politics of verticality. URL: https://www.opendemocracy.net/ecology-politicsverticality/article_801.jsp

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций:

1. Попов, Д.В. Мем как средство коммуникации, сетевая ценность и фактор развития культуры / Д.В. Попов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С. 66–71.

2. Попов, Д.В. Танатальное основание негантропной биополитики / Д.В. Попов // Вопросы управления. – 2018. – № 4. – С. 14–22.

3. Попов, Д.В. Амбивалентность биополитики в современном мире / Д.В. Попов // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2018. – № 4. – С. 35–39.

4. Попов, Д.В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья I. Пролиферация норм и разум / М.В. Бавсун, Д.В. Попов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2018. – № 4. – С. 62–70.

5. Попов, Д.В. Сознание как интерфейс в структуре коммуникации / Д.В. Попов // Манускрипт. – 2019. – Том 12. Выпуск 2. – С. 54–60.

6. Попов, Д.В. Кризис реципрокности: трансформация биополитики в некрополитику / Д.В. Попов // Философия права. – 2019. – № 1. – С. 91–100.

7. Попов, Д.В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья II. Право на задворках духовности / М.В. Бавсун, Д.В. Попов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 1. – С. 53–62.

8. Попов, Д.В. Человек ошибающийся и большие данные: от головного мозга к искусственному интеллекту / Д.В. Попов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 2. – С. 89–96.

9. Попов, Д.В. История паноптизма: от оракулов к палантирам. / Д.В. Попов // Манускрипт. – 2019. – Т. 12, вып. 6. – С. 166–171.

10. Попов, Д.В. Биополитика и технология: формы и инструменты негантропной и конфирмантропной стратегии / Д.В. Попов // Вестник Омского

государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2019. – № 1. – С. 38–41.

11. Попов, Д.В. Современная онтология: интерфейс и реальность / П.В. Векленко, Д.В. Попов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 2. – С. 67–73.

12. Попов, Д.В. Основной вопрос философии: соотношение реальности и симуляции / П.В. Векленко, Д.В. Попов // Манускрипт. – 2019. – Т. 12, вып. 8. – 2019. – С. 129–134.

13. Попов, Д.В. Биополитический эквивалент человека: от унтерменша до сверхчеловека, от хоббита до орка / Д.В. Попов // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 9. – С. 434–441.

14. Попов, Д.В. Биополитический бэкграунд уголовной политики / М.В. Бавсун, Д.В. Попов // Философия права. – 2019. – № 4. – С. 75–84.

15. Попов, Д.В. Трансформантропная биополитика и экология разума / Д.В. Попов // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 10. – С. 456–462.

16. Попов, Д.В. Практическая идеализация в биополитике / Д.В. Попов // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2019. – № 4. – С. 39–43.

17. Попов, Д.В. Рождение биополитики: от муштры тела к заботе о жизни / Д.В. Попов // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 3. – С. 423–429.

18. Попов, Д.В. Пешком с М. де Серто или инструкция по выживанию для городского автостопщика / Д.В. Попов // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2020. – № 2. – С. 40–44.

19. Попов, Д.В. Амфиболия «казнить нельзя помиловать» как фигура неопределенности биополитической стратегии в России / Д.В. Попов // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 6. – С. 456–462.

20. Попов, Д.В. Создание Концепции национальной системы биометрической идентификации личности / С.А. Баженов, В.Е. Дивольд,

А.А. Морозов, Д.В. Попов, Д.М. Сафронов, А.В. Серов // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 2. – С. 41–53.

21. Попов, Д.В. Политическое молчание: формы, значение, пути инклюзии в политическую речь / Д.В. Попов // Манускрипт. – 2020. – Т. 13, вып. 8. – С. 164–169.

22. Попов, Д.В. Власть, полиция и население в логике биополитических стратегий / Д.В. Попов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2020. – Т. 26, № 3. – С. 41–50.

23. Попов, Д.В. Развитие инструментов биополитической регуляции населения как основание кризиса биополитики / Д.В. Попов // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2020. – № 4. – С. 39–44.

24. Попов, Д.В. От конструирования к апгрейду жизни: расцвет или кризис биополитики? / Д.В. Попов // Человек. – 2020. – Т. 31, № 6. – С. 68–86.

25. Попов Д.В. Vita Covida: антропный коллапс и биополитический кризис / П.В. Векленко, Д.В. Попов // Знание. Понимание. Умение. – 2020. – № 4. – С. 59–72.

26. Попов, Д.В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья III. Амбивалентность права в контексте биополитической стратегии государства / М.В. Бавсун, Д.В. Попов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – № 1. – С. 66–74.

27. Попов, Д.В. Хронополитика как политическая онтология времени (биополитический аспект). «Круглый стол» кафедры философии и гуманитарных дисциплин совместно с Удмуртским филиалом Института философии и права УрО РАН (4 декабря 2020 г.) / Д.В. Попов, Н.Б. Полякова, А.А. Шадрин, А.В. Яркеев // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – Т. 31, вып. 1. – С. 5–18.

28. Попов, Д.В. Поворот от суверенной власти к биовласти в творчестве Ф. Кафки: антиномия приговора и процесса / Д.В. Попов // Вестник Омского

государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2021. – № 2. – С. 51–56.

29. Попов, Д.В. Биополитика в роли «Пятого персонажа» в процессе редактирования человечества / Д.В. Попов // Человек. – 2021. – Т. 32, № 6. – С. 166–177.

30. Попов, Д.В. К вопросу о рождении биополитики: загадка, которую не замечают / Д.В. Попов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2022. – № 1. – С. 82–93.

31. Попов, Д.В. Vita COVIDa как биополитическая модальность жизни в пандемию / Д.В. Попов // Социологическое обозрение. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 82–104.

32. Попов, Д.В. Биополитическая революция: pro et contra / А.В. Яркеев, Д.В. Попов // Полития. – 2022. – № 2. – С. 6–23.

33. Попов, Д.В. Искусственный интеллект: между человечностью и бесчеловечным / Д.В. Попов // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 3. С. 138–156.

34. Попов, Д.В. Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики : монография / Д.В. Попов. – Омск : Омская академия МВД России, 2021. – 144 с.

Иные публикации:

35. Попов, Д.В. Геополитика, биополитика, религия / Д.В. Попов // Религиозная ситуация в российских регионах : тезисы докладов и сообщений всероссийской научно-практической конференции. – Омск : Омская академия МВД России, 2016. – С. 62–64.

36. Попов, Д.В. Человек в «Черном зеркале» (об издержках дигитальной технолатрии) / Д.В. Попов // Реальность. Человек. Культура: трансформация человека : VIII Ореховские чтения. – Омск : Омский государственный педагогический университет, 2016. – С. 121–123.

37. Попов, Д.В. Квазирелигиозные системы в научной фантастике / Д.В. Попов // Религиозная ситуация в российских регионах : тезисы докладов и

сообщений научно-практической конференции. – Омск : Омская академия МВД России, 2018. – С. 23–29.

38. Попов, Д.В. Неопределенность права в контексте неопределенности биополитической стратегии в современном мире / Д.В. Попов // Онтология и аксиология права : тезисы докладов и сообщений Девятой международной научной конференции. – Омск : Омская академия МВД России, 2019. – С. 48–54.

39. Попов, Д.В. Датаизм – квазирелигиозное расширение трансформантропной биополитики / Д.В. Попов // Религиозная ситуация в российских регионах : тезисы докладов и сообщений Седьмой всероссийской научно-практической конференции. – Омск : Омская академия МВД России, 2020. – С. 25–31.

40. Попов, Д.В. «Окончательная смерть» биополитики как сумма технологии в «Видоизмененном углероде» Р. Моргана / Д.В. Попов // Пятые Лемовские чтения : сборник материалов Международной научной конференции. – Самара : Самарская гуманитарная академия, 2020. – С. 398-404.

41. Попов, Д.В. Потенциал прошлого в биополитической матрице современного «Парка культуры» / Д.В. Попов // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему. – Омск : Омский государственный педагогический университет, 2020. – С. 419-424.

42. Попов, Д.В. Конструирование рациональности в биополитике / Д.В. Попов // Философские контексты современности: принцип ratio и его пределы. ФИКОС 2020 : сборник статей I Международной научно-практической конференции. – Ижевск : ИД «Удмуртский университет», 2020. – С. 237–242.

43. Попов, Д.В. Altissima raupertas в биополитическом пространстве чрезвычайного положения / Д.В. Попов // Онтология и аксиология права : тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. – Омск : Омская академия МВД России, 2021. – С. 38–44.

44. Попов, Д.В. Проблематика полиции и применения полицейской силы в биополитике / Д.В. Попов // Актуальные проблемы полицейского права:

материалы международной научно-практической конференции. – Омск: Омская академия МВД России, 2021. – С. 231–234.

45. Попов, Д.В. Биополитический поворот в праве: от юридико-институциональной модели к биоправу / Д.В. Попов // Российский девиантологический журнал. – 2021. – Т. 1, № 2. – С. 203–214.

46. Попов, Д.В. Суверенная бюрократия в литературе: искажение как метафизика бюрократии / Д.В. Попов // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему. – Омск : Омский государственный педагогический университет, 2021. – С. 348–351.

47. Попов, Д.В. Искусственный интеллект, человек и «бесчеловечное» / Д.В. Попов // Философские контексты современности: искусственный интеллект и искусственная интуиция. ФИКОС 2022 : материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Ижевск : ИД «Удмуртский университет», 2022. – С. 206–210.

48. Попов, Д.В. Философия права в «новом цифровом мире»: зримое отсутствие или незримое присутствие? / Д.В. Попов // Право и политика: история и современность: материалы Девятой Международной научно-практической конференции. – Омск : Омская академия МВД России, 2022. – С. 73–78.

49. Попов, Д.В. Animal laborans в биополитическом пространстве корпоративной религии / Д.В. Попов // Религиозная ситуация в российских регионах: тезисы докладов и сообщений Восьмой всероссийской научно-практической конференции. – Омск : Омская академия МВД России, 2022. – С. 79–87.